

Деяния Вселенских Соборов. Том 5*

V. СОБОР КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ, 2-й, ВСЕЛЕНСКИЙ ПЯТЫЙ

ЗАСЕДАНИЕ ИЛИ СОБРАНИЕ ПЕРВОЕ

В 27-й год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12-й год после консульства Василия, в четвертый день майских нон, первого индикта, в судебной палате заседали почтеннейшие епископы сего царствующего города³⁵:

Евтихий, святейший патриарх царствующего города Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин³⁶, святейший патриарх великого города Феополя³⁷,

Стефан, благоговейнейший епископ Рафии, и Георгий, благоговейнейший епископ Тивериады, и

Дамиан, благоговейнейший епископ Созусы³⁸, занимавшие место Евстохия, святейшего епископа иерусалимского,

Бенигн, благоговейнейший епископ Гераклеи в Пелагии³⁹, занимавший место Илии, блаженнейшего епископа фессалоникского,

Феодор, благоговейнейший епископ Кесарии в области первой Каппадокии,

Андрей, благоговейнейший епископ Ефеса,

Секстилиан, благоговейнейший епископ тунийский⁴⁰, занимавший место Примоза, благоговейнейшего епископа карфагенского,

Меgefий, благоговейнейший епископ Гераклеи фракийской,

Анастасий, благоговейнейший епископ Тавии, занимавший место Дорофея, благоговейнейшего епископа анкирского,

Иоанн, благоговейнейший епископ илийский, занимавший место Евперия, благоговейнейшего епископа кизического,

Евсевий, благоговейнейший епископ тирский,

Иоанн, благоговейнейший епископ никомидийский,

Константин, благоговейнейший епископ халкидонский,

Петр, благоговейнейший епископ тарсский, Иоанн, благоговейнейший епископ кукузский⁴¹, занимавший место Палладия, благоговейнейшего епископа мелитенского,

Иоанн, благоговейнейший епископ Кесарии палестинской,

Помпейян, благоговейнейший епископ визакийский,
Амазоний, благоговейнейший епископ едесский,
Александр, благоговейнейший епископ гангрский,
Фома, благоговейнейший епископ Апамеи сирийской,
Евфрант, благоговейнейший епископ тианский,
Феодор, благоговейнейший епископ Иераполя сирийского,
Босфорий, благоговейнейший епископ неокесарийский,
Иоанн, благоговейнейший епископ бострский,
Филипп, благоговейнейший епископ мирский,
Феодор, благоговейнейший епископ Селевкии исаврийской.
Юлиан, благоговейнейший епископ сардийский,
Феодор, благоговейнейший епископ гортинский,
Евстафий, благоговейнейший епископ дамасский,
Феодосий, благоговейнейший епископ родосский,
Фирм, благоговейнейший епископ Типазона⁴² в области
африканской,
Феодор, благоговейнейший епископ Антиохии писидийской,
Фока, благоговейнейший епископ сталийский⁴³,
Евлогий, благоговейнейший епископ пергский,
Севериан, благоговейнейший епископ афродисиадский,
Кириак, благоговейнейший епископ амидский,
Север, благоговейнейший епископ синнадский,
Петр, благоговейнейший епископ сидский,
Авраамий, благоговейнейший епископ сергиопольский,
Асигний, почтеннейший епископ траянопольский,
занимавший место Иоанна, благоговейнейшего епископа
лаодикийского во Фригии пакатианской⁴⁴,
Иоанн, благоговейнейший епископ адрианопольский во
Фракии,
Кресконий, благоговейнейший епископ куикулский,
Феодосий, благоговейнейший епископ юстинианопольский,
во второй Каппадокии,
Стефан, благоговейнейший епископ лаодикийский, или
феодориадский,
Авксанон, благоговейнейший епископ Иераполя
фригийского,
Евстафий, благоговейнейший епископ максимианопольский,

Эферий, благоговейнейший епископ аназарвский,
Дометий⁴⁵, благоговейнейший епископ Оввы в африканской области.

Дионисий, почтеннейший епископ Селевкии сирийской⁴⁶,
Феодор, благоговейнейший епископ дризипарской,
Север, благоговейнейший епископ помпеянопольский в Пафлогонии,

Георгий, благоговейнейший епископ Юстинианы кипсельской⁴⁷, Роман, почтеннейший епископ гавалский⁴⁸,

Григорий, почтеннейший епископ юстинианопольский, в Армении,

Иоанн, почтеннейший епископ нисский⁴⁹,

Василий, почтеннейший епископ Юстинианополя камулианского, Иоанн, почтеннейший епископ варкузский,

Кресконий, почтеннейший епископ затарский в области Нумидии,

Сергий, почтеннейший епископ второй Киноны в Египте⁵⁰,
Христофор, почтеннейший епископ аркадиопольский в Азии,
Феодосий, почтеннейший епископ вивлский,

Леонтий, почтеннейший епископ аркский,

Иоанн, почтеннейший епископ миринский,

Александр, почтеннейший епископ амфипольский,

Стефан, почтеннейший епископ клизмацкий,

Фома, почтеннейший епископ верисский,

Аристодем, почтеннейший епископ филомелийский,

Фалелей, почтеннейший епископ андрианопольский в Писидии, Феоктист, почтеннейший епископ ерифрский,

Диогениан, почтеннейший епископ созопольский,

Васс, почтеннейший епископ фамиатский,

Анатолий, почтеннейший епископ кимский, Диоген, почтеннейший епископ кратийский,

Реститут, почтеннейший епископ милеонский⁵¹ в африканской области,

Феодор, почтеннейший епископ леонтопольский в Египте,
Эмилиан, почтеннейший епископ антениргский,

Конон, почтеннейший епископ магэдский⁵²,

Феоктист, почтеннейший епископ прюзский,

Георгий, почтеннейший епископ птолемаидский,
Сотир, почтеннейший епископ авлонский,
Зосим, почтеннейший епископ антандрский,
Киприан, почтеннейший епископ корикский,
Илия, почтеннейший епископ диоклитианопольский,
Феона, почтеннейший епископ киссонский⁵³,
Феодор, почтеннейший епископ лимирский,
Геннадий, почтеннейший епископ зенопольский,
Асинкритий, почтеннейший епископ арадский,
Стефан, почтеннейший епископ вотрионский,
Филипп, почтеннейший епископ феллский,
Мина, почтеннейший епископ димириангельский,
Генефлий, почтеннейший епископ дорилейский,
Фома, почтеннейший епископ константинский,
Феодор, почтеннейший епископ леонтопольский⁵⁴,
Север, почтеннейший епископ тавский,
Феоктист, почтеннейший епископ галикарнасский,
Козьма, почтеннейший епископ маллийский,
Дионисий, почтеннейший епископ мегарский,
Каллиник, почтеннейший епископ опзнтский,
Пасхазий, почтеннейший епископ эгийский,
Еразм, почтеннейший епископ кивирский,
Иоанн, почтеннейший епископ Неокесарии на Евфрате,
Нонн, почтеннейший епископ давзарский⁵⁵,
Стефан, почтеннейший епископ валанеонский,
Фома, почтеннейший епископ керкезийский,
Анатолий, почтеннейший епископ Севасты,
Константин, почтеннейший епископ Мидайя⁵⁶,
Макарий, почтеннейший епископ Примнезии,
Мегал, почтеннейший епископ миренский⁵⁷,
Фалелей, почтеннейший епископ изиндский,
Никита, почтеннейший епископ Епифании,
Александр, почтеннейший епископ Дионисия,
Пелагей, почтеннейший епископ азанский,
Иерон, почтеннейший епископ анастасиопольский во
Фригии, Главк, почтеннейший епископ алионский,
Прокопий, почтеннейший епископ Антенона⁵⁸,

Петр, почтеннейший епископ домицианопольский,
Иоанн, почтеннейший епископ колонийский⁵⁹,
Ураний, почтеннейший епископ траллийский,
Иоанн, почтеннейший епископ Керасунта⁶⁰,
Фроним, почтеннейший епископ синнайский,
Македоний, почтеннейший епископ юстинианопольский в
Вифинии,
Екдикий, почтеннейший епископ острова Тена,
Евлогий, почтеннейший епископ данавский⁶¹,
Феодор, почтеннейший епископ корадский, Елпидифор,
почтеннейший епископ анастасиопольский в Кари, Кирион,
почтеннейший епископ дадимский,
Феодор, почтеннейший епископ лаодикийский,
Лила, почтеннейший епископ тивериопольский,
Диоген, почтеннейший епископ августопольский,
Феодор, почтеннейший епископ ингелонский.
Юлиан, почтеннейший епископ зевгматский,
Доримений, почтеннейший епископ адраонский,
Иоанн, почтеннейший епископ лэрский,
Феодор, почтеннейший епископ гаргаронский,
Феодор, почтеннейший епископ команский,
Руфин, почтеннейший епископ севастийский в Армении,
Конон, почтеннейший епископ семнеонский⁶²,
Кириак, почтеннейший епископ касатанский,
Сисинний, почтеннейший епископ прэнетский,
Юлиан, почтеннейший епископ ватнонский,
Анастасий, почтеннейший епископ рахлийский,
Феодор, почтеннейший епископ пормский,
Павел, почтеннейший епископ стекторийский,
Стефан, почтеннейший епископ амасийский,
Павел, почтеннейший епископ адрасский,
Евандр, почтеннейший епископ гнидский,
Мина, почтеннейший епископ карпафийский⁶³;
Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших
нотариев, сказал: „Феодор, муж знатный, силенциарий,
находится пред славнейшею вашею судебною палатою: он
послан благочестивейшим и благовернейшим императором; о

чем и доносим на ваше благоусмотрение“. Святейший архиепископ и патриарх Евтихий сказал: „пусть войдет“. Когда он вошел, святейший архиепископ и патриарх Аполлинарий сказал: „по какому делу ваша знатность прибыли к нам“? Знатный муж, силенциарий Феодор, сказал: «благочестивейший и благовернейший государь наш послал меня к вашей святости передать вам благочестивейшую грамоту для прочтения пред вашим святым собором». Святейший архиепископ и патриарх Домнин сказал: „пусть благочестивейшая грамота, о которой упомянул вельможный Феодор, принятая с подобающею честью, будет прочтена“. И диакон, нотариус и делопроизводитель Стефан принял и прочел:

„Во имя Господа Бога нашего Иисуса Христа

Император цезарь Флавий Юстиниан, алеманский, готфский, французский, верхнегерманский, аланский, вандальский, африканский, благочестивый, счастливый, славный, победитель и триумфатор, постоянный август, блаженнейшим епископам и патриархам, Евтихию константинопольскому, Аполлинарию александрийскому, Домнину феопольскому, Стефану, Георгию и Дамиану благоговейнейшим епископам, занимающим место Евстохия, блаженнейшего мужа, архиепископа и патриарха иерусалимского, и прочим благоговейнейшим епископам, собравшимся из разных стран в этом царствующем городе.

„Искоренять возникавшие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших епископов, и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией – было всегдашнею заботою православных и благочестивых императоров, предков наших. Посему и блаженной памяти Константин, – в то время, когда богохульствовал Арий и утверждал, что Сын не единосущен Богу Отцу, но есть тварь и сотворен из несущего, – собрал в Никее из разных округов триста восемнадцать святых отцов; и присутствуя на соборе сам для поддержания тех, которые признавали Сына единосущным Отцу, осудил арианское нечестие и позаботился об охране правой веры. Итак, изложив святой символ или учение веры, святые отцы этим

символом научили, что Сын единосущен Богу Отцу, в чем даже тогда многие сомневались. И блаженной памяти Феодосий старший, – в то время, когда Македоний отвергал божество Святого Духа, а Аполлинарий и ученик его Магн богохульствовали относительно домостроительства воплотившегося Бога Слова и утверждали, что Слово не восприняло человеческого ума, но соединилось с плотью, имеющею неразумную душу, – собрав в царствующем городе сто пятьдесят святых отцов и сам приняв участие на соборе, осудил вышеупомянутых еретиков вместе с их нечестивым учением и заставил провозгласить правую веру. Ибо, следуя правой вере, изложенной триста восемнадцатью святыми отцами, эти отцы изъяснили (учение) о божестве Святого Духа и вполне изложили учение о домостроительстве воплотившегося Бога Слова. Также, когда нечестивый Несторий утверждал, что иное Бог Слово и иное Христос, и вводил нечестивую мысль, что один – Сын Бога Отца по естеству, а другой – сын по благодати, и отвергал, что святая славная Приснодева есть Богородица, – когда тот же Несторий заразил своим нечестием почти всех восточных отцов, тогда блаженной памяти Феодосий младший собрал первый ефесский святой собор, на котором председательствовали святые отцы Целестин и Кирилл, и отправив сановников, долженствовавших присутствовать на соборе, заставил и самого Нестория прибыть туда и произвести суд над ним; и когда сделано было расследование, то эти же святые отцы, следуя во всем тому, что определено относительно веры прежними святыми отцами, осудили Нестория вместе с его нечестивым учением. После этого последователи нечестивого Нестория, восстав против Кирилла, поспешили (насколько было это в их власти) отразить осуждение, произнесенное против Нестория; но вышеупомянутый блаженной памяти Феодосий, защищая то, что справедливо было таким образом определено против Нестория и его нечестия, заставил твердо держаться произнесенного против него обвинения. И потом, когда появился еще безумный Евтихий с учением, что тело Господа не единосущно нам, и когда многие взволновались как в Константинополе, так и в

Ефесе, тогда в защиту его сделана была еретиками такая уловка, что из-за него низвергнут был даже епископ царствующего города, блаженной памяти Флавиан. Но блаженной памяти Маркиан собрал в Халкидоне святых отцов, и когда произошел между епископами большой спор, то не только своих сановников послал на собор, но прибыл и сам, и привел всех в согласие. Следуя во всем тому, что в защиту веры определено тремя вышеупомянутыми святыми соборами и что присуждено относительно обвинения еретиков и их нечестия, эти святые отцы осудили и предали анафеме Евтихия и его нечестивое учение, а также и Нестория с его нечестивым учением, потому что в то время некоторые старались защищать Нестория и его нечестивое учение. Сверх того, те же халкидонские святые отцы предали анафеме тех людей, которые передали или передают иной символ, кроме того, который изложен триста восемнадцатью святыми отцами и изъяснен ста пятидесятью святыми отцами. Итак, после всех этих событий, совершившихся в разные времена, вышеупомянутые блаженной памяти отцы наши своими законами утвердили и оградили то, что определено было на каждом соборе, и изгнали еретиков, покушавшихся воспротивиться определениям вышеупомянутых четырех святых соборов и возмутить церкви. Но когда, по смерти блаженной памяти Маркиана, произошел в разных местностях спор о святом соборе халкидонском, то блаженной памяти Лев написал всем епископам во все места, чтобы каждый из них объявил собственное мнение относительно этого святого собора и чтобы, не рассчитывая друг на друга, каждый отвечал на то, о чем спрошен. По прошествии непродолжительного времени, снова восстали последователи Нестория и Евтихия и произвели такие смуты в святых Божиих церквах, что произошли в них разделения и расколы и церкви не имели между собою никакого общения. Ибо никто не осмеливался, переходя из города в город, вступать в общение (с другою церковью), ни клирик, переходя из одного города в другой, вступать в число (клириков) этой церкви. Когда же Господь Бог по своему милосердию вручил нам управление государством, то в

основание и начало нашего правления мы положили соединить разделившихся священников святых Божиих церквей от востока до запада; и, совершенно пресекши спор, воздвигнутый последователями нечестивых Евтихия и Нестория против халкидонского собора, побудили провозглашать этот собор в святых Божиих церквях наравне с прочими вышеупомянутыми тремя святыми соборами, верно зная, что изложенное на нем во всем согласно с прочими тремя святыми соборами, и удовлетворили многих, восстающих против этого святого собора, а других, оказавшихся упорными противниками этому собору, изгнали из святых Божиих церквей и досточестных монастырей, чтобы в святых церквях проповедовалась одна и та же вера, которую провозгласили четыре святыя собора, – будучи постоянно охраняема единодушием и миром святых Божиих церквей и их священников. Когда мы, при помощи Божией, сделали это в утверждение четырех святых соборов и когда наши деяния приняты были в святой Божией Церкви, то последователи Нестория, желавшие свое нечестие усвоить святой Божией Церкви и не могшие достигнуть этого чрез Нестория, вздумали ввести оное чрез Феодора Мопсуестского, Несториева учителя, который богохульствовал гораздо хуже Нестория и сверх прочих бесчисленных хулений, направленных против Христа Бога нашего, говорил, что иное – Бог Слово, иное – Христос, – также и чрез нечестивые сочинения Феодорита, которые этот написал против правой веры и первого ефесского святого собора и против святой памяти Кирилла и его двенадцати глав, и в особенности чрез злоторное послание, которое, как говорят, написал Ива к Персу Маре и которое все наполнено нечестием Феодора и Нестория. Ибо при помощи этого нечестивого послания они старались освободить от осуждения не только нечестие, но и самые личности Феодора и Нестория, которых он особенно хвалит (защищает) и оправдывает, – этим нечестивым посланием старались освободить их от осуждения, говоря что оно принято святым халкидонским собором. Но они говорят это не в защиту святого собора, а стараясь его именем, как они думают, утвердить свое нечестие. Но известно, что это нечестивое стремление

защитников имеет целью то, чтобы, если удастся им, не проповедовалось, что Бог Слово сделался человеком, и чтобы святая славная Дева Мария не проповедовалась Богородицею. Ибо это именно нечестиво изложили в своих сочинениях Феодор и Несторий; те же хулы произносит и тот, кто написал послание. Итак, следуя святым отцам и желая, чтобы правая вера проповедовалась в Божиих церквах без всякого искажения, желая также пресечь покушение нечестивцев, мы сначала спросили вас о вышеупомянутых нечестивых *трех главах*, не вызывая вас из ваших церквей; и вы объявили нам ваше мнение (о них), за которое мы и одобрили вас; так как вы, не сомнясь и со всяким дерзновением, признали правую веру и осудили нечестивую. А так как и после сделанного вами обвинения некоторые остаются при тех же заблуждениях и защищают те же нечестивые *три главы* то мы вызвали вас в царствующий город и увещеваем вас, собравшихся вместе, снова объявить ваше мнение относительно этих глав. Ибо и Вигилию, благоговейнейшему папе древнего Рима, мы объяснили о *трех главах* подробно все, – когда он прибыл в наш царствующий город, – и спрашивали его, как он думает об этом деле; и сам он не раз, не два, а довольно часто в своих писаниях произносил анафему на нечестивые *три главы*. А что у него всегда была мысль об осуждении *трех глав*, – это он выразил и в весьма многих иных своих поступках и в осуждении Рустика и Севастиана, бывших диаконов древнего Рима, которые, сначала приняв сделанное им решение, в котором он предал анафеме эти нечестивые главы, потом приняли и стали защищать нечестивое их учение. Но он писал и объявлял об осуждении этих глав также Валентиниану, епископу скифскому, и Аврелиану, епископу церкви арелатской, которая есть первая из святейших церквей Галлии, и заповедовал им не принимать ничего, что осужденные диаконы пишут противного вышеупомянутому решению; коротко сказать: он всегда оставался при этом мнении. Обо всем этом мы объявим вам в свое время. А так как потом, по прибытии вашем, как сказано, в этот царствующий город, между вашею святостию и Вигилием, благоговейнейшим папою древнего Рима, была взаимная

переписка о том, чтобы всем вам собраться вместе и произнести согласное с тем, что определено в защиту веры четырьмя святыми соборами, суждение о тех, которые бессознательно или сознательно защищают нечестивые главы: то мы и еще, чрез наших сановников и чрез некоторых из вас, просили его прибыть со всеми и сообща рассудить о вышеупомянутых главах для того, чтобы дать правой вере соответствующую ей форму, и в силу того, что мы в своих грамотах и его и вашу святость спрашивали об этом; пусть или главы будут осуждены всеми, как нечестивые, или он открыто объявит свое мнение, если считает их согласными с правдою. Ибо несвойственно христианам вместе с правою верою принимать нечестивое учение и не различать истины от лжи. Но он ответил нам, что окажет нам содействие, самостоятельно действуя по вопросу о вышеупомянутых *трех главах*. Итак убеждаем еще вас рассудить о них; ибо желаем, чтобы вы знали, что мы и сохраняем и защищаем и приемлем то, что изложено и определено об единой и той же вере четырьмя святыми соборами, никейским, константинопольским, ефесским первым и халкидонским, и что установлено ими относительно церковной обрядности, — приемлем и храним и все то, что согласно с ними. А все то, что несогласно с ними, или окажется написанным кем-либо против того, что определено о единой и той же вере четырьмя святыми соборами или одним из них, все то отвергаем, как совершенно чуждое истины; следуем же во всем святым отцам и учителям святой Божией Церкви, то есть, Афанасию, Иларию, Василию, Григорию богослову и Григорию нисскому, Амвросию, Феофилу, Иоанну константинопольскому, Кириллу, Августину, Проклу, Льву, и приемлем все, что написано и изъяснено ими о правой вере и в осуждение еретиков. Итак, твердо держась всего вышесказанного, мы приемлем тех отцов и священников, которые содержат и в святой Божией Церкви проповедуют то, что относительно веры изложили четыре святые собора и что проповедовали упомянутые святые отцы. А так как еретики всячески хотят защитить Феодора и Нестория и их нечестивое учение, как сказано выше, и говорят, что нечестивое послание, написанное, как оказывается, Ивою к

Персу Маре, принято святым халкидонским собором: то мы просим вас рассмотреть то, что написано Феодором как в других сочинениях, так и в символе, который был читан и в Ефесе и в Халкидоне и подвергся анафеме на том и другом соборе, вместе с теми, которые так мудрствовали или мудрствуют, – просим также рассмотреть и то, что об нем и его хулениях написали святые отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о нем писатели церковной истории. Из всего этого вы узнаете, что как сам он, так и его хуления с давнего времени осуждены святыми отцами, что и за его хулы в предшествовавшие времена даже имя его было исключено из диптихов церкви, в которой он был епископом. Просим вас порассудить и о безрассудной проповеди тех, которые утверждают, будто не следует анафематствовать еретиков после смерти, и просим держаться в этом случае учения святых отцов, которые не только при жизни осуждали еретиков, но и по смерти анафематствовали умерших (нераскаявшимися) в своем нечестии, равно как оправдывали и вписывали в священные диптихи тех, которые осуждены несправедливо; это сделано и над Иоанном⁶⁴ и над Флавианом, блаженной памяти епископами константинопольскими. Ибо ваше благоговейство знает, что сказал Господь в евангелии о себе самом: «веруяй в Он не будет осужден: а не веруяй уже осужден есть, яко не верова во имя едиnorodного Сына Божия» (Иоан. 3, 18). Но известно, что это сказано не только о живых, но и о тех, которые умерли (оставаясь) в своем нечестии. В особенности же просим вас обратить внимание на то, что нечестиво написано Феодоритом против правой веры и первого ефесского святого собора и против святой памяти Кирилла и против двенадцати его глав, и что тот же Феодорит нечестиво написал в защиту Феодора и Нестория и их хулений против святой памяти Кирилла. Просим также сделать исследование и о нечестивом послании, которое написал Ива к Персу Маре; в нем составитель его отрицает, что Бог Слово сделался человеком и что святая славная Приснодева Мария есть Богородица. Это же нечестивое послание осуждает и первый ефесский святой собор за то, будто Несторий осужден на нем без суда и следствия, а святой

памяти Кирилла, учителя Церкви, называет еретиком и его двенадцать глав нечестивыми, Феодора же и Нестория и их нечестивое учение защищает и одобряет. И так как некоторые, как сказано, дерзают утверждать, что послание, содержащее вышеупомянутое нечестие, принято и святым халкидонским собором: то просим вас сличить то, что́ сказано этим святым собором в определении его, изложенном в защиту веры, с тем, что содержится в нечестивом послании, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить. Итак, все вышеупомянутое рассмотрите со всею внимательностью, как прилично священникам, содержащим в уме страх Божий и будущий суд, и не предпочтите ничего благочестию, правой вере и истине, славе и хвале Божией, содержа в уме и апостольское изречение, произнесенное против тех, которые передают противное правой вере, и ясно говорящее, что «аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет. Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю, аще кто вам благовестит паче еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1, 8–9). Помните также и заповедь апостола Петра, который говорит: «готови присно (будьте) ко ответу всякому вопрошающему вы словесе о вашем уповании» (1Петр. 3, 15) и немедленно объявите ваше мнение о том, о чем мы вас спрашивали; потому что когда вопрошаемый о правой вере надолго откладывает ответ, – это не иное что показывает, как только отрицание им правого исповедания. Ибо в вопросах и ответах, касающихся веры, нет ни первого ни второго; но кто окажется более готовым в исповедании правды, тот и приятен Богу. Благодать Божия да сохранит вас, святые и благоговейнейшие отцы, на многие лета. – Дано в четвертый день майских нон, в Константинополе в 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия“. Стефан и Георгий и Дамиан, благоговейнейшие епископы, занимавшие место Евстохия, святейшего патриарха иерусалимского, чрез одного из них, Стефана, благоговейнейшего епископа рафийского, сказали: „пусть выйдет вельможный муж Феодор, так как он исполнил повеление благочестивейшего императора“. И когда

знатный муж силенциарий вышел, святой собор сказал: „после того, как стало известно содержание прочитанной императорской грамоты, мы, принимая во внимание, что между нами и Вигилием, святейшим папою древнего Рима, происходила относящаяся (к этому делу) переписка, считаем необходимым прежде всего прочего сделать ее известного чрез прочтение». И нотариий, делопроизводитель Стефан, взяв ее, прочитал⁶⁵:

„Всесвятейшему и блаженнейшему господину, брату и сослужителю Вигилию, Евтихий.

„Зная, сколько благ доставляет мир Божий, охраняющий сердца и помышления верных и соединяющий их во едино, дабы они в деле исповедания правой веры и исполнения заповедей Божиих мудрствовали одно и тоже, и приближающий Бога к тем, которые единодушно соглашаются на то, что истинно, и потому стараясь сохранить единение с апостольскою кафедрою, мы делаем известным вашему блаженству, что мы всегда хранили и храним веру, от начала преданную великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым апостолам, и ими проповеданную во всем мире и изъясненную святыми отцами, и особенно теми, которые собирались на четырех святых соборах, которым мы во всем и всецело следуем и которых приемлем; а именно: (приемлем) триста восемнадцать святых отцов, которые собирались в Никее и изложили святой символ или учение веры и низложили нечестие Ария и тех, которые мудрствовали или мудрствуют одинаково с ним. Приемлем и сто пятьдесят святых отцов, собиравшихся в Константинополе, которые изъяснили то же святое учение и раскрыли (учение) о божестве Святого Духа, и осудили ересь Македония, восставшего на Духа Святого, и нечестивого Аполлинария, вместе с теми, которые мудрствовали или мудрствуют одинаково с ними. Приемлем также и двести отцов, собиравшихся на первом ефесском соборе, которые во всем следовали тому же самому символу или учению и осудили нечестивого Нестория и его нечестивое учение и тех, которые одинаково с ним когда-либо мудрствовали или мудрствуют. Кроме того, приемлем и шесть сот тридцать святых отцов,

собиравшихся в Халкидоне, которые и сами всецело соглашались с тремя вышеупомянутыми соборами и следовали вышеупомянутому символу или учению, изложенному триста восемнадцатью святыми отцами и изъясненному ста пятидесятью святыми отцами, и предали анафеме дерзавших провозглашать или излагать или передавать святым Божиим церквам иной символ, кроме вышеупомянутого, – осудили и предали анафеме и Евтихия и Нестория и нечестивое их учение и всех, одинаково с ними мудрствовавших или мудрствующих. После таких событий мы объявляем, что хранили и храним все, что решено и определено вышеупомянутыми четырьмя святыми соборами; потому что четыре вышеупомянутые святые соборы, хотя и в разные времена были открываемы, однако же сохранили и провозгласили одно и тоже исповедание веры. Приемлем и храним и послание председателей апостольской кафедры римской, как прочих, так и святой памяти Льва, в которых они писали о правой вере и о четырех святых соборах или об одном из них. Итак, сохраняя прежде и теперь все вышеупомянутое и будучи согласными в этом между собою, мы вынуждены собраться по делу о *трех главах*, по поводу которых возник между некоторыми вопрос. Посему мы и просим, – под председательством вашего блаженства, спокойно и со священническою кротостию, пред святым евангелием, – рассмотреть и обсудить эти главы и положить решение этому вопросу такое, какое угодно Богу и согласно с тем, что определено четырьмя святыми соборами; ибо для большего водворения мира и согласия в церквах необходимо, по прекращении всякого раздора, соблюдение полного уважения к святым четырем соборам и неприкосновенное хранение того, что ими определено. Под этим я, здоровый о Господе, и подписался. Помолись за нас, святейший и блаженнейший брат! Я, Евтихий, Божиею милостию епископ Константинополя, нового Рима, подписался под всем вышенаписанным⁶⁶.

Такое же послание и к тому же святейшему Вигилию отправлено было и от Аполлинария, святейшего архиепископа великого города Александрии, и от Домнина, святейшего архиепископа феопольского, и от подчиненных им

боголюбнейших епископов, находившихся в этом царствующем городе⁶⁷.

Тот же почтеннейший Стефан прочитал:

«Возлюбленнейшему брату Евтихию и подчиненным тебе епископам, Вигилий.

*«Исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия» (Псал. 125, 2) от того, что прекращены смуты несогласия и Бог даровал мир своей Церкви, так что исполнилось сказанное: «се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Псал. 132, 1). Ибо совершенно естественно радоваться нам о Господе тому, что полнота вашей любви к нам представлена в послании, содержание которого следующее: „зная, сколько благ доставляет мир Божий, охраняющий сердца и помышления верных и соединяющий их во едино, дабы они в деле исповедания правой веры мудрствовали одно и тоже“ ... и проч... Под этим мы и подписались⁶⁸. Охотно приняв это светлое православное исповедание и храня всегда и во всем одну и ту же (веру), мы возвещаем, что, при содействии Божиим, будем хранить и соблюдать ее ненарушимо. Итак, не смотря на то, что все, заключающееся в вашем исповедании, останется навсегда в своей силе, ваша братская любовь обратилась (к нам) с просьбою, чтобы, под нашим председательством, спокойно и со священническою кротостию, пред святым евангелием, обсуждены были *три главы*, из-за которых возник вопрос, и чтобы дано было этому вопросу решение угодное Богу и согласное с тем, что определено вышеупомянутыми четырьмя святыми соборами, чтобы, по уничтожении всякого раздора, при соблюдении полного уважения к святым соборам, сохранить неприкосновенным то, что определено четырьмя святыми соборами. Это исповедание, напоминающее отеческие предания как в вас, братья, так и во всех, исповедовавших или исповедующих то же самое, и согласное с ними, мы признаем достойным всякой похвалы и из этого мы узнаем, что вы поистине братья наши. Посему просим Божие милосердие, чтобы всем нам, твердо хранящим это исповедание и отеческие предания, явиться достойными нашего уважения и в день суда Божия не оказаться виновными ни в каком нарушении отеческих*

постановлений. Итак, зная из вышеозначенного силу вашей просьбы, мы согласны, сделав законное собрание, с соблюдением справедливости, пред святым евангелием на середине, рассудить вместе с единомышленными братьями о *трех главах*, из-за которых возник вопрос, и дать решение угодное Богу и согласное с тем, что определено четырьмя святыми соборами; ибо мы умеем хранить полное уважение к упомянутым соборам, как свидетельствует об этом и общее исповедание⁶⁹. Бог да сохранит тебя, честнейший брат, здоровым. – Дано в восьмой день январских ид, в 27 году царствования государя Юстиниана, постоянного августа, и в 12-м после консульства славнейшего мужа Василия⁷⁰.

Таким же образом он писал и к Аполлинарию, святейшему архиепископу славного города Александрии, и к Домнину, святейшему архиепископу феопольскому, и к бывшему под их председательством собору⁷¹.

Святой собор сказал: „Славнейшие сановники! хотя некоторые из нас, как показывает императорская грамота, и довольно часто упрашивали Вигилия, благоговейнейшего папу древнего Рима, пожаловать вместе с нами на собор по вопросу о *трех главах*, но мы считаем делом разумным и богоугодным и ныне собраться ему вместе с нами, рассудить о тех же *трех главах* и вместе с нами постановить согласное с правою верою решение⁷². И так пусть будет выполнено это теперь же“. И когда святейшие патриархи – Евтихий константинопольский, Аполлинарий александрийский, Домнин феопольский, благоговейнейшие епископы – Бенигн Гераклеи пелогонийской, занимающий место Илии, епископа фессалоникского, Феодор, епископ Кесарии каппадокийской, Андрей ефесский, Меgefий Гераклеи фракийской, Иоанн никоидийский, Стефан никейский, Константин халкидонский, Евсевий тирский, Иоанн Кесарии палестинской, Амазоний едесский, Феодосий Селевкии исаврийской, Фома Апамеи сирийской, Помпейян из Визакция, Фока сталийский из области превалийской. Феодор леонтопольский, Стефан из Клизмата, Эмилиан антипиргский, оставив прочих епископов в той же почтенной епископии, по настоянию святого собора, сходили от имени целого собора к

святейшему папе Вигилию, и когда эти святейшие патриархи вместе с благоговейнейшими епископами возвратились назад, то святейшие патриархи и ходившие с ними к святейшему папе благоговейнейшие епископы сказали: „согласно с общим нашим усмотрением, прибыв к святейшему папе древнего Рима Вигилию, мы стали просить, чтобы согласно переписке, бывшей между нами и им, его блаженство пожаловал на собор и вместе с нами рассудил о *трех главах*, объявив при этом его блаженству, что благочестивейший наш император прислал нам грамоту и просит дат ответ относительно *трех глав*. Хотя он сказал, что по слабости телесной не может выполнить этого требования, однако же обещал на следующий день объявить, какого он мнения о таком соборе. Итак, сегодняшнее заседание следует отложить»⁷³.

СОБРАНИЕ ВТОРОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в восьмой день майских ид, первого индикта, заседали в судебной палате почтеннейшие епископы сего царствующего города⁷⁴:

Евтихий, святейший патриарх царствующего города Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин, святейший патриарх великого города Феополя, Стефан, благоговейнейший епископ рафийский, и Георгий, благоговейнейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании⁷⁵.

Диодор⁷⁶, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „святой ваш собор помнит те деяния, какие имелись у вас до вручения вам высочайшей грамоты, которую непобедимый наш император послал к вашей святости, помнит и о том, что за два дня пред сим вы опять собрались у блаженнейшего папы древнего Рима, именно: святейшие патриархи – Евтихий, Аполлинарий и Домнин и благоговейнейшие епископы – Бенигн Гераклеи пелогонийской⁷⁷, занимающий место Илии, благоговейнейшего епископа фессалоникского, Феодор Кесарии каппадокийской, Андрей ефесский, Меgefий Гераклеи фракийской, Иоанн никомидийский, Стефан никейский, Константин халкидонский, Евсевий тирский, Иоанн Кесарии палестинской, Амазоний едесский, Феодор севкийский, Фома Апамеи сирийской, Помпейян из Визакция, Фока сталийский, Феодор леонтопольский, Стефан из Клизмата, Эмилиан антипиргский, за тем, чтобы этот благоговейнейший папа, согласно своему обещанию, объявил о своем прибытии (на собор)“. Святой собор сказал: „ради порядка пусть объявлено будет то, что сделано на этом святом соборе“. И было прочитано. Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев,

сказал: „все остальные почтеннейшие епископы просят и вас, святейшие патриархи, и благоговейнейших епископов, бывших с вами у святейшего папы Вигилия, заявить что воспоследовало“.

Святейшие патриархи и благоговейнейшие епископы, бывшие с ними у святейшего папы Вигилия, сказали: „вследствие обещания, данного блаженнейшим папою древнего Рима Вигилием в предыдущее собрание, мы прибыли к нему в шестой день настоящего месяца мая, то есть, за два дня до сего, убеждали его блаженство на тот образ действия, какой решен между нами в переписке; и просили его прибыть вместе с нами на собор, рассудить и положить решение *о трех главах*, о которых благочестивейший император письменно спрашивал и нас и его блаженство. А он отвечал, что не может быть вместе с нами на соборе, потому что восточных епископов находится здесь очень много, а с ним – мало, но что он письменно даст самостоятельное решение и донесет благочестивейшему государю. Потому он и просил отсрочки у его величества, чтобы изложить в это время свое мнение. Мы же говорили: ваше блаженство знает, что в переписке, бывшей между нами, вы обещали прибыть на собор вместе с епископами, которые находятся в общении и единении с нами, и рассмотреть дело *о трех главах*; да и не следует отлагать собрание всех наших епископов из-за западных. Ибо и на святых четырех соборах ни разу не было большего количества западных епископов, но два или три епископа и небольшое количество клириков. А в настоящее время находится здесь и ваше блаженство, на лицо много и других епископов из Италии, есть епископы и из Африки и из Иллирика, и ничего нет такого, что препятствовало бы вам явиться вместе с нами в собрание в исполнение того, что сделано между нами письменно; и лучше, если бы священники собрались с подобающею любовью и постановили по делу одно решение, так чтобы вопрос получил тогда общее письменное определение. Ибо, зная это, и благочестивейший император даст отсрочку всем, когда все мы дадим ему общее обещание решить дело. Если же вы не хотите (поступить) согласно с тем, что нами определено в переписке, и прибыть на собор, то пусть ведает ваше блаженство, что мы и одни должны, собравшись

вместе, объявить наше мнение. Ибо и несправедливо как благочестивейшего императора, так и верный народ подвергать соблазну из-за того, что дело откладывается тогда, когда ответ на половину готов. И сказав это, мы обещали обо всем донести благочестивейшему государю. Когда это было сделано нами, то его величество обещал послать к тому же блаженнейшему мужу некоторых славнейших сановников, вместе с благоговейнейшими епископами, чтобы еще раз попросить его о том же“.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев сказал: „благочестивейший император, как и обещал, вчерашний день отправлял к благоговейнейшему папе Вигилию славнейших мужей, патриция Петра и Константина, а ваш святой собор посылал благоговейнейших епископов, Феодора Кесарии каппадокийской, Бенигна Гераклеи пелогонийской, Андрея ефесского, Меgefия Гераклеи фракийской, Константина халкидонского, Евсевия **тирского**, **Иоанна Кесарии палестинской**, **Амазония** едесского, Феодота севкийского, Фоку сталийского, Феодора леонтопольского, Эмилиана антипиргского; вышеупомянутые славнейшие сановники здесь; они посланы благочестивейшим императором объявить пред святым собором, что воспоследовало в их присутствии: об этом самом мы представляем».

Святой собор сказал: „по повелению благочестивейшего императора, вышеупомянутые славнейшие мужи благоволят сказать, что воспоследовало в их присутствии“. Славнейший патриций Либерий, славнейший патриций и придворный чиновник Петр, славнейший патриций Патрикий и славнейший квестор императорского дворца Константин, чрез славнейшего квестора Константина, сказали: «в первый день настоящего месяца мая и мы прибыли, по повелению благочестивейшего государя, к блаженнейшему папе Вигилию вместе с славнейшими патрициями Велизарием, Кефегом и Рустиком, и снова прибыли к тому же блаженнейшему мужу в седмой день настоящего месяца мая вместе с благоговейнейшими епископами Феодором Кесарии каппадокийской, Бенигном Гераклеи пелогонийской, Андреем ефесским, Меgefием

Гераклеи фракийской, Константином халкидонским, Евсевием тирским, Иоанном Кесарии палестинской, Амазонием едесским, Феодотом севкийским, Фокою ставийским, Феодором леонтопольским и Эмилианом антипиргским. В тот и другой день мы от лица благочестивейшего государя говорили одно и тоже, т. е., чтобы он явился вместе с нами на собор и рассудил о *трех главах*, дав желающим право возражать, так чтобы дело о *трех главах* было решено общим согласием всех. И после того, как было переговорено по этому делу, он потребовал отсрочки с тем, чтобы дать ответ отдельно одному. Мы же сказали ему, что отдельно он уже не раз осудил эти *три главы*, но благочестивейший государь желает, чтобы ты прибыл на собор вместе с прочими епископами, и чтобы решение последовало таким именно образом. А об отсрочке твое блаженство представляло благочестивейшему государю и чрез других, и его величество отвечал, что если вы согласны с тем, что между вами было решено, явитесь на собор вместе с блаженнейшими патриархами и благоговейнейшими епископами, с намерением обсудить и решить сообща дело о *трех главах*, то я даю вам отсрочку не только ту, какой вы просите, но еще бóльшую. Если же твое блаженство хочет заявить свое мнение отдельно и самостоятельно, то и от собора тех благоговейнейших епископов, которые с этою целию вызваны и столько времени здесь, мы также должны узнать, какого они мнения об этих *трех главах*. Ибо долее мы не можем оставлять в смятении Церковь Божию, особенно тогда, когда еретики поносят ее священников, как последователей Нестория. И он опять обещал, что выскажет свое отдельное мнение и сообщит его благочестивейшему государю“.

Святой собор сказал: „пусть скажут о том, что впоследствии, и благоговейнейшие епископы, бывшие вместе с славнейшими сановниками у святейшего папы Вигилия». Благоговейнейшие епископы сказали: «по повелению благочестивейшего императора и по заповеди вашей святости, мы были у святейшего папы Вигилия вместе с славнейшим патрицием Либерием, с славнейшим патрицием и придворным чиновником Петром, с славнейшим патрицием Патрикием и с

славнейшим квестором императорского дворца Константином, и когда вошли, то славнейший чиновник и славнейший квестор предложили при нас святейшему папе повеление благочестивейшего императора, и было сказано много подобного тому, о чем и прежде в предыдущий раз говорила ваша святость у того же святейшего папы, и что изложили теперь славнейшие сановники, о том и мы знаем, что это было говорено его святости». Славнейшие сановники сказали: „мы с своей стороны исполнили то, что было нам приказано благочестивейшим императором, и отправляемся в его императорский дворец для пребывания в его повиновении, вы же, имея в виду страх Божий, постарайтесь поскорее положить делу конец согласный с тем, что определено четырьмя святыми соборами относительно правой веры, зная, что благочестивейший император послал нас единственно с тем, чтобы сообщить вашей святости, что сам он и хранил и хранит, и защищал и защищает то, что определено и решено четырьмя святыми соборами; и все, что согласно с определениями тех же святых соборов относительно правой веры, и приемлет и хранит, а все противное их определениям о правой вере отвергает и считает чуждым Церкви. Ибо его величество достиг того, что четыре святые собора внесены в церковные диптихи и что о них проповедуется (в Церкви); чего до дарования ему свыше власти не было в святой церкви».

И когда славнейшие сановники удалились, святой собор сказал: „так как из объяснения славнейших сановников и благоговейнейших епископов стало известно, что и теперь воспоследовало у блаженнейшего папы Вигилия, и так как мы во всем хранили и храним, что следует, и довольно часто обращались к святейшему папе Вигилию с просьбою собраться вместе с нами и вместе с нами положить решение возникшему вопросу, между тем из благоговейнейших епископов, обитающих, как известно, в сем царствующем городе, не присутствуют на нашем соборе – из африканских один Примазий, почтеннейший епископ области визакской, а из Иллирика благоговейнейшие епископы Савиниан, Проект и Павел: то пусть отправятся к ним Феодор, почтеннейший

епископ лимирский, Анатолий, почтеннейший епископ кимский⁷⁸, Диогениан, почтеннейший епископ созопольский, вместе с Аммонием, Петром и Феодором, почтеннейшими пресвитерами и экдиками церкви сего царствующего города, для убеждения их придти и принять участие в этом святом соборе“. И после того, как назначенные почтеннейшие мужи сходили к вышеупомянутым благоговейнейшим епископам и возвратились от них, епископ лимирский Феодор сказал: „вследствие приказания вашей святости, как я, так и Аммоний, почтеннейший пресвитер и экдик этой святой и великой церкви, были в доме Марины у Примазия, почтеннейшего епископа афрского, и убеждали его придти для заседания с вашей святостью. Но он сказал: „так как папа не председательствует, то я не иду“. Аммоний, пресвитер и экдик церкви, сказал: „правду заявил Феодор, почтеннейший епископ лимирский; потому что это именно мы сказали и это услышали от него“. Анатолий, епископ кимский, сказал: „по приказанию вашей святости, как я, так и почтеннейший пресвитер и экдик этой святой и великой церкви Петр были на месте, называемом „Палеа“, в доме благочестивейшего и миролюбивейшего императора, у Савиниана, почтеннейшего епископа города Запарены⁷⁹ иллирикского округа, и убеждали его придти для заседания на соборе вместе с вашей святостью. Он сказал, что не может придти, потому, что нет на лицо его архиепископа Бенената, – сказал также: „я переговорю с ним“. Петр, пресвитер и экдик церкви, сказал: „правду сказал Анатолий, почтеннейший епископ кимский; ибо это мы и высказали ему и выслушали от него“. Диогениан, епископ созопольский в Писидии сказал: „по приказанию вашей святости, я вместе с Феодором, почтеннейшим пресвитером и экдиком этой святой церкви, прибыл к Проекту, почтеннейшему епископу найзскому иллирикского округа, поместившемуся в доме Максентиана, и объявили ему, что святейшие патриархи и все прочие братья ваши благоговейнейшие епископы убеждают его прибыть на святой собор; а он сказал: я отправляюсь к архиепископу Бененату и переговорю с ним. А когда мы прибыли к Павлу, благоговейнейшему епископу второй Юстинианы,

поместившемуся в доме Германа близ кесарской гавани, и объявили ему повеление вашей святости, то он ответил: „я имею архиепископа и переговорю с ним“. Феодор, пресвитер и экдик церкви, сказал: „по приказанию вашей святости, прибыв вместе за Диогенианом, почтеннейшим епископом созопольским, к вышеупомянутым почтеннейшим епископам, Пройекту найзскому и к Павлу второй Юстинианы, мы убеждали их прибыть на этот святой собор; они отвечали то, что высказал вышеупомянутый почтеннейший епископ Диогениан“.

Святой собор сказал: „хотя и следовало благоговейнейшим епископам, Примазию, и Савиниану, и Павлу, по вызову этого святого собора, явиться и принять участие во всех поднятых вопросах, в особенности когда и благочестивейший император и мы сами дали позволение каждому высказывать свое мнение относительно того, что составляет предмет рассуждения: но так как они не сделали этого, то относительно Примазия постановить в свое время законное определение на основании церковного предания; а почтеннейшим епископам Савиниану, Пройекту и Павлу дать, согласно их прошению, позволение отправиться к благоговейнейшему епископу Бененату, который находится в общении с нами и сочувствует действиям этого собора, как показывают его частные письма и его действия и то, что благоговейнейший епископ Фока, состоящий под его управлением, присутствует на этом святом соборе и занимает его место; пусть это так и исполнится. Неприлично же священникам откладывать ответ, который они должны дать благовернейшему императору, особенно если взять во внимание слова апостола Петра: мы должны быть «готовы присно ко ответу всякому вопрошающему нас словесе о нашем уповании» (1Петр. 3, 15). При помощи Божией в следующий день мы соберемся и сделаем, что следует»⁸⁰.

СОБРАНИЕ ТРЕТИЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в седьмой день майских ид, первого индикта, заседали в судебной палате почтеннейшие епископы сего царствующего города⁸¹:

Евтихий, святейший патриарх царствующего города Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домин⁸², святейший патриарх великого города Феополя⁸³,

Стефан, благоговейнейший епископ рафийский,

Георгий, благоговейнейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „на бывшем вчера собрании ваша святость положила собраться вашему святому собору ныне; и мы представляем о сем на благоусмотрение». Святой собор сказал: „для порядка пусть прочитают все, что сделано». Когда это было исполнено, святой собор сказал: „считая обязанностью священников – положить начало находящемуся у нас делу о *трех главах*, о которых письменно спрашивал нас благочестивейший и миролюбивейший император, и всем объявить о правой вере и о святых отцах и учителях, которые в разные времена сияли в святой Церкви Божией, мы исповедуем пред всеми, что содержим и проповедуем ту веру, которая сначала дарована великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым апостолам и ими была проповедана во всем мире, которую исповедали и изъяснили и передали святым церквам святые отцы и преимущественно те, которые собирались на четырех святых соборах; им мы следуем всецело и во всем и приемлем их; приемлем также и четыре святых собора, то есть, триста восемнадцать святых отцов собиравшихся в Никее, и сто пятьдесят собиравшихся в Константинополе, и двести собиравшихся в первый раз в

Ефесе, и шесть сот тридцать собиравшихся в Халкидоне, и все, что вышеуказанными четырьмя святыми соборами определено относительно одной и той же веры; а всех, осужденных вышеупомянутыми четырьмя святыми соборами, признаем осужденными и анафематствованными наравне с прочими еретиками. При этом мы делаем известным, что хранили и храним все, что, как сказано выше, определено четырьмя вышеупомянутыми святыми соборами относительно правой веры и что, на основании канонов, положено ими относительно церковной практики. Ибо хотя в разные времена созываемы были против появлявшихся еретиков четыре вышеупомянутые святыя собора; но они удержали и провозгласили одно и тоже исповедание правой веры, и потому все, согласное с тем, что упомянутыми четырьмя святыми соборами определено относительно правой веры, мы приемлем; а все, что несогласно с определениями тех же четырех святых соборов относительно правой веры и написано с целью нанести оскорбление или сопротивление тем же четырем соборам или одному из них и в защиту еретиков и их нечестивого учения, все это, считая чуждым благочестия, мы осуждаем и анафематствуем. Сверх того мы во всем следуем и святым отцам и учителям Церкви, Афанасию, Иларию, Василию, Григорию богослову, Григорию нисскому, Амвросию, Августину, Феофилу, Иоанну константинопольскому, Кириллу, Льву, Проклу, и приемлем все, что они изложили о правой вере и об осуждении еретиков. Приемлем также и прочих святых отцов, которые безукоризненно до конца жизни своей проповедовали правую веру в святой Церкви Божией. Итак, поскольку в святой кафолической и апостольской Церкви Божией должно быть сохраняемо и проповедуемо это правое исповедание; то если кто либо удаляет себя самого от него, удаляющий себя самого от правой веры и вступающий в общение с еретиками, справедливо осуждается и анафематствуется святою Церковью Божиею. А для обсуждения *трех глав*, – то есть, о Феодоре Мопсуестском и его сочинениях, о послании, которе приписывают Иве и которое написано к Персу Маре, и о сочинениях Феодорита, которые направлены против правой

веры и святой памяти Кирилла и против двенадцати его глав, – о которых спросил нас и благочестивейший и миролюбивейший император, мы, при помощи Божией, соберемся в другой день, так как они требуют особенного собрания⁸⁴.

СОБРАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в четвертый день майских ид, первого индикта, заседали в судебной палате почтеннейшие епископы сего царствующего города⁸⁵:

Евтихий, святейший патриарх царствующего города Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин, святейший патриарх великого города Феополя,

Стефан, благоговейнейший епископ рафийской.

Георгий, благоговейнейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „в предшествующее собрание вашего святого собора, по прочтении некоторых пунктов, вы высказали между прочим намерение на другой день поднять вопрос о *трех главах*. Итак ныне собрался ваш святой собор; о чем и представляем на благоусмотрение“. Святой собор сказал: „пусть прочитают, что уже сделано“. Когда это было исполнено, святой собор сказал: „так как надолго затянулся вопрос о Феодоре, который был епископом святой церкви Мопсуестской, и о послании, приписываемом Иве, и о сочинениях Феодорита: то всякому стало известным то, что в разных книгах написал сам Феодорит, и то, что относится к исследованию других двух глав. Но так как постановлено в неременную обязанность – вопрос о них обсудить сообща: то нотариии наши на первый раз пусть прочтут те места из книг Феодора, за которые, как мы знаем, он и обвинен святыми отцами“. Нотариии сказали: „у нас под руками те выписки, которые вы выбрали из сочинений Феодора“. Святой собор сказал: „пусть они будут прочтены“. И диакон и нотариий Каллоним взял их и прочитал:

1) *Из третьей книги Феодора Мопсуестского против нечестивого Аполлинария:*

„Итак, каким образом ты, которому особенно и более всех приличествует управление умами, утверждаешь, что рожденный от Девы есть Бог и от Бога – единосущен Отцу, разве, быть может, ты повелеваешь нам сотворение его приписывать Духу Святому? Но кто же Бог от Бога и единосущен Отцу? О чудо! тот же, кто рожден от Девы и кто, по божественному писанию, был зачат и воплотился во чреве матери наитием Духа Святого? Быть может, (Бог) присутствовал в нем; потому что как только он зачат, то начал быть и храмом Божиим; тем не менее мы не должны думать, что от Девы родился Бог; разве, быть может, мы должны считать одним и тем же и то, что родилось, и то, что в рожденном храме, т. е. и Того, кто в этом храме есть Бог Слово? Однако же на основании твоих слов следует даже провозглашать, что рожденный от Девы действительно Бог и от Бога – единосущен Отцу. Но если рожденный от Девы не есть воспринятый человек, но воплотившийся Бог, то каким образом мы будем называть его Богом от Бога и единосущным Отцу, не упуская из виду, что плоть не может получить такого наименования? Да! говорить, что Бог родился от Девы, – безумие; ибо это не иное что, как утверждать, что Он родился от семени Давидова из существа Девы и в ней был зачат; так как то, что – от семени Давидова и из существа Девы, находилось во чреве матери и, зачатое наитием Святого Духа, родилось от Девы; да перестанут поэтому говорить нам, что Бог от Бога и единосущный Отцу родился от Девы, – потому что Он обитает в рожденном храме; ведь не сам по себе родился Бог Слово, а воплотился, как говорит этот мудрец. Итак, если говорят, что Он родился с плотию, а рожденное есть Бог от Бога и Бог единосущный Отцу, то необходимо тоже сказать и о плоти. Если же нет, то конечно (рожденный) есть плоть; поскольку он ни Бог от Бога, ни единосущен Отцу, но от семени Давидова и единосущен тому, чье есть семя; и Бог от Бога и единосущный Отцу не то, что родилось от Девы, разве, быть может, часть рожденного, так как он сам в дальнейших главах называет божество частию Христа; но не божеское естество родилось от Девы, а родился от Девы тот, кто произошел из существа Девы. Не Бог Слово родился от Марии; родился же от Марии тот, кто –

от семени Давидова. Не Бог Слово родился от жены, но родился от жены тот, кто силою Святого Духа зачат в ней. От матери родился не единосущный Отцу, – потому что, по слову блаженного Павла, Он не имеет матери, – но тот, кто силою Духа Святого, напоследок дней, зачался во чреве матери, именно тот, о котором поэтому сказано, что он без отца“.

2) И потом:

„Тотчас же при самом зачатии в нем начал быть Бог Слово; ибо присутствовал в нем не только во время вознесения на небо, но и при воскресении из мертвых, и именно как воскрешающий его, согласно своему обетованию. И не при воскресении только из мертвых присутствовал в нем, но и при пригвождении ко кресту и при крещении и после крещения – при совершении им дела Евангелия, а равно и до крещения при выполнении им постановлений закона, – при представлении (его во храм) по закону, и при обрезании, и при обвитии пеленами во время рождения. Находился в нем (Бог Слово) также и при самом рождении и в то время, когда он был во чреве матери с первого момента его зачатия; ибо (Бог Слово) указывал план домостроительства, которое обосновывалось на нем, так что вел его к совершенству по определенному плану».

3) И потом:

„Он (Бог Слово) ведет его ко крещению, а после него к смерти; потом, согласно своему обещанию, воскрешает его, возводит на небо, помещает одесную Бога чрез свое соединение (с ним), вследствие которого он восседает и почитается всеми и всех будет судить. Но цель всего этого Бог Слово имел у Себя, когда обитал в нем и исполнял все по тому плану, который считал лучшим сам по своему предопределению и намерению, какое установил относительно того, что имело последовать в будущем, и по своему благоволению, какое имел к нему; ибо пребывал в нем от начала, и по избранному плану вел его к совершенству“.

4) Из той же книги:

„Тому, кто воспринят, Он (Бог Слово) оказывал содействие к (совершению) предположенных дел: когда Он делал это, тогда вместо разума было божество у того, кто воспринят; ибо и у

всех, кому Он оказывал свое содействие, оно не занимало место их ума. Если же он и оказывал некоторое особенное содействие тому, кто воспринят; то не то производил, чтобы божество занимало место ума. Но если, по вашим словам, у того, кто воспринят, вместо ума было божество: то каким образом он во время страдания испытывал страх? почему при наступлении роковой необходимости ему нужна была особенная молитва, которую он возносил к Богу (по слову блаженного Павла) с воплем крепким и с многими слезами? каким образом одержим был таким страхом, что вследствие чрезмерной боязливости обливался потоками пота; ибо евангелист ясно говорит, что пот капал на землю подобный каплям крови? почему он нуждался в пришествии и явлении ангела, который во время испытания восстанавливал его дух, укреплял его бодрость, воодушевлял его на предстоящую неизбежность страдания, располагал его к мужественному перенесению мучений воспламенял его на терпеливое преодоление зол, показывал плод от перенесения настоящих мук, – имеющую последовать после страданий перемену его состояния на доброе состояние славы? Ибо кто, по слову евангелиста, укреплял его, то есть, ангел, тот этими словами придавал ему мужества и убеждал его стать выше природной слабости, и, укрепляя его мысли, делал его мужественнее».

5) *И потом в той же книге тот же Феодор от лица Христова как бы в ответ Петру, который говорит о крестном страдании Христу: «милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие» (Матф.16,22), такую сделал вставку:*

«Иди за мною, сатано: соблазн ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая» (Матф. 16,23). Смерть для меня не позор, я не стану, взирая на человеческую славу, избегать ее, как недостойной; я благодушно перенесу испытание смерти ради весьма многих будущих благ, которыми буду наслаждаться и сам и чрез меня все; не оскорбляй и не возмущай моей души, убеждая бежать рода смерти достойного порицания».

6) *И потом:*

Выражение: «возведен бысть Духом» (Матф. 4, 1) явно означает то, что он был руководим Духом; Им был укрепляем для мужественного перенесения предположенного; Им был направляем к должному; Им был научаем тому, что следовало; Им был укрепляем мыслью, так что способным стал на столь трудное состязание. И блаженный Павел говорит: «елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии» (Рим. 8, 14), говорить, что водятся Духом Божиим те, которые Им управляются, Им научаются, Им наставляются к лучшему, от Него приемлют учение о нужных предметах. А когда евангелист сказал, что «Иисус исполнь Духа Свята возвратися от Иордана» (Лук. 4, 1), то он ясно показал, что (Иисус) с тою целью получил в крещении Духа Святого, чтобы вследствие этого стяжать предначертанную силу. С этою целью он веден был Духом и на ту борьбу, в какую он, ради нас, имел вступить с диаволом“.

7) *И потом:*

„Итак пусть скажут нам считающиеся умнейшими всех: если у Господа Христа, сущего по плоти, вместо ума было божество, как они говорят, то почему Христос нуждался при этом в содействии Святого Духа? Ибо божество Единородного не имело нужды в Духе ни для оправдания, не имело нужды в Духе ни для совершения чудес, не имело нужды в Духе ни для наставления в том, что следовало совершить, не нуждалось в Духе ни для того, чтобы он мог явиться непорочным. Ибо если вместо ума – божество, а силы его достаточно было на все; то все должно было проистекать из этого источника, так что обитание Святого Духа было излишне. Но говорится, что он помазан Духом и Дух обитал в нем и помогал ему во всем, что было предначертано; и он из этого источника заимствовал учение и силу и силою Духа же Святого совершил оправдание и стал непорочен».

8) *Того же Феодора из четвертой книги против нечестивого Аполлинария:*

„(Аполлинарий) говорит: то, что было прежде веков, явилось в последние дни, – говорит потому именно, что некоторые признают это; тогда как никто из пекущихся о благочестии не позволяет (себе) увлечься тою болезнию

безумия, чтобы сказать, что Сый прежде веков явился в последние дни. И из этого он заключает, что необходимо, чтобы и сущее в последние дни было прежде веков, и обвиняет тех, которые не всегда делают обратное заключение, как будто исповедующие, что Сын – един, должны всегда делать обратное заключение. И кто не станет ублажать вашего безумия? Кто не пожелает приобрести таких учителей, вводящих в разум благочестия такое смешение, что начинают говорить, что сущее прежде веков явилось в последние дни, и отчуждают его от его естества и низводят к худшему? Далее они делают и обратное заключение, именно, – что и явившееся в последние дни существует прежде веков; тогда как, может быть, им следовало бы сказать, что Тот, кто был прежде веков, воспринял того, кто, по слову блаженного Павла, явился во времени. Итак, следуя вашим законам и принимая изобретенный твоею мудростию способ обратного заключения, а, еще лучше, способ извращения, мы все перемешаем вместе, и не будет никакого различия – между выражением «Бог» и выражением „раб», – между храмом Божиим и тем, кто вселился в храме, – между тем, кто освобожден от уз смерти, и тем, кто освободил. – между тем, кто в страданиях явился совершенным, и тем, кто сделал совершенным, – между тем, кто заслужил память, и тем, кто стал помнящим, – между тем, кто удостоился посещения, и тем, кто посетил, – между тем, кто малым чим умален от ангел, и тем, кто умалил, – между тем, кто увенчан славою и честью, и тем, кто увенчал, – между тем, кто поставлен «над дела рук» Божиих, и тем, кто поставил, – между тем, кому они (дела) покорены, и тем, кто покорил (Пс. 8, 5–8)“.

9) *Того же Феодора из третьей книги против нечестивого Аполлинария:*

„Итак, когда воздвиг из мертвых того мужа, "егоже", ради веры в будущее, «предустави... судити вселенней» (Деян. 17, 31), и когда по слову блаженного Павла, явил его судьей вселенной; то поистине удостоил его единения с собою и чрез это соединение с собою сделал его столь причастным (себе), что он стал общником и в поклонении; так как хотя все воздают должное поклонение божескому естеству, но при поклонении

имеют в уме и того, кого Он нераздельно соединил с собою; из чего очевидно, что Он возвел его на высоту“.

10) *И потом:*

„Я, которого вы видите, ничего не могу делать силою своего естества; так как я – человек; а делаю потому, что «Отец во мне пребывая, той творит дела» (Ин. 14, 10). Ибо так как и «Аз во Отце и Отец во мне» (Ин. 14, 11), а также Бог Слово едиnorodный – во мне: то ясно, что и Отец вместе с Ним во мне пребывает и творит дела. И нисколько не должно казаться удивительным такое мнение о Христе, когда он сам ясно говорит о прочих людях: «аще кто любит мя, слово мое соблюдет: и Отец мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Ибо если у каждого из таких людей устроят обитель и Отец и Сын, то что удивительного в мнении, что в Господе, по плоти Христе, вместе оба пребывают; с общением Их по существу, быть может нераздельно и общение пребывания“?

11) *И потом:*

„И душу сначала получает именно человеческую и одаренную бессмертием и разумом, и уже чрез воскресение сообщает ей неизменяемость: так чрез воскресение сообщил это и нам. Посему до воскресения из мертвых он укоряет Петра за то, что этот соблазняет его своими словами (Матф. 16, 23), и объятый во время страданий сильным страхом нуждается в явлении ангела, укрепляющего его для перенесения и преодоления угрожающих зол (Лук. 22, 43); а по воскресении из мертвых и по вознесении на небеса, став бесстрастным и совершенно неизменяемым и сидя одесную Отца, судит всей вселенной, – потому именно, что божеское естество творит в нем суд“.

12) *И потом:*

«Итак ты, умнейший всех и здесь учишь, что мы имеем ум Христов; так как имеем Святого Духа, – того Духа, который восполнял Христу некую силу (ума), сообщая ему разумение к совершению всего того, что должен был он совершить; подобно тому, как и выше мы показали, что он Духом водим был в пустыню на сражение против диавола; ибо чрез помазание Духа

он получил и разумение и силу к исполнению того, что должен был сделать, и сделавшись причастным Ему, он не только творил чудеса, но и знал отчетливо каким образом следует пользоваться чудесами, чтобы возвестить народам благочестие, понести слабости труждающихся и таким образом привести свое намерение в исполнение; поэтому он и оправдался и явился непорочным, частью чрез удаление от худшего и стремление к лучшему, частью чрез постепенное усовершенствование“.

13) *Его же из шестой книги толкования Евангелия от Иоанна:*

„Никто настолько не глуп, чтобы утверждать, что слова: «ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему» (Иоан. 20, 17), могли относиться к кому-либо иному, кроме того, кто есть храм Бога Слова, воспринятый ради нашего спасения человек, который и умер и воскрес и имел вознестись на небеса, который вместе с своими учениками признавал Отца Богом по отношению к себе и получил усыновление по благодати и который называет Его Богом своим; так как он начал существовать подобно прочим людям. Посему, обращая внимание на общность своего естества с естеством прочих людей, он говорит: «ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему», но с другой стороны, он отделил здесь свою личность от них, указывая этим на особенную благодать, вследствие которой, при соединении его с Богом Словом, он почитается всеми людьми вместо истинного Сына“.

14) *Того же Феодора из той же книги ложного толкования на Иоанна – места, в которых он говорит, будто безумно утверждать, что после воскресения, дунув на учеников своих, Господь сообщил им Духа Святого (Иоан. 20, 22):*

„Выражение: *приимите*, употреблено вместо: *примите*; ибо, если дунув он сообщил ученикам Духа (Святого), как весьма неосновательно подумали некоторые, то излишне было после этого, и особенно во время вознесения на небо (Лук. 24, 49) говорить, чтобы они не отлучались от Иерусалима, но ждали обетования Духа, и потом: «*приимете силу нашедшу Святому Духу на вы*» (Деян. 1, 4–8). И Лука ясно говорит, что самое

сошествие Святого Духа на апостолов было после вознесения в пятидесятый день по воскресении (Деян. 2, 1–4). Но следует заметить и то, что если от дуновения они уже получили Духа, то он не сказал бы: *приимите*, но: вы приняли; ибо выражение: *приимите* идет к тому, кто еще не принял“.

15) *Того же Феодора из ложного толкования Евангелия от Иоанна – место, где он говорит; когда Фома по воскресении осязал Господа и сказал: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28), то он высказал это о Христе не как о Господе и Боге, а как о чистом человеке, изумившись тому, что Господь воскресил его, и чрез это Фома воздал прославление Богу:*

„Господь говорит Фоме: «принеси перст твой семо, и виждь руце мои; и принеси руку твою, и вложи в ребра моя: и не буди неверен, но верен» (Ин. 20, 27). поскольку, говорит Господь, ты не веришь и думаешь, что для уверования достаточно тебе одного осязания (ибо не скрылось от меня, что ты говорил это); то прикоснись рукою и осяжи и научись верить, а не не верить. Уверовав таким образом, Фома говорит: «Господь мой и Бог мой», не его самого называя Господом и Богом (ибо уверенность в воскресении не давала повода заключить, что и воскресший есть Бог), но он как бы прославляет Бога за сделанное чудо“.

16) *Того же Феодора из ложного толкования на Деяния апостольские, из первой книги, где он говорит, что креститься во имя Иисуса Христа – то же в Писании, что (израильтяне) крестились в Моисея, и именоваться христианами – то же, что именоваться платониками, эпикурейцами, манихеями и маркионитами по имени изобретателей учений:*

„Но он сказал, что они (иудеи), раскаявшись в крестном преступлении и познав Спасителя и Господа и Виновника всех благ, ради которых он и пришел и воспринят был божественным естеством, должны уверовать в него и сделаться его учениками, прежде всего приступив к крещению, которое он сам и передал, как такое, которое служит прообразом упования на будущее и должно быть совершаемо во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ибо выражение: «да крестится кийждо во имя Иисуса Христа»

(Деян. 2, 38), не то значит, чтобы (все они) призывали в крещении Иисуса Христа, оставив призывание во имя Отца и Сына и Святого Духа; но какого свойства выражение: «крестились в Моисея во облаце и в мори» (1Кор. 10, 2), употребленное для того, чтобы показать, что, быв отделены от египтян облаком и морем и освободивших от раболепствования им, они должны внимательно исполнять закон Моисеев, такого же свойства и выражение: «да крестится кийждо во имя Иисуса Христа», употребленное для того, чтобы показать, что принявшие его, как Спасителя и виновника всех благ и учителя истины, могут именоваться именем его, то есть, как виновника благ и учителя истины. У всех людей, следующих какой-либо секте, есть обычай называться именем основателя секты; таковы названия платоников, эпикурейцев, манихеев, маркионитов и тому подобных. Также точно и апостолы присудили нам называться христианами, как бы давая чрез это знать, что следует внимать учению Христа. Таким образом следовало принять то, что и от него дано, – принять крещение, совершенное сперва над ним самим, ибо он первый крестился, а от него передано оно и прочим, чтобы оно совершалось как предъизображение будущего“.

17) *Того же Феодора из четырнадцатой книги о воплощении, где он говорит, что Христос был образом Бога Слова и был прославляем всеми, как царский образ:*

„И по двум основаниям он занимает место образа. Любящие кого-нибудь люди, по смерти своих любимцев, часто ставят их изображения и думают найти в этом достаточное утешение в своей потере, и того, кто невидим и кого нет, хотят видеть хотя в изображении и утоляют чрез это пламя любви. Но также и те, которые ставят в городах изображения царей, те своим почтением и чествованием изображений, очевидно, оказывают честь отсутствующим, как бы присутствующим и находящимся на лицо. То и другое происходит и с ним. Все, кто – с ним и кто следует добродетели и готов воздать Богу должное, – все такие люди любят его и весьма почитают; и божественное естество, невидимое в нем, восполняет любовь в том, кто всеми видим; так что все полагают, что чрез него видят

самого (Бога) и всегда присутствуют с Ним, и такую воздают ему честь, как будто он царский образ и как будто божеское естество и находится и созерцается в нем самом. Ибо если и Сын, о котором говорится, что Он обитает во Христе, находится в нем, а вместе с Сыном и Отец, пребывающий с Ним, по вере всех людей, нераздельно, – если и Дух Святой, как заменивший для него помазание, также находится в нем и всегда пребывает вместе с тем, кто воспринят; то и не следует удивляться, если говорится, что вместе с Сыном и Отец пребывает в некоторых добродетельных людях: «к нему приидем Аз и Отец и обитель у него сотворим» (Иоан. 14, 23). А что и Дух (Святой) не отлучается от таких людей, – также очевидно всем“.

18) *Того же Феодора Мопсуестского из ложного толкования Евангелия от Луки:*

„Выражение: «сей есть Сын Мой возлюбленный, о нем же благоволих» (Матф. 3, 17; Лук. 3, 22), указывает на усыновление его во время крещения подобно иудейскому усыновлению; так как и иудеям сказано было: «Аз рех бози есте и сынове Вышнего вси» (Пс. 81, 6), и: «сыны родих и возвысих» (Ис. 1, 2). А особенность его усыновления видна из того, что Отец сказал: «возлюбленный» и: «о нем же благоволих». Поэтому голос Отца и послужил подтверждением усыновления и в наименовании его сыном, чрез усыновление по благодати, указал на Того, кто – действительно Сын, чрез соединение с которым усыновление его стало истинным и твердым. „И Дух Святой, сшедший в виде голубя, пребыл на нем“ (Лук. 3, 22); поскольку, соединившись с Тем, кто есть истинный Сын, он был внимателен к содействию (Духа). Итак над кем первым предъизобразилось крещение усыновления, а разумею я Господа Христа, над тем все, что совершалось от Отца и Сына и Святого Духа“.

19) *Его же из толкования восьмого псалма:*

„Вот какое псалом показывает нам различие между Богом Словом и воспринятым человеком; раздельно же представляется содержание его и в новом завете, когда Господь относит к себе первые стихи псалма, в которых говорится, что он есть творец мира, что великолепие его превыше небес и что имя его чудно по всей земле, а апостол относит к себе вторую

половину псалма, которая – о человеке, заслужившем столь великого благодеяния. Как не очевидно, что божественное писание учит нас, что иное – Бог Слово и иное – человек, и показывает нам, что различие между ними большое? Ибо – первый помнит, второй заслуживает памятования, – первый посещает, последний, удостоиваясь посещения, называется блаженным, – первый по своему благодеянию умалил малым чим от ангел, последний же и чрез такое уменьшение получил благодеяние, – первый венчает славою и честью, последний же венчается и потому называется блаженным, – тот поставил этого над делаи руку свою и вся покорил под нозе его, этот же удостоился господства над тем, над чем прежде не имел власти“.

20) *Его же из первых строк толкований на двенадцать пророков, где он отрицает, что пророчества предсказывались о Христе:*

„Но не желающие размыслить об этом стараются все пророчества отнести к Господу Христу; так что и то, что сказано о народе (иудейском), понимают подобным образом, и предоставляют иудеям повод смеяться, когда указывают на пророчества, по контексту Писания несколько не относящиеся к Господу Христу“.

21) *И потом прибавляет:*

„Таково же и следующее место: «не оставлена душа его во аде, ни плоть его видела истления» (Псал. 15, 10; Деян. 2, 30). Пророк преувеличенно изображает самое промышление о народе (иудейском) и желает сказать, что Бог сохранил иудеев невредимыми от всех зол. А так как эта истина и на самом деле осуществилась над Господом Христом; то весьма часто говоря о нем, блаженный Петр пользуется пророчеством и показывает, ссылаясь некоторым образом на слова пророка, что истина, высказанная преувеличенно о народе, осуществилась ныне на самом деле над Господом Христом“.

22) *И потом прибавляет:*

«Такой же смысл имеет и следующее место: «разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий» (Псал. 21, 19). Очевидно, что псалом никаким образом не относится к Господу;

ибо Господу Христу, «иже греха не сотвори, ни обретесе лествицу во устех его» (1Петр. 2, 22), несвойственно сказать: «далече от спасения моего словеса грехопадений моих» (Псал. 21, 2). Но и сам Господь, испытывая по общему человеческому закону страдания, испустил глас: «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил» (Псал. 21, 2; Матф. 27, 46)? И слова: «разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий», апостолы отнесли к нему очевидно потому, что на самом деле с Господом Христом, которого и ризы разделили и одежду подвергли жребию, случилось то, что прежде преувеличенно сказано было Давидом по поводу перенесенных им несчастий“.

23) *Его же – на псалом двадцать первый:*

«Ископаша руце мои и нозе» (Псал. 21, 17): внимательно пересматривали все, – и то, что я делал, и то, что предпринимал: ибо выражение: "ископаша", Давид перенес с тех людей, которые чрез раскапывание стараются рассмотреть то, что находится в земле. «Исчетоша кости моя» (Псал. 21, 18), – стали властелинами над всей моей волей и над всем моим существом, так что пересчитали все мое. А это он заимствовал из обыкновения врагов, которые завладев чем-либо, чрез перечисление и разделение по жребию приводят приобретенное в самую точную известность. Посему и далее, говоря: «тии же смотриша и презреша мя», прибавляет: «разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий» (Псал. 21:18, 19). Смотря же, говорит, на меня и презирая меня потому, что им удалось все, чего они желали относительно меня, (ибо презирать, как и у нас, говорится вместо выражения: смотрел на него, когда подвергал его, каким хотел, страданиям), совершенно отданного на мучения, они, как и враги по опустошении и пленении, разделили мои одежды, производя дележ их посредством жребия. И евангелист, соображаясь с событиями, заимствовал эти слова для Господа и воспользовался ими также, как мы сказали уже в других местах; ибо что псалом не относится к Господу, это мы ясно показали выше“.

24) *Его же из толкования следующего места 68 псалма:* «даша в снедь мою желчь, и в жажду мою напоиши мя оцта» (Псал. 68, 22):

„Как пища и питье бывают приятны во время радости, а неприятны и горьки во время печали: таковы, говорит, были и поступки их со мною, так что от печали и негодования пища была для меня на место желчи, но и питье ничем не отличалось от уксуса. В особенности же в пылу гнева во время несчастья страждущие естественно могли позволить себе такое негодование на своих. А евангелист воспользовался этим свидетельством о Господе; да и сам Господь (поступил так), говоря о себе: «жалость дому твоего снести Мя» (Иоан. 2, 17), и блаженный Павел, говоря об иудеях: «да будет трапеза их в сеть и в лов» (Рим. 11, 9), и блаженный Петр – об Иуде: «да будет двор его пуст» (Деян. 1, 20). И конечно различные обстоятельства сопоставлены не потому, будто в псалме сказано и об этом и потом о другом и о третьем, но потому, что бóльшую часть сказанного об иудеях, удалившихся от Бога и закона, – сказанного для обуздания их нечестия, – всегдашний обычай пользоваться свидетельствами отнес вместе и к позднейшим событиям; так например употреблены слова: «даша в снедь мою желчь и в жажду мою напоиши мя оцта».

25) *Того же Феодора из первой книги о воплощении, где он толкует об исповедании Петра «Ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Матф. 16, 16):*

„Как Нафанаил чрез такое исповедание не представляется имеющим познание о Божестве (так много надеявшиеся иудеи и самаряне как далеки были от познания Бога Слова?), так и Марфа чрез такое исповедание не доказывает своего познания о Божестве, а равно и блаженный Петр. Ибо им, принимающим такое откровение, достаточно было получить только некоторое особенное и большее сравнительно с прочими людьми познание о нем. После же воскресения его, быв приведены Духом к познанию, они чрез откровение удостоились совершенного знания; так что поняли, что особенность его сравнительно с прочими людьми происходила не вследствие какой-то почести только от Бога, как в прочих людях, но вследствие единения с Богом Словом, чрез которое по вознесении на небо он разделяет с Ним (с Богом Словом) всякую честь“.

26) *Его же из первой книги толкования Евангелия.*

„Евангелист Матфей говорит в описании искушений, что ангелы «приступиша и служаху Ему» (Матф. 4, 11), то есть, ангелы, приставленные к нему содействовать ему и во всем служить ему ради Бога; ибо чрез сражение с дьяволом он стал славнее. Но из евангелий мы еще узнаем, что ангелы присутствовали при нем и пред страданиями (Лук. 22, 43) и по воскресении его видели их во гробе (Матф. 28:5; Лук. 24:4). Все это показывало величие Христа; ангелы неотлучно были при нем и всячески служили около него. Ибо как от грешников они удаляются, так людям, достойно прославленным, служат: поэтому прекрасно говорит Господь: „больше увидите, и небо чрез меня откроется всем и все ангелы всегда со мною будут и будут то восходить, то нисходить на меня, как на друга Божия и своего Бога“.

27) Того же Феодора из книг о воплощении.

«Господь негодовал и сражался против болезней более душевных, чем телесных, и, при содействии Божества к его совершенству, охотнее побеждал страсти. Поэтому он и сам борется преимущественно с ними. Ибо ни пристрастием к богатству не быв обольщен, ни желанием славы не быв увлечен, он не придавал телу никакого значения (ибо с этой стороны он был непобедим); а что касается души, то если он не воспринял ее, а вместо нее у него – одерживающее победу над страстями божество, то мы не имеем никакой пользы от того, что им совершено (ибо какое подобие между божеством и душою по отношению к совершенству в жизни?) И подвиги Господни, по-видимому, не клонились к нашей пользе, а были ради какого-то тщеславия. Если же так сказать нельзя (ибо известно, что они были ради нас), и если против болезней душевных он назначил труднее подвиг, а против телесных легче; то насколько и чаще и более приходилось ему побеждать первые и насколько важнее та болезнь, которая требует более серьезного лечения? Восприяв и тело и душу, он тем и другим подвизался за то и другое: умерщвлял во плоти грех и укрощал ее похоти, с легкою и благодушною победою над ними; душу же наставлял и побуждал и свои страсти побеждать и обуздывать

плотские похоти; ибо это совершалось обитавшим в нем божеством, врачевавшим ту и другую сторону».

И когда читаны были эти Феодоровы богохульства, святой собор воскликнул: «это мы уже осудили; это уже мы предали анафеме: анафема Феодору Мопсуестскому, анафема Феодору и его писаниям. Они чужды Церкви; они чужды православным; они чужды отцам; они полны нечестия; они чужды соборам; они восстают на священное писание; один Феодор, один Иуда».

28) Его же из книги против синусиастов или аполлинаристов мнения, которые и изложил и опроверг блаженный Кирилл:

„Но если, говорится, распята была плоть, то каким образом и солнце скрыло свои лучи, и тма покрыла всю землю, и земля потряслась, и камни распались, и мертвые воскресли (Матф. 27, 45–53)? Да ведь рассказывают же о тьме, бывшей в Египте во времена Моисея и продолжавшейся не три часа, но три дня (Исх. 10, 22–23). А что сказать о прочих чудесах, совершенных чрез Моисея и Иисуса Навина, остановившего солнце (Нав. 10, 12–13), и о том, как солнце во времена Езекии, вопреки закону природы, возвратилось вспять (4Цар. 20, 9–11), и как останки Елисея воскресили мертвого (4Цар. 13, 21)? И если события, бывшие во время крестных страданий, указывают на то, что страдал Бог Слово, и если они не могли совершиться ради человека; так и то, что было во времена Моисея, а также во времена Иисуса Навина и во времена царя Езекии, было не для рода Авраамова. Если же те чудеса совершены были ради народа иудейского, то не тем ли более чудеса, бывшие при кресте, были совершены ради храма Бога Слова“?

29) Его же из восьмой книги о воплощении:

„Но очевидно, что следует быть соединению; ибо, быв соединены во едино, (два) естества чрез соединение произвели одно лице. И как говорится о муже и жене, что их не двое, но одна плоть (Быт. 2, 24; Матф. 19, 5), так на основании соединения скажем и мы, что не два лица, но одно, а естества различны. Ибо как там ничто не мешает двум называться одною плотию, – ибо известно, почему говорится: плоть едина, – так и здесь единство лица не исключает различия естеств. И когда мы

различаем естества, то говорим, что естество Бога Слова совершенно, совершенно и лице, потому что нельзя сказать, чтобы совершенное его существо было безлично, но также говорим, что и естество человеческое совершенно, равно как и лице. А когда обращаем взор на соединение, тогда говорим: одно лице“.

30) *Того же Феодора из седьмой книги о воплощении, где он говорит, что соединение Бога Слова совершилось ни по существу, ни по действию, но по доброй воле:*

„Итак нельзя сказать, что Бог Слово обитает по существу или по действию. Итак что же остается? Какое найдем суждение, которое окажется тем самым, какое собственно здесь нужно? Очевидно, следует говорить, что вселение совершилось по доброй воле. А доброю волею называется добрая и всеблагая воля Бога, которую Он благоволит оказывать тем, кои спешат прилепиться к Нему, потому что промышляет о них“.

И потом: „А единство лица познается из того, что он (Христос) все совершает силою Его (Бога Слова); это единство произошло вследствие вселения, совершившегося по доброй воле. Поэтому, говоря, что Сын Божий имеет придти с небес судиею, мы разумеем пришествие вместе и человека и Бога Слова, – не в том смысле, что Бог Слово подобно человеку переходит с места на место по естеству, но в том, что соединение по доброй воле будет с Ним всегда и везде, где бы он ни находился; потому что он и все совершает чрез Него.

31) *Его же из толкования символа трех сот восемнадцати святых отцов.*

„Но называя Христом по плоти и воспринятым образом раба также и Того, кто воспринял этот образ, Бога, который выше всего, он однако же прибавил: «это по причине соединения естеств“, – и этим, кажется, указывает на различие их. Итак, того, кто по плоти происходит от иудеев, никто не может назвать сущим над всем по плоти от иудеев Богом“.

32) *Его же из ложного толкования послания к евреям:*

„Проповеда Иоанн «Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою» (Деян. 10, 38). А кто помазан Духом, тот всеконечно воспринял нечто от Него. Но кто

настолько безумен, чтобы утверждать, что божеское естество восприняло нечто от Духа, равно как и естество Его причастников? Причастниками же называет тех именно, которые и сами помазаны Духом. А тем, которые помазаны и стали поэтому причастниками Духа, тем не иначе сообщается помазание, как и тому, кто воспринят. И это самое доказывает, что он получил праведное воздаяние. Ибо говорится: «возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради» ты удостоился помазания «паче причастник твоих» (Псал. 44, 8)».

33) *Того же Феодора из первой книги толкования Евангелия от Иоанна:*

«Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси царь Израилев» (Ин. 1, 49), то есть, Ты – издавна проповеданный Христос; ибо этого именно ожидал (сказавший эти слова Нафанаил) от Христа, как такого, который сделался близок Богу преимущественно пред всеми».

34) *И потом:*

„Ибо известно, что и сам Он называл себя Сыном Божиим не по рождению от Бога, но потому, что был близок Богу; поэтому сынами Божиими называют между прочим и те люди, которые за свои подвиги стали близки Богу“.

35) *Того же Феодора из книги к должествующим креститься:*

Когда апостол говорит: «о Сыне своем, бывшем от семени Давидова по плоти» (Рим. 1, 3), то очевидно, что он называет здесь Сыном Божиим того, кто произошел от семени Давидова по плоти, не Бога Слово, а воспринятый им образ раба. Ибо от семени Давидова по плоти произошел не Бог, но воспринятый Им ради нас человек, которого блаженный Павел ясно называет Сыном Божиим».

36) *Того же Феодора из той же книги:*

„Вместо одного явился возрожденным другой, явился уже частию не Адама временного и многогрешного, но Христа, который чрез воскресение сделался совершенно непорочным“.

37) *Того же из той же книги:*

«Так как (Бог Слово) много возлюбил его, и все его усвоил себе и все перенес: то, сопровождая его во всех страданиях, Он силою своею сделал его чрез них совершенным; и он восстает из мертвых не по закону своего естества, но Бог Слово своим присутствием, своим действием и по своей милости освобождает его от смерти и от тех горьких последствий, которые отсюда происходят, – воскрешает его из мертвых и приводит к высшей цели».

38) Того же Феодора из той же книги:

„Потом показав, ради чего он пострадал, говорит об его унижении, – т. е. о том, что он за всех вкусил смерть; ибо после того, как божественное естество благоизволило отделиться от него, он сам по себе вкусил смерть ради спасения всех, и явил, что хотя божество отделилось от него во время смерти, так как оно не могло испытывать смерти, однако же по любви оно присуще было ему, когда он терпел смерть“.

39) Его же из той же книги:

“Проповеда, – говорится, – Иоанн Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою» (Деян. 10, 37–38). Удостоившись такого помазания, он стал совершенно непорочен и сподобился соединения с божеским естеством: ибо он не достиг бы этого соединения, если бы прежде не сделался настолько непорочным, чтобы мог явиться способным к единению с ним“.

40) Того же Феодора из толкования Евангелия от Матфея:

„Думать, что и следующие слова: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о нем же благоволих» (Матф. 3, 17), сказаны о Боге Слове, – очевидное безумие. Ибо кто сказал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный», и прибавил: «о нем же благоволих», тот ясно показал, что говорит это по сравнению с прочими сынами, не особенно возлюбленными и не заслужившими особенного благоволения“.

41) Его же из книги к долженствующим креститься:

„Пребывая в нем, Бог Слово своею силою отразил удары смерти, освободил его от этих страшных уз, воскресил из

мертвых, даровал ему бессмертную жизнь, и, сделав его невредимым, бессмертным и неизменным, возвел на небо“.

42) И потом:

«Хотя Бог и допустил, чтобы Христос, силою Святого Духа оправдавшийся и сделавшийся непорочным, – как говорит блаженный Павел в одном месте, что он «оправдался в Дусе» (1Тим. 3, 16), а в другом, что он «Духом Святым себе принес непорочна Богу» (Евр. 9, 14), – умер по закону человеческому; но с другой стороны Бог воскресил его, как сделавшегося силою Святого Духа безгрешным, и сподобил лучшей жизни, сделавши его неизменяемым в душевных помышлениях и по плоти нетленным и неразрушимым“.

И потом:

«Богу же благодарение, давшему нам победу Господем нашим Иисусом Христом» (1Кор. 15, 57), Апостол говорит нам, что виновник этого – Бог, даровавший нам победу над всеми врагами, над смертью, над грехом и над всяким, проистекающим отсюда, злом; Он ради нас воспринял человека – Господа нашего Иисуса Христа, даровал ему чрез воскресение из мертвых лучшую жизнь, и удостоил его сидения одесную Себя, а нам даровал общение с ним“.

43) Его же из двенадцатой книги о воплощении:

«Когда спросят: мать человека или мать Бога – Мария?, мы должны отвечать: и то и другое, – первое по естеству, а второе относительно. Она мать человека, потому что человек был во чреве ее, человек же и вышел из чрева ее. Но – она мать Бога, потому что Бог был в рожденном человеке, не то, чтобы Он объят был им по естеству, но Он был в нем по благоизволению».

44) Того же Феодора мнения, изложенные и опровергнутые святым Кириллом:

«Сын по благодати – человек, происшедший от Марии, а по естеству Бог Слово. Но что по благодати, то не по естеству; и что по естеству, то не по благодати. Не два сына. Для плоти, которая от нас, достаточно усыновления, славы и бессмертия по благодати; потому что она стала храмом Бога Слова. Не следует ставить ее выше ее природы и допускать

несправедливость в воздаянии подобающей благодарности Богу Слову. В чем же эта несправедливость? В сопоставлении Его с плотию и в мысли, что Он нуждается в плоти для совершенного усыновления. И сам Бог Слово желает почитаться не сыном, но Господом Давида; а на то, чтобы воспринятый им человек назывался сыном Давида, не только не изъявил несогласия, но поэтому именно и стал присущ ему.

45) Того же Феодора из мнений, опровергнутых святым Кириллом:

„Когда вопрос будет о рождении по плоти, тогда не следует считать Бога Слова сыном Марии; потому что от смертного рождается смертное и от плоти подобное ей. А двух рождений Бога Слова, одного прежде веков, а другого напоследок дней нельзя допустить“.

46) Его же из толкования послания к евреям:

„Пусть прекратят непристойный спор, пусть оставят пустое состязание и устыдятся наглядности вышесказанного. Многих, говорится, сынов приводит в славу. Итак, в смысле вот какого усыновления являет апостол воспринятого человека, ставя его вместе с прочими не потому, что он – одинаковый с ними участник в усыновлении, но потому, что он получил усыновление подобно им по благодати; так как одно Божество имеет усыновление по естеству».

47) Его же из двенадцатой книги о воплощении:

„Но на это говорят, что имя Иисус означает спасителя. Каким же образом этот человек может называться спасителем? Говорят так, забыв, что Иисусом назывался и сын Навинов и, достойно удивления, он назван был так не случайно при рождении, но переименован Моисеем. Очевидно, что не было бы позволено давать такое имя человеку, если бы оно вполне означало божественное естество».

48) Его же из той же книги:

„Итак, не только называет его сыном отдельно от Бога Слова, но и ограничивает относительно усыновления сопоставлением его с прочими участниками в усыновлении: ибо и сам он стал участником в усыновлении по благодати, а не потому, что по естеству рожден от Отца, но стал участником

преимущественно пред прочими; так как усыновление его основывается на единении с Богом; что дает ему более твердое участие в усыновлении».

49) *Феодора из второй книги о воплощении:*

„Человек Иисус подобен прочим людям, ничем не отличается от людей одной с ним природы, кроме того, что Бог даровал ему благодать, а данная благодать не изменяет природы; но по упразднении смерти Бог даровал ему имя паче всякого имени“.

50) *Его же из той же книги:*

«Но мои братья, сыновья одной со мною матери, скажут мне: не разделяй человека и Бога, но называй одним именем как того, кто одного со мной естества, так и Бога. Если я должен называть его единосущным Богу, то спрашиваю, каким образом человек и Бог – одно? Ужели одно естество у человека и Бога, у Господа и раба, у Творца и твари? Человек одного существа с человеком, Бог одного существа с Богом. Итак, каким образом чрез единение могут стать одним и человек и Бог, – и Тот, кто спасает, и тот, кто спасается, – и Тот, кто прежде веков, и тот, кто явился из Марии“?

51) *Его же из четвертой книги толкования на Матфея – о сотнике:*

„Хорошо присовокупил сотник: «ибо и аз человек есмь» (Матф. 8:9), чтобы сказать, что нисколько не следует удивляться, если ты можешь сделать это, так как ты человек, приемлющий власть от Бога. И я также имею повинующихся мне, однажды навсегда по щедрости дателя получив власть повелевать“.

52) *Его же из той же книги:*

«Посему нет ничего несообразного, чтобы и ты, получив от Бога такую власть, одним словом повелевал исчезать болезням. Ибо сотник пришел к нему, не как к Сыну Божию, существовавшему прежде всей твари и Творцу существующего“.

53) *Его же из тринадцатой книги о воплощении:*

„Согласно с этим и апостол говорит: «и исповедуемо велия есть благочестия тайна»: тот, кто «явился во плоти, оправдался в Духе» (1Тим. 3, 16). Называет его апостол оправдавшимся в

Духе или потому, что он прежде крещения с надлежащею точностью сохранил закон, или потому, что и после оного, при содействии Духа, он с великою точностью выполнил благодатное служение“.

54) *Того же Феодора из четырнадцатой книги того же сочинения:*

„То же самое мы справедливо скажем и о Господе, что Бог Слово, по предведению, зная его добродетель, в самом начале его телесного образования благоволил всецело обитать в нем, и, соединяя его с собой действием воли, сообщил ему некоторую преизбыточествующую благодать, потому что благодать, находящаяся в нем, должна была уделяться и всем людям. Поэтому Он и направлял всецело волю его к добру. Мы учим не тому, что этот человек не имел никакой воли, но тому, что он желал добра, и даже более – что в нем добровольно преобладало желание добра и отвращение от противного (ему). А божественная благодать с самого начала сохранила ему всецелую волю, потому что Бог в точности знал, каков он будет; и для укрепления его Бог своим обитанием доставил ему великое содействие ради спасения всех нас. Поэтому не несправедливо сказал бы кто-нибудь, что нечто преимущественное пред всеми дано этому человеку, который воспринят Господом“.

55) *Того же Феодора из толкований на евангелие от Матфея, где он сказал, что Бог сотворил противоположности, то есть добро и зло:*

„Существу разумному свойственно различать добро и зло. Если бы не было противоположностей, то для него невозможно было бы различать что-нибудь, поэтому-то в творении своем (Бог), во-первых, создал великую противоположность“.

56) *Его же из книги о том, что Бог научил греху и ввел (в мир) смерть:*

„Так как Адам не повиновался, то поэтому подвергся смерти: и сделалось, по причине преслушания, то что Творцом, для нашей пользы, сделано помимо преслушания: мы научились греху“.

57) *Того же Феодора из пятой книги его толкования о творении, где он говорит, что добро и зло сотворено Богом:*

„Итак, не без соизволения и решения Божия смерть постигла людей и не без пользы Он допустил грех: ибо этого не могло случиться вопреки Его воле. Но так как Бог знал, что для нас, особенно для всех существ разумных, полезно допустить сначала зло и непотребное, а потом истребить это, и ввести лучшее: вследствие этого Он и разделил все творение на два состояния, настоящее и будущее; в последнем Он вознамерился все привести к бессмертию и неизменяемости, а в настоящем творении допустил господствовать над нами смерти и изменяемости. Если бы тотчас, с самого начала, Он сделал нас бессмертными и неизменяемыми, то мы, не зная, в собственном смысле, добра, ничем не отличались бы от существ неразумных; потому что, не узнавши изменяемости, мы не узнали бы блага неизменяемости; не зная смерти, мы не знали бы цены бессмертия; не изведавши тления, мы не могли бы хвалить нетления; не испытавши тяготы страстей, мы не стали бы удивляться бесстрастию. Коротко сказать, чтобы не продолжать речь: не изведавши опытом зла, мы не могли бы стяжать познания добра“.

58) *Его же оттуда же, где он говорит, что и ангелы, и люди, и демоны одинаково злы:*

„Всему вообще разумному, т. е. невидимому, и нам, у которых смертно тело, а душа, подобно невидимым и разумным сущностям, бессмертна, – необходимо испытать в настоящей жизни изменяемость, для того, чтобы мы изучили лучшую науку благочестия и достигли благоволения“.

59) *Его же – где он утверждает, что все создано изменяемым и смертным и что, по воскресении, все тотчас сделается опять неизменяемым и бессмертным, по подобию Христа.*

„Богу угодно было, чтобы творение испытывало двоякого рода Состояние; одно настоящее, в котором Он создал все изменчивым, а другое будущее, когда Он, обновив все, приведет в неизменяемость. Начало же этого Он показал нам в домостроительстве Господа Христа, которого, сущего из (среды)

нас, Он воскресил из мертвых и соделал бессмертным по телу и неизменяемым по душе, чем и доказал, что это же будет со всем творением“.

60) *Его же из четвертой книги о творении:*

„То несомненно, что как у нас чрез воскресение будет нетленное тело и неизменяемая душа, таким же образом получают неизменяемость и невидимые и разумные существа, которые теперь находятся в извращенном состоянии, как это показывают весьма многие тысячи демонов, а тогда вместе с нами будут в состоянии неизменяемости“.

61) *Его же из пятой книги – о том будто Бог, зная что Он избавит людей от греха, по этому самому и допустил его:*

„Хотя Он знал, что (люди) будут всевозможным образом грешить, но Он допустил это, зная, что избавит их: ибо для Того, который привел их из небытия в бытие, сделал. их владыками столь многого и даровал им в распоряжение столь многие блага, невозможно было не возбранить вход греху, если Он знал, что избавит их от него. Но так как невозможно было, чтобы мы научились греху, изведали тяготу страстей и все худшее, познали во всем этом нашу слабость и оценили по достоинству все величие нетления, которое Он намерен был дать нам впоследствии, если бы изначально не было так устроено Богом, чтобы мы чрез сравнение и опыт познали величие тех бесконечных благ: то поэтому-то, допустив войти в мир греху, как имеющему принести нам пользу, Он великую к тому помощь нашел в борьбе с ним“.

62) *Того же Феодора, злословящего по поводу сказанного о пламенном оружии и херувиме (Быт. гл. 3):*

„О пламенном оружии говорится с тем, чтобы выразить, что страшен огонь блистающий, вытянувшийся на манер меча, дабы для видящих было вдвойне страшное некое видение – и от природы и от фигуры того, что являлось; о нем сказано, что обращалось, дабы, блистая при непрестанном движении, оно производило страшный и большой ужас в видящем. Херувимом же называет некоторые устрашающие формы животных, могущие привести в трепет взирающего. Ибо как у нас некоторые животные приставляются иногда к дверям, так и Бог

приставил пламенное оружие и херувима для того, чтобы Адам, страшным для зрения видом воспрещаемый входить в рай, получил чрез то заслуженное наказание. Херувимом здесь называются не какие-нибудь невидимые доблести, как думают некоторые, потому что невидимое по природе не имело бы здесь никакого значения; то, что служило бы наказанием для Адама, должно было иметь чувственный вид. Итак, ни пламенное оружие не было по природе огнем, но казалось только таким, ни херувим не был животным, но только казался таким».

63) *Того же Феодора, отвергающего книгу Иова, и о писателе ее, то есть, о Св. Духе, говорящего, что эту книгу написал (человек) мудрствующий по-язычески:*

„К тем (книгам), которые написаны для наставления людей, должны быть причислены и книги Соломона, то есть, Притчи и Екклесиаст, которые он написал собственноручно на пользу других, потому что он не получил дара пророческого, но имел только дар мудрости, который, очевидно, отличен от первого, по слову блаженного Павла“ (1Кор. 12, 8–11).

64) *И потом:*

„Итак довольно удобно можно выкинуть из Писания все лишние слова. То, что необходимо было выставить на вид при изложении жизни Иова, все это мог кто-нибудь представить в лучшем свете и сделать его ревнителем добра. А так как он этого не делал, без нужды увлекшись любовью к тщетной славе, то он немало повредил мнению о праведнике у тех, которые о божественных писаниях судят обыкновенно не с должным благоговением, и тем многих заставил порицать написанное и направлять его к обвинению блаженного Иова“.

65) *И потом:*

«О самых начальных словах, которые писатель влагает в уста Иова, когда пришли к нему друзья (Иов. 3), какой человек, верно смотрящий на все, или здраво обо всем рассуждающий, может думать или утверждать, что (слова эти) приличны мужу праведному? Собирать с первого начала так много злословий и обрушивать их на такие предметы, которые не могут принять злословия, потому что не считаются даже существующими, –

кто подумает, что это прилично мужу, который проводил жизнь с такою мудростью, был так добродетелен и богобоязнен“?

66) *Порицая во всем книгу Иова и злословя ее писателя (или, что то же, Духа Святого, в конце своего богохульного толкования он так говорит:*

„Но этот позор еще мал в сравнении с тем, что находится в конце книги (Иов. 42). Там говорится, что Иов третью свою дочь назвал „Амалфеев рог“: это значит показать, что Иов верил в языческие басни и уважал вымыслы идолослужения, тогда как несомненно, что блаженный Иов, человек необразованный, но происхождения идумеенин, не мог даже и знать языческих басней о Юпитере, Сатурне и Юноне. А если бы он и знал, то дочери своей, родившейся по чудному действию свыше, он не дал бы имени, заимствованного из языческих басней идолослужения, как будто он думал украсить ее, если бы она была названа так. Ибо это свойственно было тому, кто верил в языческие басни, любил вымыслы идолослужения, хотел украсить чрез это дочь свою, и желал как на себе, так и на дочери своей показать, что он причастен вымыслам идолослужения. Но что все это вымысел, известно всем“.

67) *И потом:*

„Обнаружился и писатель, допустивший это вследствие сильной, но грубой любви к тщеславию. Ибо, чтобы показать самого себя и знающим иностранные учения, и сведущим в баснях язычников, которые они считали верными, на счет их мнимых богов, он не усомнился несколько заимствованное оттуда имя приписать праведнику, который будто бы хотел украсить им свою дочь. Да и все изложение книги, по моему мнению, ясно показывает, что писатель образован был языческими учениями. Но, думая, по образцу этих учений, составить настоящее сочинение, он только повредил красоте истории. Когда у язычников сочиняют трагедии, то материал берут из того, о чем говорят многие, и притом такой, который во мнении большинства считается истиною. Пользуясь таким очищенным материалом, они спешат показать свое искусство и свою мудрость в составлении басней, выводят на сцену лица, которые им нравятся, влагают слова в уста тех, чрез которых

они думают прославиться и увенчаться, так что хвалят ли произведение, или упрекают за то, что писатель погрешил в содержании или в самых словах, то и другое читатели относят не к лицам, слова которых он приводит, но к составителю басни. Точно также, когда и он (писатель книги Иова) узнал переходившее вообще из уст в уста, не только среди израильского, но и других народов, великое и славное повествование о блаженном Иове, которого еще более славным делало свидетельство Божие, высказанное у пророка; то, желая приобрести себе славу от величия предмета, он составил это сочинение, не думая о том, что существует большое различие между историей праведника, изложенною согласно с простотою и глубиною божественного Писания, и между словами излишними, придуманными для доказательства. Вот почему он сделал те изображения, в которых заставил диавола вести спор перед Богом, и вложил, какие ему хотелось, слова, – одни в уста праведника, а другие в уста друзей: насколько в этих словах он преступил меру приличия, сказано уже выше. Напоследок он ввел Елиуса, высказывающего речи, полные такой несправедливости к праведнику, и в конце великому Лицу божественного естества приписал такую речь, в которой не задумался прибавить выдумку о левиафане. По той же грубой любви к тщеславию он имя, заимствованное из языческих басней, вложил в уста блаженного Иова“.

68) *Тот же Феодор пренебрегает Песнь песней, говорит, что Соломон написал это к возлюбленной, выражаясь неприлично для слуха христиан. Вот слова его.*

„Досадно было мне перечитывать Песнь песней, потому что она составлена не по подобию пророческой книги, и не по историческому преданию, как книги Царств, и не представляет убедительного увещания к подвигам: и я не знаю, каким образом правило твоих наставлений относительно Песни песней, требующей от нас беспрекословной защиты ее, заставило меня, против воли однако ж, быть более усердным по отношению к ней. Но и при всем том я не переставал, при самом начале чтения, с усердным как бы проворством зевать и

дремать, как очарованный брачным и притом царским пиром этой книги».

69) *И спустя немного.*

„Таким образом (Соломон), чрез свою мудрость, сделался для язычников и иудеев славным и страшным, как человек хитроумный. От этого при нем мир был гораздо продолжительнее, чем в прежние времена; потому что великая мудрость Соломона обуздывала страхом народы, любящие войну. Пользуясь таким миром, Соломон устраивает египетское пиршество, чрез что делается человеком порочным между иудеями и нарушителем отечественных законов, возбраняющих браки с иноплеменниками (Исх. 34, 16). Пиршество устроено было для отроковицы, от которой следовало бы убегать уже по причине родового безобразного цвета (известно, что Египет – производитель черных цветов), а еще более потому, что население Египта вело свое начало от Хама, наследовавшего древнее проклятие Ноя. Допустивши все это из привязанности к своей супруге и раздраженный укоризнами за нарушение закона, Соломон в песенной форме излагает оправдание самого себя, чтобы тем приятнее сделаться для своей супруги, увеселяясь песнопениями, написанными для нее, и мудро поразил укоряющих его. Как будто написанное таким образом произведение, по причине того, что в нем описывается брак, хотя и преступный, могло возбуждать в нем веселие, а не раскаяние. Отсюда книга его начинается прямо брачными поцелуями; он как будто представляет новобрачную так восклицающе порицателям: «да лобжет мя жених от лобзаний уст своих» (Песн. 1, 1), а до вас, порицающих меня, мне нет никакого дела. Далее, от лица своей невесты еще сильнее высказывает раздражение от поношений: «черна есм аз и добра, дщери иерусалимския, якоже селения кидарска, якоже завесы Соломони» (Песн. 1, 4). Не ставьте мне, говорит она, в поношение цвет моей кожи, если только вы не думаете, что заслуживают поношения удивительные здания, выстроенные из черного камня аравийского: члены мои подобны этим камням и так же драгоценны, как некоторые из этих камней. А камни эти подобны той самой лазури, которую вы, поносящие, воспеваете,

и царской порфире, и не просто царской, но такой, в которую облачается Соломон, больше всех царей любящий украшения.

Прочие песни представляют собою выражение раздражения людей как бы несмысленных, без причины называющих иноплеменным то, что уже известно.

70) *И потом:*

«Кто поет какого бы то ни было рода песнь, тот увеселяет себя; я же воспеваю упомянутую песнь и пою ее, не увеселяясь вместе с теми, для которых пою: ибо я не хотел описывать для последующих родов поношения моего брака. Думая же воспевать, по необходимости оправдаться, чего я не хочу, я принужден воспеть такую песнь, которая выходит из ряда обыкновенных песней. Ибо я принужден вместе с невестой воспевать то, что поносят – по той причине, что это открытое оправдание, и возглашать то, что прилично брачующимся скрывать. А так как думают нас поссорить своими поношениями и разделить своими злословиями, то пусть же послушают, с каким жаром мы воспеваем свои объятия, и пусть обоняют при этом запах наших брачных благовонных мазей; пусть раздаются во все стороны звуки величественных песней о наших лобзаниях; воспевай, невеста, твою пурпурную приятную черноту! Да будет обращено поношение на твой достохвальный по происхождению род, единоплеменный Израиль! Начинай свой ответ им такими словами: из горячих моих поцелуев да познают, что мы наслаждаемся взаимно любовными речами; поражающие нас своими поношениями пусть научатся молчаливой лире, любящей воспевать пиршества, и, среди злословий, пусть узнают, что нам во время моих пиршеств следует плясать. Таков смысл у писателя книги, но он ослабляется тем, что сочинение не надписано именем, не возведено таким образом Израилю, что писатель не самого Соломона описал, но написал книгу, вынужденный необходимостью соревнования».

71) *И спустя немного:*

«Все это надобно иметь в виду читающим эту книгу, и не должно думать, что это сочинение мудрейшего есть увещание к бесстыдству, и потому не нужно ненавидеть ее (ибо какая была

бы польза Соломону заботиться об описании бесстыдства, когда он мог и без описания совершать бесстыдные поступки?); но не надобно и хвалить ее, как будто бы содержащую в себе пророческое изображение благ Церкви. Ибо, если бы он заслуживал пророческую благодать, то сделал бы где-нибудь упоминание о Боге (потому что во всяком пророческом писании непременно упоминается о Боге); но должны знать все, что книга брачного соревнования есть застольная песнь, подобно тому, как Платон впоследствии написал пиршество любви. От того ни у иудеев, ни у нас Песнь песней никогда не читалась публично; потому что она есть домашнее брачное песнопение о пиршестве Соломона, воспевающее поношение невесты“.

Таковы сокровища нечестия Феодора.

Богохульный символ нечестивого Феодора⁸⁶:

„Те, которые начинают изучать глубину церковных догматов, или желают перейти от какого-нибудь еретического заблуждения к истине, должны научиться исповедовать, что мы веруем во единого Бога Отца вечного, не впоследствии начавшего существовать, не от начала сущего вечным, не после ставшего Отцом, потому что всегда был Богом и Отцом. Веруем и во единого Сына Божия единородного, сущего из Отчей сущности, поистине Сына, той же самой сущности (с Отцом), которого есть и исповедуется Сыном. И в Духа Святого, который есть из сущности Бога, не есть Сын, но Бог по существу, потому что имеет ту же сущность, какой есть и Бог Отец, из которого Он есть по существу. Ибо "мы, – говорит (апостол), – не духа мира сего прияхом, но Духа иже от Бога» (1Кор. 2, 12); он отделяет. Его от всей твари и соединяет с Богом, из которого Он есть по существу, – особенным образом, а не так, как вся тварь, которую мы признаем происшедшею от Бога не по существу, а действием творения; но не признаем Его ни Сыном, ни чрез Сына получившим бытие. Мы исповедуем Отца единого совершенного по личности, подобно и Сына, также и Святого Духа. Мы храним учение благочестия, признавая Отца и Сына и Святого Духа не тремя различными сущностями, но познаем одно и то же естество Божества. А о домостроительстве, которое, ради нашего спасения, Господь Бог совершил в

воплощении Господа Христа, должно знать, что Бог воспринял себе истинного, совершенного человека, происшедшего от семени Авраама и Давида, по словам божественных Писаний (Матф. 1; Римл. 1), бывшего тем же самым по природе, чем были те, от семени которых он произошел, совершенного человека по природе, состоящего из разумной души и человеческой плоти; сего человека, одинакового с нами по природе, силою Святого Духа образованного в утробе. Девы, рожденного от жены и бывшего под законом (Гал. 4, 5) – чтобы всех нас, получивших уже издавна предопределенное усыновление, искупить от рабства закону, – Он неизреченно соединил с собою; допустил его претерпеть смерть, по закону человеческому, воскресил из мертвых, возвел на небо, и посадил одесную Бога. Итак, находясь «превыше всякого начальства, и власти, и господства, и силы, и всякого имени, именуемого не тобою в веке сем, но и во грядущем» (Ефес. 1, 21), он принимает поклонение от всей твари, как имеющий неразлучный союз с Божественным естеством, так что ему, как Богу, совершает поклонение вся тварь. Мы не говорим: два сына и два господа, потому что один есть Сын по существу – Бог Слово, едиnorodный Сын Отца, с которым этот соединенный и причастный имеет по имени сына и общение чести: и Господь по существу есть Бог, Слово, с которым этот соединенный имеет общение чести. И поэтому мы не говорим: два сына и два господа; ибо сущий по естеству Господом и Сыном нераздельное имеет соединение с тем, который воспринят ради нашего спасения, имеет честь и имя Сына и Господа вместе с ним, – не так, как каждый из нас делается сам по себе сыном (поэтому и называемся мы, по блаженному Павлу (Гал. 3, 16), сынами многими), но единый, имеющий это преимущество по своему соединению с Богом Словом, сделался участником как сыновства, так и господства, исключая всякую мысль о двойстве сынов и господов: в этом соединении с Богом Словом он дает нам иметь по отношению к нему всю веру и мысль и созерцание, по которым он приемлет от всей твари поклонение, приличное Богу. Итак, мы говорим: один Сын и Господь Иисус Христос, чрез которого все сотворено, впрочем,

преимущественно разумеем Бога Слово, который по существу есть Сын Божий и Господь; потом вместе с тем мы представляем в уме и воспринятого (Богом Словом) Иисуса из Назарета, которого Бог помазал Духом и силою, как сделавшегося, вследствие соединения с Богом Словом, причастником сыновства и господства, который от блаженного Павла называется вторым Адамом (1Кор. 15, 45), как имеющий одну и ту же природу с Адамом, показавший нам будущее состояние, имеющий такое различие с ним, какое существует между тем, который дарует неизреченные блага будущего состояния, и тем, который положил начало настоящим бедствий. Подобным же образом он называется и вторым человеком, как показавший второе состояние; Адам был виновником первого состояния, смертного, исполненного страданий и многих бедствий, в котором он показал, что имеет сходство с ним, а второе состояние показал Господь Христос. Явившись с небес в будущем, он всех нас приведет в Свое общение. Ибо, говорится, «первый человек от земли перстен, второй человек Господь с небеси» (1Кор. 15, 47), то есть, оттуда имеющий явиться в будущем, чтобы привести всех в подобие ему; поэтому (апостол) и присоединяет: «яков перстный, такови и перстнии, и яков небесный, тацы же и небеснии; и якоже облекохомся во образ перстного, да облечемся и во образ небесного» (1Кор. 15:48, 49). И в этом имеющем явиться и быть видимым всеми, которые будут судимы, совершит суд невидимое божественное естество. «Лета убо неведения презирая Бог, ныне повелевает человеком всем всюду покаяться: зане уставил есть день, в онь же хочет судити вселенней в правде, о муже, его же предустави, веру подая всем, воскресив его от мертвых» (Деян. 17, 30–31). Таково учение церковных догматов, и всяк мыслящий противно этому да будет анафема“!

После того, как прочитаны были богохульства Феодора Мопсуестского и нечестивый его символ, святой собор воскликнул: „этот символ составил сатана. Анафема тому, кто составил сей символ! Символ этот вместе с его составителем анафематствовал первый Ефесский собор. Мы знаем один

только символ веры – тот, который составили и передали нам святые отцы никейские. Сей символ передали нам и святые три собора: в нем все мы крещены и в нем мы крестим. Анафема Феодору Мопсуестскому! Он опозорил евангелие, он поругался над домостроительством (нашего спасения). Анафема тем, которые не анафематствовали его! Защитники его – иудеи, последователи его – язычники. Многие лета императору; православному императору многие лета; христианскому императору многие лета! И да хранится у тебя это благо! Ты удалил плевелы, ты очистил церкви. Феодора Мопсуестского все мы анафематствуем. Феодора и Писания его все мы анафематствуем“.

И после восклицаний святой собор сказал: „множество прочтенных богохулений Феодора Мопсуестского против великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, даже против собственной души, оправдывает осуждение его. Поэтому надлежало бы нам, ничего не ожидая, и собором подвергнуть его мнения анафематствованию. Но хотя известно то, что высказали против него святые отцы, законы императорские и писатели истории; однако ж, так как в исследовании производящегося против него дела не должна быть опущена ни одна тонкость, то прочее выслушаем в другой день“⁸⁷.

СОБРАНИЕ ПЯТОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в VIII⁸⁸ день майских ид, индиктиона I, заседали в судебной палате почтеннейшие епископы царствующего города⁸⁹:

Евтихий, святейший патриарх царствующего города Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин, святейший патриарх великого города Феополя, Стефан, благоговейнейший епископ рафийский,

Георгий, благоговейнейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „святой собор ваш знает, что в прошлый день, по прочтении богохульств Феодора Мопсуетского, вы сделали рассуждение, как показывающее нечестие Феодора и его писаний, так и повелевающее в другой день прочитать то, что об этом самом сказали святые отцы и что содержится в императорских законах и писаниях исторических. Так как все это теперь у нас под руками, то представляем, что будет угодно“. Святой собор сказал: „пусть будет прочитано то, что уже сделано“. Когда это было исполнено, святой собор сказал: „как и прежде мы говорили, пусть будет прочитано то, что против Феодора Мопсуестского и его богохульств написали святые отцы и что содержится в императорских законах и писаниях исторических“. И почтеннейший диакон и нотариус Феодор, взявши прочитал:

Святой памяти Кирилл из первой книги сочинения, которое он написал против Феодора:

Феодор:

„Если кто хочет называть Сына Божия, Бога Слово, не в собственном смысле сыном Давидовым, пусть называет, потому что храм Бога Слова произошел от Давида; и того, кто произошел от семени Давидова, пусть называют Сыном Божиим

по благодати, а не по естеству, не упуская из внимания естественных родителей, которые не извратили порядка (вещей), не называя телесным того, кто бестелесен, и не говоря, что он и прежде веков от Бога и от Давида, и страстный и бесстрастный. Тело не бывает бестелесным; что находится долу, то не находится горе; что прежде веков, то не есть уже от семени Давидова; что страстно, то не есть бесстрастно; ибо все это не может соединяться в одном и том же понятии. Что принадлежит телу, то не принадлежит Богу Слову; а что свойственно Богу Слову, то не свойственно телу. Естества станем исповедовать, и домостроительств отвергать не станем“.

Кирилл:

«Утверждающий, что не должно отвергать домостроительств, совершенно извращает таинство вочеловечения. Ибо он решается утверждать, что едиnorodное Слово Божие не сделалось человеком, и не явилось от семени святого Давида; но явно вводит двойственность сынов, природу неравную и ложную по наименованию. То, что говорится не в собственном смысле, показывает, что не существует на самом деле то, о чем говорится; ибо оно заимствует название другого. Итак, если Слово Божие называется человеком не в собственном смысле, то, очевидно, оно и не сделалось человеком. Если не в собственном смысле Сын и Бог тот, который произошел от семени Давидова, то он и не Бог и не Сын по природе и истине. Итак это название ложно по отношению к тому и другому, а по-справедливости тут разумеется самый предмет; ибо тот и другой называется тем, что он не есть“.

Из той же книги: **Феодор:**

„Когда мы спрашиваем о естественных родителях, то хорошо мудрствующим надлежит называть Бога Слово – не сыном Давида или Авраама, но творцом, а тело – не прежде веков от Отца (сущим), но семенем Авраама и Давида, рожденным от Марии. И когда речь идет о естественных рождениях, то пусть сын Марии не считается Богом Словом; ибо смертный рождает смертного по природе и производит тело подобное себе. Бог Слово имел не два рождения – одно прежде

веков, а другое в последние времена, но родился от Отца по естеству, а храм, рожденный от Марии, он образовал себе из самой утробы ее“.

Кирилл:

„Потом, излагая кратко и включив нечто в середину, он опять говорит“:

Феодор:

„Когда же речь идет о спасительном домостроительстве, то Бог называется человеком, не потому, что Он сделался таким, но потому, что Он воспринял это; а человек называется Богом не в том смысле, будто он стал неопишущим и вездесущим, ибо тело и по воскресении было осязаемо; таким же оно взято и на небо, таким же и опять придет, каким было взято“.

Кирилл:

„Явно и очевидно говорится все это вопреки священному писанию; Феодор хулит таинство Христа и как бы порицает Бога Слово за то, что Он ради нас благоволил претерпеть истощение, а что Он сделался человеком – это, по-видимому, оскорбляет Феодора. Он таким образом совершенно уничтожает вочеловечение и величается над неизреченною премудростию, почти говоря вместе с иудеями Спасителю всех нас Христу: «о добре деле камение не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты человек сый, твориши себе Бога» (Иоан. 10, 33). Но пусть он послушает Того, Кто говорит во всеуслышание: «еще не творю дела Отца моего, не имите ми веры: еще ли творю, еще и Мне не веруете, делом Моим веруйте» (Иоан. 10, 37–38). Итак, он знает, что Слово Божие, когда оно явилось человеком, обладало божественною силою и властью, но отвергает, что Оно было Богом, утверждая, что Оно скорее обитало в человеке, как будто Бог Слово явил нам собою человека достойного обожания и удостоившегося высокого наименования божества. Посему несомненно, что он совершенно не ведает силы таинственного воплощения Христа“.

Из той же книги: **Феодор:**

«Но если, говорится, плоть было то, что пригвождено было ко кресту, то каким образом и солнце скрыло свои лучи, и тьма покрыла всю землю, и земля потряслась, и камни распались, и

мертвые воскресли (Мат. 27, 45–53)? И так, что сказать о тьме, бывшей в Египте во времена Моисее – не в продолжение трех часов, но в течение трех дней (Исх. 10, 22–23)? А что сказать о прочих чудесах, совершенных чрез Моисея и Иисуса Навина, остановившего солнце (Нав. 10, 12–13), и о том, как солнце, во времена Езекии, вопреки закону природы, возвратилось вспять (4Цар. 20, 9–11), и как останки Елисея воскресили мертвого (4Цар. 13–21)? И если события, бывшие во время крестных страданий, указывают на то, что страдал Бог Слово, и если они не могли совершиться ради человека; так и то, что было во времена Моисее, а также во времена Иисуса Навина и во времена царя Езекии, было не для рода Авраамова. Если же те чудеса совершены были ради народа иудейского, то тем более бывшие при кресте – ради храма Бога Слова⁹⁰.

Кирилл:

«Ужасеся небо о сем, и вострепета попремному зело, глаголет Господь» (Иер. 2, 12). О невыносимое злословие! о язык, говорящий нечестие против Бога, и ум, крайне надмевающийся! Неужели для тебя мало, что пригвожден был ко древу Господь славы? Его ты ни Сыном истинным, ни Богом не называешь; но мы веруем, что Он есть истинный Сын и Бог, творец и создатель всего. Ибо не был Он человек просто, но в образе человеческого был Тот, который есть Бог Слово от Бога Отца, не преложение или изменение претерпевший во плоти, но соединенный с нею, по свидетельству священного Писания. Сей-то, пострадавший во плоти и повешенный на древе, совершил чудеса в Египте, являя во всем славу свою чрез мудрого Моисея“.

Из той же книги: **Феодор:**

„Сын по благодати – человек, происшедший от Марии, а по естеству – Бог Слово. Но что по благодати, то не по естеству, и что по естеству, то не по благодати. Не два сына. Для плоти, которая от нас, достаточно усыновления, славы и бессмертия по благодати, потому что она стала храмом Бога Слова. Не следует ставить ее выше ее природы и допускать несправедливость в воздаянии подобающей благодарности Богу Слово. В чем же эта несправедливость? В сопоставлении Его с

плотию и в мысли, что Он нуждается в плоти для совершенного усыновления. И сам Бог Слово желает почитаться не сыном, но Господом Давида; тело же называть сыном Давида не только не оскорбительно, но и прилично по этому самому⁹¹.

Кирилл:

«Итак, что по благодати, то не по естеству, а что по естеству, то не по благодати, и не два сына, по твоему разумению! Но кто по благодати, а не по естеству сын, тот и не есть истинный сын; излишня была слава истинного сыновства для того, кто есть таков по естеству, а не по благодати, то есть, для Бога Слова, который есть от Бога Отца. Итак, по твоему, не должно, как я сказал, быть и называться Сыном Божиим Иисусу Христу, чрез которого мы получили спасение, возвещая смерть Его и исповедуя воскресение! Итак, слово веры, которое мы возвещаем, приводит нас вот к какому исповеданию! Итак, в человека у нас вера, а не в того, который есть по естеству и истине Сын Божий! Но если справедливо, что Он получил сыновство по благодати, то Он будет сопричисляться множеству сынов, то есть, нам, которым Он, по дарованной ему свыше благодати, дарует усыновление, «к которому мы и призваны чрез Иисуса Христа, который от семени Давидова по плоти» (Рим. 1). Извещает же тебя и божественный евангелист, говоря: «елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его» (Иоан. 1, 12). Каким же образом получивший достоинство сыновства от иного может даровать и нам не свою, но приобретенную им отвне благодать“?

И спустя немного: „Сын дал самого себя на испытание, и, будучи совершен во всем, благоволил претерпеть уничижение и родиться по плоти от жены, и назван был сыном Авраама и Давида. Не удивляйся столь благому художеству домостроительства, а уразумевай более таинство. Говоря, что унижительно было бы воплощение Единородного, ты хулишь совет Бога и Отца, ругаешься над самым Сыном, благоволившим, ради тебя, претерпеть истощение. Ибо, когда ты слышишь, как Он говорил небесному Отцу и Богу: «жертвы и приношения не восхотел еси, тело же свершил ми еси: всесожжений и о гресе не взыскал еси. Тогда рех: се прииду: в

главизне книжне писано есть о мне, еже сотворити волю твою, Боже мой, восхотех» (Псал. 39, 7–9), – то несправедливо, говоришь, что Сын помышлял только о своей славе. Избрал же себе совершенное тело, не для иного созданное, но для себя, по словам его самого: «тело же свершил ми еси», говорит. Послушай еще Павла, говорящего о Боге Слове: «понеже убо дети приобщися плоти и крови, и той приискренне приобщися техже» (Евр. 2, 14). И мудрый Иоанн пишет так: «и Слово плоть бысть и вселися в ны» (Иоан. 1, 14). Восстань против них и восклицай: „да не оскорбляется нами вместо должной благодарности! Бог Слово не сделался плотию, Бог Слово не приобщился приискренне плоти и крови; не родился, подобно нам, по плоти от жены и не назван сыном Давида. Каким же образом Он восхотел бы потерпеть то, чем и называть Его есть оскорбление, и что несогласно с Его волею“? Но мы, о мудрец, навывкли славословить Бога и Отца, что Он "свершил" тело Сыну; а о самом Сыне говорим, что Он стал плотию, то есть, человеком, ради нас претерпел истощение и подвергся унижению нашей скудости, но и при этом пребыл Богом и истинным Сыном Бога и Отца. Итак, каким образом Он не восхотел именоваться сыном Давида, если Он вочеловечился, и притом не невольно»?

Из второй книги Кирилла: Феодор:

«Что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его» (Псал. 8, 5)? Рассмотрим, что это за человек, относительно которого псалмопевец изумляется и удивляется, что Единородный удостоил его своего памятования и посещения. Что не о всяком человеке здесь сказано, это показано выше, и что не об одном каком-либо, это также известно. Но оставим все это, потому что это очень убедительно для всех, и послушаем свидетельство об этом апостола. Итак, апостол пишет к евреям, повествуя о Христе, и, подтверждая лице Его, не принимаемое ими, он так говорит: «засвидетельствова же негде некто, глаголя: что есть человек, яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его? умалил еси его малым чим от ангел; славою и честию венчал еси его, и поставил еси его над делы рукою твою: вся покорил

еси под нозе его». И приведши свидетельство, он, объясняя его, присовокупил: «внегда же покорити ему всяческая, ничтоже остави ему непокорено»: ныне же «не у видим ему всяческая покорена». А так как у блаженного Давида не было прямо сказано, кто такой этот человек, то, научая нас, апостол и прибавил: «а умаленного малым чим от ангел видим Иисуса, за приятие смерти славою и честью венчанна» (Евр. 2, 6–9). Итак, из евангелий мы научаемся, что блаженный Давид сказал о Господе все то, что содержат псалмы, равно как и слова: «яко помниши его», «посещаеши», "умалил" и "покорил"; апостол же нас учит, что это об Иисусе Давид говорит: не только вспомнил его, посетил его, но и все покорил ему, малым чем унизил его пред ангелами; поэтому оставьте ваше неразумие и познайте то, что должно познать. Видите, беззаконнейшие из людей, сколь велико различие естеств: этот удивляется что удостаивает вспомнить о человеке, посетить его и сделать его участником всего прочего, чему он сделал его причастным; а тот напротив изумляется, что он удостоился столь великих благ выше своей природы. Этот изумляется, как делающий благодеяние, сообщающий многое такое, что выше природы получающего благодеяние; а тот изумляется, как получающий благодеяние и приемлющий от него гораздо больше, чем он достоин".

Кирилл:

«Трезвитесь» (1Петр. 5, 8) пьяные от вина вашего! – пусть восклицает некто так заблуждающимся; – положи, человек, дверь и ограждение устам твоим (Пс. 140, 3); перестань воздвигать на высоту рог свой и говорить на Бога неправду (Пс. 74, 6)! Доколе ты будешь ругаться над страждущим Христом? Имей в своем уме написанное божественным Павлом: «согрешающе в братию и бьюще их совесть, немощну сушу, во Христа согрешаете» (1Кор. 8, 12). Скажу еще нечто и из пророческих книг: тобою оправдан Содом (Иез. 16, 53), ты превзошел разглагольствия язычников против Христа, считавших крест юродством, ты показал, что нет ничего преступного в иудейской гордости. Ты стараешься умалить и, сколько от тебя зависит, унижаешь до бесславия Того, которому подобает вышнее сидение и который имеет это сидение с Богом

и Отцом. Ибо о Том, который воскрес из мертвых, мудрейший Павел говорит, что Он сидит на престоле Божества. «Такова имамы, – говорит он, – первосвященника, иже седе одесную престола величества на небесех» (Евр. 8, 1), «превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не точию в вещи сем, но и в грядущем» (Ефес. 1, 21). Ибо преклоняется пред Ним «всяко колено небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповестъ, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. 2, 10–11). Кто же есть Тот, который во всем этом является как Бог? Он сам объяснил, кто первосвященник его таинств. «Но себе умалил..., – говорится, – в подобии человечеством быв и образом обретеса, яко же человек. Смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. 2, 7–8). Итак, преклоняется всякое колено небесных и земных и преисподних пред Тем, кто претерпел крест: на Его-то чистое и единственное человеческое естество указывая, противник говорит, что Он заслужил от Бога Слова памятование и посещение, тогда как подлинно надобно знать и разуметь, что не иной кто был Бог Слово, как сам Он, и не иной есть сын, особо, в виде человека явившийся и происшедший от семени Давидова, но это был сам Бог Слово от Бога Отца, сделавшийся подобным нам, то есть, человеком, и не иного кого, как самого Себя удостаивающий посещения и памятования».

Из той же книги: Феодор:

„Да прекратят же бесстыдный спор! пусть престанут от пустого прения, стыдясь очевидности сказанного! Он говорит о приводящем многих сынов в славу. И вот в смысле сыновства апостол воспринятого человека сопричисляет прочим, но не потому, что он, подобно им, причастен сыновства, а потому, что он также принял благодать сыновства, хотя, по своему божеству обладает естественным сыновством. Ибо несомненно, что он, не как прочие люди, обладает славою сыновства, но обладает ею вследствие единения, которое он имеет с ним. Отсюда и в самом названии, обозначающем сына, равно разумеется и тот. Но говорят нам: если о двоих, совершенных во всяком отношении, говорите вы, то и двоих сынов мы должны

называть. Но вот в божественном писании сын, сам по себе, без отношения к его божеству, сопричисляется прочим людям, и таким образом мы уже не называем двоих сынов. В исповедании же по справедливости есть один сын, потому что разделение естеств необходимо должно оставаться, и нераздельное единство лица должно быть соблюдаемо“.

Кирилл:

«О безумие! тот не познал всей высоты таинства Христова, кто выразился о нем в таких слабых и детских словах. А что он слишком мало понимает силу предложенного Писания, уклоняется от правильного пути и пускается опять в свое злое направление, это мы сейчас покажем. Прежде всего он старается показать нам чистого человека, сидящего вместе со Отцом, и начинает дело тем, что вся тварь должна почитать его, как Бога. Сопричисляя же его сынам по благодати и множеству людей, он утверждает, что одно божество Слова имеет славу истинного сыновства, понося таким образом Того, кто ради нас благоволил претерпеть истощание, и свое нечестивое безумие противопоставляя ученику, говорящему! «И слово плоть бысть» (Ин.1:14). Итак, надобно знать, что он в некоторых местах говорит об одном, а не о двух сынах, совершенно отвергая, что есть Бог и Сын тот, который, как он сам говорит, от семени Давидова, и к одному Богу Слову, который от Отца, относит славу истинного сыновства. А это, как я сказал, не иное что значит, как не допускать вочеловечения и совершенно уничтожать домостроительство, чрез которое мы спасены, избавились от смерти и греха и свергли иго диавольской жадности“.

Из той же книги: **Феодор:**

„Никто да не обольщается искусственностью вопросов. Ибо порочно оставлять толикий «облак свидетелей» (Евр. 12, 1), о котором сказал апостол, и, прельстившись хитрыми вопросами, принимать сторону противников. Что же такое разумеют, когда искусственно спрашивают: мать человека – Мария, или мать Бога? и потом: кто был распят – Бог, или человек? Ясное и полное решение на это заключается уже в высказанных нами ответах по поводу этих вопросов; но мы и теперь скажем

коротко об этом, чтобы у них не оставалось никакого предлога к хитросплетениям. Итак, когда спросят: мать человека, или мать Бога Мария, мы должны отвечать: и то и другое – первое по естеству, а второе относительно. Она мать человека по естеству, потому что человек был во чреве Марии, который и вышел из нее. Но она – мать Бога, потому что Бог был в рожденном человеке, не то, чтобы Он объят был им по естеству, но Он был в нем по благоизволению⁹². Итак, то и другое можно сказать справедливо, но не в одном и том же смысле. И не надобно думать, будто Бог Слово, когда был человеком во чреве, получил начало. Он был прежде всякой твари. Поэтому и то и другое говорится справедливо, и то и другое имеет свой собственный смысл. Точно также и на вопрос: Бог ли был распят, или человек? надобно отвечать: и то и другое, но только не в одном и том же смысле. Один был распят, как претерпевший страдания, пригвожденный к дереву и задержанный иудеями, а другой – потому, что был соединен с тем по сказанной прежде причине».

Кирилл:

„Что говоришь ты, храбрец? Неужели святая Дева была матерью Бога потому, что в рожденном из нее находился Бог, обитая в нем одним только действием воли? Неужели ты утверждаешь одно это соединение? Итак, когда Бог, сый Слово, поселяется в нас (ибо Он чрез Святого Духа обитает в душах святых: Прем. 7), то ужели ты не думаешь, что подобным же образом и мы имеем единение с Ним? Где же поэтому увидит кто-нибудь чудо таинства Христова? А когда мы будем верить, что ради нас соделался человеком Бог Слово, то тут поистине удивительное таинство, и тут действительно в высшей степени будет удивляться всякий такому благодаянию. Если же сказать, что в человеке Бог Слово обитал действием воли, то дело домостроительства имеет уже иной смысл. Ибо мы, как сказано, заслужили толикую благодать потому, что просветились верою в Него. И да не скажет кто-нибудь, что Он недобровольно обитает в нас: напротив, добровольно или по прирожденной Ему воле Он оказал нам благоволение. Но мы и не утверждаем, что Бог Слово, соприсносущный Отцу, получил начало бытия из плоти

святой Девы: Он всегда находился вместе с Отцом, и знаем мы, что ради нас Он сделался человеком. Итак, справедливо мы утверждаем, что святая Дева есть мать как Бога, так и человека, потому что она действительно родила Христа по плоти“.

И потом: „Так как для объяснения сего предложено следующее: «егда вводит первородного во вселенную, глаголет: и да поклонятся ему вси ангели Божии» (Евр. 1, 6), то опять так пишет

Феодор:

„Итак, кто же тот, который вводится во вселенную и получает власть, вследствие которой Ему поклоняются ангелы. И безумный кто-нибудь не скажет, что вводится Бог Слово, который все привел из небытия в бытие, неизреченною силою даруя всему существование».

Кирилл:

„Итак, по твоему, безумие – мудрствовать правильно и содержать в уме истинную, правую и неповрежденную веру? Нет, по всей справедливости можно назвать безумными те речи, которые отвергают, что едиnorodное Слово Божие введено Богом и Отцом во вселенную, когда Оно сделалось человеком. Ибо Оно, будучи по естеству выше всех других, как творец их, и настолько превосходя их, насколько художник превосходит свое произведение, вошло во вселенную, когда названо было частию ее, потому что Оно явилось, как человек“.

И спустя немного: „Удивляюсь я, почему противник пишет, будто Иисус никогда не удостоился бы соединения с Богом Словом, если бы с самого начала чрез помазание не сделался непорочным. Таким образом сначала он явно разъединяет и различает двоих сынов. Но пусть он скажет, когда Иисус сделался непорочным и удостоился соединения с Богом Словом, во чреве ли, или когда был тридцати лет. Тогда, как известно, Он приходит на Иордан и просит у Иоанна крещения. Если Он от чрева матерного был святым, то каким образом говорит он, что Он сделался святым, а не был таким прежде? Если же говорит, что сделался, то необходимо разуметь, что Он не был прежде тем, чем сделался. Если же Он всегда был

святым, а не сделался таким во времени, то каким образом говорит он, что сшел на Него Дух, и показал Его достойным соединения и сообщил Ему то, чего у Него доселе не было? Все это он изложил и в других своих книгах. Что же это такое было, чего, для полного освящения в самом чреве, не доставало у Того, который и прежде рождения по плоти был святым, непорочным и освящающим тварь? Итак, когда он говорит, что Иисус не заслужил бы соединения с Богом Словом, если бы не сделался с самого начала непорочным, то пишет вместе с тем множество опровержений на свои пустословия. И прежде всего непристойно говорит: Он заслужил; потом считает чем-то особым сына, который от семени Давидова, и этого одного неблагоразумно называет Иисусом. Кроме того, говорит, что Иисус сделался непорочным, как будто не был Он таким прежде: это великое богохульство. Ибо Бог Слово, в самом чреве соединившись с своею плотью, был один, и, будучи непорочным Сыном, святым из святых, Он от своей полноты дарует Духа не только людям, но и горе, на небесах, разумным силам».

И спустя немного: Феодор:

«Многочастие и многообразне древле Бог глаголавый отцом во пророцех, в последок дней сих глагола нам в Сыне» (Евр. 1, 1–2). Чрез Сына Он сказал нам: подлинно под этим надобно разуметь воспринятого человека. «Кому бо от ангел рече когда: сын мой еси ты, аз днесь родих тя» (Евр. 1, 5)? Никого, говорит, не сделал причастным достоинства сына. Это-то и значат слова: "родих тя", как бы чрез это самое Он и сообщил причастие сыновства; но совершенно неимеющим никакого общения с Богом Словом является он в том, что сказано“.

Кирилл:

„И в поучениях своих к должествующим креститься тот же Феодор сказал опять такт: „это мы не от себя измышляем свидетельство, но научены от божественного Писания, потому что и блаженный Павел так говорит: «от них же Христос по плоти сый над всеми Бог» (Рим. 9, 5); не потому, что от иудеев по плоти тот, который есть над всеми Бог: но это сказал для обозначения человеческого естества, о котором он знал, что оно

– от племени израилева, и для показания естества божеского, которое он представлял себе господствующим над всем и всеми“. «Глусии услышите и слепии прозрите видети» (Ис. 42, 18), восклицал некто из святых к тем, которые были от крови Израиля. Я же думаю, и совершенно справедливо, что говорить так свойственно непонимающим или нехотящим правильно понимать таинство Христа. Ибо «Бог века сего ослепи разумы неверных» (2Кор. 4, 4), и неимеющие разумного в уме и сердце по делом и заблудились. Есть некоторые и просвещенные, даже считающиеся учителями, которые, не знаю как, заразились подобными болезнями: что другое сказать им, как не то, что Бог сказал устами одного из святых пророков: «яко пругло бысте стражбе, и якоже мрежа распростерта на Итавирии, юже ловящий лов поткнуша» (Ос. 5:1, 2). Ибо те, которые должны приносить как можно больше пользы подчиненным, эти-то и были силками, и мрежей, и причиною всякого соблазна. Я очень удивляюсь этому, и не могу понять, к чему клонится рассуждение моего противника. Он, очевидно, признает, что чрез Сына говорит нам Бог и Отец: и об Нем же говорит, как о воспринятом человеке, утверждая, что Он не имел никакого общения с Богом Словом. Как же не очевидно для всех злословие против блаженного Павла, или, лучше, порицание самой истины? Не так в этом случае понимал дело имеющий Святого Духа апостол. Противник извращает правоту догматов так, как ему хочется».

Из прошений поданных пресвитерами и диаконами, которые отправлены были от епископов, клириков, монахов и других (лиц) великой Армении, Персии и прочих народов, Проклу, святейшему епископу константинопольскому.

„Был некто зловерный человек или лучше имеющий диавольский вид человека, называвшийся ложным именем Феодор. Он имел вид и имя епископа, скрывался в уединенном и незнатном местечке, в небогатом городе второй Киликии Мопсуесте. Последователь преимущественно Павла самосатского, он в книге о воплощении Господа нашего Иисуса Христа подражает Фотину и прочим ересиархам, во всем своем рассуждении употребляет самые слова их, и даже худшие.

Посредством ухищрения, смелости и дьявольского заблуждения он хотел всех людей погубить своим языком, подобным змеиному, и ядом, который находится под языком аспида. Между тем он все-таки держался в своем логовище, боясь могущества тех, которые от великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа получили «власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражью» (Лук. 10, 19): я говорю о святых апостолах и следовавших за ними преемниках, мучениках, исповедниках, епископах и прочих святых. Улучивши, не знаю каким образом, время, он начал пресмыкаться; и, вне своих пределов в непринадлежащем ему приходе снискавши доверие, как ученый говорун, проповедуя в одной из церквей Антиохии сирийской, он сказал: „человек Иисус». Ибо «что есть человек, яко помниши его» (Псал. 8, 5)? А что это сказано об Иисусе, апостол прибавил: "малым чим умаленного от ангел видим, – говорит, – Иисуса» (Евр. 2, 7). Итак, что же? Человек Иисус подобен всем людям, не имеет никакого различия от людей того же рода, кроме того, что дано ему по благодати: данная же благодать не изменяет природы, но после покаяния смерти Бог «дарова Ему имя, еже паче всякого имени» (Фил. 2, 9). Тот, кто дал, есть Бог, а кому дал – это человек Иисус Христос, начаток воскресающих. Ибо Он «первороден из мертвых» (Колос. 1, 18). Итак, он вознесся и сидит одесную Отца, и есть превыше всего. О благодать, особенным образом сообщенная Иисусу! О благодать, которая превысила природу всех!

Тот, который одной со мною природы, явился превыше небес и сидит одесную Отца и я говорю ему: не одна природа моя и твоя; ты на небе, а я увлекаюсь страстями; ты превыше всякого начальства и власти, а я в грязи. Но я прислушаюсь к тому, что благоволил о мне Отец. «Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако» (Рим. 9, 20)? И я ничего на это не скажу, но мои братья, сыновья одной со мной матери, скажут мне: не разделяй человека и Бога, но одного и того же называй человеком: я говорю о соестественном мне и говорю о Боге. Если я должен называть его единосущным Богу, то спрашиваю: каким образом человек и Бог – одно? Ужели одно естество у человека и Бога, у Господа и раба, у Творца и

твари? Человек одного существа с человеком, а Бог одного существа с Богом. Итак, каким образом чрез единение могут стать одним и человек и Бог? Каким образом будут одно спасающий и спасаемый? сущий прежде веков и явившийся из Марии? Но я весьма болезную, потому что мои братья говорят мне, чтобы я проповедовал в церкви то, о чем не возможно говорить мудрствующим здраво⁹³. Поставивши на вид все это, сказанное нечестивым Феодором, определили так: не причиняя этими нечестивейшими словами какого-либо возмущения в Церкви, признать Феодора уклоняющимся во всем от правоты догматов: ибо не может быть правилен путь того, кто был низвержен. Многие из клириков возымели смелость убеждать его, при чем коснулись и жалкого Нестория, с досадою опровергая то, что было сказано им. Много было со стороны народа сделано и других беспорядков по поводу слов его, противных Церкви христианской, как это видно из послания Иоанна антиохийского к Несторию. Упорствуя в продолжение долгого времени, Феодор убедил многих и Нестория, что Христос, Сын Бога живого, который родился от святой Девы Марии, но есть Бог Слово, родившийся от Отца, единосущный Родителю, но человек, по мере своей воли принимающий содействие от Бога Слова, и не прежде заслуживший соединение Бога Слова, как сделался непорочным, так что он стал участником непорочности, одного имени сыновства и господства. „Ибо каким образом, говорит он, чрез соединение могут стать одним и человек и Бог, – и Тот, кто спасает, и тот, кто сгиасается, – и Тот, кто прежде веков, и тот, кто явился из Марии, – Господь и раб, – Творец и творение“⁹⁴? Это и иное осмелился говорить и посеял в своих сочинениях сам нападаватель на Христа Феодор, воображая как бы противоречить Арию, и Евномию, и Аполлинарию, и совершенно не давая Богу Слово, рожденному от существа Бога Отца, рождения по плоти от св. Девы Марии, или иного чего касательно воплощения и человеческих свойств, но – Иисусу Христу, который и помазан, и участвует в чести, которой он есть причастник по причине сделанного ему предуготовления от Бога Слова и истинного и единосущного Сына, чтобы он жил хорошо. Убедив же

нечестивого Нестория вместе с другими, диавол уже радовался, что чрез сына своего Феодора убедил многих и Нестория служить заблуждению. И он недоволен погибелью некоторых в местах Сирии, но хотел гораздо обширнее захватить землю. Случилось же, что та церковь была вдовствующею, и мы не знаем, по каким грехам, или каким образом Несторий получил епископство, обманув некоторых, не имевших и не получивших от Бога благодати. И злоупотребляя властью, он величался, что нечестием своим превосходит своего зачинщика, Феодора. Но Господь, сжалившись над церквами возбудил против него многое, в чем и мы, низко поставленные, ничего не опускали, даже до смерти борясь за истину, как мы сказали и в своих против Феодора и его сочинений прошениях к благочестивейшему александрийскому епископу Кириллу, и в тех, что пишем вашему блаженству. И просим, после того, как будут прочтены те, прочитать и эти, дабы у вас было единство против Феодора и святотатственных глав и мнений его и тех, которые думают или учат подобному. И как Господу угодно было, чтобы явно и по имени осужден был в Ефесе вселенским собором святотатец Несторий, так же чтобы чрез вас осужден был по имени еще прежде осужденный безыменно, более святотатственный в различном нечестии Феодор и те, которые доселе в Сирии и Киликии думают и учат по его нечестивейшему изложению“.

Нечестивые главы из свитков Феодора также поданы были армянами святой памяти Проклу; многие из них содержатся в представленных выше. Итак святой памяти Прокл, отвечая на такие прошения армян, между другими мнениями, о Феодоре и его нечестии говорит:

Святой памяти Прокла, из книги, написанной к армянам.

«Убежим от бурных и грязных потоков лжи, от сект, нападающих на Бога: я говорю о неистовстве Ария, разделяющем неделимую Троицу, о дерзости Евномия, объемлющей знанием непостижимое естество, о бесновании Македония, отделяющем от Божества нераздельно исходящего Духа и о том новом и недавнем богохульстве, которое гораздо больше превосходит богохульство иудеев. Ибо те отвергают

того, который есть Сын, отнимая ветвь у корня; а эти, на место того, который есть, вводят другого, понося чистое естество, как многоражающее. Итак, скажем с Павлом: «Христос есть мир наш, сотворивый обоя едино» (Ефес. 2, 14). Ибо иудея и язычника Он чрез крещение сотворил одним новым человеком, добродетелию соединяя различающееся сожительством. Да убоятся осуждения изобретатели нового нечестия, по которому то, что различается, соединено в согласие; а Тот, который соединил, разделен, по их старанию, на двойственность».

Тот же св. Прокл в той же книге, написанной к армянам, против того же нечестивого Феодора.

„Это мы послали к вашей любви, побуждаемые вашими прошениями, которые вы к нам прислали, извещая, что некоторые зловерные и говорящие чудовищное люди пришли в вашу область, желая лукавыми сочинениями и возражениями ложного знания разрушить простую и безыскусственную красоту православной веры. Но я опять говорю вам то, что принадлежит блаженному Павлу: «блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философию и тщетною лестию, по преданию суетного совета человеческого, а не по Христе» (Кол. 2, 8). «Основания бо иного никтоже может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос» (1Кор. 3, 11)“.

Святого Кирилла к клирикам и пресвитеру Лампону⁹⁵.

„Когда я пребывал в Елии, некоторый муж из знатных в воинской службе во дворце принес мне запечатанное многострочное и важное письмо, которое он, как говорит, получил от православных антиохийцев. Подписи на нем были весьма многих клириков, и монахов, и мирян. Обвиняли восточных епископов, будто они умолчали о имени Нестория, и притворяются, что отвращаются его, а перешли к книгам Феодора, которые написаны им о воплощении, и в которых заключены хуления, гораздо худшие несториювых. Ибо он был отцом зломыслия Нестория, и, изрекши его зло, сделался нечестивым в том, в чем состоит теперь. И я написал благочестивейшему епископу антиохийскому, чтобы никто в церкви не высказывал нечестивых мнений Феодора. Пришедший же в Александрию почтеннейший диакон и

архимандрит Максим много возглашал к восточным, говоря, что православные не имеют там никакого места, ни дерзновения говорить о правой вере. Он сказал, что они притворяются исповедующими символ, изложенный в Никее св. отцами, но ложно толкуют его, и убедил меня вполне объяснить все изложение никейского собора, чтобы не расхищали его некоторые, излагая одно вместо другого; что я и сделал. Таким образом он имеет книги, чтобы поднести их к благочестивейшим императрицам и христолюбивому и благочестивейшему государю. Ибо я распорядился, чтобы книга была написана на пергаменте. Итак, с его совета, когда признаете за лучшее, благовременно поднесите. Ибо нам должно отовсюду бороться за правую веру и спешить, сколько возможно, изгнать из среды явившееся против Христа нечестие».

Того же святого Кирилла послание к Акакию епископу Мелитены. Он написал это же к Феодоту анкирскому и к Фирму Кесарии каппадокийской.

„Не должно было утаиться от своей святости, или она, может быть, и узнала, что все восточные благочестивейшие епископы собрались в Антиохии, потому что господин мой святейший епископ Прокл прислал им книгу, исполненную добрых мыслей и правых догматов. Ибо в ней шла немалая и длинная речь о домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа. Он присовокупил также некоторые главы, собранные из книг Феодора, которые заключают в себе понимание, согласное с зловерием Нестория, и убеждал их также анафематствовать оные. Они же не согласились и написали ко мне, что если доведется анафематствовать то, что принадлежит Феодору, то бесславление несомненно падает также на святых отцов наших, – разумею Афанасия, Василия, Григориев, Феофила и прочих. Ибо и они написали нечто согласное с тем, что принадлежит Феодору. И мне также необходимо было писать к ним, о чем и известить твою святость благочестивейший епископ Даниил, который находился в Александрии и подробно знает о всем том, что возбуждено“.

Послание Кирилла к Раввуле, епископу Едессы.

«К несравнимой некоторой ревностности и к непобедимой уверенности возбуждает наши души мудрейший Павел, пиша так: «кто ны разлучит от любви Христа? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или, нагота, или беда, или меч» (Рим. 8, 35)? Ибо нет ничего несносного для тех, которые твердо поставляют для себя воинствовать за веру, течение совершить, веру сохранить, чтобы заслужить и венец нетления (2Тим. 4, 7). Как заботящихся об отличном управлении являет испытаннейшими не плавание в ясную погоду, но умение сохранить корабль во время бури: так и избранных председательствовать в церквах являет знаменитыми не совершенное спокойствие дел, но наиболее благоразумие при беспокойствах, мужество, терпение и храброе сопротивление несостоятельным речам еретиков. Твоя святость всегда блистала, особливо же теперь, сделавшись для всех восточных столпом и основанием истины, и изгоняя, как какую-нибудь заразительную болезнь, богохульство новой и гнусной ереси Нестория. Но из другого корня происходит это нечестие (я говорю о том, который из Киликии)⁹⁶. Он вздумал, что будет владеть всем миром по причине могущества, не знаю каким образом, ему данного. Ибо он захватил седалище укрепленнейшее, и сделался пищею дракона, имеющего много глав (Апок. 13); и сам он также надеялся поглотить святые церкви Божии и захватить всех. И если бы всемогущий Бог не сохранил нас, он пересилил бы непременно, насколько принадлежит это могуществу его усилий и злодейским собраниям тех, которые его держатся».

Послание Кирилла к монахам.

„Славнейшим и возлюбленнейшим, Анастасию, Александру, Мартиниану, Иоанну, Паригорию пресвитерам, и Максиму диакону, и прочим православным отцам из монахов, и тем, которые с вами подвизаются в жизни уединенной, и утверждены в вере Божией, Кирилл (желает) всякого блага о Господе.

„Желание и старание, которые и теперь имеет ваша любовь относительно учения, я одобрил непосредственно, и считаю достойными всякого уважения. Ибо как кто-либо не подивится желанию божественных учений и обыкновению защищать

правоту святых догматов? Потому что это дело служит предуготовителем бесконечной и блаженной жизни, и старание об этом не остается без награды“.

И потом: „А так как ваше благочестие писало, что некоторые, увлеченные в ложный смысл, наклоняют силу слов, находящихся в символе, туда, куда не должно, или по неправильному пониманию, или по любви к сочинениям некоторых, и потому вы написали, что по причине этого мне должно предложить вам учение об этом самом и ясно истолковать содержание изложения веры: то я почел нужным кратко высказать то, утвердившись более продолжительным временем, оно не почиталось более сильным, опубликовал по суду Божию забытый Несторий виновник нового разделения. За сим следует и то, что касается вочеловечения; ибо говорят, что не по сущности, или по существу человек соединен с Богом Словом, но некоторою доброю волею, так как божественное естество не принимает будто иного способа соединения по причине неограниченности. Он сказал, что и Господа нашего Иисуса Христа не должно почитать, как Господа, но по отношению к Богу он должен почитаться, как некоторый образ, – яснее же сказать, согласно с ними, – как некоторое подобие по отношению к сидящему (в ком-нибудь) демону. Он и плоть Господа провозгласил совершенно бесполезною, разоряя следующее слово Господа: «плоть не пользует ничтоже» (Иоан. 6, 63). Он говорит, что и апостол не признал Христа за Бога (Матф. 16, 16), но что на вере, которая в человеке, создана Церковь. Умствования их о геенне здесь не безопасно излагать письменно. Вот сокровища нечестия их, которыми они уже давно скрытно пользовались и хотят, если возможно, даже до конца затмевать боязливый благочестивый слух народа“.

Из церковной истории Исихия, пресвитера иерусалимского, о Феодоре.

„Таким образом, когда у них и другие многие следовали Фотину, особенно подражал ему некто Феодор, лукавый на слово и проворный на язык, и однако сам нетвердый волею, который носился, склоняясь туда и сюда. Ибо, с первого возраста был причислен к антиохийскому клиру, и обещавши

вести хорошую жизнь, возвратился к мирским страстям, и опять стал предаваться удовольствиям. Достойный подражания во всем добром и блаженный муж, Иоанн, епископ константинопольский, написал послание⁹⁷, которое и доселе читается в свитках, и возмог привести его от худшего к лучшему, к покаянию. И он снова начал вести добрую жизнь, снова начал быть в клире, и, оставив Антиохию, переселился в Тарс, откуда перешел в Мопсуест, и в нем поставлен был епископом, когда еще Бог не хотел, чтобы проповедь его нечестия сделалась известною. Взяв первые элементы своего учения из иудейского суесловия, он написал сочинение о пророчестве псалмов, отвергающее все предсказания о Господе. А быв обвинен и находясь в опасности, он сказал противное себе, не по желанию, но побуждаемый жалобами всех, и, обещав уничтожить самое сочинение, тайно держался пути иудейского нечестия. Ибо, притворяясь, что предает свои комментарии огню, он лукаво старался скрыть приманку. Весьма долгое время неизвестно было, каков был по достоинству говоривший неправое в маловажном месте. А так как говоривший был поставлен (в епископа), и обыкновенно говорил суетное; то получил славу учителя у некоторых немногих, учившихся у него, которые обольщались ядом речей, пия чашу, правда прикрашенную искусно составленными словами, но исполненную богохульных мыслей и яда. Ослабленный уже седою старостью, но с застарелою малейшею искрою благочестия, если случайно была в нем какая-нибудь, он предпринял составить книги против явления Господа Бога, из которых, опуская множество (ибо неприлично пересказывать нечестивые речи), упомянем теперь об одном. Так он, совершенный глупец, написал, что Иисус Христос, Спаситель и Господь рода нашего, которого Павел называет сиянием славы Отчей и образом ипостаси, о котором говорит, что Он носит все словом силы своей, совершил очищение грехов наших, и воссел одесную величия Отчего (Евр. 1, 3), о котором в послании к колоссянам написал: «Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая...: всяческая Тем и о Нем создашася. И той есть прежде всех» (Кол. 1:16–17), –

что Он не воплотившееся Слово, как мы научены евангельскими словами, но человек, чрез возвышение жизни и совершенство страданий соединенный с Богом Словом; и это он дерзнул написать в тайных речах. Так поступал он. Но последователи его превозносились; о них прилично сказать: «глаголющиеся быти мудри, объюродеша, и измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека» (Рим. 1:22–23), потому что они не прославляли Христа, как Бога воплотившегося, но оскорбляли, как подобного нам человека. Мы, впрочем, пойдем дальше к остальной части речи. Феодор, не прожив много времени, вышеупомянутыми богохульствами против таинства нанес обиду и новому Иерусалиму, спеша умалить его, как отечество тайны воплощения».

Закон священной памяти Феодосия и Валентиниана.

«Воздавая должное от нас почтение благочестивейшему учению, мы почли нужным подвергнуть должному осуждению тех, которые осмелились нечестиво писать против Бога, и назвать их достойными именами. Посему справедливо заградить их срамом их грехов, и в таком названии оставаться им в вечность, дабы они и при жизни не освободились, и по смерти оставались презренными и осужденными. Итак, повторяем, учение нечестивых и заразительных: Диодора, Феодора и Нестория показалось нам омерзительным; подобным же образом и все, которые следуют их заблуждению и соглашаются с их нечестием, справедливо и сами заслуживают тоже название, и облекаются срамом. Дабы, называясь христианами, не украшались этим именем те, которые стоят далеко от учения христиан и чужды правой и непорочной веры, поэтому сим нашим законом мы повелеваем, чтобы те, которые по всей земле и везде находятся в согласии с нечестивейшим и несостоятельным учением Нестория и Феодора, назывались отныне симонианами. Ибо надлежит, чтобы те, которые прежде выросли в божественном учении, а после склонились к их нечестию и стали подражать их заблуждению, были заклеены этим названием симониан, подобно тому, как сделано относительно Ария постановлением священной памяти чудного и достохвального Константина, который повелел, чтобы ариане

назывались порфирианами: по причине сходства нечестия он дал название Порфирия тому, который осмелился и думал описать истинную веру силою слов человеческих и оставить заразные и невежественные книги на память потомкам. Итак, пусть никто не дерзает читать, или иметь у себя, или списывать святотатственные книги, изложенные ими, и особенно Феодором и Несторием, противные правому учению и изложению почтенных епископов, собиравшихся в Ефесе. Надлежит, чтобы эти книги были отыскиваемы со всем тщанием, и, найденные, были публично пред всеми сожигаемы. Ибо чрез это подсечется корень нечестия, дабы в последствии семена заблуждения не выросли на погибель простых, которые легко попадают в силки его. Затем да не будет упоминания о вышесказанных людях, или другого названия кроме симониан. Также да не будет у них сходбища ни в каком месте, или в доме, или на улице, или в поле, или в городе, или в предместьях его, ни явного, ни тайного. Ибо мы повелеваем, чтобы таковые при жизни были лишены всякого собрания. И да будет всем известно, что если кто пренебрежет настоящим нашим постановлением, и будет согласен с Феодором и Несторием, подражая их союзникам, у того в наказание все имущество будет конфисковано. Итак, твое светлое превосходительство пусть объявит настоящий, изданный нами, закон живущим по всей земле, и удостоит возвестить в каждом городе, дабы чрез чтение этого закона узнали все, находящиеся в каждой области, какое сделано нами распоряжение над ними. Этот закон наш мы написали по-гречески и по-латыни для удобства читающих“.

Закон Феодосия и Валентиниана, благочестивой памяти императоров, против Нестория и Феодора и тех, которые мудрствуют подобно им.

Уже прежде Несторий, который был епископом города Константинополя, пытаясь ввести в чистую и православную веру христианскую новые и чудовищные мнения, извержен был святым собором, который по повелению императорскому собран был в Ефесе со всего мира. Этот же святой собор вместе и утвердил православную веру, изложенную триста восемнадцатью никейскими епископами. И мы, утверждая то,

что благочестиво определено этим святым собором, собранным в Ефесе, издали общее постановление, осуждающее того же Нестория и тех, которые мудрствуют подобно ему, чтобы они не заслуживали название христиан, но более назывались симонианами, потому что возлюбили богохульство Симона; и мы установили известные против них наказание, которые содержатся в настоящем постановлении. Но пусть никто не имеет, и не читает, и не списывает, и не издает Нестория, то есть, книг его, или несомненно вредных сочинений, самого ли Нестория или другого, и особенно сочинений Нестория против одних христиан, или сочинений Диодора, и Феодора, и Феодорита: но каждый, имеющий такие книги, пусть публично вынесет их и в виду всех предаст огню. И пусть никто не принимает тех, которые почитают такую секту, или их учителей, в городе ли, или в поле, или в предместьях, и вместе с ними не сходитя. Если же кто учинит что-нибудь такое, то, быв опубликован, обречен будет всегдашнему изгнанию; а кто имеет книги, содержащие отвергнутую веру Нестория и Феодора, или их толкования, рассуждения и предания, тот будет подвергнут тому же наказанию, хотя бы светом для других казалось то, что составлено ими“.

И святой Феофил александрийский и Григорий нисский, получив жалобы против Феодора, когда он еще был жив, и против нечестивых его сочинений, написали против него послания, часть которых есть.

Святой памяти Феофила к Порфирию, епископу антиохийскому.

Что ты не потерпишь тех, которые относительно пришествия Спасителя нашего Иисуса Христа покушаются возобновить безумие Павла самосатского, это очевидно, потому что отцы наши, собиравшиеся в Никее, анафематствовали и эту секту вместе с лжеучением ариан, и не одобрили крещение последователей Павла, как содержится в написанных ими определениях. И сам блаженной памяти епископ Афанасий осудил крайнее нечестие вышесказанного Павла самосатского в книге, которую он продиктовал“.

И потом: „А так как обвиняют некоторых, как пишущих то, что принадлежит к возобновлению нечестивой секты Павла самосатского, осужденного отцами, и утверждают, что по причине возбуждения этого случая они подали твоему благоговеинству жалобу, список с которой ты приложил к письму, посланному ко мне твоим благоговеинством: то твоя доброта, вместе с сошедшимися благочестивейшими епископами, обратив внимание на то, что они доказывают (ибо они говорят, что имеют доказательства), если найдет написанное противным апостольским догматам, да благоволит принять апостольскую ревность против делающих такие нововведения. Ибо справедливо, чтобы то, что нечестиво написано, было благочестиво отсекаемо, и чтобы нигде не оставались неисправимыми те, которые неосторожно решились написать что ни есть по незнанию и суетной славе“.

Поданы были и самому святой памяти Фсофилу нечестивые главы из книг Феодора.

Святого Григория к Феофилу.

„Защищающие мнения Аполлинария, посредством жалобы, которую приносят против нас, стараются утверждать свое измышление, что Слово – плотяно, Господь веков – сын человека, и божество Сына – смертно. Ибо разглашают, что некоторые, как будто принадлежащие кафолической Церкви, почитают двух сынов в догмате: одного по естеству, а другого по усыновлению, после приобретенному. Не знаю, от кого слышат они таковое, и о каком лице спорят; ибо я еще не узнал того, который высказывает это. Впрочем, так как излагающие сию вину против нас укрепляют свои мнения тем, что, по видимому, противятся сему бесчестному делу: то хорошо, чтобы твое во Христе совершенство, как положит тебе на ум Дух Святой, уничтожило поводы у тех, которые ищут против нас поводов, и убедило тех, которые клеветнически приписывают это Церкви Божией, что между христианами нет и не проповедуется никакого такого догмата“.

Из написанного Феодоритом против Кирилла в защиту Феодора, чем этот же Феодорит дает свидетельство о том,

что Феодору принадлежит то нечестие, против которого писал святой памяти Кирилл.

„После того он обвиняет толкование восьмого псалма, и часто повторяет следующие слова божественного Феодора: „и так рассмотрим, кто есть человек, о котором изумляется и удивляется, что Единородный удостоил помнить о нем и посещать его. Но что это сказано не о всяком человеке, доказано выше; а что и не об одном ком-либо, и это сказано“.

И спустя немного упомянутый Феодорит поместил следующие (слова) того же Феодора:

„Престаньте хоть теперь, иногда с трудом, от вашего бесстыдства, познав то, что должно. Видите, незаконнейшие из всех людей, сколь велико различие естеств: этот удивляется, что удостоивает вспомнить о человеке, посетить его и сделать его участником всего прочего, чему он сделал его причастным; а тот напротив изумляется, что он удостоился столь великих благ выше своей природы. Этот изумляется, как делающий благодеяние, сообщаящий многое такое, что выше природы получающего благодеяние; а тот изумляется, как получающий благодеяние и приемлющий от него гораздо больше, нежели он достоин»⁹⁸. После сего Феодорит прибавил следующее:

„Когда Кирилл поместил (часть) из того, что написал божественный Феодор против Аполлинария; тотчас причиняет обиды, оскорбления и поношения, и говорит: „трезвитесь пьяные от вина вашего! – пусть восклицает некто так заблуждающимся; – положи, человек, дверь и ограждение устам твоим (Псал. 140, 3); «не воздвизай на высоту рога, и не глаголи на Бога неправду» (Пс. 74, 6). Доколе ты будешь ругаться над страждущим Христом? Имей в своем уме написанное божественным Павлом; «также согрешающе в братию, и бьюще их совесть немощну сушу, во Христа согрешает» (1Кор. 8, 12). Скажу еще нечто и из пророческих книг: тобою оправдан Содом (Иезек. 16, 53), ты превзошел разглагольствия язычников против Христа, считавших крест юродством (1Кор. 2), ты показал, что нет ничего преступного в иудейской гордости“⁹⁹.

И когда Феодорит поместил сии слова Кирилла, сказанные против Феодора, то присовокупил следующее:

„Что воспламенило в тебе, защитник истины, столько ревности, что ты так и столько высокопарничаешь против него, и представляешь его нечестивейшим язычников и вместе иудеев и содомлян, и помещенные в божественном писании слова против нечестивых приписываешь защитнику благочестия? Не к Себе ли самому отнес предсказание Давида Господь Христос в святых евангелиях (Матф. 22, 42 и д.)? При возглашении отроков: «осанна сыну Давидову», не сам ли Он сказал иудеем: «несте ли чли, яко из уст младенец и ссущих совергшил еси хвалу» (Матф. 21, 15–16; Пс. 8, 3)? Не усвоил ли Ему божественный апостол и остальных слов, взятых из этого псалма (Евр. 2, 6–9)? Итак, что нового сказал Феодор, что ты забросал его столькими хулами, приказывая ему обуздать язык, а сам пустил его бежать без узды? Смотри, чтобы кто-нибудь не подумал, что ты, искуснейший, употребляешь эти обиды против Феодора за то, что он называл нечестивейшими Аполлинария и тех, которые мудрствуют подобно ему. Если этого нет, то какую нескладную речью, как с похмелья, и сколько такого рода хулений ты излил против него? Что же сказал он нового пред древними оными учителями? Ибо каждый из них явно и ясно изложил учение, что человеческое естество и посещено, и воспринято, и помазано Святым Духом, и распято, и умерло, и воскресло, и взято на небо, и удостоилось сидения одесную. Ты же – когда услышал о тех, как кажется, неизреченных глаголах, которые слышал Павел (2Кор. 12, 4), (он слышал некие одни и божественнейшие глаголы, а ты вводишь у нас другие пред Павлом учения), – так объясняешь Павла и говоришь: „но само Слово, сущее от Бога Отца, сделалось сообразным человеку, удостоивая посещения и памятования не иного кого, но себя самого». Что смешнее этих слов? Ибо в каком посещении нуждался Бог Слово? «Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но себе умалил, зрак раба приим» (Фил. 2, 6–7); «не от ангел бо когда приемлет естество, но от Авраама приемлет» (Евр. 2, 16). Итак справедливо сказал Феодор, что тот, который принял, посещает (того, который) принят был. Также научая, и пророк называет

Господом того, который посетил, а человеком того, который заслужил посещение».

Из послания Феодорита к двоюженцу Иеренату¹⁰⁰, представляющего свидетельство о том, что Феодор был под обвинением, и сомневался на счет оного.

„Так как вы обвиняете меня, что я в счислении учителей оставил святого и блаженного отца Феодора: то я почел необходимым сказать кратко и об этом. Ибо, во-первых, любезнейший для меня человек, мы умолчали и о многих других знаменитых и сделавшихся весьма славными мужах. Потом, нужно рассудить о том, что кто обвиняется, тот должен представить несомненных свидетелей, которых никто из обвинителей обвинить не может. Если же обвиненный призовет в свидетельство лиц, обвиненных преследователями, то и сам судья не дозволит принять их. Ибо если я, описывая похвалы отцов, опустил того святого, то, признаюсь, поступил несправедливо и был неблагодарен в отношении к учителям. Если же я, обвиненный, представил удовлетворение, и привел несомненных свидетелей, то в чем обвиняют без причины те, которые не хотят видеть ничего этого? А как я почитаю этого мужа, свидетелем служить то сочинение, которое написано нами за него, и в котором мы разрушили сделанную против него жалобу, не боясь ни могущества обвинителей, ни имеющих быть против нас засад“.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „так как некоторые говорят, что святой памяти Кирилл похвалил Феодора Мопсуестского в одном своем сочинении, в котором, говорят, написано: „добрый Феодор“, и что сверх того и святой памяти Григорий назиянзен писал к Феодору Мопсуестскому, хваля его, говорящие же так прибавляют к сему и то, что не должно анафематствовать еретиков после смерти, – это дошло здесь и до сведения вашего святого собора: то, чтобы не осталось что-нибудь из сего не рассмотренным, мы сочли необходимым представить вашей святости и об этом».

Святой собор сказал: „так как некоторые высказывают, что написано: „добрый Феодор“; то пусть будет прочтено

последовательно как то, что сказано прежде, так и то, что сказано после. для совершеннейшего познания дела“. И Феодул, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Из второй книги Кирилла, епископа александрийского, о том, что один Христос, против Феодора.

«Что впрочем нечестивый Несторий захотел следовать мнениям Феодора, это не освобождает его от обвинений, а сделает обвинение против него гораздо более важным. Ибо, когда ему было возможно пользоваться правыми словами отцов и чистыми речами о Божестве, он, как оказывается, предпочел ложь истине. Так он опустил то, что принадлежит им; а лучше предпочел присоединиться к гнусным (мнениям) и услаждаться столь неприличными речами. Если кто обвинит того, который имеет такую волю и безумие, что он погрешил в этом, то, думаю, весьма справедливо. Ибо нужно было помнить святейшего Павла, который ясно пишет нам: будьте благоразумными меновщиками; «вся искушающе добрая держите; от всякия вещи злыя отгребайтесь» (1Сол. 5, 21–22). Потому что, и имея обыкновение действовать, и стараясь подражать похваляющим совершенное, мы отвергаем гнусные и фальшивые мнения, а принимаем и весьма охотно все, что сияет чистою красотою истины. Но да обратится у нас дело снова на приличный ему и предположенный путь. Добрый Феодор написал против ереси ариан и евномиан почти двадцать числом весьма обширных книг, а также и другие, изъясняющие евангельские и апостольские книги; каковые труды никто не захотел бы порицать, а скорее, по осуждению, воздал бы честь прилежанию, если бы была в них правота мнений. Если же некто будет ходить вне назначенного, и, оставляя прямой путь истины, пойдет тропинкой искривленной, и уязвит сердца более простых, бросая в них семена развратных помышлений; то оставаться в покое в это время будет не без вреда для тех, которые председательствуют в народе; но они будут иметь награду и выгоду, если будут сопротивляться. Итак, поскольку в сих книгах или сочинениях упомянутого мужа, которые мы теперь назвали, найдено нечто исполненное крайнего нечестия: то как возможно было позволить себе молчать? Ибо он

разделяет неделимого Христа, и вместо одного Сына почитает двойственность, удаляющуюся от истины и как бы подкрашенную ложными именами. Так он говорит, что Бог Слово, который от Бога Отца, называется человеком, впрочем это делается неистинно, а человек, тот, который из Марии, как он говорит, которого он лукаво именует нам во многих местах плотию, называется Богом и Сыном Божиим, но и это неистинно».

Святой собор сказал: „прочитанное показало, что благочестивой памяти Кирилл употребил этого рода слова, более обличая Феодора и нечестивые его сочинения, а не похвалу какую-либо высказывая о нем. Пусть будут прочтены и послания святой памяти Григория, которые, говорят, были написаны к Феодору Мопсуестскому“.

И почтеннейший диакон и нотариус Феодул¹⁰¹, взявши, прочитал;

Григорий, препоручая Феодору некоторых взаимно спорящих, и показывая, что они находятся как под собственным (Григория) управлением, так и под управлением его (Феодора), говорит так:

„Что писано было к твоему благоговению господами честнейшими епископами, то и от себя написать признав за нужное, прошу тебя: подай руку свою благородным женщинам и не попусти, чтоб они были притесняемы и гонимы могуществом человека, с которым вступили в дело“.

И потом: „Знаю, что для двоих, для твоего благоговения и для меня, будет прискорбно, если справедливость в этом деле останется в пренебрежении; потому что подсудимые у обоих нас под рассмотрением. И опасно, чтобы истина не была извращена правдоподобием доводов. Посему и сиди, и вступишь за мою немощь“¹⁰².

Говорят еще о другом послании, писанном вышесказанным святым Григорием как будто к Феодору Мопсуестскому. Им весьма сильно побеждаются говорящие неправду. Он особенно увещевает епископа тианского прибыть к празднику мучеников, который в Арианзе, местечке того же святого Григория, торжествуется в месяце, который он сам на языке

каппадокийском называет Дафусою. Арианз есть местечко под Назианзом, а Назианз был тогда именно под управлением города Тианы. В послании говорится так:

«И мне, как больному, обязан ты оказать свои услуги, потому что одна из заповедей – посещать больных, и святым мученикам обязан также ежегодным чествованием, какое совершаем в твоих Арианзах в двадцать второй день нашего месяца Дафусы. Притом же немало церковных дел, которые требуют общего рассмотрения. По всем этим причинам соблаговоли, нимало не замедлив, быть у нас. Хотя и труд велик, однако же и награда равновесна»¹⁰³.

К тому же Феодору написано другое послание, которым он просит о согрешивших – бедных своего прихода и питателях бедных. Начало послания такое:

„Слышу, что негодуешь на оскорбления, какие причинены мне монахами и бедными“.

И в конце: „Представь теперь, что припадают к тебе все бедные и питатели бедных, что просят за них все монахи и девы. Вместо них окажи милость всем; потому что достаточно уже приведены в чувство, как сие видно из того, что во мне возымели нужду; а прежде всех окажи милость мне, который прошу за них. Если тебе кажется жестоким, что я потерпел от них бесчестие, то да покажется еще более жестоким, что не слушаешь меня, подающего такой совет»¹⁰⁴.

Есть и другое послание того же святого Григория к тому же Феодору, похваляющее этого Феодора. Оно также скорее оказывается написанным к тианскому епископу: в нем он упоминает о монастыре доселе расположенном в местечке, которое называется Паса и находится под управлением города Тианы. В нем говорится так:

„Да дарует Бог тебя церквам к нашей славе и к пользе многих! Ты столько осмотрителен и тверд в духовном, что делаешь более твердыми всех, которые думают о себе; что по летам имеют некоторое преимущество. Итак, поскольку соблаговолил ты принять меня в участники духовного исследования, разумею дело о клятве, какую, по-видимому, дал

Георгий Паспасинский; то объявляю твоему благоговению, что у меня на мысли“ и проч.¹⁰⁵.

И другое (есть) послание к нему же, из которого особенно оказывается, что все они написаны к епископу тианскому. Ибо он просит его, как первого в области, дать епископа Назианзу. В нем говорится так:

«Кстати мне сказать словами Писания: к кому воззову я обиженный? Кто прострет руку мне утесненному (Аввак. 1, 2)? На кого перейдет бремя церкви, доведенной до такого худого состояния и расстройства? Свидетельствуюсь пред Богом и пред избранными ангелами, что сия Божия паства несправедливо страждет, оставаясь без пастыря и без епископа, по причине моего омертвения; потому что меня держит болезнь, вдруг удалила меня от дел церковных, и теперь ни к чему я негоден, непрестанно нахожусь при последнем дыхании, и еще более обременяюсь делами. Поэтому, если бы епархия имела кого другого главою, к нему должна бы взывать и у него испрашивать помощи; но как выше всех твое благоговение, то необходимо обратиться к тебе. Позаботься о своей церкви, как сам заблагорассудишь, и не презри ее в расстроенном состоянии, которого она не заслужила. Не говорю уже о прочем: что сделали ей, и чем угрожают восставшие ныне аполлинаристы, осведомься об этом от господ сопресвитеров моих, от хореепископа Евлалия и от Келевсия, которых с намерением послал я к твоему благоговению. Остановить это не моим уже летам и не моей немощи, а твоему только возможно искусству и твоей силе; потому что тебе, кроме прочего, Бог дал и крепость к общей защите Церкви. А если не буду услышан, что ни говорю, и ни пишу; пусть будет сделано, что одно только и остается сделать, то есть, всенародно всем провозглашено и приведено в известность, что церковь имеет нужду в епископе, чтоб не терпеть ей вреда от моей болезни; а о последующем узнаете“¹⁰⁶.

К тому же тианскому епископу он написал и другое послание, в котором обвиняет хотевших увлечь его к епископству сасимскому, а особенно Елладия кесарийского; сказавши многое об этом, он просит о Воспорие, епископе

догарском, который обвинен был тогда пред тианским епископом и судился у него. В нем говорится так:

„Но присовокуплю к письму еще следующее о государе моем епископе Воспории. Если ваше исследование находит его худым в вере, что выговорить непозволительно, не говорю уже о долговременности и о моем свидетельстве; то судите об этом сами. А если разыскание живущих по близости производит худую о нем славу, и новое есть обвинение; то не увлекайтесь клеветами, и прошу вас не давать им более силы, нежели истине, чтобы не привести в уныние многих, решившихся хорошо поступать“¹⁰⁷.

Евфранта, благочестивейший муж, епископ тианский, поднявшись, сказал: „объявляю вашему святому собору, – о чем вы и прежде моих слов знаете, – что без причины обольщают себя самих те, которые думают, что святой памяти Григорий написал прочитанные послания к Феодору Мопсуестскому. Я, как поставленный в епископа тианской церкви и родом из той самой области, изложу истину. Епископ Феодор был в моем городе во времена святой памяти Григория. Ибо так говорится в священных диптихах: „за Евпсихия, Анфимия, Еферия, Деодата, Каллиопия, Лонгина, Феодора“. В тоже время под управлением города Тианы были и Догара и Назианз, даже до времен сего благочестивого царствования. Когда же благочестивейший император даровал права метрополии городу, который некогда назывался Мукиссос, а теперь называется Юстинианополь, то вместе с другими городами подчинил ему и Догару и Назианз. И Арианз, откуда был родом святой памяти Григорий, действительно есть местечко, находящееся под управлением Назианза; в этом местечке он убеждал блаженного Феодора совершить празднество; и месяц у каппадокийцев имеется, называемый на провинциальном наречии Дафусою, о котором он и упоминает в одном из посланий. Местечко же, которое называется Паса и в котором находился монастырь, управляемый тогда монахом Георгием, который в послании называется Пасинским¹⁰⁸, отстоит от метрополии Тианы в двенадцати милях, и находится под управлением того же города доныне. Но и город Догара, как

я сказал, был тогда под управлением той же метрополии Тианы, и епископ тианский поставлял епископов. Посему он и убеждает того блаженного Феодора, как имеющего митрополичьи права над вышесказанными городами, сам будучи обременен уже старостию, поставить епископа в Назианз вместо него самого. Киликия вторая, под управлением которой находится Мопсуест, никакой связи никогда и не имела и не имеет с Каппадокиєю второю, или с местечками, или с городами ее, потому что в середине находится Киликия первая и разделяет Каппадокию и Киликию вторую. А Мопсуест есть часть Киликии второй. И невозможно было святой памяти Григорию писать об управлении церквами Каппадокии второй и о поставлении епископов епископу города, находящегося в другом округе и под управлением другого митрополита, также как он и не имел права избрать епископа“.

Когда таким образом это сказано было Евфрантою¹⁰⁹, почтеннейшим епископом метрополии Тианы, встал Феодосий, почтеннейший епископ города, который в древности назывался Мукиссос, а теперь называется Юстинианополь, и сказал следующее: „благочестивейший Евфранта все изложил вашему святому собору истинно. Это знаю и я, потому что происхожу из той области, и под управлением моим находятся теперь Догара и Назианз, под управлением которого находится местечко Арианз. И никакой связи с названными местечками или городами никогда не имела Киликия вторая или ее епископы».

Святой собор сказал: „и сами по себе послания святого Григория показывают, что они были писаны к благочестивой памяти Феодору, епископу Тианы, метрополии Каппадокии второй, а не к нечестивому Феодору Мопсуестскому. Присоединились к тому и заявления почтеннейших епископов. А о том, что и после смерти должно анафематствовать еретиков, уже нечто было читано; впрочем, если что-нибудь другое относится к этому, пусть будет прочтено“.

Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариюв, сказал: „у нас под руками извлечения, относящиеся к настоящему вопросу, о том, что должно осуждать еретиков и после смерти“.

Святой собор сказал: «пусть будут прочтены». И Фотин, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Из первой книги святой памяти Кирилла о том, что один Христос, против Феодора.

Есть люди, которые отвергают Искупителя и Господа своего, и не признают истинным Сыном Бога Отца Того, который в последние времена века принял ради нас рождение от жены по плоти, а говорят, что явился для вселенной Бог новый и недавний, имеющий славу сыновства, полученную им отвне, подобно нам, и как бы славящийся какими-то прелюбодейно приобретенными почестями, так что стало уже человекопочитание, и ничего иного, и какой-то человек почитается, вместе с святою Троицею, как нами, так и святыми ангелами. Это изложили в своих сочинениях некоторые весьма гордые и высокоумствующие в знании божественных писаний, и, как говорит Господь всех чрез одного из святых пророков, поставили сеть для соблазна людей (Пс. 56:7, 139:5, 140:9, 141:4). Ибо что иное, как не сеть и не соблазн, язык говорящий неправое, несогласное с священным Писанием и бесстыдно противостоящее преданию святых апостолов и евангелистов? Итак, должно отвергать тех, которые повинны в столь дурных проступках, в живых ли они находятся, или нет. Ибо необходимо удаляться от того, что вредит; и нужно не на лицо обращать внимание, но иметь в виду то, что угодно Богу“.

Святой памяти Кирилл последовал апостольским словам, в которых говорится: еретика человека по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковый и согрешает, и есть самоосужден» (Тит. 3, 10–11), когда употребил следующие слова: „и нам должно отвергать таковых, в живых ли они будут, или нет“.

Также в послании, написанном к Мартиниану и другим монахам, тот же святой памяти Кирилл говорит так:

„Ибо уже и святой собор, собранный по воле Божией в Ефесе, произнося справедливый и точный приговор против лжеучения Нестория, вместе с ним осудил и суесловия других, которые будут после него, или были прежде него, которые мудрствуют и покушались говорить или писать одинаково с ним,

налагая на них равное осуждение. Потому что следовало однажды осудив одного за столь невежественные суесловия, идти далее не против одного, но, так сказать, против всей их секты, или злословия, которое они учинили против благочестивых догматов Церкви, почитая двух сынов, и разделяя неделимое, и приписывая преступление небу и земле, как служащим человеку. Ибо вместе с нами святой сонм высших духов покланяется Господу всех Иисусу Христу“¹¹⁰.

Когда это было прочитано, встал Секстилиан, почтеннейший епископ из области африканской, действовавший вместо Примоза, благочестивейшего епископа карфагенского, и ставши на средину, сказал следующее: „так как положены святы Евангелия, и каждому должно объявить то, что он знает по отношению к предложенному вопросу: то объявляю вашему святому собору, что в прежние времена в нашей области многие епископы, собиравшиеся и рассуждавшие о разных предметах, относящихся к церковному положению, сделали об умерших епископах, которые предоставляют свое имущество еретикам, такое постановление, чтобы они после смерти подвергались анафеме. Есть также письма святой памяти Августина, в которых говорится, что если бы неправо мудрствовавшие в своей жизни не были осуждены еще в живых, как за доказанный грех, то таковые пусть подвергнутся анафеме и после смерти. И если угодно вам, я представляю их для прочтения“.

Святой собор сказал: „пусть будут прочтены» И тот же диакон и нотариус, взявши поданную хартию, прочитал:

*Святого Августина к военачальнику Бонифацию о некоторых донатистах, которые обвиняли епископа Цецилиана, в том, что от во время своей жизни предал христианские свитки для сожжения, и которые по этой причине отделились от Церкви начало его такое*¹¹¹:

Хвалю, и радуюсь, и удивляюсь, возлюбленный сын Бонифаций, что между заботами об оружии и о войнах ты сильно желаешь знать то, что принадлежит Богу¹¹².

И потом: „Цецилиан отнюдь не был предателем, но от старших из них он потерпел разные ложные оговоры и клеветнические обвинения; потому что не в нем была причина

(раздора в) Церкви, ибо ничья несправедливость не препятствует обетованиям Бога, и ни от чьих преступлений не может погибнуть наследие Христа, которое даровал Ему Отец, говоря: «проси от Мене, и дам ти языки достояние твое, и одержание твое концы земли» (Пс. 2, 8). Впрочем тем, которые по причине его нашли повод совершить схизму, должно показать, что он очищен был на суде епископском, и провозглашен невинным не только судьями епископами, но даже самим императором Константином, пред которым он клеветнически был обвинен их отцами, чтобы они признали, сколь несправедливо отделяются от церкви, распространенной по всему миру, из за того, за которым никакого преступления никогда не могли показать ни они сами, ни их предводители. Хотя (как мы сказали также в упомянутом письме)¹¹³, в случае справедливости того, что ими поставляемо было в укор Цецилиану, и если бы это когда-нибудь могло быть доказано нам, мы сами анафематствовали бы его уже по смерти; однако же мы не должны из какого-нибудь человека оставлять Церковь Христа, которая образуется не сварливыми мнениями, но утверждается божественными свидетельствами“.

Того же святого Августина, из деяний, которые составлены у Марцеллина, славнейшего мужа, трибуна и нотария, в сто восемьдесят седьмой главе.

Августин, епископ Церкви католической, сказал: „не на людей должна быть возлагаема надежда Церкви, если они хороши; и не должна быть осуждаема Церковь Божия на гибель, если они худы. Но мы также принимаем на себя дело их, как братьев наших, и если они могли показаться нам достойными осуждения, то анафематствуем их ныне; однако ж по причине их не покидаем или не оставляем обетованной и данной Богом Церкви».

Его же послание к католикам¹¹⁴.

„Если, по счастью, те книги так указывают на его предателя, как указал Господь на Иуду, то пусть читают в них поименно и ясно, что или Цецилиан, или распорядитель этих книг были предатели, и если я не буду анафематствовать их, то меня самого почтут вместе с ними предателем“.

Его же из сочинения против Крескония грамматика, донатиста, из третьей книги¹¹⁵.

„Я нахожусь в Церкви, члены которой суть все те церкви, которые, как мы знаем, родились из трудов апостольских, и вместе утверждены на канонических писаниях. Я не оставлю общения с ними, в Африке ли, или где бы то ни было, доколе помогает мне Господь. Если в этом общении были предатели, которых я не знаю, то я и телом и душою отвращусь от них после их смерти, когда ты покажешь их, однако ж никаким образом из за умерших не буду чуждаться живых, остающихся в единении той же святой Церкви“.

И спустя немного¹¹⁶: „Но ты говоришь, что мне можно также и теперь судить об умерших, потому что суд может быть не только о живых, но и об умерших. Вот я хочу судить, но вы не хотите вести самое дело“.

Бенигн, епископ Гераклеи пелогонийской, заступавший место Илии, почтеннейшего мужа, епископа фессалоникского, вставши, сказал так: „то, что теперь прочитано (из сочинений) святой памяти Августина, согласно с положением дел, сохраняющимся в Церкви от начала. Нечестивое учение уже подверглось порицанию и осуждено; и предание Церкви хочет, чтобы те, которые виновны в таком учении, были анафематствованы, хотя бы они умерли. Почему и святой памяти Августин говорит¹¹⁷: что если бы Цецилиан изобличился в том, что взводится на него, я и после смерти анафематствую его. И это говорил он о Цецилиане, епископе карфагенском, который один из целой Африки прибыл на святой собор никейский. А также Валентина, Маркиона и Василида, хотя они не были анафематствованы никаким собором, Церковь Божия однако ж анафематствует и после смерти, потому что учение, которое они защищали, было чуждо благочестия. Это сделано также в отношении Евномия и Аполлинария. Охраняя тоже церковное предание, и святой памяти Раввула, бывший епископ города Едессы, знаменитый между священнослужителями, анафематствовал в церкви оното Феодора Мопсуестского также после смерти за его нечестивые сочинения, как свидетельствует и послание, которое, говорят, было писано Ивою к еретику Маре

персу. Равно и те, которые были с Евсевием епископом никомидийским, прежде мудрствовавшие подобно Арию, а потом согласившиеся с верою, изложенною святыми отцами, собранными в Никее, и подписавшиеся под этим, за то, что возвратились к своей блевотине арианского нечестия, одни при жизни, а другие также после смерти, были анафематствованы и извержены из Церкви Божией, как это в историческом рассказе можно находить в писаниях об этом святого Афанасия. Особенно же дает этому веру благочестивой памяти Константин своим рескриптом, данным Феодоту, обозначая в нем, что и Евсевий, и Феогний, и единомышленники их, были извержены из вселенской Церкви, как мудрствующие противно святому никейскому собору, частью которого они были. А также римская церковь, за несколько пред сим лет, анафематствовала Диоскора, бывшего папою этой церкви, и после смерти, хотя он и не согрешил против веры; и это знают все, живущие в Риме, и особенно люди, состоявшие в почетных должностях, а также и те, которые оставались в общении с этим Диоскором даже по его смерти“.

После того, как благочестивейший епископ Бенигн высказал изложенное заявление, встали Феодор епископ Кесарии каппадокийской, Иоанн епископ нисский, Василий епископ нового Юстинианополя (некогда Камулиана), и сказали: „какое намерение имеет ваш святой собор относительно Феодора Мопсуестского, вы, возбужденные приличною ревностью по Боге против него и против того, что он богохульствовал на великого Бога и Спасителя нашего Христа, уже объяснили. А так как некоторые, любящие заблуждение Нестория или – сказать тоже – безумие Феодора, не отказываются выдумывать нечто, и употребляют слова, как будто находящиеся в послании, писанном святой памяти Кириллом к Иоанну епископу антиохийскому, в защиту того, что не должно как будто обижать Феодора, потому что он уже умер: то мы сочли необходимым донести об этом вам, дабы ничто из того, что ими говорится, не скрылось от вашего блаженства, или не осталось неисследованным. А такое послание, о каком разглашают они, никогда не было писано святой памяти Кириллом, и нигде в его

кодексах не находится. Содержание этого вымышленного послания такое.

„Я рассмотрел письмо, которое отправило ко мне ваше благочестие, собравшееся воедино, как бы по общему желанию собора. И говорить что-нибудь о первоначалах письма, или также писать я весьма справедливо счел излишним. Ибо, хотя я усмотрел, что вы, как сказал бы кто-нибудь, как будто возмущены духом, и чрезмерно изумился; однако поспешил сделать то, что необходимо. Ибо каким бы образом я не был намерен иметь в уме столь удивительное и хлопотливое ваше старание, прибавлю даже, борьбу, которую вы вообще предприняли за мужа не только удивительного, но и приобретшего у вас величайшую славу? Я говорю о Феодоре, так как некоторые, как кажется, вопиют против него, ненавидят его и представляют случай нечестия, содержащегося, по словам некоторых, в каких-то неправых главах, которыми они возмутили и ваше благочестие, требуя отвержения их. Такой же беспорядок они производят, как показывает ваше письмо, и теперь, пришедши в царствующий город, если только удастся им убедить, обманув некоторых, что императорскими правилами подвергается анафеме то, что ими провозглашается, дабы обвинить защитников сего. И потому, как кажется мне и всякому имеющему ум, тем, которые право мудрствуют, прилично не печалиться, или строго поступать, но еще как можно долее оставлять имеющих такого рода помыслы и даже, прибавлю, не иметь в уме того, что они измыслили, особенно когда неизвестно и лице, которое подвергается жалобе за связь глав. Если же оно неизвестно, то и те, которые сделали это, оказываются стремящимися неизвестно на кого и поражающими воздух. Но, опустив это, я скажу о том, что тем, которые каким-либо образом или показывают себя учителями, или хотят писать, надлежит оком чистого ума взирать на смысл божественного Писания, и правильно приближаться к его цели, и таким образом располагать свои речи в суждении, боясь, чтобы, уча или мудрствуя противоположным образом, иначе, нежели как оно содержит, не называться им меньшим в царстве небесном. Желание сего царства побуждает стремящихся к

нему избегать заблуждений на пути, который ведет к этому царству, и поспешать к этой блаженной жизни. Коротко скажу вам, благочестивейшие, о том, что я, удовлетворяя вашему письму, написал также к почтеннейшему епископу города Константинополя Проклу этими самыми словами: когда на Святом ефесском соборе представлено было изложение, которое, как говорили представившие, было составлено будто Феодором, и не имело ничего здорового, то святой собор отверг его, как исполненное превратных понятий; осуждая же тех, которые так мудрствуют, он благоразумно не упомянул об этом муже, и не подверг анафеме ни его самого по имени, ни других, в тех, как кажется, видах, чтобы восточные, внимая высокому мнению об этом муже, которое делает его удивительным, сами не отделились от союза тела вселенской Церкви, и не присоединились к ненавистному и гнусному сообществу, и не произвели весьма многих случаев к соблазнам. Ибо народ обыкновенно с величайшим удовольствием подставляет уши всяким слухам, и в миг отступает от надлежащего мнения. Но виновники этого справедливо услышат, хотя не желают: скройтесь вы сами, натягивающие луки против праха, ибо нет того, кто обвиняется вами. И пусть никто не обвиняет меня, что я сослался на эти слова; но я уступаю тем, которые думают, что тяжело ругаться над умершими, хотя бы они были мирские, а еще больше над теми, которые отошли из жизни в епископском сане. Ибо благоразумным мужам свойственно по всей справедливости предоставить это Тому, кто наперед знает мнение каждого, и знает каков будет каждый из нас. Господь да сохранит вас благоговейнейшие, во всем здоровыми и молитвенниками за нас“.

„Вот что именно заключается в вымышленном послании. Кто же, рассматривая его, не найдет тотчас чуждого состава мыслей и слов, при сличении его с другими сочинениями святой памяти Кирилла? Впрочем подложность его ясно открывается из следующего: Иоанн, епископ антиохийский, написал к святой памяти Кириллу, говоря нечто о том, что не нужно анафематствовать ни самого Феодора, ни сочинений его, как согласных с тем, что говорили святые отцы, и святой Кирилл

отвечал на это, ясно отвергая сочинения Феодора и порицая говорящих, что они согласны с тем, что изложили святые отцы, и прибавляя к письму еще то, что не должно защищать сочинения Феодора, как согласные во всем с суесловиями Нестория и справедливо отверженные вместе с ними, потому именно, что анафема, которая произнесена против Нестория, направлена также и против тех, которые прежде него мудрствовали подобно ему. Итак, ответное послание святого Кирилла к Иоанну, содержит в себе следующее:

„Дракон, отступник, зверь, поистине самый упорный и боговраждебный, еще не успокоился, еще не расстался с поселившеюся в нем злобой: постоянно разрастаясь ненавистью к святым церквам, он, в дерзости своей, обращает против догматов истины необузданные языки людей нечестивых и невежественных, имеющих «сожженную совесть» (1Тим. 4, 2). Впрочем, он везде уловлен и побежден, ибо Христос, Спаситель всех нас, показал бездейственность его злобы и могущество начинателей“.

И спустя немного: „Итак необходимо было, чтобы мы по причине этого имели светлое празднество, когда несомненно изгнали всякое сказанное кем-либо слово, которое согласно с богохульством Нестория. Ибо против всех, следующих или уже последовавших оному, мы и ваша святость решительно сказали: анафематствуем тех, которые говорят, что два сына и два Христа. Ибо один, как сказано, проповедуется нами и вами Христос, Сын и Господь, едиnorodный Бог Слово, «в подобии человечеством быв и образом обретеся, якоже человек» (Филип. 2, 7), по слову мудрейшего Павла».

И потом: „Мы просим, чтобы никто не приписывал святым и православным нашим отцам, Афанасию, Василию, Григориям, Феофилу и другим, преступных мнений Диодора, Феодора и некоторых других, которых лучше не хвалить, – чтобы не сказать чего-нибудь резкого, – за то, что они как бы на всех парусах неслись против славы Христа, дабы каким-нибудь образом это не сделалось поводом к соблазну для некоторых, думающих, что поистине так мудрствуют и учат те, которые были почитателями всецелой правды, и которые оставили

книги, опровергающие богохульства не одного Нестория, но и других мудрствовавших и написавших мнения Нестория еще прежде него“.

„Вот что подлинно написал святой Кирилл к Иоанну антиохийскому. А что ничего такого, что содержится в вымышленном послании, не писал он, это открывается также из того, что он писал к Акакию епископу Мелитены, где он прямо рассказывает, что отвечал он Иоанну. В послании говорится об этом так:

„Почтеннейший и благочестивейший диакон и архимандрит Максим пришел ко мне, и я увидел такого мужа, какого надлежало видеть желавшему этого в течении долгого времени. Увидел я ревность его и правоту, и побуждение к благочестию, которое он имел во Христе. Он так печалится и вполне беспокоится духом, что хочет подъять всякий труд до тех пор, пока с корнем истребит зловерие Нестория от пределов востока. Я прочитал послание твоей святости, писанное к благочестивейшему и почтеннейшему епископу антиохийскому Иоанну, исполненное весьма многого упования и вместе любви к Богу. Написал и я такие же послания к нему. Но, как видно, худшее побеждает. Ибо думая, будто ненавидят принадлежащее Несторию, они вводят это опять, другим образом, т. е. удивляясь тому, что принадлежит Феодору, и что содержит в себе, конечно, равную и даже гораздо более худшую болезнь нечестия. Ибо не Феодор был учеником Нестория, но последний был учеником первого: они как говорят одними устами, так и один яд лжеучения изрыгают из своего сердца. Посему восточные писали ко мне, что не нужно обвинять принадлежащее Феодору, дабы не обвинить, как они говорят, сказанного блаженным Афанасием, и Феофилом, и Василием, и Григорием; ибо что говорил Феодор, тоже и они. Но я писавших это не поддержал, а с дерзновением сказал, что Феодор имел хульный язык и перо, послушное ему; а они были учителя всецелого православия, и прославились в нем. Восточных убедили таким образом, что в церквях были крики от народа: „да умножается вера Феодора! так веруем, как Феодор»! хотя в него некогда бросали камнями в его церкви, когда он осмелился

проговорить нечто кратко. Но как хочет учитель, так думает и стадо. Я же не переставал порицать того, что они написали, и не перестану. А так как нужно было, чтобы и у них были письменные опровержения, то я, рассмотревши книги Феодора и Диодора, написанные ими не о воплощения Единородного, но более против воплощения, выставил некоторые из глав, и, как мог опровергнул их, показывая всюду, что учение их исполнено мерзостей».

„Также он писал согласно с вышеизложенным к благочестивой памяти императору Феодосию, говоря так:

„Был некто Феодор, и прежде него Диодор: этот из города Тарса, а тот из Мопсуеста. Они были отцами нечестия Несториева. Ибо в своих книгах, которые сочинили, они безумно богохульствовали против Христа, Спасителя всех нас, не зная таинства Его. Таким образом нечестивый Несторий захотел сделать известным то, что принадлежит им, и был изгнан Богом из священного двора. Хотя же речи Нестория подвергнуты были анафеме, однако некоторые из восточных епископов вводят их опять, иным образом, т. е. удивляясь сочинениям Феодора и говоря, что он мудрствовал право и согласно с святыми отцами нашими Афанасием, Григорием и Василием; но они говорят ложь в отношении святых отцов: ибо эти отцы написали то, что опровергает богохульства Феодора и Нестория. Итак, поскольку я узнал, что и до вашего благочестивейшего слуха доносится нечто из тех (богохульств), то прошу вас сохранить свои души неприкосновенными и неповрежденными нечестием Феодора и Диодора. Ибо, как я сказал уже, Несторий повторял их слова, и по этой причине осужден был, как нечестивый, вселенским собором, который собран был волею Божию в Ефесе“. „И это подлинно (относится) к опровержению письма, которое ложно составлено было защитниками Феодора. Они стараются еще совершить нечто иное злоехидное; ибо урезают некоторые сказанные св. Кириллом против синусиастов слова, которыми также хотят показать, будто он говорил, что не должно порицать умерших. А сказанное им в той же книге заключает совсем противоположное. Ибо он говорит, что без причины не нужно высказываться против умерших, чтобы не показалось это

свойством вражды; когда же предложен догматический вопрос, то хотя бы умерли те, о которых говорится нечто такое, не нужно молчать, но опровергнуть то, что они худо сказали. Содержание относящейся к этому части такое:

„У нас, желающих сражаться за догматы истины, теперь выработано обширное изложение. Ибо оно повсюду возвещает единого Господа Иисуса Христа, который, как Бог Слово, по божеству произошел от Бога Отца, а по человечеству и по плоти от жены. И никто, имея ум, могущий обозревать каждую вещь, не сказал бы, что мы чрезмерно напали на неимеющих такой веры, когда к этому иногда призывает некоторое сожаление к тем, с которыми мы не согласны. Ибо оттого самое дело получает опровержение и неслабое удовлетворение. Так как они уже умерли и, удалясь от человеческих дел, переселились к иной жизни; то неразумно вражески оскорблять совсем не живущих, но уже умерших. А так как любителям догматической правды любезна истина, и им по необходимости прилично говорить справедливое и быть обученными, чтобы могли противостоять тем, которые имеют обыкновение говорить суетное: то, когда подверглось немалому заблуждению бесчисленное множество братий, из которых Диодор из города Тарса и бывший епископ Мопсуестский красноречивый Феодор написали о Господе и Спасителе всех нас Христе, я счел за нужное сказать нечто немногое на то, что они сказали, и показать читающим безобразие учения обоих“.

„Показавши таким образом рассуждение святого Кирилла, которое содержится в вышеизложенном, мы извещаем, что они также пользуются другим посланием, писанным тем же святой памяти Кириллом к святому Проклу, содержащим нечто об анафеме Феодору. Писать же сие он вынужден был посланиями, писанными Иоанном и другими восточными епископами за Феодора, когда от них требовалось анафематствовать главы Феодора, отправленными к ним святой памяти Проклом. Послание, писанное святой памяти Кириллом к святому Проклу, содержит следующее:

„Некогда трудом и великими усилиями твоей святости и святого собора, собравшегося в Ефесе, церкви Божии повсюду

отвергли суесловие Нестория. Весьма печалются от этого некоторые из восточных, не только мирян, но и священнослужителей. Ибо как долговременные болезни бывают более трудны для уврачевания, или, может быть, даже совершенно отрицают оное: так и душа, болящая гнилью превратных мнений и учений, имеет болезнь неизлечимую. Однако ж, по благодати Божией, они, случайно ли, или истинно, и говорят и проповедают об одном Христе, и анафематствовали нечестивые многоглаголения Нестория; и между тем там большое спокойствие и ежедневно утверждаются в вере даже те, которые некогда сомневались. Теперь же, как написал ко мне господин мой святейший епископ антиохийский Иоанн, у них поднялось начало другой бури, и весьма большой существует страх, чтобы некоторые нетвердые как-нибудь не возвратились к прежнему. Ибо говорят, что некоторые пришли в тот великий город, потом беспокоили благочестивейших и христоролюбивейших императоров, и просили, чтобы высочайшим их постановлением были анафематствованы книги Феодора Мопсуестского и сам помянутый муж; – что имя его славно на востоке, и весьма удивляются его сочинениям; и все, как говорят, печалются о том, что муж знаменитый и умерший в общении церковей анафематствуется. А ныне ни для кого из право-мудрствующих нет сомнения в том, что в его сочинениях мы нашли нечто, неприлично сказанное и исполненное чрезмерной хулы. Пусть же знает твоя святость, что когда предложено было на святом соборе изложение, составленное им, как говорили предложившие, не содержащее в себе ничего здорового, святой собор отвергнул его, как исполненное превратных мыслей и как бы источающее нечестие несторианское; осудив же тех, которые так мудрствуют, он благоразумно не упомянул об этом муже, и по благоразумию не подвергнул анафеме его самого по имени, для того, чтобы некоторые, относящиеся с уважением к этому мужу, не отделились от церковей“.

И спустя немного: „И когда хулы Нестория другим образом были анафематствованы и отвергнуты, то вместе с ними было отвергнуто и принадлежащее ему (Феодору), имеющее с ними

весьма большое согласие. И если на востоке сделали это без сомнения, и никакого возмущения от этого нельзя было ожидать, то я говорил, что нет никакого препятствия теперь требовать от них, чтобы они сделали это и письменно. Если же, как пишет господин мой святейший епископ антиохийский Иоанн, они изберут лучше быть сожженными, чем сделать что-нибудь такое, то зачем мы раздуваем успокоившееся пламя и неблагоприятно возбуждаем прекратившиеся возмущения, чтобы когда-нибудь последнее не сделалось как-либо хуже первого? И это я говорю, сильно порицая то, что написал помянутый Феодор, но опасаясь имеющих быть от кого-нибудь по причине этого дела возмущений, чтобы как-нибудь не начали под этим предлогом оплакивать то, что принадлежит Несторию, по примеру того, что негде сказано греческим поэтом: что по поводу Патрокла каждая оплакивала свои бедствия¹¹⁸.

„Оставляя все те места, которые показывают, какое рассуждение имел святой Кирилл об анафеме Феодора, они пользуются одними теми, которые сказаны по благоразумию, чтобы совершенно вывести из несторианского заблуждения тех, которые еще задержаны в нем, и удержать возмущения, которых ожидали от еретиков. Посему святой памяти Прокл, получивши послание святого Кирилла, получив также очень многие просьбы от восточных, чтобы ни Феодор не был анафематствуем, ни его нечестивые сочинения, пишет и убеждает их анафематствовать хотя богохульства Феодора и показать себя свободными от такого подозрения. А так как они не приняли такого благоразумного распоряжения Кирилла и святой памяти Прокла, а напротив продолжали даже защищать самые богохульства Феодора и говорили, что они согласны с написанным святыми отцами: то святой Кирилл, видя возрастающее нечестие, и боясь оттого оскорбления простейших, вынужден был написать книги против Феодора и против его богохульств, и по смерти того же Феодора показать его и еретиком и нечестивым и богохульным больше язычников и больше иудеев, в следующих словах:

«Ужасеся небо о сем, и вострепета попремному зело, глаголет Господь» (Иер. 2, 12). О невыносимое злословие! о

язык, говорящий нечестие против Бога, и ум воздвизающий рог на высоту (Пс. 74, 6)! Неужели для тебя мало, что пригвожден был ко древу Господь славы? Его ты ни Сыном истинным, ни Богом не называешь; но мы веруем, что Он есть истинный Сын и Бог, дворец и создатель всего. Ибо не был Он человек просто, но в образе человеческого Слово от Бога Отца, не преложение или изменение претерпевший во плоти, но соединенный с нею, по свидетельству священного Писания. Сей-то, пострадавший во плоти и повешенный на древе, сотворил чудеса в Египте, являя во всем свою славу чрез мудрого Моисея»¹¹⁹.

И опять тот же святой Кирилл против Феодора и его богохульств пишет:

«Трезвитесь» (1Петр. 5, 8) пьяные от вина вашего! – пусть восклицает некто так заблуждающимся; – положи, человек, дверь и ограждение устам твоим (Пс. 140, 3); перестань воздвигать на высоту рог, и говорить на Бога неправду (Пс. 74, 6)! Доколе ты будешь ругаться над страждущим Христом? Имей в своем уме написанное божественным Павлом: «согрешающе в братию, и бьюще их совесть, немощну сушу, во Христа согрешаете» (1Кор. 8, 12). Скажу еще нечто и из пророческих книг: тобою оправдан Содом (Иезек. 16, 53), ты превзошел разглагольствие язычников против Христа, считавших крест юродством (1Кор. 1, 23); ты показал, что нет ничего преступного в иудейской гордости. Ты стараешься умалить и, сколько от тебя зависит, унижаешь до бесславия Того, которому подобает вышнее сидение, и который имеет это сидение с Богом и Отцом. Ибо о Том, который воскрес из мертвых, мудрейший Павел говорит, что Он сидит на престоле Божества» (Евр. 1, 2)¹²⁰.

И святой памяти Прокл против Феодора и его нечестия в книге к армянам говорит так:

„Убежим от бурных и грязных потоков лжи, от сект, нападающих на Бога: я говорю о неистовстве Ария, разделяющем неделимую Троицу, о дерзости Евномия, объемлющей знанием непостижимое естество, о бесновании Македония, отделяющем от Божества нераздельно исходящего Духа, и о том новом и недавнем богохульстве, которое гораздо больше превосходит богохульство иудеев. Ибо те отвергают

Того, который есть истинно Сын, отнимая ветвь у корня; а эти на место Того, который есть, вводят другого, понося чистое естество, как многоплодающее. Итак скажем с Павлом: «Христос есть мир наш, сотворивый обоя едино» (Ефес. 2, 14). Ибо иудея и язычника Он чрез крещение сотворил одним новым человеком, добродетелию соединяя различающееся сожительством. Да убоятся осуждения изобретатели нового нечестия, по которому то, что различается, соединено в согласие, а Тот, который соединил разделен, по их старанию, на двойственность»¹²¹.

И опять он же в послании к Иоанну, епископу антиохийскому, против тех же богохульств Феодора говорит так:

„Многие здесь, не только миряне едесские и монахи, но даже лица знатнейшие и славные в воинской службе, у которых воспламеняется горячая ревность к правой вере, громко называют едесского епископа Иву благочестивейшим, потому только, что он любит безумие Нестория, так что и некоторые главы, которые вместе с книгою, написанною мною к армянам, я отправил к твоему благочестию, главы глупые, и невежественные, и исполненные всякого нечестия, он перевел на сирский язык и разослал повсюду, чтобы многих простецов, неопытным слухом принимающих вредное от людей злонамеренных, убедить мудрствовать так, как запрещено в Церкви Божией. Когда ты по прочтении узнаешь их, то со всею скоростью поспеши побудить его, чтобы он подписал книгу, написанную к армянам, а суесловие, или лучше уродословие, или, справедливее сказать, иудейское нечестие этих глав осудив, живым голосом и здоровою рукою анафематствовал безумие“.

И спустя немного: „Итак, Он есть один Сын единородный. Но не так (думают) некоторые: по извращенному уму и безумию помышления сделавшись родителями этих глав, они явились отцами нечестивых и гибельных для себя недоносков. Потому, если упомянутый сослужитель Ива знает те главы, которые изрыгнуты для погибели читающих и слушающих, то, я думаю, он, как человек благоразумный и с детства воспитанный в

божественном Писании, отвращается и отвергает их; пусть он покажет дерзновенным голосом и с некраснеющим лицом, что он мудрствует в душе, отвергая и попирая все главы, приложенные к посланию к армянам, как именно установления и изобретения диавольского безумия, и считая их все достойными анафемы“.

„Итак, пусть те, которые пользуются словами святого Кирилла и Прокла, написанными о Феодоре, скажут, не сопричисляется ли он к иудеям, или язычникам, или содомлянам и еретикам; еще более: превосходя великостию своих богохульств нечестие их всех, и по извращенному уму и безумию в мышлении сделавшись родителем этих богохульств, являясь Отцом нечестивых и гибельных для себя недоносков, и изрыгая такого рода богохульства для гибели читающих, он подвергнут был анафеме. Известно, что тот, кто показал себя нечестивым, совершенно отделен от Бога, как отделен также и тот, кто анафематствован, как нечестивый. Ибо анафема означает не иное что, как отлучение от Бога. Если же из благоразумия отцы и сказали нечто, чтобы в то время удалить от несториева заблуждения защитников его; однако же, так как и слов их не приняли, и время, требовавшее благоразумия, прошло, они приступили к совершенному делу, и написали, что выше сказано, против него и нечестивых его сочинений, уже после смерти его, подобно тому, как и апостол Павел, хотя на время уступил евреям обрезание, и даже сам из благоразумия обрезал Тимофея, однако же после, уча тому, что совершенно, в послании к галатам говорит: «се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользует. Свидетельствую же паки всякому человеку обрезывающемуся, яко должен есть весь закон творити. Упразднистесь от Христа, иже законом оправдастесь: от благодати отпадосте. Мы бо духом, от веры упования правды ждем. О Христе бо Иисусе ни обрезание что может, ни необрезание, но вера любовью поспешествуема» (Гал. 5, 2–6). И опять: «аз же, братие, аще обрезание еще проповедую, почто еще гоним есмь? убо упразднися соблазн креста. О дабы отсечени были развращающие вас» (Гал. 5, 11–12)! И опять ради некоторого благоразумия очистившись вместе

с другими в храме (Деян. 21, 26), также принеся установленные за очищение законные жертвы, и снисходя слабым, он снова исправляет, говоря в послании к колоссянам: «да никтоже убо вас осуждает о ядении или о питии, или о части праздника, или новомесячиих, или о субботах, яже суть стень грядущих» (Кол. 2, 16–17). И опять: «аще умросте со Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стяжаетесь? не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истление употреблением, по заповедем и учением человеческим» (Кол. 2, 20–22). Апостол, отвергая этим законный порядок и как бы телесное в законе, учит, что благоразумие иногда полезно в приличное время, а иногда производит оскорбление по свойству времени. Ибо когда нужно научить неведующих или заблуждающих, тогда благоразумие весьма полезно. Когда же в науке наступит время совершенства, тогда, оставляя снисхождение, мы приступаем к совершенству догматов. Однако ж, ничто не препятствует и другими примерами убедить защитников Феодора и его сочинений, что нисколько не служит на пользу для поступающих нечестиво, если некоторым, или по незнанию, или по предубеждению, или также по некоторому благоразумию, довелось написать нечто за них. Так святой Василий написал нечто об Аполлинарии, но чрез это не освободил его от осуждения. Вот что Василий написал к Патрофилу, епископу мегарскому:

„Немного прошло потом времени, как отлучился я в Киликию, и возвратился оттуда, и вот вдруг письмо, заключающее в себе отказ об общении со мною. А причина разрыва та, говорят, что писал я к Аполлинарию и имел общение с сопресвитером нашим Диодором. Но Аполлинария никогда не почитал я врагом, а за иное и уважаю этого человека. Однако же не имею таких с ним связей, чтобы самому принять на себя то, в чем его обвиняют: потому что, прочитав некоторые из его сочинений, могу и сам обвинить его в ином“¹²².

„И Афанасий писал различные послания к Аполлинарию, как мудрствующему одинаково в вере; и однако после, по смерти Аполлинария, написал также целые книги против него, узнав богохульства его в сочинениях; и для Аполлинария

нисколько не было полезно то, что прежде было написано к нему, как мудрствовавшему одинаково в вере. А также Лев, святой памяти папа древнего Рима, принял Евтихия, и в своем ответе одобрял его, однако после осудил и анафематствовал его, как еретика. И многих других мы находим анафематствованными также после смерти. Равно как, если кто обратится к временам святой памяти Феофила или прежде, найдет, что Ориген анафематствован после смерти: это же ныне над ним сделала и ваша святость и Вигилий, благочестивейший папа древнего Рима. Защитники Феодора предприняли представить также постановления Иоанна, святой памяти епископа константинопольского, как бы писанные к Феодору и содержащие похвалу этому Феодору. А что они ложны, свидетельство об этом представляют те, которые тщательно написали церковные истории, ясно повествуя, что к Феодору Мопсуестскому, когда он покинул уединенную жизнь, написано было Иоанном послание многострочное и весьма полезное. А также сам Феодорит в своей церковной истории¹²³ упомянул о той жизни, которую Иоанн и Феодор проводили вместе в монастыре: это прямо и доказывает то послание, призывающее его от мирской жизни к целомудренной жизни в монастыре. Пусть кто-нибудь и согласится, что оно писано к самому Феодору, чего нет; но верно то, что Иоанн, который во все свое первосвященническое служение право толковал слово истины, зная, что Феодор сочинил такие богохульства, написал к нему такого рода послание. А что некоторые говорят, будто Феодор умер в общении и мире с церквами, – это ложь, и больше клевета против Церкви. Ибо в общении и мире с церквами умер тот, кто даже до смерти и сохранил и проповедал правые догматы Церкви. Но что Феодор не сохранил и не проповедал правых догматов Церкви, это также известно из его богохульств. Впрочем Григорий нисский также дает свидетельство защитникам Аполлинариева нечестия, обвиняющим священников Церкви из за Феодора Мопсуестского, и представляющим его богохульства, в которых он явно показал себя почитающим двух сынов этот Григорий в послании к Феофилу говорит так:

„Защитники Аполлинариевых мнений жалобой, составленную против нас, стараются утвердить свое мнение, что Слово – плотяно, и Господь веков – сын человека, и божество Сына – смертно. Ибо говорят, будто некоторые в кафеолической Церкви почитают в догмате двух сынов: одного по естеству, а другого принятого после по усыновлению. Не знаю, от кого они слышали подобное, и с каким лицом противоборствуют. Ибо я еще не знал того, кто осмелился говорить такие речи. Впрочем, так как выставляющие против нас такую вину утверждают свой мнения тем, что по-видимому нападают на такое заблуждение, то было бы хорошо, чтобы твое во благодати совершенство нашло случаи, как положит тебе на ум Дух Святой, и убедило тех, которые клеветнически прилагают оное к Церкви Божией, что нет и не проповедуется никакого подобного догмата у христиан“.

„Итак, когда святой Григорий громкоговорит, что у христиан нет никакого подобного догмата, какой есть у почитателей двух сынов, а Феодор почитает его во всех своих сочинениях, то каким образом стараются говорить, что такой нечестивец и богохульник умер в общении с церквами, когда святые отцы не приняли и тех, которые говорили или писали, что нечестивый Феодор в своих книгах изложил согласное с Афанасием, Василием, Григориями и другими? И справедливо. Ибо те, которые так писали, мудрствовали противно благочестивому учению проповедников – святых отцов, как это может найти желающий сличить с сочинениями помянутых святых отцов то, что принадлежит Феодору. Этот наполнил свои сочинения чрезмерным богохульством, издал их на погибель читающих и соглашающихся с его нечестием; а те, величайшие светила Церкви, поставленные на возвышенных кровах своих созданий, твердо построенных, проповедали благочестие с величайшими опасностями и всяким дерзновением. Итак вашей святости прилично отвергнуть то, что написано за еретиков, а следовать во всем преданию Церкви, что наверно вы и сделаете, и оправдать Церковь от обвинения, которое взводится на нее из за Феодора и его сочинений».

Диодор, архидиакон и первенствующий из нотариев, сказал: «мы имеем под руками и деяния, составленные в Мопсуесте на благочестивом соборе области второй Киликии, из которых открывается, что с давних времен имя Феодора исключено из священных диптихов». Святой собор сказал: „пусть будут прочтены вслух“. И Феодул, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Список с высочайшего послания, писанного к блаженнейшему Иоанну, епископу метрополии¹²⁴.

„Даем знать твоей святости, чтобы ты собрал всех благочестивейших епископов, которые от твоего собора, пришел в город Мопсуест, сделал точное исследование, при собрании всех находящихся там старейших людей, клириков ли, или мирян, и узнал от них, если они знают, с какого времени имя Феодора исключено из священных диптихов. Если же они не упомянут, когда это сделано, то пусть заявят то самое, что они не знают внесенного или возвещавшегося в священных диптихах имени Феодора, и пусть будут представлены вам и самые диптихи, чтобы вы узнали, кто внесен вместо него. Приняв такие заявления во время производства дела и присоединив их к вашим донесениям, пусть подпишется и твоя святость и прочие благочестивейшие епископы; и таким образом отправьте одно (донесение) к нам, а другое к святейшему папе. И пусть будет это ясно, и каждый из заявляющих пусть скажет и объяснит, сколько лет; и вы в своих заявлениях обозначьте об упомянутом пункте и о том, кого нашли вы внесенным вместо Феодора. Мы написали также и знатному мужу Марфанию, для того, чтобы это произведено было без всякого отлагательства, и послано нам“. Прочитал. Дано в десятый день июньских календ, в Константинополе, в двадцать четвертый год царствования государя нашего Юстиниана, постоянного августа, в девятый год после консульства славнейшего мужа Василия¹²⁵.

Козме, святейшему епископу Мопсуестскому¹²⁶.

„Даем знать твоей святости, что мы повелели блаженнейшему Иоанну, митрополиту города Аназарва¹²⁷, собрать всех епископов области, придти в ваш город и сделать точное исследование, при собрании всех находящихся у вас

старейших людей, клириков ли, или мирян, и узнать от них, если они знают, с какого времени имя Феодора исключено из священных диптихов; если же они не упомянут времени, когда сделано это самое, то пусть заявят и то, что они не знают имени Феодора внесенного в священные диптихи, или возвещавшегося в церкви. Должны быть поэтому представлены и самые священные диптихи, чтобы все благочестивейшие епископы узнали в каком порядке читаются в диптихах имена епископов. Это самое нужно вам сделать явным посредством вашего донесения. Приняв заявления, в то время как будет производиться дело, и присоединив их к вашим донесениям, подпишите все собравшиеся епископы, и таким образом отправьте одно (донесение) к нам, а другое к святейшему папе. И в заявлениях их пусть будет это ясно, – чтобы каждый сказал и объяснил, сколько лет“. Прочитал. Дано в одиннадцатый день июньских календ, в Константинополе, в двадцать четвертый год царствования государя нашего Юстиниана, постоянного августа, в девятый год после консульства славнейшего мужа Василия.

Собор Мопсуестский:

В двадцать третий¹²⁸ год царствования священного и благочестивейшего государя нашего Флавия Юстиниана, постоянного августа и императора, в девятый год после консульства славнейшего мужа Флавия Василия, за 15 дней до июльских календ, месяца июня 17 дня, наступающего 13 индикта, в христолюбивой колонии Мопсуесте, в благочестивейшем судилище достопочтенного епископа, под председательством Иоанна, благочестивейшего и святейшего епископа метрополии, в заседании Фомы, благочестивейшего епископа города Эгеи, и Стефана, благочестивейшего епископа города Кастабалеи, и Никиты, благочестивейшего епископа епифанийского, и Андрее, благочестивейшего епископа флавиадского, и Прокопия, благочестивейшего епископа иренопольского¹²⁹, и Урбикия, благочестивейшего епископа городка Александрии, и Антонина, благочестивейшего епископа розейского, и Козмы, благочестивейшего епископа города Мопсуеста, а также и знатного мужа Марфания, начальника придворной стражи, и всех благочестивейших пресвитеров, в

присутствии также и всех благочестивейших диаконов, иподиаконов и чтецов святейшей церкви выше сказанного города Мопсуеста, сверх того в присутствии Евмолпия¹³⁰ и Феодора, славнейших военачальников, и Ипатия и Павла славнейших трибунов, Евсевоны славнейшего царедворца, Павла почтенного мужа, защитника, и Стефана мужа достохвального, и Павла, по прозванию Неонис, и других достохвальных обитателей того же города Мопсуеста, – Юлиан, диакон и нотариус, сказал: „к вашей святости пришло высочайшее повеление светлейшего и христоролюбивейшего государя нашего, предписывающее вам самим и вашему святому собору произвести дело о Феодоре, бывшем некогда епископе сего города Мопсуеста; и знатный муж Марфаний переслал это повеление к вашей святости, пребывающей в митрополии; по получении его ваша святость, спеша с готовностью исполнить содержащиеся в нем предписания, тотчас обратилась письменно ко всем святейшим епископам области, убеждая их в скором времени придти в сей город Мопсуест и сделать то, что высочайше повелено было. Подобное же написано было его благочестием и к Козме, благочестивейшему епископу сего прекрасного города Мопсуеста. Итак, когда это таким образом произошло, присутствуют, как видите, все святейшие епископы области, также и знатный муж Марфаний, тот самый, которому высочайшим приказом повелено привести в исполнение то, что благочестиво предписано. Тем не менее, по вашему приказанию, присутствуют и все благочестивейшие клирики святой церкви сего города, а также и защитник ее, почтенный муж, сверх того и славнейшие владельцы и достохвальные обитатели его, и те, которых защитник, считая старейшими, представил нам. Мы имеем под руками и то и другое благочестивое приказание, и представляем это самое по приказанию вашей святости“.

Иоанн, Божиею милостию епископ митрополии юстинианопольской, и Фома епископ эгонский, и Стефан епископ кастабалийский, и Никита епископ епифанийский, и Андрей епископ флавиадский, и Прокопий епископ

иренопольский¹³¹, и Урбикий епископ городка Александрии, и Антонин епископ розийский, и Козма епископ Мопсуестский, сказали: „прежде всего наш христоролюбивейший и милостивейший император всегда оказывает усердие к Богу, неусыпное попечение и безупречное благоговение. Посему, когда для благостояния святых церквей случилось некоторое препятствие, он показал обыкновенную и поистине богоугодную быстроту. Потому и мы, исполняя благочестивые и богоугодные предписания, данные императором, усердно сделаем все то, что по справедливости прилично его правлению. Итак, по принесении на средину божественного Писания, и по представлении из него свидетельства на то, что совершается, пусть будут объявлены благочестивейшие повеления милостивейшего императора и предпосланы деяниям».

И вынесены были на средину святые Евангелия, и прочтены и предпосланы благочестивейшие повеления.

Иоанн, Божию милостию епископ, и прочие почтеннейшие епископы сказали: „эти почтеннейшие мужи, назначенные для исследования и определения тех пунктов, которые затребованы благочестивейшим императором, и по своему возрасту имеющие точное знание, должны объяснить свои имена и какую имеют они степень священства. Итак пусть почтеннейший защитник церкви отделит преклонных возрастом от прочих“.

Евгений, диакон и защитник святой Мопсуестской церкви, сказал: „согласно словам вашей святости я отделил преклонных возрастом почтеннейших пресвитеров и диаконов от прочих, и они стоят, как видите».

Святейшие епископы сказали: „пусть производится то, что предъявлено“.

Мартирий сказал: „я называюсь Мартирий, пресвитер этой святой церкви». Павлин¹³² сказал: „я называюсь Павлин, пресвитер этой святой церкви“. Стефан сказал: „я называюсь Стефан, пресвитер этой святейшей церкви“. Олимпий сказал: „я называюсь Олимпий, пресвитер этой святейшей церкви». Иоанн сказал: „я называюсь Иоанн, пресвитер этой святой церкви“. Фома сказал: „я называюсь Фома, пресвитер этой святой церкви“. Феодор сказал: „я называюсь Феодор, пресвитер этой

святой церкви“. Фома сказал: „я называюсь Фома, пресвитер этой святой церкви“. Евдоксий сказал: „я называюсь Евдоксий, пресвитер этой святой церкви“. Павел сказал: „я называюсь Павел, пресвитер этой святой церкви“. Феодор сказал: „я называюсь Феодор, пресвитер этой святой церкви“. Парегорий сказал: „я называюсь Парегорий, архидиакон этой святой церкви“. Иоанн сказал: „я называюсь Иоанн, диакон этой святой церкви“. Феодор сказал: „я называюсь Феодор, диакон, родился в этом городе“. Павел сказал: „я называюсь Павел, диакон, родился в этом городе“. Иоанн сказал: „я называюсь Иоанн, диакон, родился в этом городе“. Фома сказал: „я называюсь Фома, диакон, родился в этом городе».

Святейшие епископы сказали: „пусть сделают то же самое и славнейшие владетели и достохвальные обитатели его, которых почтенный защитник объявил старейшими сего города, и отделенные от других пусть скажут свои имена и состояния“.

Евмолпий сказал: „я называюсь Евмолпий, военачальник, родился в этом городе“. Феодор сказал: „я называюсь Феодор, военачальник, родился в этом городе». Евсевона сказал: „я называюсь Евсевона, царедворец, родился в этом городе». Стефан сказал: „я называюсь Стефан, префектианец, родился в этом городе“. Павел сказал: „я называюсь Павел, по прозванию Неонис, родился в этом городе“. Анатолий сказал: „я называюсь Анатолий, начальник, родился в этом городе“. Марин сказал: „я называюсь Марин, родился в этом городе“. Евстахий сказал: „я называюсь Евстахий, по прозванию Рода, родился в этом городе“. Анатолий сказал: „я называюсь Анатолий, родился в этом городе“. Руфин сказал: „я называюсь Руфин, архитектор, родился в этом городе“. Комита сказал: „я называюсь Комита, ходатай по делам и депутат этого города“. Феодор сказал: „я называюсь Феодор, ходатай по делам, родился в этом городе». Иоанн сказал: „я называюсь Иоанн, нотариус, родился в этом городе“. Аддэй сказал: „я называюсь Аддэй, гражданин“. Марк сказал: „я называюсь Марк, префектианец, родился в этом городе“. Иоанн сказал: „я называюсь Иоанн, носильщик (умерших), родился в этом

городе“. Никита сказал: „я называюсь Никита, нотариус, родился в этом городе“.

Святейшие епископы сказали: «так как почтенный защитник сего города находится здесь и слышал, что сказано было нашими нотариями, то пусть сверх этого он своим голосом объявит нам яснее, не признает ли он из тех мужей, которые им теперь показаны, старших по этому городу».

Павел префектианец и защитник сказал: „получив приказание от вашей святости, я представил славнейших и почтеннейших мужей, каких мог найти поистине старейших между мирянами; и они, спрошенные пред лежащем св. Писанием, о их состоянии, объявляют и точнее объясняют и свои обстоятельства и то, что знают они сами, приобретая познания более чрез самих себя“.

Святейшие епископы сказали: „почтеннейший хранитель священных сосудов этой святейшей церкви пусть принесет нам для рассмотрения и прочтения священные ее диптихи, в которых содержатся записанные имена святой памяти священнослужителей этого прекрасного города“. Пресвитер и ризничий Иоанн сказал: „по приказанию вашей святости я вынес эти диптихи, содержащиеся между священными сосудами, которые хранятся мною, и представляю их для прочтения. Я имею также и другие две тетради, сделанные из пергамента, древнейшие тех, которые теперь находятся здесь и читаются, и эти самые я принес, как видите“.

Святейшие епископы сказали: „вслух нашего смирения, а также тех почтеннейших, славнейших и честнейших мужей, которые приведены для свидетельства, пусть будут прочтены священные диптихи, которые возвещают о счислении святой памяти священнослужителей сего города Мопсуеста, откуда проповедуется чистая и православная вера, даже до того священнослужителя, который умер в настоящем тринадцатом индиктионе». И прочтены были; содержание их такое: „за покоющихся епископов – Протогена, Зосима, Олимпия, Кирилла, Фому, Вассиана, Иоанна, Авксентия, Палатина, Иакова, Зосима, Феодора, Симеона“. Из другого диптиха: „за покоющихся епископов – Протогена, Зосима, Олимпия,

Кирилла, Фому, Вассиана, Иоанна, Авксентия, Палатина, Иакова, Зосима, Феодора, Симеона“. И из дригих диптихов: „за покоющихся епископов – Протогена, Зосима, Олимпия, Кирилла, Фому, Вассиана, Иоанна, Авксентия, Палатина, Иакова». Святейшие епископы сказали: „пусть будут поднесены и нам для прочтения и рассмотрения те священные диптихи, которые ясно составлены, чтобы каждый из нас прочитал и посмотрел“. И поднесены они были святейшим епископам. Святейшие епископы сказали: „есть ли у твоего благочестия и другие, древнее¹³³ представленных». Пресвитер и ризничий Иоанн сказал: „имею такие, господин; их я и представил“. Святейшие епископы сказали: „объяви это самое пред божественным Писанием, здесь лежащим“. Пресвитер и ризничий Иоанн сказал: „клянусь этим благом, не имею других диптихов, древнее¹³⁴ этих, но все, которые имею, я представил“.

Святейшие епископы сказали: „когда самое дело, так как оно относится ко спасению души, и почтеннейшее положение ваше убеждают вас ничего не говорить, кроме истины, то несомненно, что вы окажете большую заботливость о точности. Пусть всякое неправое помышление откинуто будет прочь от совершающихся теперь деяний, и вам нужно честными клятвами подтвердить то, что вы намерены говорить. Пусть каждый, прикоснувшись к священному и неповрежденному Писанию, ради него даст уверение, что в совершающихся теперь деяниях он не будет говорить ничего, кроме того, что знает истинно. Уважая ту же верность клятвы, пусть они также дадут объяснение о своем возрасте, и, следуя повелению благочестивейшего государя, пусть скажут, если знают и сохраняют в памяти, в какое время Феодор, бывший некогда епископом сего города, исключен из священных диптихов, и кто занял его место в этих священных диптихах“.

Мартирий пресвитер сказал: „клянусь этим благом, о всем, что знаю, скажу истину. Мне около восьмидесяти лет; определен в клир я уже более шестидесяти лет; и не знаю, и не слышал, что Феодор, бывший некогда епископом сего города, был провозглашаем в священных диптихах: но слышал, что святой

Кирилл, бывший епископ великого города Александрии, помещен вместо Феодора в диптихах, в которых вписаны умершие святейшие епископы, и даже доселе он вписан и провозглашается с другими епископами. Ибо я не знаю и не слыхал, что в нашем городе был епископ по имени Кирилл. А тот Феодор, который теперь внесен, умер три года тому назад и был из Галатии».

Павлин¹³⁵ пресвитер сказал: „клянусь этим святым Писанием, я истинно говорю то, что знаю. Я пресвитер Мопсуестской святейшей церкви, и имею семьдесят девять лет; сорок девять лет нахожусь в клире, и не знаю и не слыхал, что прежний Феодор, который был епископом в сем городе, был провозглашен в священных диптихах нашей святейшей церкви, или когда исключено имя его из диптихов. Слышу же, когда читаются диптихи в божественной службе, имя Кирилла в счислении покоящихся епископов. А что был епископ Кирилл в сем городе, этого я не знаю и не слыхал“.

Стефан пресвитер сказал: „Клянусь этим благом, все, что знаю, говорю истинно. Мне около шестидесяти девяти лет; поставлен же я в пресвитера три года тому назад, и никаким образом не знаю и не слыхал, что Феодор, бывший некогда епископом в нашем городе, именовался в священных диптихах. Узнал же я, с того времени, как причисляюсь к сему почтенному клиру, что когда он исключен был из них, вместо него в священные диптихи покоящихся епископов внесен был епископ города Александрии Кирилл, который даже доньше провозглашается вместо него. А что Кирилл был епископ нашего города, этого не знаю и не слыхал. Феодор же, который вписан в священные диптихи, умер три года тому назад».

Олимпий пресвитер сказал: „клянусь этим святым Писанием, все, что знаю, говорю истинно. Мне шестьдесят пять лет, в клире я считаюсь пятьдесят пять лет, и не знаю, что в священных диптихах вписано имя Феодора, который был здесь прежде епископом, и не слыхал, чтобы он когда-нибудь перечислялся; от тех, которые были прежде меня, слышал, что вместо него внесен святой Кирилл, бывший епископом города Александрии. Когда же исключено было имя Феодора и внесен

вместо него Кирилл, не помню. Что Кирилл был епископом в сем городе, этого я никогда не слыхал. А тот, который теперь именуется Феодором в диптихах, умер три года тому назад и был галатиянин“.

Иоанн пресвитер сказал: „Клянусь этим благом и Богом, который говорил чрез сие Писание, я говорю истину. Мне около шестидесяти пяти лет, в клире пребываю двадцать восемь лет, и не знал ни тогда, когда был мирянином, ни после того, как сделался клириком, ни того, что Феодор, бывший некогда епископом сего города, перечислялся в священных диптихах, ни того, когда он исключен; а знаю, что в диптихах в счислении покоящихся епископов нашего города провозглашается святой Кирилл, архиепископ города Александрии. Епископа же, с именем Кирилла, в нашем городе я не знаю и не слыхал. Тот, который теперь именуется Феодором в диптихах, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Фома пресвитер сказал: „Клянусь этим святым Писанием и Богом, который говорил чрез оное, о всем, что знаю, говорю истину. Мне шестьдесят лет; в клире же, хотя грешник, пребываю пятьдесят пять лет; и не знаю и не слыхал, что имя прежнего Феодора, который был здесь епископом, провозглашалось в священных диптихах, ни того, когда оно было исключено, ни того, кто его исключил. Слышал от старших, что в священных диптихах в числении епископов нашего города вместо Феодора внесен Кирилл, бывший епископом города Александрии, который и доныне провозглашается; а что Кирилл был здесь епископом, этого я не слыхал и не знаю. Тот же Феодор, который теперь поименовывается с умершими епископами, долженствующий происходить из Галатии, умер три года тому назад“.

„Феодор пресвитер сказал: „клянусь этим благом, все, что знаю, говорю истинно. Мне около шестидесяти двух лет; пятьдесят пять лет пребываю в достопочтенном клире сей святейшей церкви, и никогда не слыхал, что имя прежнего Феодора, который был здесь епископом, или внесено было в священные диптихи, или читалось. Слышал от древнейших, что вместо Феодора внесен был святой Кирилл епископ

Александрии в число покоящихся епископов. А что Кирилл был в нашей церкви, этого я не знаю и не слыхал. Тот же Феодор, который теперь внесен в диптихи, был галатиянин и умер три года тому назад“.

Фома пресвитер сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что́ знаю, говорю истинно. Мне около шестидесяти лет; в клире пребываю пятьдесят лет, и не знаю и не слыхал внесенного (в диптихи) Феодора, бывшего некогда епископом нашего города, и не слыхал, что он читался с покоящимися священнослужителями нашего города. А был ли в нашем городе епископ по имени Кирилл, этого я не знаю и не слыхал, ни в какое время. Тот же Феодор, который теперь читается в священных диптихах, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Евдокий пресвитер сказал: „клянусь святым Писанием, я говорю истину. В клире святейшей церкви я пребываю сорок два года; а мне шестьдесят три года, и ни тогда, когда я был мирянином, ни тогда, когда сделался клириком, я не знал, что здесь в священных диптихах вписан был или провозглашался прежний Феодор, который был здесь епископом; не знаю и того, когда или кто исключил его из священных диптихов. Слышу же, что в диптихах умерших епископов нашего города провозглашается Кирилл, епископ Александрии, потому что я не слыхал и не знаю, чтобы в нашем городе был епископ с именем Кирилла. Тот же Феодор, который провозглашается в диптихах, умерший три года тому назад, был из Галатии“.

Павел пресвитер сказал: „Клянусь этим благом, о всем, что́ знаю, говорю истину. Мне пятьдесят восемь лет; в клире же я пребываю двадцать восемь лет, и не знаю, что Феодор, бывший некогда епископом нашего города, провозглашался в священных диптихах, не знаю и того, кто внесен вместо него. Феодор же, который теперь читается, был из Галатии и умер три года тому назад“.

Феодор пресвитер сказал: „Клянусь этим благом, все, что́ знаю, говорю истинно. Мне около пятидесяти двух лет; с того времени, как я стал клириком двадцать восемь лет; и не знаю и не слыхал, ни тогда, когда был мирянином, ни с тех пор, как

сделался клириком, чтобы Феодор, бывший некогда епископом нашего города, читался или вписан был в священных диптихах. Слышал от старших, что святой Кирилл, епископ Александрии, внесен был вместо него в священные диптихи умерших епископов нашего города. Тот же Феодор, который внесен в священные диптихи, умер за три года; этот был нашим епископом и происходил из Галатии“.

Парегорий архидиакон сказал: „Клянусь этим благом, говорю истину. Мне шестьдесят шесть лет; причислен я к достопочтенному клиру двадцать восемь лет, и не знал, ни тогда, когда был мирянином, ни после того, как сделался клириком, что в священные диптихи внесено было имя Феодора, который был здесь прежде епископом, и не слышал, что оно читалось. Слышал от старших, что вместо него внесен был епископ города Александрии святой Кирилл, который и доныне провозглашается. А что здесь был епископ Кирилл, этого не знаю и не слышал. Тот же Феодор, которым теперь читается в священных диптихах, был галатиянин, умерший три года тому назад“.

Иоанн, диакон сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что знаю, говорю истинно. Мне пятьдесят восемь лет: причислен я к достопочтенному клиру сорок восемь лет, и не знаю и не слышал, что в священные диптихи внесено имя Феодора, который был здесь прежде епископом, и что оно провозглашалось. Слышал когда-то, что вместо него внесен святой Кирилл александрийский, который и доныне провозглашается, но не знаю и не слышал, что здесь был епископ Кирилл. Тот же Феодор, который теперь читается в священных диптихах, был галатиянин, умерший три года тому назад“.

Фома диакон сказал: „Клянусь этим святым Писанием, я говорю истину. Мне пятьдесят пять лет; сорок девять пребываю в клире, и не знаю и не слышал, что в священных диптихах вписан был или читался Феодор, который был некогда епископом нашего города. Слышал от старших людей, что вместо него внесен был блаженный Кирилл, первосвященник александрийский, который и доныне читается в священных

диптихах с покоящимися епископами нашего города. А что Кирилл был епископом в нашем городе, этого не знаю и не слыхал. Тот же Феодор, который теперь читается в священных диптихах, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Иоанн диакон сказал: „Клянусь этим святым Писанием, я говорю истину. Мне около шестидесяти пяти лет; в клире пребываю пятьдесят лет, и не слыхал никогда в священных диптихах Феодора, бывшего некогда епископом нашего города; не знаю, когда внесен был Кирилл вместо помянутого Феодора; знаю же, что в диптихах в счислении покоящихся епископов нашего города провозглашается Кирилл, первосвященник александрийский, который и доныне провозглашается. Епископа с именем Кирилла в нашем городе не знаю и не слыхал. Феодор же, который теперь читается в священных диптихах, умер, три года тому назад и был из Галатии“.

Павел диакон сказал: „Клянусь этим благом, что́ знаю, говорю истинно. Мне около пятидесяти шести лет: причислен я к клиру двадцать три года, и ни тогда, когда был мирянином, ни после того, как сделался клириком, не знал, что Феодор, прежний епископ нашего города, вписан был или провозглашался в священных диптихах. Слышал, что вместо помянутого Феодора святой Кирилл, первосвященник города Александрии, внесен был и провозглашался в диптихах в счислении покоящихся епископов нашего города, и даже доныне читается. А был ли епископ в нашем городе по имени Кирилл, этого не знаю и не слыхал. Тот же Феодор, который теперь читается в священных диптихах, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Святейшие епископы сказали: „Высказанное почтеннейшими клириками по знанию и памяти показывает силу того, о чем идет дело; остается, чтобы настоящее дело подверглось также свидетельству тех, которые находятся вне священного собора. Итак пусть присутствующие славнейшие, почтеннейшие и достохвальные мужи, которые оказались и возрастом старше, вводимые порознь, объявят как время своей жизни, так и все, что́ знают, ради дела, которое теперь производится, утверждая прежде то, что намерены будут

говорить, находящимся здесь божественным и досточтимым евангелием».

Евмолпий военачальник сказал: „Клянусь этим благом, о всем, что знаю, говорю истину. Мне около шестидесяти лет: вашей святости известно, что я находился на военной службе, исполняя высочайшие повеления, и когда пришел в этот город, находясь в общении с святою церковию, никогда не слыхал, чтобы в священных диптихах провозглашалось имя Феодора, который был, как говорят старшие, епископом сего города. Потому что тот Феодор, который теперь читается, был из Галатии и умер три года тому назад».

Феодор военачальник сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что знаю, говорю истинно. Мне около сорока пяти лет, и не знаю, что имя Феодора, который, говорят, был прежде епископом нашего города, читалось в священных диптихах. Феодор же, который теперь вписан в диптихах и провозглашается с умершими епископами, был из Галатии и умер три года тому назад“.

Евсевона царедворец сказал: „Клянусь этим благом – святым евангелием, все, что знаю, говорю истинно. С того времени, как я помню и хожу в святую церковь, не знаю, чтобы имя прежнего Феодора, который, говорят, был епископом сего города, провозглашалось в священных диптихах; мне однако же более пятидесяти лет“.

Стефан префектианец сказал: „Клянусь этим святым Писанием, о всем, что знаю, говорю истину. Я шестидесяти одного года; что имя Феодора прежнего епископа Мопсуестского читалось в священных диптихах, этого я не слыхал. Слышу же, что в счислении епископов нашего города провозглашается Кирилл, который, как говорили старшие, был епископом великого города Александрии, который и доныне читается с покоящимися епископами нашего города Мопсуеста; потому что я обыкновенно, принимаю божественные и непорочные тайны, приступая более чистосердечно, нежели с любопытством. Тот же Феодор, который теперь внесен, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Павел Неонис, сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что́ знаю, говорю истинно. Мне семьдесят лет, и я не знаю и не слыхал, что прежний Феодор, который был епископом нашего города, провозглашался в священных диптихах, не знаю и того, когда он исключен был, или кто внесен вместо него; слышу только, что провозглашается тот Феодор из Галатии, который умер года три тому назад“.

Анатолий начальник сказал: „Клянусь этим благом, я говорю истину. Мне около шестидесяти лет; не знаю, чтобы прежний Феодор антиохийский, епископ нашего города, читался в священных диптихах, а разве Феодор, умерший три года тому назад, который был из Галатии.

Марин префектианец сказал: „Клянусь этим святым Писанием о всем, что́ знаю, говорю истину. Мне около шестидесяти трех лет; и я не знаю, было ли внесено или провозглашалось ли в священных диптихах имя прежнего Феодора, который был епископом сего города. Феодор же, который теперь читается, был из Галатии и умер три года тому назад“.

Евстахий сказал: „Клянусь этим благом, что́ знаю, говорю истинно. Мне около семидесяти лет; и я не знаю, что Феодор, бывший некогда епископом города Мопсуеста был внесен или провозглашался в священных диптихах нашей святейшей церкви. Тот же Феодор, который теперь читается в диптихах, умер три года тому назад и был из Галатии“.

Анатолий сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что́ знаю, говорю истинно. Мне семьдесят три года; и я не знаю, помещался ли в священных диптихах святейшей церкви, или провозглашался ли прежний Феодор, бывший епископом нашего города. А который ныне именуется, тот есть Феодор галатиянин, умерший три года тому назад».

Руфин архитектор сказал: „Клянусь этим благом, все, что́ знаю, говорю истинно. Мне семьдесят лет; и я ни от родителей моих не слыхал и не знаю, и ни от другого кого не слыхал, что было внесено или провозглашалось в священных диптихах имя Феодора, который был некогда здесь епископом. Феодор же,

который ныне читается в священных диптихах, умер три года тому назад“.

Комита, ходатай по делам и отец города, сказал: „Клянусь этим святым Писанием, о всем, что знаю, говорю истину. Не знаю и не слыхал, что читалось имя Феодора, который был некогда, как говорят, епископом нашего города. Мне же сорок¹³⁶ лет“.

Феодор, ходатай по делам, сказал: „Клянусь этим благом, о всем, что знаю, говорю истину. Мне пятьдесят лет; и я не знаю и не слыхал, что в священные диптихи внесено было имя прежнего Феодора, который был в этом городе, как говорят, епископом“.

Иоанн нотариус сказал: „Клянусь этим благом – святым евангелием, о всем, что знаю, говорю истину. Мне около шестидесяти семи лет; и я не знаю, что читался прежний Феодор, который был епископом нашего города. Тот же Феодор, который ныне читается, из Галатии: он умер три года тому назад и был нашим епископом».

Аддэй сказал: „Клянусь этим святым Писанием, все, что знаю, говорю истинно. Мне шестьдесят лет; и я не знаю и никогда не слыхал, что в священных диптихах провозглашалось имя Феодора, который был здесь епископом. Три года тому назад умер Феодор из Галатии, который был здесь епископом; он провозглашается с другими умершими епископами“.

Марк префектианец сказал: „Клянусь этим благом – святым евангелием, все, что знаю, говорю истинно. Мне пятьдесят пять лет; и я не знаю и не слыхал, что в священных диптихах читался прежний Феодор, который был здесь епископом, кроме того Феодора галатиянина, который умер три года тому назад».

Иоанн носильщик сказал: „Клянусь этим святым Писанием, о всем, что знаю, говорю истинно. Я семидесяти лет; и не знаю и не слыхал, что в священных диптихах, провозглашалось имя прежнего Феодора, бывшего здесь епископом, кроме того Феодора галатиянина, который умер три года тому назад.

Никита нотариус сказал: „Клянусь этим благом, все, что знаю, говорю истинно. Я пятидесяти четырех лет; и не знаю и не

слыхал, что имя прежнего Феодора читалось в священных диптихах святейшей нашей церкви; но Феодор, который ныне читается, есть епископ, умерший три года тому назад“!

Иоанн, Божию милостию епископ митрополии Юстинианополя, и Фома епископ города Эгеи, и Стефан епископ кастабалейский, и Никита епископ епифанейский, и Андрей епископ флавиадский, и Прокопий епископ иренопольский, и Урбикий епископ городка Алксандрии, и Антонин епископ розейский, и Козма епископ Мопсуестский, сказали: „никто не может ни закрыть, ни утаить города, стоящего на высоком месте, никто не имеет силы затмить навсегда свет истины. Потому что свет правой и непорочной веры светит ясно, и ни от какого облака ереси не покрывается тьмою, и теперь красота истины открыта, и весьма ясно показано, что прежний Феодор, который был епископом в сем городе, в древние времена не был провозглашаем при божественном таинстве, и исключен был из священных диптихов, а вместо него поставлен был другой и вместо его имени вписан был святой памяти Кирилл. Ибо это ясно и несомненно доказало произнесенное с клятвами свидетельство благочестивейших и славнейших и достохвальных мужей, которые теперь поставлены на средину. И мы сами, имея под руками священные диптихи предшествовавших святых епископов сего города, поистине нашли, что о прежнем Феодоре не было внесено совершенно никакого упоминания, а внесено было имя святой памяти Кирилла; а что священные диптихи, которые представлены были, не подложны, это мы усмотрели по самому виду. Они ясно доказывают, что святой памяти Кирилл внесен на место другого, потому что никакого в этом городе не было пастыря того же имени, согласно тому, что выясняет сила свидетельств. Утверждение свидетелей сделало ясным и то, что Феодор, который написан в конце священных диптихов, не прежний Феодор, но тот, который умер три года тому назад, который был из Галатии, о котором и мы знаем, что он принадлежал к нашему числению. Итак, доказавши это как истину, известим обо всем христоролюбивейшего и благочестивейшего императора нашего, согласно тому, что угодно было его христианской

светлости, и во всем святейшего и блаженнейшего папу древнего Рима. И все мы общим голосом умоляем небесного Бога: спаси, Господи, императора, и "услыши его, в оньже еще день призовет тя» (Пс. 19, 10)".

„Иоанн, Божию милостию епископ митрополии Юстинианополя¹³⁷: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Фома, Божию милостию епископ города Эгеи: в видуемом совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Стефан, Божию милостию епископ кастабалейский; при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Никита, Божию милостию епископ епифанейский: при мне» совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

Андрей, Божию милостию епископ флавиадский: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Прокопий, Божию милостию епископ иренопольский: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Урбикий, Божию милостию епископ городка Александрии: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Антонин, Божию милостию епископ розейский: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

„Козма, Божию милостию епископ Мопсуестский: при мне совершены вышеизложенные деяния, и я подписал“.

Благочестивейшему и христолюбивейшему государю нашему, по заслугам свыше почтенному, Флавию Юстиниану, августу и императору, Иоанн, Фома, Стефан, Никита, Андрей, Прокопий, Урбикий, Антонин, и Козма, смиренные епископы вашей области второй Киликии.

„Всегда мы удивлялись трудам вашего христианства для благочестия, относящегося к Богу, и верим, что награда за усердие, которое вы имеете к лучшим и превосходнейшим из дел человеческих, даст вам участие в небесном царстве. Не менее и теперь усматривая вашу, благочестивейший, поспешность касательно (утверждения) святого мира вселенской Церкви из того (послания), которое вашею христолюбивейшею светлостью благочестиво отправлено было к нам относительно Феодора, некогда епископа Мопсуестского;

мы весьма хвалим и удивляемся твоей, непобедимейшей, ревности о правых догматах. Ибо все мы, которым выпал жребий священства в вашей второй Киликии, пришли в город Мопсуест, между тем как знатный муж Марфаний восполнял для нас производимое дело, потому что так повелело ваше благочестие; и мы призвали благочестивейших клириков сего (города), а также и славнейших и достохвальных его жителей, выбрав из них тех, которые были пожилые, что справедливо предписано было вами, христоролюбивейший; мы спрашивали, когда прежний Феодор исключен из священных диптихов, а также, кто вписан на его место. Говорить это мы убеждали их пред положенным святым и покланяемым евангелием. Они, утверждая нам верность сказанного честными клятвами, и объясняя свои лета, говорили, что не знают, когда имя древнего Феодора уничтожено в священных диптихах, а вместо его внесен святой памяти Кирилл, первосвященник великого города Александрии. Имея под руками священные диптихи, мы нашли, что и они согласны с этим, Бог свидетель! Ибо, читая имена святой памяти первосвященников помянутого города Мопсуеста, мы не нашли никакого упоминания о Феодоре; а Кирилла нашли вписанным вместе со святыми, прежде отшедшими к Богу, хотя никакой Кирилл не был епископом города Мопсуеста. В конце счисления мы нашли вписанным позднейшего Феодора, который происходил из Галатии; был одним из нашего собора и умер три года тому назад. Итак, внеся все в деяния и присоединив к этому смиренному донесению, мы сделали известным вам, христоролюбивейший, то, о чем производилось дело, прося великого Бога и Спасителя, чтобы Он сохранил вашу христоролюбивейшую светлость для нас и для мира святых церквей на долгие веки“.

„Иоанн, Божию милостию епископ вашей юстинианопольской митрополии, подписал».

„Фома, Божию милостию епископ вашего города Эгеи, представляя, подписал“.

„Стефан, Божию милостию епископ города Кастабалси, донося, подписал“.

„Никита, Божиею милостию епископ города Епифании, представляя, подписал“.

„Андрей, Божией милостию епископ вашего города Флавиады, представляя, подписал“.

„Прокопий, Божиею милостию епископ вашего города Иренополя, подписал“.

„Урбикий, Божиею милостию епископ вашего городка Александрии, представляя, подписал“.

„Антонин, Божиею милостию епископ вашего городка Розеи, представляя, подписал“.

„Козма, Божиею милостию епископ вашего города Мопсуеста, представляя, подписал“.

Сделано было от тех же епископов представление и святейшему папе древнего Рима, Вигилию, содержание которого следующее:

„Поистине прилично было, как скоро вы, святейший, получили жребий священнослужительского достоинства, известить ваше, свыше почтенное, блаженство о том, что относится к состоянию святых церквей. И христолюбивейший император наш, сильно заботясь об этом, повелел довести и до вашего сведения нечто, возбужденное о Феодоре, некогда епископе Мопсуестской церкви. Ибо, отправив к нам благочестивейшие письма, он убеждал собраться в город Мопсуест, который есть один (из городов) второй Киликии, и с точностью исследовать, когда Феодор, бывший некогда епископом вышесказанного города, исключен из священных диптихов, и сделать это известным как его спокойствию, так и вашему, свыше почтенному, блаженству. Итак, сошедшись тотчас в Мопсуест, мы собрали благочестивейший клир и верный его народ, выбирая тех, которые старше, которые, может быть, и в памяти могут удержать точность того, что изыскивалось; и, положив пред ними божественное и покланяемое евангелие, чтобы очистить их свидетельство от подозрения, мы приглашали сказать, если они знают, в какое время имя древнего Феодора исключено из священных диптихов. Они поклялись, что много лет, и эти лета ускользают из их памяти, когда об этом Феодоре не вносится в священные

диптихи никакого упоминания, а что на его месте вписан благочестивой памяти Кирилл, первосвященник города Александрии; и они утверждали, что слышали это от отцов своих. Но изыскивая точность того, что говорилось, мы произвели исследование и по самым священным диптихам, и рассмотрели счисление умерших епископов; и в древнейших временах не нашли никакого упоминания о Феодоре; в самом же конце священных диптихов написан Феодор, о котором все сказали, что он умер недавно, а происходил из области Галатии. О нем и мы все знаем, что он был членом нашего собора и умер три года тому назад. Что это так, пусть сделают очевидным это вам, святейший, самые деяния, которые, присоединив к сему смиренному донесению, мы представляем для вашего сведения. Но просим, чтобы вы, свыше вдохновленные своими благочестивейшими и Богу угодными молитвами, поддержали нас смиренных».

И на этом подписались епископы.

Святой собор сказал: „сказанное и представленное достаточно доказывает церковное предание, что должно анафематствовать еретиков и после смерти. И остальное все, что произведено, показывает, каким образом из давних времен Феодор Мопсуестский за нечестивые свои сочинения отвержен был вселенскою Церковию и после смерти. Но об этом мы объявим мнение несколько после; теперь же пусть будет прочтено и то, что собрано из сочинений Феодорита, составленных им как против правой веры и против святой памяти Кирилла и двенадцати его глав, так и в защиту Феодора и Нестория и их богохульств». И Фотин, почтеннейший диакон и нотариус, взявши прочитал:

Из написанного Феодоритом против двенадцати глав святого Кирилла. Из того, что он написал на первое анафематство:

«И так ясно из сказанного, что образ Бога не превратился в образ раба, но оставаясь тем, чем был, принял образ раба. Итак, Бог Слово не сделался плотию, но принял плоть живую и разумную; не родился от Девы естеством, зачавшись и образовавшись, и с того времени получивши начало

существования, Тот, который прежде веков, и есть Бог, и у Бога, и с Отцом вместе пребывающий и с Отцом познаваемый и покланяемый, но образовавший Себе храм в девической утробе был вместе с образованным и рожденным. Поэтому и святую Деву называем Богородицею, не потому что она родила Бога по естеству, но потому, что она родила человека, соединенного с Богом, который образовал его"¹³⁸.

Того же Феодорита из написанною им против второго анафематства:

„Следуя божественному учению апостолов, мы исповедуем, что Христос един есть, и, по причине единства называем Его Богом и человеком; единства же ипостасного, как странного и чуждого Ему, не знаем никаким образом, ни из божественного Писания, ни из отцов, изъяснявших Писание"¹³⁹.

Его же из написанного им против четвертого анафематства.

„Итак, кому мы припишем следующее: «Боже мой, Боже мой, вскую мя оставил еси» (Матф. 27, 46): еще: «Отче мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия» (Матф. 26, 39): и еще: «Отче, спаси мя от часа сего» (Иоан. 12, 27): и следующее: «о дни же том или о часе никтоже весть... ни сын» человеческий (Мк. 13, 32), и все прочее, что сказано самим Им, или святыми апостолами, сказано и написано о Нем смиренно? Кому припишем голод и жажду (Матф. 4, 2)? Кому бодрствование и сон (Иоан. 4)? Кому неведение и страх (Лук. 22)? Кто нуждался в помощи ангелов? Если это свойства Бога Слова, то таким образом мудрость обнаруживает неведение»?

И спустя несколько: „Неведение принадлежало не Богу Слову, но образу раба, который лишь настолько имел знания, сколько открывало обитающее в нем божество"¹⁴⁰.

Его же из написанного им против десятого анафематства.

„Кто это, который совершен подвигами добродетели, а не по естеству? Кто это обнаружил повинование, не зная его, пока не испытал? Кто это жил в благоговении с воплем крепким и со слезами приносил моление, не имея силы спасти себя; но молился могущему его спасти и просил освобождения от смерти

(Евр. 5, 1–10)? Не Бог Слово, который бессмертен, бесстрастен, бестелесен“.

И спустя несколько: „Но это – то, что Он воспринял от семени Давида, что смертно, подлежит страданию и трепещет смерти, хотя это самое впоследствии разрушило власть смерти по причине единства с воспринявшим его Богом; это – то, что ходило во всякой правде и говорило к Иоанну: «остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду» (Матф. 3, 15). Оно получило имя первосвященника по чину Мелхиседекову, ибо оно облечено в немощь нашей природы“¹⁴¹

Его же из послания, написанного им к монастырям, против святого Кирилла:

„Стоявшие вблизи насмежаются над нашею битвою, пользуются нашими несчастиями, и радуются, видя, что мы пожраны сами собою. Причиною этого те, которые стараются повредить апостольскую веру, предпринимают положить вместо евангельских догматов непрочное учение, и которые перенесли главы нечестивого Кирилла с анафемою в царствующий город, предпринимая и утверждая своими писаниями как думали, то, что очевидно произошло от горького корня Аполлинария; они имеют тоже богохульство Ария и Евномия, и, если кто захочет глубже посмотреть, они не чужды безумия Валентина, Манеса и Маркиона. Ибо в первой главе он выбросил совершенное ради нас домостроительство, уча, что Бог Слово не принял человеческого естества, но сам переменился в плоть, и ставя догмат, что вочеловечение нашего Спасителя было совершенно не истинно, но мнимо и воображаемо. А это произошло от нечестия Маркиона, Манеса и Валентина. Во второй же и третьей главе, как бы забыв то, что изложил вначале, вводит единство по ипостаси и согласие по единому естественному, уча, что чрез эти наименования совершенно некоторое умерение и смешение божественного естества и образа раба. Это произошло от еретического безумия Аполлинария. В четвертой главе он отвергает разделение евангельских и апостольских слов, и не допускает по учению православных отцов принимать в отношении к божественному естеству те слова, которые приличествуют Богу, а более униженные и по-

человечески сказанные относить и прилагать к человечеству. И в этом хорошо мудрствующие могут находить родство с нечестием. Ибо Арий и Евномий, называя едиnorodного Сына Божия творением, произведенным из несуществующего, и рабом, дерзнули прилагать человеческое, что сказано Христом Господом по-человечески, к Его божеству, стараясь показать Его чуждым Отчему существу и потому неподобным (Отцу). Сверх сего, скажу кратко, он говорит, что само бесстрастное и неизменяемое божество Христа страдало, и пригвождено было ко кресту и умерло. Это превосходит (безумие) и Ария и Евномия. Ибо и те, которые дерзают называть Творца и художника всего тварию, не впали в такое нечестие. Он хулит и Святого Духа, говоря, что Он исходит не от Отца, по слову Господа, но есть от Сына. И это есть плод семян Аполлинария; она приближается и к злостному богопочитанию Македония. Таковы злостные порождения египетские; а поколения отца хуже. Тогда как те, которым вверено врачевство душ, должны были или в самом зачатии сделать их недоносками, или тотчас по рождении уничтожить, как пагубные и вредные для нашей природы, они великодушно питают их, и считают очень достойными попечения, на погибель как себе; так и другим, которые позволяют себе подставлять им уши“.

Из беседы Феодорита, сказанной против святого Кирилла в Халкидоне, вскоре после первого ефесского собора, когда он из Ефеса прибыл в Константинополь вместе с восточными, в защиту Нестория, как будто несправедливо осужденного:

Видишь ли ты, новый противник Христа, а больше противник Бога, каким образом я и разность естеств знаю, и единства не разрушаю? «Сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвоздше убисте: его же Бог воскресил из мертвых, разрешив узы ада» (Деян. 2, 23–24).

Из другой беседы, сказанной в том же городе против святой памяти Кирилла:

„Неужели я разрушаю единство, новый еретик, а ты не смешиваешь естеств? Скажи о несмешанном единстве, и я возвышаю голос. Но что ты говоришь, что два естества

сделались одним естеством? Какой пророк научил тебя этому? Кто из апостолов – первый, второй, средний, последний, который после двенадцати, Павел, Варнава? Кто после них учитель? Учись у твоего учителя. Это породил арианин Астерий и Аполлинарий твой отец. Ибо ты сделал себя сыном его: ты сделался наследником его мнений, будь по заслуге и наследником названия“.

Из его же беседы, написанной в том же городе в защиту Нестория.

„Христос да будет для нас вождем слова, – Христос, силою которого вы дерзнули преплыть страшные волны Пропонтиды, чтобы услышать голос наш, который вы считаете отражением гласа вашего пастыря. Ибо вы желаете слышать сладкогласную свирель вашего пастыря, которого его товарищи умертвили, как они думают. Но Бог взывает чрез пророка: «пастырие мнози растлиша виноград мой, оскверниша часть мою, даша часть желаемую мою в пустыню непроходную» (Иерем. 12, 10)¹⁴².

Послание Феодорита к Андрею епископу самосатскому, писанное из Ефеса.

„Пишу из Ефеса и приветствую твою святость, которую ублажаю в немощи и считаю любезною Богу, потому что она узнала по слуху, а не по опыту, о тех бедствиях, которые произошли здесь, – бедствиях превышающих всю силу разума и превосходящих историческое повествование и достойных постоянных слез и непрерывного плача. Ибо телу Церкви грозит опасность быть разодранным, скорее же – оно получило уже разрез, если тот мудрый Врач не поправит отделившиеся и загнившие члены и не соединит их. Опять безумствует Египет против Бога, и воюет с Моисеем и Аароном и слугами его, и весьма большая часть Израиля соглашается с противниками; здравомыслящих же, которые добровольно поднимают труды за благочестие, чрезвычайно мало. Поругано почтенное благочестие. Те, которые низложены, совершают священнические службы; а те, которые низложили, сидят дома, стеная. Те, которые с низложенными отлучены от общения, освободили низложенных от низложения, как они думали. Над таким собором смеются египтяне и палестинцы и понтийцы и

азийцы и с ними запад. Ибо весьма большая часть вселенной подверглась болезни. Какие смехотворцы во время нечестия так осмеяли благочестие в комедии? Какой писатель комедии прочитает когда-либо такую баснь? Какой трагический поэт достойно опишет плач об этом? Столь великие и такие бедствия обрушились на Церковь Божию; а лучше (сказать): я рассказал самую малую частицу того, что сделано».

Его же к Несторию после происшедшего соединения между восточными и святейшим Кириллом.

„Господину моему достопочтеннейшему и благочестивейшему и святейшему отцу епископу Несторию, Феодорит (желает) в Господе радоваться.

„Что я не увеселяюсь городской жизнью, и не связан ни мирскою заботою, ни славой, ни возвышенным седалищем, об этом, я думаю, знает твоя святость. Ибо хотя и ничего другого, но самого одиночества города, управлять которым мне выпал жребий, достаточно, чтобы научить меня этой философии. А в нем не одиночество только, но весьма много тревожных обстоятельств, которые могут сделать ленивыми даже тех, кои весьма радуются им. Итак пусть никто не убедит твою святость в том, что я, из желания епископского седалища, закрывая свои глаза, принял египетские письма, как православные. Ибо, говоря по самой справедливости, я довольно часто их перечитывал, с точностию разбирал и нашел, что они свободны от еретической горечи, и убоился наложить на них какое-нибудь пятно, ненавидя конечно, подобно кому-нибудь другому, отца сих писем, как виновника возмущений во вселенной. И я надеюсь не потерпеть никаких наказаний, по благодати Его, в день суда, потому что праведный Судия испытывает намерение. С тем, что несправедливо и противозаконно совершено было против твоей святости, я не позволю себе согласиться и тогда, если бы кто-нибудь отсек мне обе руки, при помощи мне божественной благодати, поддерживающей немощь души. Это я письменно сделал известным и тем, которые требовали; отправил также твоей святости ответ на написанное к нам, чтобы ты знал, что никакое время, по милости Божией, не изменило нас, и не научило быть многоногими или

превращающимися в разные виды¹⁴³, из которых первые подражают камням, а последние листьям по цвету. Я и находящиеся со мною весьма много приветствуем в Господе все братство, находящееся с тобою“.

От Феодорита к Иоанну, епископу антиохийскому.

Так как Бог управляет премудро, промысля о нашем согласии и заботясь о спасении народов, то Он предуготовил нам собраться во едино, и показал расположения всех согласными одни с другими. Прочитывая сообща египетские письма, и исследуя в точности смысл их, мы нашли, что отправленные оттуда (письма) согласны с сказанным нами и явно противны двенадцати главам, которым, как чуждым благочестия, мы остались противниками доныне; ибо они содержали в себе то, что Слово Божие плотски сделалось плотью, и по ипостаси приняло соединение и смешение по соединению естественному, и что Бог Слово сделался перворожденным из мертвых; разделение же того, что сказано о Господе, они отвергали; к тому же они содержали в себе и другие, чуждые апостольскому учению, отпрыски плевел еретических. Итак те (письма), которые отправлены ныне, украшаются евангельским превосходством“.

Послание Феодорита, писанное к Иоанну, архиепископу антиохийскому, когда умер Кирилл, архиепископ александрийский¹⁴⁴.

„Наконец поздно и на силу умер злой человек. Ибо добрые и благодетельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живут долговременно. И я думаю, что промыслительный Раздаятель всех благ раньше времени избавляет первых от человеческих скорбей и как победителей освобождает от борений и переводит в лучшую жизнь; жизнь эта, без конца, без печали и беспокойства обещана в награду тем, которые борются за добродетель. Любителям же и совершителям зла Он попускает долее пользоваться настоящею жизнью, или для того, чтобы они насытились злобою и после научились добродетели, или для того, чтобы терпели наказание и в сем мире, за свои вредные нравы обуреваясь в течение долгого времени горестными и бедственными волнами настоящей

жизни. А его несчастного Правитель наших душ не оставил подобно другим долее наслаждаться тем, что́ кажется увеселительным, но зная злобу сего мужа, ежедневно возраставшую и вредившую телу Церкви, отрезал, как бы какую-нибудь язву, и отъял поношение от сынов Израиля. Отшествие его обрадовало оставшихся в живых; но опечалило, может быть, умерших, и можно опасаться, чтобы они, слишком отягченные его сообществом, опять не отослали его к нам, или чтобы он не убежал от тех, которые отводят его, подобно как тиран циника Лукиана¹⁴⁵. Итак надобно позаботиться, и твоей святости нужно особенно предпринять эту поспешность, – приказать обществу носильщиков умерших положить какой-нибудь величайший и тяжелейший камень на гробницу, чтобы он опять сюда не пришел и снова не стал доказывать нетвердые мнения. Пусть возвещает новые догматы находящимся в аду и пусть там разглагольствует днем, и ночью, как хочет. Ибо мы не боимся, чтобы он и их разделил, говоря публично против благочестия и окружая смертью бессмертное естество. Потому что его закидают камнями не только те, которые научены божественному, но также и Немврод и Фараон и Сеннахерим и всякий подобный им противник Бога. Но я без причины стал бы говорить: ибо он, несчастный, молчит невольно. "Изыдете, – говорится, – дух его, и возвратится: в землю свою: в той день погибнут вся помышления его» (Пс. 145, 4). Он же имеет и другое молчание. Ибо обнаженные дела его связывают язык, зажимают рот, обуздывают чувство, заставляют молчать, принуждают клониться к земле. Посему я плачу и рыдаю о несчастном; ибо весть о его смерти доставила мне нечистое удовольствие, но смешанное с печалью. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденным от такого рода заразы; печалюсь и рыдаю, помышляя, что он, жалкий, не успокоился от зол, но умер, покушаясь на бóльшие и худшие. Ибо он, как говорят, бредил возмутить и царствующий город, и снова противоборствовать благочестивым догматам, и обвинить твою святость, почитающую их. Но Бог видит и не презрел: Он наложил узду на его уста и удила на его губы, и возвратил его в землю, из которой он взят. Да будет же, по

молитвам твоей святости, чтобы он снискал милосердие и прощение, и чтобы безмерная милость Божия победила его злобу. Прошу твою святость освободить нас от смущений душевных. Ибо многочисленные и разнообразные слухи несутся со всех сторон и смущают нас, возвещая общие бедствия. Некоторые говорят, что и твое благочестие против воли отправляется в народное собрание. И я доныне презирал, как ложное, то, что разглашается. А так как увидел, что все говорят одно и то же, то счел необходимым узнать истину от твоей святости для того, чтобы нам или посмеяться над этим, как ложным, или по справедливости оплакать, как истинное».

И еще, после смерти блаженного Кирилла, тот же Феодорит в беседе, сказанной в Антиохии, в присутствии Домна, понося его смерть, говорит следующее:

„Никто уже никого не принуждает богохульствовать. Где говорящие, что Бог распят на кресте? Бог не распинается. Распят на кресте человек Иисус Христос, который от семени Давида, сын Авраама. Умерший есть человек Иисус Христос; а Бог Слово воскресил свой храм, Кто от Давида, тот подобен Давиду. Человек рождает человека; а кто по естеству есть Сын Божий, тот есть Бог Слово; Христос же есть сын Давида, но храм Сына Божия. Нет уже спора: восток и Египет под одним игом. Умерла ненависть, и вместе с тем прекратился спор: пусть успокоятся феопифиты¹⁴⁶.

И еще в другой беседе он так сказал:

„Осызгал Фома того, который воскрес, и воздал поклонение Тому, который воскресил».

Святой собор сказал: „имея в виду то, что нечестиво написал Феодорит, должно удивляться проницательности святого халкидонского собора. Ибо, зная его богохульства, он прежде довольно часто употреблял против него многие воззвания: а после иначе не принял бы его, если бы он наперед не анафематствовал Нестория и его богохульства, в защиту которых прежде писал. Итак, по окончании предложенного об этом, вопрос об остальной главе пусть будет предложен нам в другой день“.

СОБРАНИЕ ШЕСТОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в 14 день июньских календ, индиктиона 1, заседали в судебной палате почтенные епископы сего царствующего города¹⁴⁷:

Евтихий, святейший патриарх царствующего Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин¹⁴⁸, святейший патриарх великого города Феополя,

Стефан, благочестивейший епископ рафийский,

Георгий, благочестивейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор¹⁴⁹, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „святой собор ваш знает, что в предшествующий день, после исследования вопроса о сочинениях Феодорита, вы обещались в другой день исследовать и остальную главу, то есть, так называемое послание Ивы. Итак, представляем об этом самом, что́ будет угодно“.

Святой собор сказал: „пусть будет прочитано то, что́ уже сделано“.

Когда это было исполнено, святой собор сказал: „так как благочестивейший император к написанному нам присовокупил и то, что некоторые, старающиеся защитить послание, которое, как говорят, написал Ива, решаются говорить, что оно принято было святым халкидонским собором, воспользовавшись словами одного или двух благочестивейших епископов, прибывших на этот святой собор, как будто сказанными в защиту того послания, тогда как все другие не были того же мнения: то мы считаем необходимым, по предложенному вопросу, прочитать послание, написанное к Маре персу». И Феодор, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Перевод послания, которое, говорят, написано было епископом, Ивою к Маре персу¹⁵⁰.

„Мы поспешили вкратце сообщить тебе, твоей светлой мудрости, которая в немногом познает многое, о том, что прежде сего, и ныне происходило здесь, зная что это, написанное нами твоему благочестию, старанием твоим сделается известным для всех, там находящихся, и что преданное Богом писание не испытало никакого извращения. Начинаю изложение предмета с тех рассказов, которые и ты сам знаешь. В то самое время, как твое благочестие было здесь, произошел спор между этими двумя человеками, Несторием и Кириллом: они написали один против другого пагубные книги, которые послужили соблазном для слушающих. Ибо Несторий сказал в своих книгах, как и твое благочестие знает, что блаженная Мария не есть Богородица, так что многие думали, что он был (последователь) ереси Павла самосатского, который говорил, что Христос был чистый человек. А Кирилл, желая опровергнуть книги Нестория, погрешил и оказался впадшим в учение Аполлинария. Ибо и он написал подобно ему, что сам Бог Слово сделался человеком, так что не было различия между храмом и обитающим в нем. Он написал двенадцать глав, которые, полагаю, и твое благочестие знает, о том, что естество божества и человечества Господа нашего Иисуса Христа одно, и что, как он говорит, не должно разделять слова – сказал ли их Господь о себе, или евангелисты о Нем. Это полно всякого нечестия, как и твоя святость знает – даже прежде, чем мы сказали. Ибо как возможно, чтобы бывшее в начале Слово объято было храмом, родившимся из Марии? или чтобы слова: «умалил еси его малым чим от ангел» (Псал. 8, 6) сказаны были о божестве Единородного? Церковь говорит так, как и твое благочестие знает и я от начала научен и утвержден божественным учением, из слов блаженных отцов. Два естества, одна сила, одно лице, которое есть один сын Господь наш Иисус Христос. Вследствие этого прения, победители и благочестивейшие императоры повелели первейшим из епископов собраться в город Ефес и сообща рассудить о книгах Нестория и Кирилла. Но прежде чем все епископы, которым повелено было собраться, прибыли в Ефес, этот Кирилл, предупредив, овладел слухом (всех) посредством (какой-то)

отравы, ослепляющей очи мудрых. Он нашел вину в ненависти (которую питали) к Несторию. И прежде нежели святейший и боголюбивейший архиепископ Иоанн прибыл на собор, Нестория без суда и следствия низложили с епископства. А чрез два дня после его осуждения мы прибыли в Ефес. Когда мы узнали, что при осуждении Нестория, учиненном ими, они постановили и утвердили двенадцать глав, написанных Кириллом, которые были противны истинной вере, и согласились с ними, как согласными с истинною верою, то все восточные епископы осудили этого Кирилла и произнесли отлучение на других епископов, которые соглашались с (его) главами. После этого беспорядка каждый возвратился в свой город. Несторий же, так как был ненавидим городом и вельможами, в нем находившимися, не мог возвратиться туда. Восточный собор остался вне общения с теми епископами, которые сообщались с Кириллом. От этого между ними произошла великая скорбь; епископы были во вражде с епископами, и народы с народами; и исполнилось на деле написанное, что будут врагами домашние его (Матф. 10, 36). Отсюда произошли многие оскорбления против нас со стороны язычников и еретиков. Никто не смел отправиться из города в город или из области в область; но каждый преследовал ближнего (своего) как врага. Многие же, не имея пред очами страха Божия, под предлогом ревности о церквах, спешили привести в действие вражду, которую скрывали в сердцах своих. Один из таковых есть тиран нашего города, которого и ты знаешь; он под предлогом веры наказывает не только живых, но и тех, которые давно отошли к Богу. Один из сих (последних) есть блаженный Феодор, проповедник истины и учитель Церкви, который не только при жизни своей обращал еретиков к истинной вере своей, но и после смерти в своих сочинениях оставил сынам Церкви духовное оружие, как узнало и твое благочестие, обращавшееся с ним, и убедилось из написанного им. Его-то (Феодора) дерзнул он, на все дерзавший, открыто анафематствовать пред церковию, его, который по ревности Божией не только свой собственный город от заблуждения обратил к истине, но и отдаленные церкви научил своим

учением. И о книгах его повсюду произведено было много исследований, не потому, чтобы они были чужды истинной веры, – ибо всегда при жизни его тот сам постоянно хвалил его и читал его книги, – но по причине скрытой вражды, которую тот имел против него за то, что он открыто обличил его на соборе. Между тем как происходило это зло и каждый, по Писанию (Суд. 17 и Суд. 21), поступал, как хотел, достопоклоняемый Бог наш, всегда пекущийся по своему милосердию о Церкви, возбудил сердце вернейшего и победителя императора послать великого и известного при его дворе мужа, с тем, чтобы он заставил почтеннейшего и святейшего архиепископа востока господина Иоанна примириться с Кириллом; ибо он им низложен был с епископства. По получении послания императора, он отправил святейшего и боголюбезнейшего Павла, епископа емесского, написав чрез него истинную веру и поручив ему, чтобы он, если Кирилл согласится с этою верою и анафематствует говорящих, что божество страдало, и говорящих, что одно естество божества и человечества, вошел с ним в общение. Бог же, всегда пекущийся о своей Церкви, искупленной собственною Его кровию, восхотел, чтобы и сердце египтянина умягчилось и без затруднения согласилось с (истинною) верою и приняло ее, а всех, верующих не по ней, анафематствовало. Когда же они вошли в общение друг с другом, то распря прекратилась, в Церкви водворился мир: и в ней нет уже раскола, но мир, как (было) прежде. А те слова, которые были написаны святейшим и боголюбезнейшим архиепископом Иоанном, и ответы, какие получил он от Кирилла, – самые послания (их), – я присовокупил к этому (посланию), которое отправил к твоей святости, дабы, читая их, ты знал и всем (любящим мир) возвестил, что распря уже успокоилась и средостение вражды разрушено, и (что) те, кои восставали против живых и мертвых, подверглись стыду – оправдываться в своих преткновениях и учить противоположно прежнему своему учению. Ибо никто не дерзает сказать, что одно естество божества и человечества, но исповедует и храм и Того, кто обитает в нем и кто есть единый сын Иисус Христос. Я написал это твоему благочестию по великой любви, которую к

тебе имею, зная что святость твоя ночью и днем упражняется в учении Божиим, дабы быть полезною многим».

Святой собор сказал: „мы знаем, что благочестивой памяти Прокл отправил к Иоанну, почтеннейшей памяти епископу антиохийскому, послание, в котором он написал, что пред ним обвинен был Ива в том, что предан мнениям Нестория и некоторые из нечестивых глав Феодора перевел на сирский язык, переписал их и разослал повсюду. Итак, пусть будет прочтено вышесказанное послание, относящееся к настоящему исследованию». И Каллоним, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Послание Прокла, епископа константинопольского к Иоанну, епископу антиохийскому.

„Я думаю, а лучше наверно знаю, что тебе, благочестивейший, известно, что немаловажную награду от Бога снискивают те, которые неусыпным оком ума смотрят за церковными нуждами, днем и ночью пекутся и заботятся, чтобы хорошо было управляемо все количество народа, дружелюбно соединенного, и чтобы православная вера была чиста от негодных плевел, а то, что вследствие предприимчивости противников иногда имеет болезнь, заслуживало попечения, дабы приведено было к тому же мнению и послушанию, как прекрасно взывает божественное Писание: «изведший честное от недостойного яко уста моя будет» (Иерем. 15, 19). Ибо если за пренебрежение к ближним, впадшим в худшее, и, по беспечности предстоятеля, сделавшимся добычею волчьей пасти поглощающего людей, угрожает неизбежное осуждение беспечному, которого Писание называет наемником, а не пастырем, нерадивым и небрежным; то неужели не совершенно справедливо ревностному в таких делах последовать, а нерадивого при тревожных обстоятельствах избегать? Ибо в нем и то и другое существует, равно достойное осуждения и неизбежного обвинения, – и то, что когда кто сам живет нерадиво, то этим убеждает видящих к соревнованию в худом, и то, что согрешающих против веры и не исполняющих надлежащего в жизни он не исправляет тотчас, хотя пренебрегающий этим не поставлен вне такого наказания,

Пример сего рода я не от себя выдумываю, но пишу, научившись из божественного Писания. Оный Илий, утомленный летами и приносивший жертву в Силоме по закону, сам хотя не совершал того, на что дерзали дети, но содействовал им, когда не возбранял согрешать: потому что, по справедливому рассуждению, не возбранять бесчестные действия значит быть сродну с действующим. И опять, дети, оскорбляя действиями степень, показывая себя чрез свои грехи недостойными священства, погибали не только за то, что они совершали, но и за то, что вызывали и других ко греху, представляя собою соревновавшим им образ греха. За это равно подверглись наказанию и те, которые нечестиво поступали, и тот, который не возбранял. Ибо отцу повредила беспечность о добродетели, а сыновьям причинило гибель неисправление; и старец потерпел кораблекрушение в буре юношей, расположение к которым он не управлял строгостию. Итак, благочестивейший, тому, кто получил жребий начальствовать над народом и иметь власть священства, должно не только заботиться о том, как явиться самому честным, но и том, чтобы слова его были чисты от всякого осуждения. Ибо хотя первому должно удивляться, но не так, как тому, что сказано после того; сколько то дает заключение об одном только совершающем дела добродетели, столько же это, спасая многих предусмотрительностию, облекается в каждом в твердость благочестия. К чему же говорю я? К тому, что многие здесь, не только некоторые клирики едесские и монахи, но даже лица знатнейшие и славные в воинской службе, у которых воспламеняется: горячая ревность к правой вере, громко говорят о благочестивейшем едесском епископе Иве, что он любит безумие Нестория, так что и некоторые главы, которые вместе с книгою, написанною мною к армянам, я отправил к твоему благочестию, главы глупые, невежественные и исполненные всякого нечестия, он перевел на сирский язык и разослал всюду, чтобы многих простецов, неопытным слухом принимающих вредное от людей злонамеренных, убедить мудрствовать так, как запрещено в церкви Божией. Когда ты по прочтении узнаешь их, то со всею скоростью поспеши побудить его, чтобы он подписал книгу,

написанную к армянам, а суесловие, или лучше уродословие, или, справедливее сказать, иудейское нечестие этих глав осудив, живым голосом и здорово рукою анафематствовал безумие¹⁵¹. Ибо бесчестное дело человеку не показываться явно таким, каков он есть. Если же, чему я не верю, он имеет болезнь этих глав, пусть защищает: если при непостоянных мнениях существует непрерывное продолжение веры или учения, то каким образом он говорит о двух сынах – одном прежде веков, а другом в последние дни? Или каким образом Христос – другой, чем Бог Слово? Или как он клеветает, что явился на землю и жил с людьми некто чистый, как один из рожденных от совокупления, но не Тот, который без начала и не сотворен, к которому «не вменится ин», по словам пророка (Вар. 3, 36)? Ибо хотя и явился во плоти, но воплотился Тот, который выше всякого начала, свободен от всякого страдания, чужд всякого предложения и изменения, который от Отца воссиял превыше смысла, и от Девы родился превыше разума, который не допускает в своем божестве того, что сотворено, и в своей плоти отвергает то, что призрачно, который поистине есть Бог и соделался человеком, и остался тем, чем был, и спас то, чем соделался. Итак, Он есть один Сын едиnorodный. Но не так (думают) некоторые: по извращенному уму и безумию помышления сделавшись родителями этих глав, они явились отцами нечестивых и гибельных для себя недоносков. Потому, если упомянутый сослужитель Ива знает те главы, которые изрыгнуты для погибели читающих и слушающих, то, я думаю, он, как человек благоразумный и с детства воспитанный в божественном Писании, отвращается и отвергает их; пусть он покажет дерзновенным голосом и с некраснеющим лицом, что он мудрствует в душе, отвергая и попирая все главы, приложенные к посланию к армянам, как именно установления и изобретения диавольского безумия, и считая их все достойными анафемы¹⁵², дабы все, находящиеся здесь, знающие истину об этом муже, уже с доверием к нему имели безраздельное мнение. Ибо не должно, благочестивейший, как и сам ты согласен со мною, презирать тех, которые без причины стремясь к худому, вредят себе, но более стараться о тех,

которые соблазняются, чтобы безраздельность и согласие распространялись на всех; особенно боящихся того страшного осуждения, которое в евангелии назначается дерзновенным и презрителям за соблазн единого из малых (Матф. 18:6). Если блаженный Павел постановляет, что священнослужители должны быть «образом добрых дел» (1Тим. 4, 12; Тит. 2, 7), то не более ли – творцами и учителями веры, без которой невозможно угодить (Богу)? Ибо некоторые другие добродетели, как получающие совершенство от нравов, имеют свойство научать исправлению; одна только вера, которая по своей природе и разуму выше, – как приближающая к тому, что вечно по своей природе умосозерцаемо и необъятно, – лучше знания и всякой добродетели, и тем только уступает любви, что Тот, в которого веруем как в Бога, сделался человеком по одной любви. Итак прошу, да будет употреблено старание. Знай, благочестивейший, что упомянутый епископ Ива, послушавшись настоящего послания, услужит не столько другому кому-нибудь, сколько самому себе. Ибо не только те, которые ныне сомневаются о нем, подивятся ему, но и святейший наш отец пресвитер и архимандрит Далматий весьма почитит и подивится, если увидит его мудрствующим согласно с благочестивою верою. А теперь, когда о нем обнародовано более, чем о других, упомянутый святейший отец, по любви своей, неумеренно терзается, что те, которые должны проповедовать о божественном, обвиняются в противном, то по ревности говорящих, то по зависти обвиняющих. Почему я и послал почтеннейшего диакона нашей церкви Феодота к твоему благоговеинству с бумагами, чтобы ты, благочестивейший, знал, что я ценю не презрительное, но ревностное исполнение дела“.

Святой собор сказал: „думаем, что из послания, написанного благочестивой памяти Проклом, для всех ясно, что у него не свободно от обвинения предложенное послание к Маре персу; ибо оно защищает Нестория и во всем подтверждает сочинения нечестивого Феодора, которые святой памяти Прокл предписал ему анафематствовать: так как в них он чтит двух сынов. Остается продолжить исследование и прочего, принадлежащего к настоящей главе“.

Феодор епископ Кесарии каппадокийской, Андрей ефесский, Меgefий Гераклеи фракийской, Евсевий тирский, вставши, сказали: „напоминаем вашей святости, которая в точности это знает, что прежде нежели собрался в Халкидоне собор, Ива несколько раз был обвиняем за нечестивые главы и за учение, помещенное в послании, которое он, говорят, написал к Маре персу. И во-первых, некоторые клирики церкви города Едессы и военные люди, пришедши в царствующий город, беспокоили благочестивой памяти Феодосия, и святой памяти Прокла, тогдашнего епископа города Константинополя, донесениями на Иву в том, что он, как говорили, защищал нечестие Нестория, перевел нечестивые главы Феодора на сирский язык и разослал повсюду; о чем писал также святой памяти Прокл, как вы знаете, к Иоанну епископу антиохийскому, чтобы он убедил Иву отступить от нечестия Нестория и глав Феодора, в котором был обвиняем. Когда же от писаний благочестивейшей памяти Прокла не последовало никакого исправления по жалобам обвинителей, то они, по смерти Иоанна, беспокоили его преемника Домна, опять обвиняя Иву. А как Домн не принял их, то опять те же обвинители, прибыв в царствующий город, беспокоили о том же упомянутого благочестивой памяти Феодосия, и святой памяти Флавиана, сделавшегося тогда епископом города Константинополя после святой памяти Прокла. Приняв прошения, как священной памяти Феодосий, так и святой памяти Флавиан, поручили исследование того, в чем обвинялся Ива, Фотию епископу тирскому и Евтихию епископу беритскому, и отправлены были исполнителями сего дела – от священной памяти императора Феодосия трибун Дамасций с уполномочивающими его на это грамотами, а от святой памяти Флавиана Евлогий, диакон святой константинопольской церкви, с его посланиями к Фотию и Евстафию. Эти исполнители, прибыв в Тир, привели Иву и его обвинителей к епископам Фотию и Евстафию. Обвинители в обвинение этого Ивы представили как другие богохульства Ивы, так и нечестивое послание его, в котором он, сверх других содержащихся в нем богохульств, называет святого Кирилла еретиком и двенадцать его глав нечестивыми, а первый ефесский святой собор поносит

за то, что он будто бы без суда и следствия обвинил Нестория. Ива, опровергая представленное сверх этого обвинение, в оправдание сказал, что он ничего подобного не говорил о святом Кирилле, после того как он соединился с восточными. Между тем нечестивое послание своим содержанием доказывает, что оно написано после соединения. И так ясно, что Ива, сказав, что он ничего не говорил против Кирилла после соединения, отказывается от послания. Но Фотий и Евстафий, недовольные его отказом, постановили определение, чтобы Ива прибыл в Едессу, публично в церкви анафематствовал Нестория и нечестивое его учение, которое защищал в своем нечестивом послании, а первый ефесский собор, который он поносил в том же нечестивом послании, принял как собранный Святым Духом, и считал его равным святому собору трех сот восемнадцати святых отцов. Когда это было таким образом решено и еще не было приведено в исполнение, как можно усмотреть из последующего дело производства, Ива извергается от епископства, равно как и Домн, епископ антиохийский, обвиненные в том, что они оскорбляли и поносили святого Кирилла и проповедуемую им правую веру; и на место Ивы в едесскую церковь Максимом поставляется Нонн. Поэтому, когда созваны были святейшие епископы на святой вселенский собор в Халкидон, то Ива не был зван, а заседал на святом соборе Нонн, как епископ едесской церкви, который и после того, с своим озройским собором, писал ответ¹⁵³ благочестивой памяти (императору) Льву, спрашивавшему о халкидонском соборе и некоторых других предметах и таким образом был в числе тех, которые писали окружные послания. — После того, как святой халкидонский собор произнес определение о вере, производилось дело о Иве, и во-первых, желая, в поднятом против него деле избежать жалоб тех, которыми был обвиняем, он хотя воспользовался судом Фотия и Евстафия, но обвиняется бывшими при них деяниями, равно как и нечестивое его послание, также прочитанное на халкидонском соборе. Потом Ива, избегая обвинения, тотчас после того, прочитанного на соборе, когда еще не было сделано никакого об этом рассуждения, упреждая,

сказал: „пусть прикажет ваше человеколюбие прочитать письмо едесских клириков, дабы вы знали, что я чужд того, что взводится на меня“¹⁵⁴. И особенно он пользуется письмом клириков города Едессы, везде опасаясь обвинения за нечестивое послание. Что мы сообщили истину, знает ваш святой собор, который помнит и все прочее и особенно деяния, бывшие в Халкидоне. И так надобно удивляться каким образом, после того как это воспоследовало и ясно обнаружено нечестие, содержащееся в послании, от которого даже там Ива отказался, некоторые стараются защищать это (послание) во имя святого халкидонского собора, не потому, будто о нем имеют заботу, но потому, чтобы подтвердить свое нечестие. Ибо, употребляя еретическое коварство, они пользуются теми или другими из речей, высказанных о Иве на святом халкидонском соборе как будто бы в защиту послания, написанного к Маре персу, покушаются иные из них истолковать ложно. И так мы почли необходимым, с ясностью представить вашему, знающему также и это, блаженству все относящееся сюда; так как несомненно, что в соборах должно внимать не тем или другим речам, но тому, что определяется всеми вообще или большинством. Впрочем, если кто внимательно исследует и то, что в той или другой речи было высказано будто бы в защиту этого послания, то найдет в них полнейшее отвержение послания. Когда же они подтвердили суд Фотия и Евстафия, это не иное что значит, как осудить нечестивое послание. Ибо против него и содержащегося в нем был произнесен суд Фотия и Евстафия, которыми было предписано Иве принять первый ефесский святой собор, поносимый в нечестивом послании, а анафематствовать виновника злостного нечестия Нестория и его последователей, которых он защищал в том же нечестивом послании. Последуя этому суду Фотия и Евстафия, и все епископы присудили ему анафематствовать и Нестория и его нечестивое учение. А Ювеналий, епископ города Иерусалима, высказал, что Ива, как раскаявшийся в ереси, а особенно ради старости, заслуживает прощения и милосердия, согласно преданию Церкви; эту речь, так ясно произнесенную против нечестивого послания, защитники Ивы не преминули

истолковать ложно. Фалассий, епископ Кесарии в первой Каппадокии, в своей речи ясно показал, что он никогда бы не принял Иву, если бы тот не обещался анафематствовать то, что представлено против него из сочинений обвинителями. А известно, что обвинители Ивы представили в обвинение его послание, написанное к Маре персу. Иоанн епископ севастийский, и Селевк амасийский, и Константин мелитенский, и Патрикий тианский, и Петр гангрский, и Атарвий трапезунтский, заступавший место Дорофея неокесарийского, – все митрополиты, высказавшиеся подобным же образом, присудили принять Иву по той причине, что он отказался от того, что взводили на него обвинители его и большую часть чего составляет послание. В речи их содержится следующее: „определение благочестивейших епископов Фотия и Евстафия показывает, что почтеннейший епископ Ива невинен; равно и отрицание Ивы склоняет нас к тому, чтобы принять его; притом милосердие всегда любезно Христу“¹⁵⁵. И так, если и Ювеналий присудил принять Иву, как раскаявшегося в некоторой ереси, и Фалассий и упомянутые митрополиты присудили (принять его), как отказавшегося, во время бывших при Фотие Деяний, от того, что взводили на него обвинители, то есть, от представленного в обвинение его послания, писанного к Маре персу, и все благочестивейшие епископы присудили ему анафематствовать Нестория, которого послание защищает: то каким образом защитники его решаются клеветать на Евномия, будто он в своей речи часть послания осуждал, а часть одобрял, когда все послание полно нечестия? Потом и Ива отказался от него теми своими словами, что после соединения, он не находит ничего сказать против Кирилла; а Фотий и Евстафий при таком его отказе сказали, что отказа от ереси достаточно для благочестия. Если же кто соглашается, как они говорят, что первая часть послания нечестива, а последняя правильна, то и таким образом послание не может избежать должного ему обвинения. Ибо во всех ересьях, хотя и случалось еретикам сказать что-нибудь правое, они за это не освобождались от обвинения в нечестии. А здесь, очевидно, Евномий не одобрил никакой части послания, потому что он этим противоречил бы самому себе,

одно и тоже похваляя и охудая. В речи Евномия содержится следующее: „из того, что прочитано, почтеннейший Ива оказывается невинным. Ибо в чем, казалось, он был виновен, то есть, что злословил святого Кирилла, в последствии времени правым исповеданием он отверг это, в чем обвинялся. Поэтому и я полагаю, что он достоин епископства, если анафематствует Нестория и Евтихия и их нечестивые учения, и соглашается с тем, что написано благочестивейшим епископом Львом, и с этим вселенским собором“¹⁵⁶. Из этого оказывается, что Евномий высказал такую речь, имея в виду бывшие при Фотие и Евстафие деяния, из которых видно, что Ива заявил, что до соединения, состоявшегося между блаженным Кириллом и восточными, он вместе с другими злословил его, а после соединения не находит, как говорит, ничего сказать против святого Кирилла. А те, которые говорят, что первая часть послания нечестива, а последняя правильна, оказываются клеветниками. Ибо содержание последней части послания полно большего нечестия, потому что оно оскорбляет святой памяти Кирилла и мудрствующих подобно ему, и защищает совершенно нечестивую секту Нестория. Поэтому-то все вместе епископы, по произнесении речей, единогласно воскликнули: „только пусть он анафематствует его учение“¹⁵⁷. И таким образом Ива, анафематствовав Нестория и Евтихия и их нечестивые учения, равно как и всех, мудрствующих не так, как мудрствует святой собор, был принят. Итак отсюда видно и то, что Ива не только отверг, но и анафематствовал послание, составленное во всем противно определению, изложенному святым халкидонским собором, как и ваше блаженство найдет посредством исследования».

Святой собор сказал: „и мы знаем, что это было так; впрочем, считая более безопасным судить об этом на основании того, что изложено на предшествовавших святых соборах, и зная что подняты были некоторые (вопросы) на первом ефесском святом соборе о посланиях святого Кирилла, а на самом халкидонском соборе о послании святой памяти папы Льва, мы признали необходимым объявить из Деяний упомянутых святых соборов те части, которые содержат это,

дабы с полнейшею точностию мы могли сделать на основании этого разбирательство предложенного (дела)“.

И Каллоним, почтеннейший диакон и нотариий, взявши, прочитал:

Часть Деяний, состоявшихся на первом ефесском святом соборе, о посланиях святой памяти Кирилла:

„Петр, пресвитер александрийский и первенствующий из нотариев, сказал: у нас есть в руках послание святейшего и благочестивейшего архиепископа Кирилла, писанное к благоговейнейшему Несторию, полное совета и убеждения о том, что он мудрствует неправильно. Если ваша святость прикажет, я прочту послание. – Акакий, епископ мелитенский, сказал: так как благоговейнейший и боголюбезнейший пресвитер Петр, положивши начало речи, сказал, что боголюбезнейшим и праведнейшим епископом Кириллом было нечто писано к благоговейнейшему Несторию, как излагающему неправославное учение, то следует прочитать и это послание¹⁵⁸ – И прочитано было послание святой памяти Кирилла в Ефесе, содержание которого следующее.

(Послание Кирилла к Несторию).

„Благочестивейшему и боголюбивейшему сослужителю Несторию, Кирилл (желает) спасения о Господе».

«Некоторые своим суесловием, как слышу, хотят ослабить в твоём благочестии твоё мнение обо мне, и это часто они делают, выискивая для этого то время, когда сановники составляют собрание, а иногда и потому, что этим надеются угодить твоему слуху. Они говорят такие оскорбительные слова, не потому что они обижены мною, но потому, что были обличаемы мною к их же пользе: один за то, что притеснял увечных и бедных, другой за то, что обнажил меч на свою мать, и третий за то, что чрез свою служанку похитил у другого деньги, и всегда такой мучился подозрительностию, какой никто не пожелает самому злему врагу. Но о таких людях я не стану говорить много, дабы мои слова не переступили ту меру, какую указал Господь и Учитель, а также и отцы. Нельзя никому избежать невежественной дерзости злых людей, какой бы кто ни избрал образ жизни. Они, у которых уста полны клятвы и горечи

(Пс. 35, 4; Рим. 3, 14), дадут ответ Судие всех. А я обращаюсь опять к тому, что более всего прилично мне; и теперь тебе, как брату о Господе, напоминаю, чтобы ты в поучительных словах своих со всякою внимательностью предлагал народу учение веры и имел в мыслях, что соблазнить и единого из меньших, верующих во Христа, заслуживает непощадный гнев Божий (Мф. 18, 6). И если теперь так много есть смущенных, то как нам не употребить всего старания не только для исполнения обязанности – благоразумно прекратить соблазн, но и предложить здоровое слово тем, которые ищут истины. Для этого самым правильным делом нашим будет то, если мы, обратившись к словам святых отцов, постараемся принять их за главное руководство, и, «испытывая, – по слову Писания, – самих себе, аще в вере есмы» (2Кор. 13, 5), наши собственные Рассуждения будем, сколько можно, вернее соотносить с их верными и непорочными мыслями. Так святой и великий собор изрек, что едиnorodный Сын Бога Отца, родившийся от существа Его, Бог истинный от Бога истинного, свет от света, которым Отец все сотворил, сошел с небес, воплотился, и вочеловечился, страдал, воскрес в третий день и возшел на небеса. Этим словам и догматам должны следовать и мы, вникая мыслию в значение слов: *Бог Слово воплотился и вочеловечился*. Мы не говорим, что естество Слова, изменившись, стало плотью, ни того, что оно преложилось в целого человека, состоящего из души и тела; но говорим, что Слово, соединив с собою, в единстве лица, тело, одушевленное разумною душою, неизреченно и непостижимо для нашего ума, стало человеком, сделалось сыном человеческим, не волею одною и благоизволением, ни восприятием только лица; а говорим, что естества, истинно соединенные между собою, хотя различны, но в соединении обоих сих естеств есть один Христос и Сын. Это мы представляем не так, что в сем соединении уничтожилось различие естеств, но божество и человечество, при неизреченном и неизъяснимом соединении, пребыли совершенными, являя нам единого Господа Иисуса Христа и Сына. Таким образом говорим, что сущий и рожденный от Отца прежде веков, по плоти родился и от жены, не так, как бы

божественное естество Его приняло начало бытия в Святой Деве, и не так, как бы Он, после рождения от Отца, имел нужду родиться от нее. Ибо безрассудно и легкомысленно было бы говорить, что Тот, который прежде всех веков всегда пребывает со Отцом, еще имеет потребность родиться, чтобы начать свое бытие. Так как Он ради нас и ради нашего спасения родился от жены, соединив с собою, в свою ипостась, естество человеческое, то поэтому и говорится, что Он родился плотию. Это не так, что прежде родился от святой девы простой человек, а после сошло на него Слово; но Оно, соединившись с плотию в самой утробе, родилось по плоти, усвоив Себе плоть, с которою родилось. Таковым же мы Его исповедуем и в страдании и воскресении: не говорим, что Слово Бога по своему естеству подверглось ударам, язвам гвоздинным и прочим ранам, потому что божественное естество, как бестелесное, непричастно страданию. Но так как всем этим страданиям подверглось *Его* тело, которое есть Его собственное, то мы и говорим, что Слово страдало за нас; потому что бесстрастный был в страдающем теле. Равным образом мы разумеем и смерть Его; бессмертно по естеству, нетленно, жизнь и животворящее есть Слово Бога. Так как Его тело, «благодатию Божию, – как говорит Павел, – за всех вкусило есть смерти» (Евр. 2, 9), то говорим, что Оно за всех претерпело смерть; не то, что Оно подверглось смерти по своему естеству: – говорить и думать так было бы безумно; – а то, что Его тело, как я сказал уже выше, вкусило смерть. Также когда говорим, что воскресло тело Его, опять к Нему же относим воскресение, не так, как бы Он подвергался смерти (φθόρον) нет, а так, что Его тело воскресло. Таким образом мы исповедуем Христа единым и Господом, не так, как бы мы поклонялись слову и вместе с тем поклонялись еще какому-то человеку; никакого представления о раздельности здесь не вводится при слове *вместе*: но поклоняемся единому и тому же, потому что не есть что-либо особое от Слова тело Его, с которым Оно сидит вместе со Отцом, не два Сына сидят вместе со Отцом, но один, соединенный с своею плотию. Если бы мы стали отвергать ипостасное соединение, как что-то непонятное и странное, то

мы должны бы были признать двух сынов; потому что тогда необходимо должно было бы сделать разделение и одного назвать собственно человеком, удостоенным звания Сына, а другого собственно – Словом Бога, как имеющего имя и достоинство сыновства по своему естеству. Посему не должно разделять единого Господа Иисуса Христа на два сына. Правое учение веры нисколько не поддерживается и тем, что некоторые считают за лучшее допустить соединение лиц. Потому что Писание говорит, что «Слово плоть бысть» (Иоан. 1, 14), а не то, что Слово соединило с собою лице человека. Выражение: «Слово плоть бысть», означает только то одно, что Слово «приискренне приобщися нашей плоти и крови» (Евр. 2, 14); наше тело Оно усвоило Себе, и от жены произошел человек, не перестав быть Богом, рожденным от Бога Отца, и при восприятии плоти пребыв тем, чем Он был. Таково учение правой веры, повсюду исповедуемой. Так мыслили святые отцы, как находим в их писаниях. Они дерзновенно говорили, что святая Дева есть Богородица, не потому, что естество Слова или божество Его началось по бытию от святой Девы, но потому, что от нее родилось святое тело, имеющее разумную душу; таким образом Слово, соединившись с ним ипостасно, родилось по плоти. Пишу к тебе эти слова, побуждаемый любовью во Христе, и, как брату, советую тебе и умоляю пред Богом и святыми ангелами Его, одинаково с нами мыслить и учить, дабы сохранился мир церквей, и чтобы союз единомыслия и любви пребыл неразрывным между священниками Божиими¹⁵⁹.

«Кирилл, епископ александрийский, сказал: святой и великий собор слышал, что я писал к благоговейнейшему Несторию в защиту православной веры. И я думаю, что никак не могу быть обличаю в отступлении от истинного учения веры, или в преступлении против символа, изложенного святым и великим собором, бывшим некогда в Никее. Однако ж прошу вашу святость сказать, правильно ли написал я это, безукоризненно ли и согласно ли с тем св. собором, или нет. – Ювеналий, епископ иерусалимский, сказал: так как по прочтении символа св. веры изложенного в Никее, и послания

святейшего архиепископа Кирилла, и послание и изложение св. собора оказались согласными, то с этим благочестивым учением я согласен и одобряю его. – Фирм, епископ Кесарии каппадокийской, сказал: твое благочестие с точностью и подробностью изъяснило то, что св. никейским собором изложено кратко и в главных основаниях, и таким образом сделано для нас понимание изложенной веры яснейшим и очевиднейшим, так что в выражениях нет ничего обоюдного, все они между собою согласны и вера утверждается. И так как они точны и неизменны и не вносят никакой новизны, то и я, принявший такое же учение от отцов моих святых епископов, согласен с посланием. – Мемнон, епископ ефесский, сказал: прочтенное послание святейшего и благочестивейшего отца, епископа Кирилла, по содержанию своему согласно с символом веры, изложенным триста восемнадцатью святыми отцами, сошедшимися в Никее; посему, не находя в послании ни недостатка, ни противоречий, с ним я согласен и одобряю его¹⁶⁰.

„И после того, как сто двадцать четыре епископа сказали согласно, в конце написано так: и прочие все епископы, поименованные выше, тоже самое исповедуют и так веруют, как изложили отцы и как изъясняет послание святейшего архиепископа Кирилла к Несторию“.

Палладий, епископ амасийский, сказал: теперь следует прочитать и послание достопочтеннейшего Нестория, о котором упомянул в начале благочестивейший пресвитер Петр, чтобы нам видеть, согласно ли и оно с символом святых отцов никейских. И прочитано было¹⁶¹:

„Возлюбленному и боголюбезнейшему сослужителю Кириллу Несторий о Господе желает всякого блага.

„Прощаю укоризны, какие противу меня содержатся в твоём странном послании, потому что оне, по моему мнению, требуют терпения, которое послужило бы для тебя врачевством: а ответом на них послужат в свое время самые дела. Но о чем нельзя умолчать, что грозит великою опасностью, если будет умолчано, о том, как только могу, не вдаваясь в многословие попытаюсь кратко сказать, остерегаясь возбудить неприятность

темным и тяжелым многоречием. Начну с премудрых слов, сказанных твоею любовью, и приведу их в точности. Какие же именно эти слова, которыми ты в своем письме высказываешь дивное учение? Святой и великий собор, пишешь ты, говорит, что едиnorodный Сын, родившийся по естеству от Бога Отца, истинный Бог от истинного Бога, свет от света, которым все сотворил Отец, – Он сошел, воплотился, вочеловечился, страдал, воскрес“. Это слова твоего благочестия, и ты сам знаешь, что они твои. Выслушай же и наше, братское по духу благочестия, вразумление, то самое, которое великий Павел передал, свидетельствуясь Богом, своему возлюбленному Тимофею: "Внимай чтению, вразумлению и учению...: сия бо творя и сам спасешия и послушающии тебе» (1Тим. 4, 16). Чтó значит слово: "внимай"? Я хочу сказать то, что ты, читая в каком-нибудь списке предание святых мужей, не сознал своего недоразумения, заслуживающего извинение, подумав, что они подверженным страданию назвали вечно пребывающее со Отцом Слово. Вникни, если тебе угодно, с бóльшим вниманием в сказанные слова, и увидишь, что божественный лик отцов не называл единосущее божество страдавшим, соприисносущего Отцу рожденным во времени, восставившего разрушенный храм воскресшим. Если бы ты склонил свой слух к предлагаемому братски вразумлению, вникнув в слова святых мужей, то я избавил бы тебя от клеветы на них и чрез них на божественные Писания. „Веруем в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Его едиnorodного“. Рассмотрим, как они, поставив наперед слова: Господь, Иисус, Христос, едиnorodный и Сын, – имена, общие и божеству и человечеству, как основания, созидают на них предание о вочеловечении, страдании и о воскресении, с тем, чтобы поставлением наперед этих знаменательных имен, общих обоим естествам, не допускалось разделения свойств Сына от свойств Господа, и чтобы не уничтожились свойства двух естеств тем, чтó свойственно одному только Сыну. В этом учителем для них был Павел; он, вспоминая о божественном вочеловечении, когда требовалось сказать о страдании, наперед поставил слово: Христос, имя, общее, как я сказал уже, обоим естествам, и вводит слово, соответствующее тому и другому

естеству. Какие его слова? "Сие, – говорит он, – да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу» (дальнейшие слова я не привожу здесь), «послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. 2:5–6, 8). Так как он хотел напомнить о смерти, то, дабы кто-нибудь не почел страдавшим Бога-Слово, употребил имя: Христос, как именование, указывающее в одном лице сущность, подверженную страданиям и неподверженную им, дабы можно было понять, что Христос был и нестрадавший и страдавший – нестрадавший по божеству, и страдавший по телу. Я мог бы и больше сказать об этом, а особенно о том, что святые отцы, говоря о строительстве нашего спасения, указывают не на рождение Христа, а на Его вочеловечение; но помня, что я сначала обещал сдержать ход моего слова уздой краткости, теперь перейду к другому главному вопросу, предложенному твоей любовью. – Одобрю, что ты, говоря о человечестве и божестве, говоришь о разделении одного естества от другого и о соединении их в одном лице; утверждаешь, что Бог Слово не имел потребности во втором рождении от жены; исповедуешь, что божество непричастно страданий. Все это учение есть православное и противоположно лживым мнениям всех еретиков о естествах Господа. Прочие же твои слова сколько заключают в себе мудрости непонятной и непостижимой для читающих – может видеть только твоя проницательность; мне же кажется, что они заключают смысл совсем противоположный прежнему. Того, которого ты сначала назвал непричастным страданию, недопускающим для себя второго рождения, потом представил, не знаю почему, страждущим и снова созданным, как будто бы естественные свойства Бога Слова уничтожены соединением Его с храмом *тела*, как будто бы для людей маловажно убеждение, что храм его тела, непричастный греха, и нераздельный от божественного естества, рождается и умирает за наши грехи, как будто бы слова Господа, сказанные иудеям: «разорите церковь сию, и тремя денми воздвигну ю» (Иоан. 2, 19), не требуют нашей веры. Не сказал: разорите божество мое, и тремя денми оно воздвигнется. Я хотел бы

опять и здесь более говорить, но удерживаюсь от того, припоминая свое обещание. Буду говорить коротко о том, что необходимо мне сказать. – В священном Писании, везде, где только говорится о божественном домостроительстве, передается нам о рождении и страдании человеческого естества во Христе, а не божеского. А потому вернейшее наименование святой Девы должно быть не Богородица, а Христородица. Выслушай, как говорят об этом евангелия: «Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля» (Матф. 1, 1). Ясно видно, что Слово Бог не был сыном Давида. Но вот тебе и другое доказательство: «Иаков же роди Иосифа, мужа Мариина, из нееже родися Иисус, глаголемый Христос» (Матф. 1, 16). Вникни и в другие еще слова, дающие тот же смысл: «Иисус Христово рождество сие бе: обрученей бо бывши матери Его Марии Иосифови, обретеса во чреве имущи от Духа Свята» (Матф. 1:18). Из слов сих ужели кто выведет мысль, что божество едиnorodного есть творение Духа? Также какой смысл и в сих словах: «бе мати Иисусова ту» (Иоан. 2, 1)? Также: «с Мариною, материю Иисусовою» (Деян. 1, 14); «рождшееся в ней, от Духа есть Свята» (Матф. 1, 20); еще: «поими отроча и мать его, и бежи во Египет» (Матф. 2, 13). Также: «о Сыне своем, бывшем от семени Давидова по плоти» (Римл. 1, 3); и о его страдании: «Бог Сына своего посла в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти» (Римл. 8, 3). И: «Христос умре грех ради наших» (1Кор. 15, 3); «Христу пострадавшу плотию» (1Петр. 4, 1). Также не сказал Он: сие есть «божество мое», но "тело мое", еже за вы ломимо во оставление грехов (Лук. 22, 19). Есть много и других слов в Писании, которыми прямо возвещается роду человеческому, что не божество явилось во времени и подверглось телесным страданиям, но плоть, соединенная с естеством божественным. Поэтому и Христос называет себя и Господом Давида и сыном его: «что вам мнится о Христе, чий есть сын? Глоголаша ему: Давидов. Глогола им: како убо Давид духом Господа его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему: седи одесную мене?» (Матф. 22, 42–44). По плоти Он конечно сын Давида, а по божеству Он Господь его. Поэтому правильно и с евангельским преданием

согласно исповедовать, что тело Христа есть храм божества Его, храм, соединенный с божеством каким-то высоким, божественным союзом, в котором божественное естество усвоило себе то, что свойственно телесному. Но с словом: *усвоение*, приписывать Ему качества тела, с Ним соединенного, каковы рождение, страдание, смерть, есть, возлюбленный брат, неправильная мысль, какую может принять только или ум еллинов, или ум, зараженный учением сумасбродного Аполлинария, Ария, или других каких-либо еретиков, еще далее их заблудившихся. Такое понятие об *усвоении* может их повести и к тому, что они, допуская это усвоение, будут утверждать, что Бог Слово и молоком питался, и постепенно возрастал, и причастен был страха во время страдания, имел нужду в ангельском укреплении. Я не стану говорить здесь об обрезании, о принесении жертв, о поте, о жажде, немощах, каким подвергалось за нас Его тело и какими страдало. Относить это к божеству и ложно, и мы подвергаемся за то осуждению, как хулители. Таковы предания святых отцов; таково учение святого Писания. Так каждый должен богословствовать и о человеколюбии Бога и о Его божественном величии, по слову Павла: «в сих поучайся, в сих пребывай, да преспеяние твое явлено будет во всех» и ко всем (1Тим. 4, 15). – Ты очень хорошо делаешь, что не оставляешь заботливости о соблазняющихся, и благодарю, что ты душевно ревнуешь о Боге и заботишься о наших делах. Но знай, что и сам ты введен в заблуждение некоторыми клириками одинакового с тобою образа мыслей, теми, которые здесь святым собором низвержены за то, что заражены манихейскими мнениями. Но Церковь на каждый день приобретает новые приращения и, по благодати Божией, присоединение к ней язычников таково, что, смотря на это приумножение, можно воскликнуть с пророком: «наполнися земля ведения Господня, аки вода многа покры море» (Ис. 11, 9). Жизнь царей, просвещенных учением, преисполнена радостью. Коротко скажу: каждый может видеть, что слово, сказанное на все ереси, борющиеся с православием Церкви, каждодневно исполняется у нас: «дом Саул идяще и изнемогаше, и дом Давидов идяше и укрепляшеся» (2Цар. 3, 1).

Таков наш совет, который мы даем тебе, как брат брату. «Аще ли кто мнится спорлив быти», против такого восклицает за нас Павел, «мы такового обычая не имамы, ниже церкви Божия» (1Кор. 11:16). Всех братий, с тобою находящихся, я и со мною живущие братия, усердно приветствуем. Будь здоров и всегда молись за нас, всегда мною глубоко уважаемый и боголюбивейший¹⁶².

„Кирилл, епископ александрийский, сказал: „Что́ думает сей святой и великий собор о прочитанном сейчас послании? Согласно, или несогласно оно с верою, утвержденною на святом соборе святыми отцами, собранными некогда в Никее»?

„Ювеналий, епископ иерусалимский, сказал: „Нисколько несогласно с благочестивою верою, изложенною святыми отцами в Никее: анафематствую тех, кто так верует; ибо все это чуждо православной вере“.

„Флавиан, епископ филиппийский, сказал: „Все, содержащееся в прочитанном послании, явно противоречит и совершенно чуждо православной вере, изложенной в Никее святейшими отцами: посему верующих так признаем чуждыми православной веры“.

„Фирм, епископ Кесарии каппадокийской, сказал: „В начале послания сохраняет (Несторий) еще образ благочестия, но с течением речи, не имея более возможности скрывать свой образ мыслей, открыто высказывает свои мнения, несогласные ни с верою святых 318 отцов, ни с посланием архиепископа Кирилла“.

„Валериан, епископ иконийский, сказал: для всех очевидно, что послание достопочтеннейшего Нестория не только противно вере святых отцов никейских и посланию боголюбезнейшего и святейшего архиепископа Кирилла, но и само с собою несогласно“¹⁶³.

„И когда тридцать три епископа последовательно сказали, то все епископы вместе воскликнули: кто не анафематствует Нестория, тот да будет анафема! Православная вера анафематствует его! Святой собор анафематствует его! Кто общался с Несторием, да будет анафема! Все мы анафематствуем послание и учение Нестория! Еретика

Нестория все предаем анафеме! Все мы анафематствуем тех, кто общается с Несторием! Нечестивую веру Нестория все анафематствуем! Нечестивое учение Нестория все предаем анафеме! Нечестивое учение Нестория анафематствуем! Вся вселенная анафематствует нечестивое учение Нестория! Кто не анафематствует его, да будем анафема“.

„Ювеналий, епископ иерусалимский, сказал: пусть будет прочтено послание почтеннейшего и святейшего архиепископа римского Целестина, написанное им о вере“¹⁶⁴.

Послание Целестина, епископа римского, к Несторию.

Возлюбленному брату Несторию Целестин.

„Вселенская вера была в мире в продолжении некоторых дней нашего времени, после того как не стало нечестивого и везде осужденного учения Пелагия и Целестия, когда восток и запад мечем единогласного суда поразили их вместе со всеми последователями их заблуждений. В то время блаженной памяти Атик, учитель вселенской веры, поистине преемник блаженного Иоанна и в этом деле служения, поборая за Царя всех, так преследовал их, что не попускал им и там (на востоке) найти себе пристанища. По смерти его нас немало озаботило ожидание: тот, кто будет ему преемником во власти, будет ли преемником ему и в вере? Ибо доброе как-то редко бывает продолжительно; чаще противоположности попеременно сменяют одна другую. Но и после него мы имели себе сослужителем, которому также должно было скоро оставить нас, святого Сисиния, приобретшего любовь всех своею простотою и святостию, который учил вере так, как он ее принял. Очевидно, его простое благочестие и благочестивая простота руководилась словами, которые он читал в Писании, что надобно более бояться, а не высокоумствовать, углубляясь в изыскания (Римл. 11, 20); что не должно, как сказано в другом месте, исследывать предметов «вышших себе» (Сир. 3, 21); что тот, кто будет другое проповедовать, и другому учить будет, а не тому, что апостолы проповедовали, да будет анафема (Гал. 1, 8–9). Когда же и он отшел из сего мира и поэтому наша забота еще продлилась на столько времени, на сколько указал Господь; тогда обрадовала нашу душу весть прибывших к нам послов о

избрании тебя, которую скоро подтвердило донесение и наших сослужителей, которые находились при избрании. Они в одобрение тебя столько говорили, сколько можно было говорить о человеке, который избран из другой церкви. Ибо прежде сего слава о твоей жизни была такова, что твоим достоинствам завидовал посторонний город; а ныне ты своими странными делами заставляешь бегать от тебя, так что прежние твои единомысленники по другим судят, кого избавились они. На твои письма, которые мы недавно получили, мы не могли отвечать в скором времени, потому что их надобно было перевести на римский язык. Когда это дело производилось у нас – медленно по причине витиеватого изложения их, – мы получили послания от святого брата и соепископа Кирилла, всеми одобряемого иерея Божия, с сыном моим диаконом Посидонием: в них он пишет о тебе нечто такое, чем, к крайнему нашему огорчению, уничтожается одобрительный отзыв о тебе тех, которые дали его при избрании тебя. Прекрасное начало твое сменилось худым, как видим, концом: прекрасным началом я называю те отзывы о тебе, которые так были удобрительны, что мы в ответе на донесение братьев показали, сколько мы разделяли общую радость. А ныне, обдумывая и жалобу на тебя моего брата, которого я выше назвал, и переведенные на язык наш твои послания, которые содержат ясно нечестивое учение, видим, что нам должно сказать апостольское слово: «хотел бых... изменить глас мой, яко не домышляюсь о вас» (Галат. 4, 20). При всем том я переменяю его, в надежде не удержит ли себя на пути к пропасти этот составитель нечестивых бесед? Надобно, что мы, как заповедано нам, изъедем злое от себя самих (1Кор. 5, 13). – Прочитав послания и те книги, которые доставил именитый Антиох, сын наш, мы внимательно рассмотрели содержание их. Когда мы в твоих сочинениях идем следом за тобой, настигнем тебя, схватываем тебя, ты стараешься увернуться от нас каким-то многословием, темнотой его прикрывая ясность истины; и потом снова утверждая то, что было отрицаемо, и отрицая то, что было утверждаемо, ты стараешься смешать то и другое. В посланиях же своих ты не столько изъяснил нашу веру, сколько высказал себя самого,

желая дать иное учение о Боге Слове, а не то, какое содержит вселенская вера. Так теперь мы, как судии, вот какой должны дать суд о тебе, вот каковыми должны почестся твои новшества! Когда тебя не знали, тебя избрали, а когда тебя узнали, осудили тебя. Теперь надобно нам сказать вместе с учителем язычников: «о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы» (Римл. 8, 26). Эти слова не прилично ли отнести к той церкви, которая, руководствуясь более молвою о тебе, а не знанием, презрела людей достойных, какие были в ней? Оказалось неверным мнение тех, которые хорошо о тебе думали. Кто мог предположить, что под одеждой овцы скрывается хищный волк? Есть у апостола слова: «подобает и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас» (1Кор. 11, 19). Приклони ухо твое и выслушай слова, которые он сказал Тимофею и Титу. Что он повелевает им? то, чтобы они «уклонялись скверных суесловий» (1Тим. 6, 20). Потому что это содействует к успеху только нечестия, возвращая всегда терние и волчцы. Он просил Тимофея «пребывати в Ефесе, ...да завещает неким не инако учить» (1Тим. 1, 3). Пред очами у меня слова пророка Иеремии: «страшная содеяшася на земли: пророцы пророчествоваша неправедная» (Иерем. 5, 30–31). Скажи мне: эти слова Писания остаются ли неизвестными тебе, или ты знаешь их, но пренебрегаешь ими? Если они остаются для тебя неизвестными, не стыдись узнать истину так же, как ты не боялся узнать ложь и учить ей. Если же ты пренебрегаешь ими, тогда как знаешь их, то подумай, что ты ничем не оправдаешься, когда от тебя потребует отчета в порученном тебе таланте Тот, кто чрез них хочет всегда получить Себе прибыль от этой святой ссуды. Посмотри, какая казнь постигла того, кто скрыл полученный им талант, и возвратил его в том виде, в каком принял его (Матф. 25, 24–30). Поэтому рассмотри со вниманием, как велика и грозна опасность не возвратить того, что ты принял. Можешь ли ты сказать тогда Господу нашему: «их же дал еси мне, сохраних» (Ин. 17:12), когда ты закалаешь и терзаешь, как мы слышим, Церковь Его? Что говорит тебе твоя совесть, когда ты живешь в этом городе, почти всеми оставленный? О если бы они в то время

употребили бóльшую осторожность, нежели какую они употребляют ныне, когда им нужно искать спасения! Откуда пришло тебе желание направить свои речи на такие вопросы, решение которых по началам разума есть нечестие? Зачем епископу проповедовать народу такое, чем ослабляется в нем благоговение к рождению Девы? Нечестивыми словами о Боге не должно возмущать чистоту древней веры. Всегда и каждого суд Церкви не считал ли заслужившим отлучение, как скоро он или отнимал что от веры, или прилагал к ней? Ибо вера, полно и ясно преданная нам апостолами, не допускает ни приложения, ни уменьшения. Мы читаем в наших священных книгах, что не должно ни прилагать, ни отымать; лютая казнь постигнет и того, кто прибавляет, и того, кто отымает (Апок. 22, 18–19). Поэтому, мы готовим прижигание и железо; не надобно больше употреблять пластыря для тех больных членов, которые следует только отсечь: знаем, что тяжелые раны лечатся всегда с большим мучением. Оплакивая многое, что ты нечестиво проповедовал, и что кафолическая Церковь отвергает, мы больше всего плачем о том, что ты от символа веры отъял те слова, которыми утверждается в нас надежда на совершенную жизнь и спасение. От чего это так, – о том говорят твои послания, в отношении которых у нас никакого недоразумения нет, после того, как ты сам прислал их к нам. Лучше было бы, если бы они никогда не приходили в наши руки, дабы нам не быть в необходимости давать суд о таком тягостном деле. Все пути твоих исследований сходятся в одной мысли: ты много расширяешься в своих беседах, идешь по многочисленным изворотам; но напоследок разными дорогами ты приходишь к своей нечестивой цели. Знаем, от чего остерегал тот, кто повелел избегать споров и распрей о законе, "суть бо, – говорит он, – бесполезны и суетны» (Тит. 3, 9). Что считает в настоящую пору бесполезным и суетным, то, без всякого сомнения, не принесет никакой пользы и в последующее время. Поэтому, после того как брат Кирилл двумя своими посланиями хотел вывести тебя на прямой путь, я хочу дать знать тебе, что после первого и второго его вразумления, и после этого моего обличения, которое, как видишь, есть уже третье, ты

совершенно отлучен и от епископского престола, который ты вместе с нами занимаешь, и от всего общества христиан, если скоро не исправишь своего злого учения, если не возвратишься на тот путь, который есть Христос, как Он называет Себя. Тяготимый отчаянием, ты злобно поднял оружие против Того, кто в дому своем поставил тебя, как верного и умного раба, выше всех своих слуг, и ты потерял блаженство, обещанное тебе в награду за такое служение; потому что ты не только не раздаешь пищи в свое время, но губишь ядом тех, которых Он приобрел Себе своею кровью и своею смертью. Видим, что «яд под устнами твоими», что слова твои «полны клятвы и горечи» (Пс. 139:4, 9:28), когда ты начинаешь говорить о Том, кто есть самая сладость. Где тут пастырская заботливость? «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» своя; а тот есть "наемник", кто «оставляет» их и предаёт волкам (Иоан. 10, 11–12). Что же ты, пастырь, хочешь здесь делать? Вместо волков ты сам разгоняешь стадо Господне. В какой ограде может оно найти себе убежище, когда закалается во дворе Церкви? Под каким охранением оно будет безопасно, когда в тебе видит не защитника, а хищника? "И ины, – говорит Господь, – овцы имам, иже не суть от двора сего: и тыя Ми подобает привести» (Иоан. 10, 16). Он обещает привести иных, а ты губишь тех, которых имеешь, тогда как известны многократные случаи, что не овцы за пастырей, а пастыри за овец погибают. "И глас мой, – говорит Он, – услышат". Для чего? «да будет едино стадо, и един пастырь». При его гласе овцы соединяются в стадо, а при твоём они или теряются или разбегаются. Горько мне, что к тебе прилагаются слова блаженного Павла, сказанные в книге Деяний апостольских: «аз вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящие стада: и от вас самех восстанут мужие, глаголющи развращенная, еже отторгати ученики в след себе» (Деян. 20, 29–30). Желательно, чтобы эти слова говорил ты о других, а не другие о тебе; ты должен был в научение другим говорить, а не себе в наставление принимать то, что говорим мы. Кому не покажется странным, что епископа учат тому, каков должен быть христианин? Рассмотрим внимательнее, в какое ты себя поставил положение: тебя

вызывают на суд, на тебя доносят, тебя осуждают. Что тут сообразного с достоинством иерея? Упрямые упрямы бывают и в ответе за себя, если только есть средство говорить в защиту богохульства. Ужели думаешь, что мы будем щадить тебя, когда ты сам не щадишь души своей, когда хочешь всех, которые прежде были, ныне живут, и после будут, лишить упования на спасение? Видишь, я, как верный слугитель благого Господа моего, преследую врагов Его, о которых говорил пророк: «совершенною ненавистию возненавидех я» (Псал. 138, 22). Слова и другого пророка напоминают мне, чтобы я не щадил (Втор. 7:2, 13:8). К кому я покажу свое внимание, кому воздам честь: когда вижу здесь такое дело, которым у меня отнимается основание всей моей надежды? Сам Господь сказал в Евангелии, что ни отца, ни мать, ни детей, ни других родственников, не должно предпочитать Ему; потому что бывает и такая честь, от которой происходит нечестие. Когда берет перевес плотское расположение, тогда плотскую любовь предпочитают любви, которая есть Бог, и под влиянием той любви оказывают честь каким бы то ни было людям. Но когда предпочитается Тот, который есть сама любовь, тогда необходимо отвергаются все те помышления, которых виновник подвергается осуждению. Пробудись же наконец. Нельзя назвать бодрствованием время, которое употребляешь ты не для охранения, а для хищения. О если бы ты был сонный в отношении к тому, чему ты учишь и бодрствовал в том, чему противоборствуешь! Но что я говорю? Для нас было бы сноснее, если бы ты был сонный в том и другом. Тогда ты никого бы не погубил, никого бы не обольстил своим лукавством; Церковь не скорбела бы о гибели чьих-либо душ, радовалась бы, что среди ее нет лукавства, она была бы довольна тем, что ты представил бы ее своему Жениху такую, какую принял. Но зачем мне долго говорить, когда об этом есть слова первостроителя Церкви Павла? Напрасно я ищу чего-либо построенного тобой там, где не вижу основания (1Кор. 3, 9–11). Слышим, что клирики, мыслящие согласно с вселенскою верою, с которыми и мы единомысленны, терпят большие притеснения, так что они не впускаются, говорят, и в город: радуемся, что они

получили награду за подвиг исповедания; но скорбим, что гонитель их епископ. Блаженный апостол Павел из гонителя переменился в проповедника; но ныне, перемениться из проповедника в гонителя – какое ужасное нечестие? Перечисли древних еретиков, которые в Церкви являлись с столь разнообразными своими толками; кто из борьбы с ними когда выходил, не одержав над ними победы? Пример для тебя в твоём городе. Павел самосатский, бывший епископ антиохийской церкви, собрал жатву сообразно семенам своего учения, какое он проповедовал. Та же строгость суда всегда низлагала и прочих выдумщиков ложного учения, управлявших церквами. И тех еретиков, о которых тебе угодно было спросить нас, как будто ты не знал жребия их, праведное осуждение изгоняло, сводя их с престолов, за то, что они говорили несправедливое. Неудивительно для нас, что они находили для себя покой, потому что находили нечестивое учение, с которым когда сравнивали свое, считали себя невинными. Здесь, – уместность слова требует сказать это, – не можем умолчать о том, что удивляет нас. Вера твоя правильна, как читаем у тебя, в учении о грехе: ты доказываешь, что человек по своему естественному состоянию есть должник, и что этот долг вполне уплачивает Тот, кто происходит от рода должника. Как остаются на твоей стороне те, которые осуждены за то, что отрицали это? Где есть противоположное одно другому, там не бывает согласия, исключаящего недоверие. Они были бы отвержены и тобой, если бы ты был ими недоволен. Для чего разведывать, что против них тогда сделано, когда известно, что оттуда к нам были присланы письменные уведомления о них тогдашним православным епископом Аттиком? Почему не расспрашивал о них блаженной памяти Сисиний? Потому, очевидно, что он находил справедливым осуждение их при его предшественнике. Плакать должны они несчастные о том, что лишились у людей всякого к себе доверия, – они, которым оставалось средством войти в общение с Церковью одно покаяние. Вот теперь ты начал узнавать о них, если прежде ничего не знал; но лучше примись за излечение своей болезни, а не других, поспешив размыслить о католической вере. Потому, прилично говорим

тебе: «врачу, исцелися сам», когда хочешь помочь другим (Лук. 4, 23). Болезнь твоя такова, что не позволяет сделать какую-нибудь отсрочку. Вера иерее александрийской церкви была и есть истинна, и ты, по его наставлению, опять будь с нами одного образа мыслей, если хочешь быть вместе с нами, о брат! Если есть у тебя чувство, то ты, осудив все те мнения, какие у тебя были до настоящего времени, неотложно начни, как мы желаем, учить тому, чему, ты видишь, он учит. Мы, не думая нарушать в отношении себя приличий, хотим и иереев исправлять в вере. Но как мы прежде озабочиваемся указать им правый путь, так, если они не воспользуются нашим наставлением, видим необходимость постановить решительный приговор осуждения на них. После того, как ты осудишь нечестивое учение, полным свидетельством исправления в вере послужит возвращение к Церкви всех тех, которые отлучены тобой от нее за Христа, главу ее. Если с ними не будет того, что мы говорим, то отлучен должен быть тот, кто их отлучил; потому что в совершенном общении с нами пребывают те, к которым ты себя показал таким. К клиру же константинопольской церкви и ко всем, носящим имя христиан, мы пошлем грамоты, каких требует дело; для того, чтобы в том случае, когда ты останешься упорным в своем превратном учении и не будешь проповедовать того, что проповедует, за одно с нами, брат Кирилл, знали, что ты удален от епископского престола, который ты занимаешь вместе с нами, и с ними у тебя нет никакого общения, для того, чтобы они знали, назидаясь сим примером, как твердым и основательным судом они должны побуждаться к заботе о спасении душ своих. – Так, верно знай, что нами постановлено такое определение: если ты не будешь учить о Христе Боге нашем так, как верует римская, александрийская и вся вселенская Церковь, и как до тебя в совершенной правоте веровала святая церковь в великом Константинополе и если ты в продолжение десяти дней, считая это время со дня, в который получишь это извещение, не отречешься от нечестивого нового учения, которое стремится разделить то, что, по указанию священного Писания, соединено, дав такое исповедание торжественно и письменно: то будешь

отлучен от всякого общения с кафолическою Церковию. — Письменный акт нашего суда на тебя со всеми другими хартиями мы послали с сыном нашим диаконом Посидонием к освященному иерею александрийскому и моему соепископу, который передал нам об этом полные сведения, чтобы он был нашим местоблюстителем, и исполняя это дело, объявил наше определение и тебе и всем братьям: потому что все должны знать это дело, так как оно имеет отношение ко всем¹⁶⁵.

„Петр, пресвитер александрийский и первенствующий из нотариев, сказал: согласно с прочитанным сейчас писал святой и благочестивейший епископ наш Кирилл. Писание его мы имеем под руками, и, если повелит ваше благочестие, прочитаем. — Флавиант, епископ филиппийский, сказал: пусть будет прочтено и оно и внесено в акты. — Петр, пресвитер александрийский и первенствующий из нотариев, стал читать¹⁶⁶.

„Кирилл и собор, собравшийся в Александрии из египетского округа, Несторию, благоговейнейшему и боголюбивейшему сослужителю, желают о Господе всякого блага.

„После того, как Спаситель наш ясно говорит: «иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына, или дочь паче Мене, несть Мене достоин» (Матф. 10, 37), что должны будем терпеть мы, от которых твое благоговеинство требует любви к тебе бóльшей, чем ко Христу, Спасителю всех нас? Кто будет в силах помочь нам в день суда? Или какое найдем мы себе оправдание в столь долгом молчании при твоих на Христа злохулениях? Если бы ты, имея такие мысли и учение, вредил только самому себе, то нам меньше было бы заботы. Но как ты соблазнил Церковь и распространил в народе закваску необычайной и чуждой ереси, и книги твоих толкований разнесены не только там¹⁶⁷, но и повсюду: то какая еще причина достаточна будет к нашему молчанию? Или как невольно не вспомнишь Христовых слов: «не мните, яко приидох воврещи мир на землю, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою» (Матф. 10, 34–35). Ибо когда искажают веру тогда

погибает уважение к родителям, как бы устарелое и неосновательное, прекращается и закон любви к детям и братьям, и, наконец, смерть для благочестивых становится приятнее жизни, "да, – по Писанию, – лучшее воскресение улучат» (Евр. 11, 35). – Итак, вот вместе со святым собором, собравшимся в великом Риме, под председательством святейшего и благочестивейшего брата и сослужителя вашего, епископа Целестина, мы с третьим уже посланием обращаемся к тебе и единодушно советуем отстать от того ложного и превратного учения, которое ты выдумываешь и рассеиваешь, а вместо его избрать правую веру, в начале преданную церквам святыми апостолами и евангелистами, которые были самовидцами и служителями Слова (Лук. 1, 3). Если твое благоговеинство не сделает этого к сроку, назначенному в послании помянутого святейшего и благочестивейшего брата и сослужителя нашего, епископа церкви римской, Целестина, то знай, что ты не имеешь никакого общения с нами, ни места или счета между священниками Божиими и епископами. Ибо не возможно же нам оставаться небрежными, когда церкви так возмущены, народ соблазнен, правая вера попирается и ты разгоняешь стадо, ты, который должен бы хранить его, если бы, подобно нам, крепко любил правую веру, строго следуя благочестию святых отцов. А со всеми, мирянами и клириками, коих твое благоговеинство отлучило или низложило за веру, мы все находимся в общении, – ибо несправедливо подвергаться твоим тяжким приговорам – тем, которые умеют мудрствовать православно, потому что они стали противоречить тебе с доброю целью. Это самое ты объявил в послании, писанном тобою к святейшему епископу великого Рима и нашему соепископу Целестину. Впрочем, недостаточно будет того, чтобы твое благоговеинство только исповедало с нами символ веры, изложенный некогда, во Святом Духе, святым и великим собором, который был собран, по обстоятельствам, в Никее; ибо ты понял и объяснил его неправильно, и даже превратно, хотя на словах исповедуешь так, как он изложен; – а следует, чтобы ты письменно и с клятвою исповедал, что ты проклинаешь злочестивое и гнусное свое учение, и будешь мудрствовать и

учить так, как и все мы, западные и восточные епископы, учителя и вожди народов. Что же касается посланий, писанных к твоему благоговеинству александрийской церкви, как составленных правильно и неукоризненно, то с ними согласен святой собор римский и мы все. К настоящему посланию нашему мы приложили то, что должно содержать и чему учиться, и то, от чего надлежит удаляться. Вот вера католической и апостольской Церкви, в которой согласны все православные епископы, западные и восточные. – Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; – и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, то есть, из сущности Отца, Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного не сотворенного, Отцу единосущного, чрез которого все произошло как на небе, так и на земле, ради нас человек и ради нашего спасения нисшедшего, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых; – и в Духа Свята. Говорящих же, что было время, когда не было Сына, что Он не существовал до рождения, и произошел из несущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, и что Он подлежит превращению или изменению, таковых католическая и апостольская Церковь предаёт анафеме. – Следуя во всем исповеданию святых отцов, которое постановлено под руководством говорившего в них Духа Святого, строго разбирая цель заключающихся в нем мыслей и шествуя как бы царским путем, мы говорим: само едиnorodное Слово Божие, рожденное из самой сущности Отца, истинный Бог от истинного Бога, Свет от Света, которым получило бытие все, что есть на небе и на земле, ради нашего спасения сшедшее (с небес) и уничижившееся, воплотилось и вочеловечилось, то есть, приняв плоть от святой Девы и усвоив себе от самого зачатия, претерпело наше рождение и произошло от жены человеком, не теряя того, чем было, но и по восприятию плоти и крови пребывая тем же, чем было, то есть Богом по естеству и по истине. Но мы не говорим: ни того, будто

плоть превратилась в естество Божества, ни того, будто неизреченное естество Бога Слова изменилось в естество плоти. Ибо оно не подлежит превращению и изменению, но, по Писаниям, всегда пребывает совершенно то же (Евр. 13, 8). Став же видимо и быв еще младенцем в пеленах, Оно, как Бог, и в недрах родившей Девы наполняло всю тварь и восседало с Родившим Его. Ибо Божество не имеет ни количества, ни величины и не терпит никакого ограничения. – Исповедуя, что Слово соединилось с плотию ипостасно (*καθ' ὑπόστασιν*), мы поклоняемся единому Сыну и Господу Иисусу Христу, и в этом случае мы не разлагаем по частям и не разлучаем человека и Бога, особенно когда они соединены между собою не единством достоинства и произволения (ибо это пустословие, а не что другое), не называем Христом отдельно другого, сущего от жены, но признаем одного только Христа – Слово, сущее от Бога Отца, с собственной Его плотию. Ибо тогда оно по человечеству помазано (Св. Духом), хотя достойным получить Само дает Духа, и «дает не в меру», как говорит блаженный евангелист Иоанн (Ин. 3, 34). Не говорим мы и того, что Слово, сущее от Бога, обитало в рожденном от святой Девы, как в обыкновенном человеке, да не представляют Христа человеком богоносным. Ибо хотя Слово и с нами обитало (Иоан. 1, 14), но сказано, что во Христе обитала телесно и вся полнота Божества (Колос. 2, 9). А мы содержим в мысли и определяем, что Слово, став плотию, обитало во Христе, отнюдь не так же, как, говорится, обитало Оно во святых; но, став едино с человеческим естеством в ипостасном бытии и не превратившись в плоть, Слово устроило такое обитание, какое, можно сказать, имеет душа человека с собственным своим телом. – Итак, един Христос и Сын и Господь, впрочем, не так, будто человек имеет союз с Богом в достоинстве или в воле. Ибо равное достоинство еще не объединяет естеств. Например, Петр и Иоанн друг другу равны достоинством, как апостолы и святые угодники, но оба не суть одно. Не понимаем мы образ союза ни как приложение, ибо этого недостаточно для единения естеств, ни как согласие свойств, подобно как мы, прилепляясь к Господу, по Писанию, бываем "един дух с Ним» (1Кор. 6, 17).

Мы даже избегаем имени союз (συναφείας), как не могущего достаточно выразить *единение* (ἔνωσιν). Слово, сущее от Бога Отца, мы не называем Богом или Владыкою Христа, чтобы опять единого Христа, Сына и Господа, видимо не рассечь на двое, и, делая Его Богом и Владыкою самого себя, не подпасть вине злохуления. Ибо Слово Божие, как мы уже прежде говорили, став едино с плотию ипостасно, есть Бог всего и владычествует над всем, а сам для Себя Он ни раб, ни Владыка. Мудрствовать и говорить таким образом глупо и даже нечестиво. Правда, Отца он называет Богом своим, хотя сам по естеству – Бог и (рождается) из сущности Его: но мы знаем, что, пребывая Богом, Он стал и человеком, подчиненным Богу, по закону, коему подлежит естество человеческое. А сам для Себя как Он может быть Богом или Владыкою? Итак, как человек и нисшедший до уничижения по внешнему состоянию, Он говорит, что вместе с нами Он подчинен Богу. Таким же образом Он стал под законом, хотя сам изрек его и, как Бог, сам есть законодатель. – Мы избегаем о Христе таких речей: „ради носящего чту носимого; ради невидимого поклоняюсь видимому“. Ужасно прибавить к этому и следующее: „воспринятый Бог действует совокупно с воспринявшим“. Кто говорит так, тот опять рассекает Христа на двое, и человека ставит отдельною частью и Бога также; ибо открыто отрицает единение, по которому не приемлет кто-либо поклонение как один в другом, ни Бог совокупно действует (с человеком), но признается един Иисус Христос, Сын едиnorodный, с собственною Его плотию чтимый единым поклонением. Мы исповедуем, что самый Сын рожденный от Бога Отца, и едиnorodный Бог, хотя бесстрастен по собственному естеству, однако ж за нас пострадал плотию, по Писаниям, и в распятом теле бесстрастно усвоил Себе страдания собственной плоти. По благоволению Божию Он принял смерть за всех (Евр. 2, 9), предал ей собственное тело, хотя по естеству есть Жизнь и сам есть воскресение. Дабы в собственной плоти, как бы в начатке (πρώτη), поправ смерть неизреченною силою, быть «первородным из мертвых» (Колос. 1, 18) и начатком из умерших (1Кор. 15, 20), и открыть человеческому естеству путь к

достижению нетления, – Он по благоволению Божию, как мы сейчас говорили, вкусил смерть за всех и, расхитив ад, в третий день ожил. Посему, хотя говорится, что воскресение мертвых совершилось человеком (1Кор. 15, 20), но мы под человеком разумеем Слово, рожденное от Бога, и разумеем, что Им разрушена держава смерти. Как единый Сын и Господь, Он придет некогда во славе Отца, дабы, как написано, судить вселенную праведно (Псал. 9, 9). – Нужным считаем присовокупить и следующее: возвещая смерть по плоти единородного Сына Божия, то есть, Иисуса Христа, исповедуя Его воскресение из мертвых и вознесение на небеса, мы совершаем в церквах бескровную жертву, приступаем таким образом к таинственным благословениям и освящаемся, причащаясь святой плоти и честной крови Христа, Спасителя всех нас; принимаем не как обыкновенную плоть (да не будет!), не как плоть человека освященного и сопряженного с Словом единением достоинства, или сделавшегося обиталищем божества, но как кровь по истине животворящую и собственную для самого Слова. Ибо Оно, как Бог и Жизнь по естеству, и став едино с своею плотию, явно сделало ее животворящею. Посему, хотя и говорит нам: «аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крове Его» (Иоан. 6, 53), однако ж мы должны разуметь плоть не человека, одного из подобных нам (ибо как плоть человека будет животворящею по собственному естеству своему?), но плоть, по истине принадлежащую собственно тому, кто ради нас сделался и действовал как Сын человеческий. – Что касается до изречений нашего Спасителя, заключающихся в евангелиях, то мы не относим их отдельно ни к двум существам, ни к двум лицам. Ибо един и единый только Христос, хотя и признается соединенным в нераздельное единство из двух и притом различных естеств, не есть сугуб, подобно как и человек признается состоящим из души и тела, однако ж не двойным, но единым из той и другого. Рассуждая по надлежащему, мы полагаем, что единым (Христом) сказаны человеческие и вместе божеские изречения. Именно, когда Он говорит о Себе богоприлично: «видевый Мене, виде Отца» (Иоан. 14, 9), и: «Аз

Отец едино есма» (Иоан. 10, 30), то мы разумеем Его божеское, неизреченное естество, по которому Он и есть едино со Отцом Своим и, по тождеству сущности, есть образ и начертание и сияние славы Его (Евр. 1, 3). Когда же, не находя бесчестия в человеческом естестве, говорит иудеям: «ныне же ищите мене убить, человека, иже истину вам глаголах» (Иоан. 8, 40), мы опять и из свойств Его человечества не менее признаем Его Богом, равным и подобным Отцу. Ибо если необходимо веровать, что истинный по естеству Бог стал плотию, т. е. человеком, одушевленным разумною душою, то какое кто имеет основание стыдиться таких его речений, кои были бы и человеку приличны? Если бы он отказывался от речений, приличных человеку, то кто бы принудил Его стать подобным нам человеком? А когда Он ради нас низвел Себя в добровольное уничижение, то по какой причине Ему отказываться от речений, приличных уничижению? Итак, все заключающиеся в евангелиях изречения должно относить к единому лицу, к единой воплощенной ипостаси Слова, Ибо по Писанию, «един Господь Иисус Христос» (1Кор. 8, 6). – Хотя Христос называется посланником и первосвященником исповедания нашего (Евр. 3, 1), как священнодействующий пред Богом и Отцом в исповедании веры, приносимом нами Ему и чрез Него Богу Отцу и даже Св. Духу, не смотря на то мы говорим, что Он по естеству есть Сын Божий едиnorodный; и как имя, так и самое совершение священства не приписываем человеку, отдельному от Него. Ибо Он, предав себя самого в приятное благоухание Богу и Отцу (Ефес. 5, 2), стал «посредником между Богом и людьми» (1Тим. 2, 5) и ходатаем примирения. Посему и говорил Он: «жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил Ми еси. Всесожжений и о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се иду: в главизне книжной написася о Мне, еже сотворити волю Твою, Боже» (Евр. 10, 5–7; Псал. 39, 7–8). Он принес собственное свое тело в приятное благоухание за нас, а не за Себя. Ибо, как Бог, выше всякого греха, какую имел Он нужду в приношении или в жертве за Себя? Если и «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 23), так как мы стали склонны к заблуждению и естество человеческое

изнемогло от греха; но он не таков, и потому мы побеждены Его славою. Какое, впрочем, сомнение может быть в том, что Он, невинный Ангел, заклан ради нас и за нас? Говорить, что Он принес Себя за самого Себя и за нас, почти то же, что быть виновным в нечестии. Ибо Он ни в каком отношении не погрешил и не совершил никакого греха. Какую же нужду имел Он в приношении (за Себя), когда нет греха, за который бы справедливость требовала приношения, – Когда Он говорит о Духе: «Он мя прославит» (Иоан. 16, 14), то мы, рассуждая по надлежащему, говорим, что единый Христос и Сын примет от Духа Святого славу не в том смысле, будто нуждается в славе от кого-нибудь иного, потому что Дух Его ни лучше, ни выше Его. Но так как Он употреблял (силу) Духа Святого при совершении великих дел для доказательства Своего божества, то в сем смысле и говорит, что Им Он будет прославлен, подобно тому, как если бы кто из нас об имеющейся у него силе или знании в известном деле сказал: они меня прославят. Хотя Дух существует в собственной ипостаси и признается сам по себе (существующим), так как Дух и не есть Сын; но и не чужд Ему, так как именуется Духом истины (Иоан. 16, 13), а истина есть Христос (Иоан. 14, 6). Посему, когда Дух чрез святых апостолов совершал чудеса, по вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо, Он прославил Его. Ибо люди тогда уверовали, что Он есть Бог по естеству, что Он же снова действует Духом своим: посему и сказал Он: «яко от моего примет и возвестит вам» (Иоан. 16, 14). Впрочем этим мы не говорим, будто Дух мудр и силен по заимствованию (ἐκ μετοχῆς) (от другого лица): ибо Он всесовершен и не нуждается ни в каком благе. Но как Он есть Дух Силы и Мудрости Отчей, то есть, Сына, то поэтому самому Он есть Мудрость и Сила. – И как святая Дева по плоти родила Бога, соединившегося с плотию в (единую) ипостась; поэтому мы и говорим, что она есть Богородица, не в том, впрочем, смысле, будто естество Слова имеет начало бытия от плоти (ибо «в начале бе и Бог бе Слово и Слово бе к Богу» (Иоан. 1, 1), и само Оно есть творец веков, совечно Отцу и создатель всего), но в том, что Слово, как мы уже прежде говорили, приняв человеческое естество в

личное с Собою единение претерпело плотское рождение из ее ложи, не потому опять, будто ради собственного естества имело необходимость во временном рождении, в последние времена мира, но для того, чтобы благословить самое начало нашего бытия, чтобы с рождением Его, соединившегося с плотью, от жены, прекратилась, наконец, клятва над всем человеческим родом, предающая земные наши тела смерти, чтобы с упразднением чрез Него приговора: «в болезнях родиши чада» (Быт. 3, 16) оправдалось сказанное у пророка: «пожертва будет смерть возмогши»; и опять: «отъят Бог всякую слезу от всякого лица» (Ис. 25, 8). Мы говорим, что для этой же цели Он по особому устройству сам благословил брак, и, когда пригласили его вместе со святыми апостолами, отправился в Кану галилейскую. Так думать мы научены святыми апостолами и евангелистами и всем богодухновенным Писанием и истинным исповеданием блаженных отцов. Все это должно принять и твое благоговение, и принять без всякого коварства. А что твоему благоговению необходимо предать анафеме, то изложено ниже, в прибавлении к нашему посланию.

Двенадцать анафематств Кирилла.

„1) Кто не исповедует Еммануила истинным Богом и посему святую Деву Богородицу, так как она по плоти родила Слово, сущее от Бога, ставшее плотью: да будет анафема.

„2) Кто не исповедует, что Слово, сущее от Бога Отца соединилось с плотью ипостасно, и что посему Христос един с своею плотью, то есть, один и тот же есть Бог и вместе человек: анафема.

«3) Кто во едином Христе, после соединения (естеств), разделяет лица, соединяя их только союзом достоинства, то есть в воле, или силе, а не, лучше, союзом, состоящим в единении естеств: анафема.

«4) Кто изречения евангельских и апостольских книг, употребленные святыми или о Христе, или Им самим о Себе, относит раздельно к двум лицам или ипостасям, и одни из них прилагает к человеку, которого представляет отличным от Слова Божия, а другие, как богоприличные, к одному только слову Бога Отца: анафема.

«5) Кто дерзает называть Христа человеком богоносным, а не, лучше, Богом истинным, как Сына единого (со Отцом) по естеству, так как Слово стало плотью и приблизилось к нам, восприяв нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14): анафема.

«6) Кто дерзает говорить, что Слово Бога Отца есть Бог или Владыка Христа, а не исповедует, лучше, Его же самого Богом и вместе человеком, так как, по Писаниям (Иоан. 1, 14), Слово стало плотью: анафема.

„7) Кто говорит, что Иисус как человек был орудием действий Бога Слова и окружен славой Единородного, как существующий отдельно от Него: анафема.

„8) Кто дерзает говорить, что воспринятому (Богом) человеку должно поклоняться вместе с Богом Словом, должно Его прославлять вместе с Ним и вместе называть Богом, как одного в другом (ибо так думать заставляет постоянно прибавляемая¹⁶⁸ частица – *συν вместе с*), а не чтит Еммануила единым поклонением и не воссылает Ему единого славословия, так как Слово стало плотью: анафема.

„9) Кто говорит, что единый Господь Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался чрез Него как бы чуждою силою и от Него получил силу побеждать нечистых духов и совершать в людях божественные знамения, а не почитает собственным Его Духом, чрез которого Он совершал чудеса: анафема.

„10) Божественное Писание говорит, что Христос был первосвященником и ходатаем нашего исповедания, что Он принес Себя за нас в приятное благоухание Богу и Отцу. Итак, если кто говорит, что первосвященником и ходатаем нашим был не сам Бог Слово, когда стал плотью и подобным нам человеком, а как бы другой некто, отличный от него человек, происшедший от жены; или кто говорит, что Он принес Себя в приношение и за самого Себя, а не за нас только одних, так как, не зная греха, Он не имел нужды в приношении (за Себя): анафема.

„11) Кто не исповедует плоть Господа животворящею и собственно принадлежащею самому Слову Бога Отца, но принадлежащею как бы другому кому, отличному от Него, и

соединенному с Ним по достоинству, то есть, приобретшему только божественное (в себе) обитание, а не исповедует, как мы сказали, плоть Его животворящего, так как она стала собственной Слову, могущему все животворить: анафема.

„12) Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотию, распятым плотию, принявшим смерть плотию и наконец ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ как Бог: анафема“¹⁶⁹.

И когда было сделано сличение того, что сказано святыми отцами и что благочестивой памяти Кирилл написал в двух вышеприведенных посланиях против послания Нестория, с вышеприведенными свидетельствами того же Нестория, и таким образом обнаружено нечестие Нестория, то учинено низложение его. Это часть деяний, состоявшихся в Ефесе. А часть деяний, состоявшихся в Халкидоне, относительно послания святой памяти Льва, содержит следующее:

Из второго деяния того, что состоялось в Халкидоне:

„Знатнейшие и славнейшие сановники и знаменитейший сенат сказали: в предыдущее собрание происходило исследование об осуждении Флавиана, блаженной памяти, и Евсевия, почтеннейшего епископа; и всем вам было очевидно, как справедливо и последовательно происходило это исследование. И оказалось тогда, что они были осуждены жестоко и несправедливо. Итак, что показалось нам нужным сделать по этому предмету, вам тогда же было явно из разговоров. А ныне должно исследовать, рассуждать и стараться о том, чтобы утвердить истинную веру, ради которой преимущественно и составился собор. Вы знаете, что дадите отчет Богу, каждый из вас, и за свою душу, и за всех нас, которые желаем, чтобы и учение о предметах веры было правильное, и всякое сомнение было устраняемо единомыслием, единославием и согласным изложением и учением всех святых отцов. Поэтому потщитесь без страха, без угодливости и вражды изложить веру в чистоте; так чтобы и те, которые оказываются мудрствующими не одинаково со всеми, снова приведены были познанием истины к единомыслию. Мы желаем, чтобы вы знали, что священнейший и

благочестивейший государь вселенной и мы соблюдаем православную веру, преданную тремя стами восемнадцатью и сто пятидесятью, равно и прочими святыми и славными отцами, и по ней веруем¹⁷⁰.

И когда прочтены были символ трех сот восемнадцати святых отцов, равно как изложение (веры) ста пятидесяти святых отцов, а равно послания святой памяти Кирилла, то принесено было для прочтения и послание святой памяти Льва, в котором говорится так:

„Возлюбленному брату Флавиану Лев епископ.

„Прочитав послание твоей любви, так запоздавшее к нашему удивлению, и рассмотрев порядок епископских Деяний, наконец мы узнали, какой случился у вас соблазн и восстал против чистоты веры, и то, что прежде казалось тайною, ныне сделалось для нас явным. Таким образом Евтихий, удостоенный было имени и сана пресвитерского, оказался весьма безрассудным и столь великим невеждою, что и к нему могут быть отнесены слова пророка: «не восхоте разумети еже ублажити (делать добро), беззаконие умысли на ложи своем» (Псал. 35, 4–5). А что беззаконнее, как нечестиво умствовать о вере и не следовать мудрейшим и опытейшим? Но сему-то безумию подвергаются те, которые, встретив в чем-либо неясном затруднение к познанию истины, прибегают не к пророческим изречениям, не к писаниям апостольским, и не к евангельскому авторитету, а к самим себе; и таким образом, не захотев быть учениками истины, становятся учителями заблуждения. Ибо какие мог приобрести успехи в знании священных книг ветхого и нового завета тот, кто не уразумел первых слов самого символа, и что по всей вселенной исповедуется устами всех возрожденных, того еще не понимает сердцем этот старик. – Поэтому, не зная того, что должно думать о воплощении Бога Слова и не желая потрудиться на широком поприще священных писаний, чтобы сподобиться света ведения, он должен бы был принять внимательным слухом по крайней мере то всеобщее и единогласное исповедание, которое исповедуют все верующие: „веруем в Бога Отца вседержителя, и в Иисуса Христа, едиnorodного

Сына Его, Господа нашего, родившегося от Духа Святого и Марии Девы“. Этими тремя изречениями ниспровергаются ухищрения всех почти еретиков. Ибо когда веруем, что Бог есть и вседержитель и вечный Отец, то этим уже доказывается, что Сын совечен Ему, и ничем не разнствует от Отца: потому что рожден от Бога Бог, от вседержителя вседержитель, от вечного совечный, а не позднейший по времени, не низший по власти, не разнственный по славе, не отдельный по существу. Он же – вечного Отца вечный Единородный родился от Святого Духа и Марии Девы. Это временное рождение ничего не убавило у того божественного и вечного рождения, и ничего к нему не прибавило, но всецело предало себя на спасение заблудшего человека, чтобы и смерть победить, и силою своею сокрушить диавола, «имущего державу смерти» (Евр. 2, 14). Ибо мы не могли бы победить виновника греха и смерти, если бы нашего естества не воспринял и не усвоил Тот, которого ни грех не мог уязвить, ни смерть – удержать в своей власти. Он зачался от Духа Святого во чреве Матери Девы, которая как зачала Его, пребыв девою, так и родила, сохранив девство. – Но если он не мог почерпнуть точного понятия из этого чистейшего источника христианской веры¹⁷¹, потому что он собственным ослеплением затемнил для себя блеск очевидной истины: то обратился бы к учению евангельскому, где Матфей говорит: «книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова» (Матф. 1, 1); искал бы наставления также в проповеди апостольской, и читая в послании к римлянам: «Павел раб Иисус Христов, зван апостол, избран в благовестие Божие, еже прежде обеща пророки своими в писаниих святых, о Сыне своем, бывшем от семени Давидова по плоти» (Рим. 1, 1–3); с благочестивою любознательностию приступил бы к книгам пророческим, и нашел бы обетование Божие, данное Аврааму: «и благословятся о семени твоём вси языцы» (Быт. 22, 18). А чтобы не недоумевать о свойстве сего семени, пусть последовал бы апостолу, который сказал: «Аврааму же речени быша обеты и семени его; не глаголет же: и семенем, яко о мнозех, но яко о едином: и семени твоему, иже есть Христос» (Галат. 3, 16). Пусть также внял бы внутренним слухом своим пророчеству

Исаии, который говорил: «се дева во чреве зачнет, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть сказуемо: с нами Бог» (Ис. 7, 14; Матф. 1, 23); прочитал бы с верою и сии слова того же пророка: «Отроча родися нам, Сын и дадеся нам, его же начальство на раме Его; и нарицается имя Его: велика совета ангел, чуден, советник, Бог крепкий, князь мира, Отец будущего века» (Ис. 9, 6). Тогда не стал бы говорить, пустословя, будто Слово стало плотью так, что Христос, рожденный из девической утробы, имел образ человека, а не имел истинного тела (такого же, как тело) Матери. Не потому ли, может быть, он признает Господа нашего Иисуса Христа не имеющим нашего естества, что ангел, посланный к благословенной Марии, говорил: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя, тем же и раждаемое (от тебя) свято, наречется Сын Божий» (Лук. 1, 35), т. е., так как зачатие Девы было действие божественное, то и плоть зачатого не была от естества зачавшей? Но это рождение, исключительно удивительное и удивительно исключительное, должно быть понимаемо не так, чтобы необыкновенностию рождения уничтожилось свойство рода. Плодотворность Девы дарована Духом Святым; а истинное тело заимствовано от (ее) тела. И когда таким образом Премудрость создала себе дом, «Слово плоть бысть, и вселися в ны» (Иоан. 1, 14), т. е. в той плоти, которую Оно заимствовало от человека, и которую одушевило духом жизни разумной. – Таким образом, при сохранении свойств того и другого естества и при сочетании их в одно лице, воспринято величием уничтожение, могуществом немощь, вечностию смертность. Для уплаты долга естества нашего, бесстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы один и тот же, «Ходатай Бога и человеков человек Христос Иисус» (1Тим. 2, 5), и мог умереть по одному (естеству), и не мог умереть по другому, как того и требовало свойство нашего врачевания. Посему истинный Бог родился в подлинном и совершенном естестве истинного человека; всецел в своем, всецел в нашем. Нашим же называем то, что Творец положил в нас в начале, и что Он восхотел возвратить нам. Ибо в Спасителе не было и следа того, что привнес в человека искушитель, и что прельщенный

человек допустил (в себя). И хотя он сделался причастным человеческих немощей, но отсюда не следует, что сделался участником и наших грехов. Он восприял образ раба без скверны греха, возвеличивая человеческое, и не уменьшая божественного: потому что то истощание, по которому невидимый соделался видимым, и по которому Творец и Владыка всех тварей восхотел быть одним из человеков, было снисхождением Его милосердия, а не недостаток могущества. Посему Тот, который, пребывая в образе Божиим, сотворил человека, Он же самый соделался человеком, приняв образ раба. Оба естества сохраняют свои свойства без всякого ущерба. Как образ Божий не уничтожает образа раба, так и образ раба не умаляет образа Божия. А так как диавол хвалился тем, что прельщенный его коварством человек лишился божественных даров и, обнажившись от блага бессмертия, подпал строгому приговору смерти, а он (диавол) в своем бедственном положении нашел некоторое утешение в том, что имел участника своей измены, что будто и Бог, по требованию своего правосудия, переменял свое определение о человеке, которого сотворил для такой чести: то открылась нужда в домостроительстве тайного совета для того, чтобы и неизменяемый Бог, Которого воля не может лишиться свойственной ей области, исполнил, посредством сокровеннейшего таинства, первое о нас определение своей любви, и человек, впавший в грех по коварству злобы диавольской, не погиб вопреки божественному намерению. Итак, Сын Божий, низойдя с небесного престола, приходит в сии дольния (страны) мира, и не разлучаясь от главы Отца, рождается новым способом, новым рождением. Новым способом, – потому что невидимый в собственном (естестве), стал видимым в нашем, непостижимый благоволил соделаться постижимым, предвечный начал быть во времени, Господь вселенной восприял образ раба, сокрыв безмерность своего величия, бесстрастный Бог не возгнушался сделаться человеком могущим страдать, и бессмертный – подвергнуться закону смерти. Новым же рождением рожден Он, – потому что непорочное девство не познало похоти, и между тем доставило

вещество плоти. Итак Господь принял от Матери естество, но не грех. А из того, что рождение это чудно, не следует, что естество Господа нашего Иисуса Христа, рожденного из утробы Девы, отлично (от нашего). Ибо тот, который есть истинный Бог, есть вместе и истинный человек. И если уничижение человека и величие Божества взаимно соединились, то в этом единстве нет никакого превращения. Ибо как Бог не изменяется чрез милосердие, так человек не уничтожается чрез прославление. Каждое из двух естеств в соединении с другим действует так, как ему свойственно: Слово делает свойственное Слову, а плоть исполняет свойственное плоти. Одно из них сияет чудесами, другое подлежит страданию. И как Слово не отпало от равенства в славе с Отцом, так и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо один и тот же (об этом часто нужно говорить) есть истинно Сын Божий и истинно сын человеческий: есть Бог, потому что «в начале бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово» (Иоан. 1, 1); есть человек, потому что «Слово плоть бысть, и вселися в ны» (Иоан. 1, 14); – Бог, потому что «вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть» (Иоан. 1, 3); – человек, потому что «рожден от жены, был под законом» (Гал. 4, 4). Рождение плоти есть обнаружение человеческого естества: а что Дева рождает, это есть знамение божественной силы. Младенчество отрочати свидетельствуется бедными пеленами; величие же Всевышнего возвещается пением ангелов. Новорожденному человеческому (сыну) подобен Тот, которого Ирод нечестивый хочет умертвить; но Господь вселенной есть тот, которому раболепно поклониться с радостью идут волхвы. Когда Он пришел принять крещение от предтечи своего Иоанна: тогда, дабы не утаилось, что под покровом плоти скрывается Божество, с неба возгремел глас Отца: «сей есть Сын мой возлюбленный, о немже благоволих» (Матф. 3, 17). Далее, Его, как человека, искушает диавольское коварство; и Ему же, как Богу, служат чины ангельские. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человеку; но пять тысяч человек насытить пятью хлебами, но жене самарянской дать воду живую, от которой пьющий не будет уже более жаждать, но не мокрыми ногами ходить по поверхности моря, и утишением бури

укрощать возмущение волн, без сомнения, есть дело божественное. Как не одного и того же естества дело – и плакать из сострадания по умершем друге, и его же, по удалении камня от четверодневной могилы, воскрешать к жизни силою одного слова; или – висеть на древе, и в то же время превратить день в ночь и поколебать все стихии; или быть пригвожденным (ко кресту), и в то же время отверзать вере разбойника двери рая (о многом умалчиваем): так не одному и тому же естеству свойственно говорить: «Аз и Отец едино есма» (Иоан. 10, 30), и – «Отец мой болий Мене есть» (Иоан. 14, 28). Ибо хотя в Господе Иисусе одно лице – Бога и человека: однако иное то, откуда происходит общее того и другого уничтожение, и иное то, откуда проистекает общее им прославление. От нашего (в Нем естества) у Него есть меньшее Отца человечество, а от Отца у Него есть равное с Отцом божество. – По причине этого-то единства лица, которое должно понимать по отношению к тому и другому естеству, и о Сыне человеческом читаем, что Он *сшел с неба*, тогда как Сын Божий восприял плоть от Девы, от которой родился; и обратно – о Сыне Божиим говорится, что Он *распят и погребен*, тогда как Он потерпел сие не божеством, по которому Единородный совечен и единосущен Отцу, а немощным человеческим естеством. Отсюда все мы и в символе (веры) исповедуем единородного Сына Божия распятым и погребенным сообразно с сими словами апостола: «аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли» (1Кор. 2, 8). А когда сам Господь наш и Спаситель, научая своих учеников вере посредством вопросов, спросил: «кого Мя глаголют человецы быти, Сына человеческого?» и когда на их ответ, что различные различно об этом думают, Он сказал: «вы же кого Мя глаголете быти?» – Меня, т. е. Сына человеческого, которого вы видите в образе раба и в истинном теле, – за кого вы Меня считаете? – тогда блаженный Петр, по вдохновению свыше и на пользу своего исповедания всем народам, отвечал: «Ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Матф. 16, 13–17). И достойно назван «блаженным» от Господа и от сего первообразного Камня стяжал твердость и силы и имени своего – тот, который по откровению

Отца исповедал одного и того же и Сыном Божиим и Христом; потому что одно из сих (наименований), взятое отдельно от другого, не служило во спасение, напротив одинаково было опасно исповедать Господа Иисуса Христа только Богом, а не вместе и человеком, или признать Его простым человеком, а не вместе и Богом. – По воскресении же Господа, которое, конечно, есть воскресение истинного тела, так как не иной кто воскрес, а тот же, кто был распят и умер, – что иное делалось в продолжение сорокадневного Его пребывания (на земле), как не то, чтобы чистота веры нашей была свободна от всякого мрака? Так, Он то беседовал с учениками Своими, обращался и ел с ними, а тех из них, которых беспокоило сомнение, допустил осязать Себя тщательным и нарочитым осязанием; то входил к ученикам Своим, тогда как двери были заперты, давал им Духа Святого дуновением Своим, и, даровав, им свет разумения, открывал тайны священных писаний; то, опять показывал рану в боку Своим, и язвы от гвоздей, и все знаки недавнего страдания, говоря: «видите руце Мои и нозе Мои, яко сам Аз есмь; осяжите Мя и видите: яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща» (Лук. 24, 39). И все это для того, чтобы убедить, что в Нем свойства божественного и человеческого естества пребывают нераздельно, и чтобы таким образом мы знали, что (в Нем) Слово не то же, что плоть, и исповедовали единого Сына Божия и Словом и плотию (вместе). – Сего-то таинства веры должно считать вовсе чуждым этого Евтихия, который в Единородном Божием не признает нашего естества ни в уничижении смерти, ни в славе воскресения. И не ужаснулся он суда блаженного апостола и евангелиста Иоанна, который сказал: «всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть; и всяк дух, иже разделяет Иисуса, от Бога несть; и сей есть антихрист» (1Иоан. 4, 2–3). А что значит разделять Иисуса, как не отделять от Него человеческое естество и бесстыдными вымыслами упразднить таинство веры, которым одним мы спасены? Слепотствуя же в отношении к природе тела Христова, он по необходимости с такою же слепотою будет безумствовать о ней в состоянии страдания Его. Ибо если он не считает креста

Господня за призрак и не сомневается, что страдание, воспринятое за спасение мира, было истинное (страдание): то он должен признать и плоть Того, смерти которого он верует. Пусть не говорит он, что не нашего тела был тот человек, которого сам признает страдавшим: ибо отрицание истинной плоти есть отрицание и страдания плоти. И так, если он приемлет христианскую веру и не отвращает своего слуха от проповеди евангельской: то пусть рассудит, какое естество, пронзенное гвоздями, висело на древе крестном; пусть размыслит, когда воин копием отверз бок распятого, откуда тогда истекла кровь и вода, для омовения Церкви Божией банею и (напоения) чашею. Пусть послушает и блаженного Петра, который проповедует, что освящение Духом бывает чрез окропление кровию Христовою (1Петр. 1, 2). Пусть не мимоходом прочтет слова того же апостола: «видяще, яко не истленным серебром или златом избавистесь от суетного вашего жития отцы преданного, но честною кровию яко агнца непорочна и пречиста Иисуса Христа» (1Петр. 1, 18–19). Пусть не противится и свидетельству блаженного апостола Иоанна, который говорит: «и кровь Иисуса Сына Божия очищает нас от всякого греха» (1Иоан. 1, 7), и в другом месте: «сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто есть побеждаяй мир, токмо веруяй, яко Иисус есть Сын Божий? Сей есть пришедый водою и кровию, Иисус Христос; не водою точию, но водою и кровию; и Дух есть свидетельствуяй, яко Христос есть истина; яко трие суть свидетельствующие: Дух, и вода, и кровь; и сии три едино суть» (1Иоан. 5:4–6, 8): то есть, Дух освящения, кровь искупления и вода крещения. Сии три составляют одно и пребывают нераздельными; ни одно из них не отделяется от своего единства: так как католическая Церковь живет и преуспевает тою именно верою, чтобы во Христе Иисусе не исповедовать ни человечества без истинного божества, ни божества без истинного человечества. – Евтихий, отвечая на пункты вашего вопроса, говорил: „исповедую, что Господь наш прежде соединения был из двух естеств; по соединении же исповедую одно естество“. Удивляюсь, что столь безрассудное и столь нечестивое исповедание его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судивших (его), и что

эти слишком безумные и слишком хульные дела оставлены без внимания, как бы не было выслушано ничего оскорбительного! тогда как столько же нечестиво говорить, что едиnorodный Сын Божий был двух естеств до воплощения, сколько нелепо утверждать, что в Нем одно естество после того, как «Слово плоть бысть». Чтобы Евтихий не стал считать мнения своего или верным, или сносным, на том основании, что оно не было опровергнуто ни одним вашим голосом, то убеждаем тщание любви твоей, возлюбленный брат, очистить невежественного человека и от этого пятна на его сознании, если, по действию милосердия Божия, дело его примет добрый оборот. Ибо он хорошо начал было отступать от своего убеждения (как видно из хода соборных Деяний), когда, по вашему требованию, обещался признавать то, чего прежде не признавал, и успокоиться на той вере, которой прежде был чужд. Но когда он не хотел изъявить согласия предать анафеме (свой) нечестивый догмат: то ваше братство из этого заключило, что он остается в своем нечестии и заслуживает приговора осуждения. Впрочем, если он искренно и нелицемерно кается и сознает, хотя бы и поздно, как справедливо подвиглась против него власть епископская, или если он, для полного оправдания, осудит все свои худые мысли и устно и собственноручною подписью: то милосердие к исправившемуся, как бы оно ни было велико, не будет предосудительно. Ибо Господь наш, истинный и добрый пастырь, душу свою положивший за Своих овец и пришедший спасти души человеческие, а не погубить, хочет, чтобы мы были подражателями Его человеколюбия, т. е. чтобы согрешающих обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердие. Тогда собственно с полным успехом защищается истинная вера, когда ложное мнение осуждается самыми последователями своими. – Для верного же и беспристрастного исследования всего дела, мы отправили, вместо себя, братьев наших, епископа Юлиана и пресвитера Рената, и еще сына моего диакона Илария. К ним присоединили мы нотарию нашего Дульцития, которого вера много раз испытана нами. Уповаем на содействие помощи Божией, что заблудивший, осудив неправоту своего образа мыслей, спасется¹⁷².

Из того же деяния.

„Аттик, почтеннейший епископ никопольский, сказал: так как ваша знатность выразила готовность выслушать с терпением, то прикажите дать нам отсрочку, чтобы в несколько дней, с спокойным и невозмущаемым духом, постановить угодное Богу и святым отцам. А так как теперь прочитано послание владыки нашего и святого отца, архиепископа Льва, украшающего апостольский престол: то нужно прочитать и послание блаженного Кирилла к Несторию, в котором он убеждает его согласиться с двенадцатью главами, и дать это (послание) нам, чтобы во время рассуждений найтись нам готовыми. Почтеннейшие епископы воскликнули: если прикажите дать нам отсрочку, мы просим отцов сообща рассмотреть дело. Знатнейшие и славнейшие сановники и знаменитый сенат сказали: пусть заседание будет отсрочено на пять дней, чтобы в промежуток (этого времени) собраться нашей святости у славнейшего Анатолия и сообща рассудить о мере, дабы вразумились и те, которые сомневаются“¹⁷³.

Из четвертого деяния того же святого собора.

„Знатнейшие и славнейшие сановники и знаменитый сенат сказали: каждый из почтеннейших епископов настоящего святого собора пусть поспешит изложить на письме, как он верует, без всякого опасения, имея пред очами страх Божий, зная, что священнейший и благочестивейший государь наш верует по изложению трех сот восемнадцати святых отцов, бывших в Никее, и по изложению ста пятидесяти, бывших после сего и по каноническим посланиям и изложениям святых отцов – Григория, Василия, Илария, Афанасия, Амвросия, и по двум каноническим посланиям Кирилла, обнародованным и утвержденным на первом ефесском соборе, верует, и никаким образом не отступает от их веры. Ибо оказывается, что почтеннейший архиепископ древнего Рима Лев против неправославного и противного кафолическому исповеданию сомнения, поднятого Евтихием, посылал послание к блаженной памяти Флавиану“¹⁷⁴.

И спустя немного.

„Славнейшие сановники и знаменитый сенат сказали: так как мы видим святое евангелие, положенное вами, то пусть каждый из сошедшихся епископов объявит, согласно ли с посланием почтеннейшего архиепископа Льва изложение трех сот восемнадцати отцов, собиравшихся в Никее, и ста пятидесяти, собиравшихся после того в царствующем городе“.

„Анатолий, почтеннейший епископ царствующего Константинополя, сказал: послание святейшего и боголюбивейшего архиепископа Льва согласно с символом трех сот восемнадцати отцов, бывших в Никее, и ста пятидесяти, собиравшихся после того в Константинополе и утвердивших ту же веру, и с тем, что совершено вселенским и святым собором в Ефесе, под председательством блаженнейшего и святейшего Кирилла, когда он низложил нечестивого Нестория. Посему я согласился (с этим посланием) и охотно подписал (его)“.

„Почтеннейшие епископы Пасхазин и Луценций и почтеннейший пресвитер Бонифаций, местоблюстители апостольского престола, чрез почтеннейшего Пасхазина сказали: ясно и не может подлежать сомнению, что вера блаженнейшего папы, архиепископа апостольского престола Льва, одна и согласна с верою трех сот восемнадцати святых отцов, собиравшихся в Никее, и содержит веру ста пятидесяти (отцов), собиравшихся в Константинополе, равно как и определения, состоявшиеся в Ефесе при святой памяти Кирилле, когда осужден был Несторий за его заблуждение, и совершенно ничем не различается. Посему послание блаженнейшего папы, в котором излагается эта вера по случаю заблуждения Евтихия, оказывается согласным с тою верою, в одном и том же духе“.

„Максим, почтеннейший епископ Антиохии сирийской, сказал: послание святейшего архиепископа царствующего Рима Льва согласно с изложениями трех сот восемнадцати святых отцов никейских и ста пятидесяти, бывших в Константинополе, новом Риме, и с верою, изложенною святейшим епископом Кириллом в Ефесе; и я подписал».

„Стефан, почтеннейший епископ ефесский, сказал: послание согласно; и я подписал его, ибо оно правильно“.

„Диоген, почтеннейший епископ кизический, сказал: (послание) согласно; и я подписал его“¹⁷⁵.

„И когда все последовательно высказали то же, все почтеннейшие епископы воскликнули: все мы согласны; все соглашаемся; все также веруем; все также мудрствуем; мы так мудрствуем, так веруем“¹⁷⁶.

Святой собор сказал: «из того, что прочитано, очевидно, каким образом святые соборы обыкновенно доказывают то, что на них произносится. Хотя эти святейшие мужи, которые написали прочитанные послания, так прославились; однако же одобрение этих посланий (соборы) сделали не просто, не без исследования, уже после того, как убедились, что они во всем согласны с изложением и учением святых отцов, с которым и сделано сличение (их). Поэтому все бывшие на соборе подали одинаковые и согласные голоса. Итак, следуя этому правилу, мы полагаем прочитать определение о вере, изложенное святым халкидонским собором“. И Стефан, почтеннейший диакон и нотариус и хранитель документов, взявши, прочитал:

„Святой великий и вселенский собор, по благодати Божией и повелению благочестивейших и христолюбивых императоров наших, Маркиана и Валентиниана августов, сошедшийся в Халкидоне, митрополии области вифинской, в мученическом храме святой и добропобедной мученицы Евфимии, определил нижеизложенное.

„Господь наш и Спаситель Иисус Христос, утверждая в учениках (своих) познание веры, сказал: «мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоан. 14, 27), чтобы никто не разногласил с ближним в догматах благочестия, но чтобы равно всем возвещал проповедь истины. А так как диавол не перестает своими плевелами вредить семенам благочестия и изыскивать всегда что-нибудь новое против истины: то поэтому Господь, всегда промысляющий о человеческом роде, подвиг к ревности благочестивейшего сего и благовернейшего императора, и он отовсюду созвал к себе предстоятелей священства, чтобы, при помощи благодати Господа всех нас Христа, удалить от овец Христовых всякую заразу лжи и утучнить их отпрысками истины. Это мы и сделали, изгнав

общим решением догматы заблуждения и восстановив непогрешимую веру отцов, проповедуя всем символ трех сот восемнадцати, и причислив к нашим отцам тех, принявших это изложение благочестия, которые после того собирались в великом Константинополе (в числе) ста пятидесяти, и сами утвердили ту же веру. Итак мы, сохраняя порядок и все постановления о вере бывшего прежде в Ефесе святого собора, на котором были председателями святейшие (блаженной) памяти Целестин римский и Кирилл александрийский, определяем, чтобы блистало преимущественно изложение правой и непорочной веры трех сот восемнадцати святых и блаженных отцов, собиравшихся в Никее при благочестивой памяти Константине, бывшем императоре, но чтобы имело силу и то, что определено сто пятьюдесятью святыми отцами в Константинополе для уничтожения возникших тогда ересей и утверждения той же кафолической и апостольской нашей веры“.

Символ трех сот восемнадцати святых отцов, собиравшихся в Никее:

„Веруем во единого Бога, Отца, вседержителя, творца всего видимого и невидимого; – и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, т. е. из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, чрез которого все произошло, ради нас человеков и ради нашего спасения нисшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося, распятого за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по писаниям, и восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца, и опять грядущего со славою судить живых и мертвых, Которого царству не будет конца; – и в Духа Святого, Господа, животворящего. – Говорящих же, что было некогда (время), когда не было его (Сына), и что Он не существовал прежде рождения, и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие из другой ипостаси или сущности, или что Он преложим или изменяем, сих анафематствует кафолическая и апостольская церковь“.

Символ ста пятидесяти отцов:

„Веруем во единого Бога, Отца, вседержителя, творца неба и земли, всего видимого и невидимого; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия едиnorodного, рожденного от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, – чрез Которого все произошло, – ради нас человеков и ради нашего спасения нисшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося, – распятого за нас при Понтии Пилате, и страдавшего, и погребенного, и воскресшего в третий день по писаниям, – и восшедшего на небеса, и сидящего одесную Отца и опять грядущего со славою судить живых и мертвых, – Которого царству не будет конца; – и в Духа Святого, Господа и животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном спокланяемого и славимого, глаголавшего чрез пророков; – во единую святую, католическую и апостольскую Церковь; – исповедуем единое крещение во оставление грехов; – чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь“.

„Итак достаточен был бы для совершенного познания и утверждения благочестия этот мудрый и спасительный символ благодати Божией; потому что об Отце и Сыне и Святом Духе научает в совершенстве и воплощение Господа представляет верно принимающим. Но так как старающиеся отвергнуть проповедь истины породили своими ересями пустые речи – одни, дерзая извратить таинство домостроительства Господня о нас и отвергая слово „Богородица“ о Деве, а другие, вводя слияние и смешение, и безумно вымышляя, что одно естество плоти и божества, и странно утверждая, что божественное естество Единородного по слиянию страдательно: то поэтому, желая прекратить всякие выдумки их против истины, присутствующий ныне святой великий и вселенский собор, с самого начала возвещающий неопровержимую проповедь, прежде всего определил, чтобы вера трех сот восемнадцати святых отцов пребывала неприкосновенною, и утверждает учение о существе Духа, преданное сто пятьюдесятью святыми отцами, после собравшимися в царствующем городе, для тех, которые сражаются против Святого Духа; это учение они

сделали всем известным, не прибавляя что-нибудь, как бы недостающее в прежнем, но объясняя свое разумение о Святом Духе свидетельствами из Писания против тех, которые покушались отвергнуть Его господство. А для тех, которые стараются извратить таинство домостроительства и бесстыдно болтают, что рожденный от святой Марии есть простой человек, (собор) принял приличные (для этого) соборные послания блаженного Кирилла, бывшего пастыря александрийской церкви, к Несторию и к восточным, – в обличение безрассудства несториева и в объяснение тем, которые по благочестивой ревности желают знать смысл спасительного символа. К этому присоединил, как следует, и послание предстоятеля великого Рима, блаженнейшего и святейшего архиепископа Льва, писанное к святому архиепископу Флавиану в разрушение евтихиева зломыслия, согласное с исповеданием великого Петра и как бы некий общий столб против зломыслящих, – для утверждения православных догматов; потому что оно поражает тех, которые стараются разделить таинство домостроительства на два сына, – и изгоняет из священного собрания тех, которые дерзают говорить, что божество Единородного страдательно, – и противостоит тем, которые выдумывают слияние и смешение двух естеств Христа, – и прогоняет тех, которые в заблуждении утверждают, что принятый Им от нас зрак раба небесной или другой какой-нибудь сущности, – и анафематствует тех, которые баснословят, что до соединения два естества Господа, а по соединении выдумывают одно естество. – Итак, последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве и совершенного в человечестве, истинного Бога и истинного человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству, и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы – по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа, единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, – так что соединением

нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лице и одну ипостась, – не на два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного, Бога Слово, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем, и (как) сам Господь Иисус Христос научил нас, и (как) предал нам символ отцов. – Когда таким образом со всею тщательностью и стройностью это изложено нами, святой и вселенский собор определил никому не позволять другую веру произносить, или писать, или составлять, или мудрствовать, или учить других. А тем, которые дерзнут или составлять другую веру, или проповедовать, или учить, или преподавать другой символ желающим обратиться к познанию истины из язычества, или из иудейства, или из какой-нибудь ереси, таковым, если будут епископы или клирики, епископам быть чуждыми епископства, а клирикам – клира; если же будут монашествующие или миряне, таковым быть под анафемою¹⁷⁷.

Святой собор сказал: „теперь нам представляется необходимым сличить послание, которое, как говорят, написал Ива, с определением о вере, произнесенным от халкидонского собора, и с тем, что там сделано, равно как и с тем, что написали святые отцы, а также рассмотреть и то, что изложено согласно с упомянутым посланием и с еретиками Феодором и Несторием». Нотарии сказали: „мы имеем под руками то, что вы для этого назначили“. Святой собор сказал: „пусть будет прочтено“. И Фома, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал:

Святой халкидонский собор в определении, которое сделал о вере, проповедует, что Бог Слово воплотился и стал человеком, который есть Господь наш Иисус Христос, един от святых Троицы; а послание называет еретиками и аполлинаристами тех, которые говорят, что Бог Слово воплотился и стал человеком.

Святой халкидонский собор проповедует, что святая Дева Мария есть Богородица; а послание отвергает, что святая Дева Мария есть Богородица. Ибо оно говорит: „как возможно, чтобы бывшее в начале Слово объято было храмом, родившимся из

Марии? или чтобы слова: «умалил еси его малым чим от ангел» (Псал. 8, 6), сказаны были о божестве Единородного¹⁷⁸? Божественное Писание и святые отцы и учителя Церкви говорят, что уничижение и умаление свойственны Богу Слову воплощенному.

Далее, святой халкидонский собор в определении, которое изложил о вере, говорит, что он следует во всем образцу святого первого ефесского собора, и анафематствует Нестория; а послание порицает святой первый ефесский собор, и защищает Нестория, будто бы осужденного им без испытания и исследования.

Святой халкидонский собор святой памяти Кирилла признает своим учителем и принимает его соборные послания, из которых к одному приложены двенадцать глав, на основании коих осужден Несторий; а послание о Нестории, который столько богохульствовал и осужден, говорит, что он причислен некоторыми к секте Павла самосатского, а святой памяти Кирилла называет еретиком, и говорит о нем, что он впал в учение Аполлинария, ибо говорит, что сам Бог Слово сделался человеком, и, назвавши двенадцать глав нечестивыми, говорит, что в них Кирилл признает естество божества и человечества Господа нашего Иисуса Христа за одно, так что нет различия между храмом и обитающим в храме¹⁷⁹. Из этого ясно обнаруживается писатель послания, потому что, вводя два лица, обвиняет святого Кирилла, который следовал древнейшим святым отцам и учителям Церкви, и учил о единении двух естеств по ипостаси, что означает не одно естество божества и человечества Господа нашего Иисуса Христа, а то, что Бог Слово, воплотившись, стал человеком. Ибо те, которые защищают нечестие Феодора и Нестория, заключающееся в послании, любя разделение, и по этой причине вводя два лица, порицают единение по ипостаси. Это именно обвинение и делают они против такого исповедания, что оно не принимает разделения. Ибо хорошо известно, что единение по ипостаси сохраняет неслиянным и нераздельным то, что совокупилось и из чего произошло неизреченное соединение.

Потом, писатель нечестивого послания, желая, согласно с нечестием Феодора и Нестория, разделять евангельские и апостольские наименования, особо Богу Слову и особо человеку, обвиняет святой памяти Кирилла за то, что он не делит наименований по частям двум лицам, подобно их неразумию¹⁸⁰. А что святой памяти Кирилл признает различие наименований в одном Господе нашем Иисусе Христе Боге Слове воплощенном, но не делит их по частям, и не приписывает особо Богу Слову, и особо человеку, об этом он ясно пишет в своих объяснениях так: „мы отнюдь не уничтожаем различия наименований, хотя запретили разделять их особо Богу Слову как Сыну, который от Отца, и опять особо как человеку, понимая сына, который от жены“. Из этого обнаруживается, что писатель послания еретик и клеветник.

Далее, святые отцы, собравшиеся в Халкидоне, в бывших у них деяниях согласно исповедуют, что они веруют так, как изложил святой памяти Кирилл, и анафематствуют тех, которые не веруют так; а послание о нем и о тех, которые мудрствуют согласно с ним, говорит, что они находятся в замешательстве и раскаянии, уча вопреки своему прежнему учению.

Святой халкидонский собор в определении, которое изложил о вере, анафематствует тех, которые составляют или преподают другой символ, кроме того, который изложили триста восемнадцать святых отцов; а послание хвалит Феодора, который, кроме других бесчисленных богохульств, дерзнул изложить и нечестивый символ, в котором говорит, что иное – Бог Слово, а иное – Христос; и тот же Феодор анафематствует тех, которые мудрствуют несогласно с его богохульным как бы символом, так что по своему неразумию осудил всех святых отцов и учителей Церкви. Между тем этот нечестивый символ Феодора, прочитанный на первом ефесском соборе, анафематствован вместе с его составителем.

Далее, святой халкидонский собор осудил Домна, епископа антиохийского, за то, что он написал, что нужно умолчать о двенадцати главах святой памяти Кирилла, осудил и после его смерти, когда утвердил его осуждение и принял поставление Максима. Итак, если из-за двенадцати глав был осужден Домн,

то каким образом некоторые отваживаются говорить, что послание, называющее эти самые двенадцать глав нечестивыми, было принято святым халкидонским собором.

Святые отцы и учителя Церкви, которым следовал святой халкидонский собор, желая означить различие божества и человечества, и говоря, что два естества, исповедуют соединение их по ипостаси, что – один Господь Иисус Христос, Слово Божие, воплотившийся и ставший человеком, а писатель послания, говоря, что два естества, и одна сила, и одно лице, и один Сын, и не исповедуя, что Бог Слово воплотился и стал человеком (что и есть соединение двух естеств по ипостаси), говорит о его двух естествах. Но известно, что писатель послания полагает естества вместо лиц, и признает соединение по соотношению, следуя нечестивым Феодориту и Несторию, которых защищает и хвалит. Ибо и эти, говоря, что два лица, и два Христа, и два сына, чтобы прикрыть свое нечестие, говорили, что два естества и один Сын. Нечестивый Несторий в послании к единомышленнику своему Александру, епископу иерапольскому, говорит следующее: „должно (признавать), что естества остаются неизменными в своих свойствах, и таким образом под чудесным и превосходящим всякий ум соединением понимать одну славу и исповедовать одного Сына“. И опять: „мы не делаем два лица одним лицом, но одним названием Христа обозначаем вместе два естества“. А Феодор, как мы сказали выше, признавая соединение по соотношению и принимая естества за лица или ипостаси, так говорит в одиннадцатой книге о воплощении: „и так для сего достаточно и того, что мы сказали, где мы показали и различие естеств и единство лица, и что, по естествам, сей принимает благодаяние, а тот дает благодаяние, при тесном соединении, на основании которого нераздельно воздается почитание от всей твари“. Нужно заметить, что, сказавши о естествах, он перешел и к лицам, прибавляя, что, сей дает благодаяние, а тот принимает благодаяние, признавая соединение двух лиц только посредством почитания, как и Несторий исповедует одного Сына по славе“.

А что и Несторий допускает два естества, и принимает их за лица, хотя, по-видимому, говорит, что один Сын, это ясно обнаруживается из его богохульств, которые представил против него в Ефесе святой памяти Кирилл, именно: „потому и называется Бог Слово Христом, что имеет постоянное общение со Христом». И в другом месте Несторий говорит: „ради того, кто облекся, я почитаю того, в кого он облекся; ради того, кто прикровен, я почитаю того, кто является. Нераздельный с тем, кто является, есть Бог; поэтому я не отделяю почитания того, кто неотделим; отделяю естества, но соединяю в поклонении“. И опять: „так как Сын есть человек, и, говорится, «посла Бог Сына своего, раждаемого от жены» (Гал. 4, 4), то как скоро ты слышишь: рождаемого от жены, потом видишь, что приложено имя, которое означает два естества, ты, конечно, называешь Сыном и порождение Девы Марии (ибо и Дева Христородица родила Сына Божия); но так Сын Божий двойствен по естествам, то она родила не собственно Сына Божия, но родила человечество, которое есть Сын ради соединившегося с ним Сына“. И сам Феодор, принимающий естества за лица, в восьмой книге о воплощении говорит так „как Господь говорит о муже и жене, что они «ктому нестя два, но плоть едина» (Матф. 19, 6), так и мы разумно скажем на основании соединения, что не два лица, а одно, хотя при разделении естеств. Ибо как там название: «одна плоть» не вредит числу двойственности (ибо известно, почему называется одною), так и здесь единство лица не нарушает различия естеств. Посему, когда мы различаем естества, то допускаем совершенное естество Бога Слова и совершенное лицо (ибо нельзя говорить об ипостаси без лица), а также совершенное естество человека, равным образом и лице. А когда взираем на соединение, тогда говорим, что одно лице“. Кроме того, послание говорит, что должно исповедовать храм и того, кто обитает в храме, что, очевидно, вводит два лица. Но и Несторий употребил те же слова, говоря так: „будем же исповедовать естества и присовокуплять соединение естеств; будем признавать одно достоинство и одно господство храма и того, кто обитает в храме, но два естества“. И опять говорит: „и храм есть Господь ради соединенного с ним

господства“. Из этих слов Нестория, и из того, что содержится в послании, ясно, что они признают иным Христа, которого они называют храмом, и иным Бога Слово, который, по их словам, обитает в храме; и по нечестивому мнению их, проповедующих соединение по соотношению, будто бы нет никакого различия между Христом и верующими людьми, о которых апостол говорит: «храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (1Кор. 3, 16).

А что писатель послания говорит, что одна сила в двух естествах, то это говорят и Феодор и Несторий, которых он хвалит и защищает. Феодор в двенадцатой книге того же сочинения говорит так: „на это отвечая, блаженный апостол старается показать, каким образом он (Христос) причастен божественного почитания, и что он пользуется им не ради своего естества, но ради обитающей в нем силы“. А Несторий о сказанном в евангелии: «уподобися царствие небесное человеку царю» (Матф. 22, 2), говорит так: „в соединении нет деления ни достоинства, ни, как кажется, могущества, ни божественного сыновства, ни самого имени Христа, в отношении же есть деление божества и человечества“. Блаженный Кирилл, опровергая это нечестивое мнение о соединении по силе, говорит так: „кто говорит, что соединение совершилось посредством общения по достоинству, или власти, или могуществу, или силе, а не посредством сочетания, которое состоит в соединении естеств, да будет анафема. Это учение я принял от святых отцов: посредством его они осуждают тех, которые не исповедуют, что Бог Слово соединился ипостасно с плотию, одушевленную словесною и разумною душою, но говорят, что соединение совершилось по достоинству и власти и силе. Ибо одна сила и одна слава или достоинство признается не в различных естествах, как нечестиво изложили писатель послания и Феодор и Несторий, но в различных лицах, имеющих одну и ту же честь и достоинство и равенство, что мы исповедуем в святой Троице“.

Святой собор сказал: „сделанное сравнение ясно показывает что послание, которое, говорят, написал Ива, во всем противно определению, которое изрек о православной

вере святой халкидонский собор. Поэтому все (отцы) один за другим потребовали, чтобы Ива анафематствовал Нестория, которого защищает нечестивое послание, и его нечестивые догматы, и сверх того подписал определение о вере, конечно в опровержение того, что защищает вышеупомянутое послание. И они сделали это, ни во что вменивши то, что было сказано в пользу этого послания одним или двумя, которые и сами, согласившись с общим желанием, приняли Иву, после того, как он принес покаяние и анафематствовал Нестория, и подписался под определением, изложенным тем же святым собором“.

Все епископы воскликнули: „это все мы сказали: послание еретическое; все мы осуждаем послание, которое приписывается Иве. Все мы анафематствуем оное: послание чуждо собору; послание противно определению; все послание еретическое; все послание богохульное. Кто его не анафематствует, тот еретик; кто его принимает, тот еретик. Послание осуждено определением святого халкидонского собора. Кто его принимает, тот не исповедует, что Бог Слово стал человеком. Кто его принимает, тот не принимает Кирилла. Определение халкидонского собора отвергло послание, которое приписывается Иве. Один Несторий, один Феодор: анафема Феодору, и Несторию, и посланию, которое приписывается Иве. Кто принимает послание, тот отвергает Кирилла. Кто принимает послание, тот отвергает святых халкидонских отцов. Вечная память халкидонскому собору и Кириллу: вечная память святым четырем соборам! Кто не анафематствует послания, тот оскорбляет халкидонский собор. Многая лета императору; православному императору многая лета“. И после этих восклицаний святой собор сказал: „так как исследование, произведенное о трех главах, удовлетворительно, то в другой день рассудим, что следует делать“.

СОБРАНИЕ СЕДЬМОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в 7 день июньских календ, индиктиона I, заседали в судебной палате почтенные епископы сего царствующего города¹⁸¹.

Евтихий, святейший патриарх царствующего Константинополя, нового Рима, Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин¹⁸², святейший патриарх великого города Феополя,

Стефан, благочестивейший епископ рафийский,

Георгий, благочестивейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор¹⁸³, архидиакон и первенствующий из нотариев, сказал: „святой собор ваш, собравшись в один из прошедших дней, сделал нечто относительно послания, которое приписывается Иве, и обещал рассмотреть в другой день, что́ следует делать; поэтому и представляем, что́ будет угодно». Святой собор сказал: „пусть будет прочитано то, что́ уже сделано“. И было прочитано. И прежде, чем у святого собора зашло дело о чем-либо, Константин, славнейший квестор императорского дворца, посланный благочестивейшим императором, вошедши сказал так: „известно вашему блаженству, сколько попечения всегда имел победитель император о том, чтобы возбужденный некоторыми спор о трех главах, которые рассматриваются теперь у вас, получил конец и святая Церковь Божия освободилась от взведенного за них нареkania, не потому, чтобы он не знал правоты вашей святости в догматах, и намерения, которое вы имеете относительно того, что́ служит предметом волнений, но для того, чтобы еще соборно было постановлено определение об этих трех главах. Он убеждал и благочестивейшего Вигилия сойтись вместе с вами и положить конец вопросу об этих главах, сообразный с правою верою. А он очень часто объяснял свое мнение в сочинениях, осуждая упомянутые три главы, и не письменно часто говорил об этом пред благочестивейшим

государем, в присутствии славнейших судей, в присутствии весьма многих из вашего святого собора, и не переставал всегда анафематствовать защитников Феодора Мопсуестского, и послание, которое приписывается Иве, и сочинения Феодорита, которые он написал против правой веры и двенадцати глав святого Кирилла. Когда же он был приглашен собраться сообща и сделать это вместе с вашим святым собором, то обещал это сделать сам по себе и передать благочестивейшему государю. Итак, чтобы, слыша и о том, что не раз было сделано им для осуждения трех глав, вы ревностнее постарались немедля изречь правило об этом, он (государь) отправил чрез меня вашей святости осуждение, произнесенное самим благочестивейшим Вигилием против Рустика и Севастиана, диаконов святой римской церкви, и некоторых других, и кроме того послания, из которых одни написаны им к благочестивейшему Валентиниану, епископу скифскому, другие к благочестивейшему Аврелиану, предстоятелю достоуважаемой церкви арелатской, первой из святых церквей Галлии, – все в переводе на греческий язык, для легчайшего уразумения вашей святости; в них благочестивейший Вигилий ясно показывает, что он всегда отвращается нечестия тех трех глав. Кроме того благочестивейший государь поручил мне сообщить вашему блаженству, что те, которые усиливаются навязать Церкви Божией нечестие этих Глав, пытались говорить благочестивейшему государю, что его благочестию прилично соблюдать то состояние Церкви, какое продолжалось при священной памяти отца его. Благочестивейший государь, желая показать вашему блаженству, какое намерение имел и сам священной памяти отец его на счет того, что ныне предложено (на рассуждение), отправил к вашему блаженству высочайшее послание, писанное им к Ипатию, в то время начальнику войск на востоке, дабы вы знали, что он всегда соблюдает намерение, принятое относительно сего священной памяти отцов, а ревность по православной вере умножил. Ибо, когда некоторые с востока донесли благочестивой памяти Юстину, что клирики достоуважаемой церкви Кира поставили в колесницу

изображение Феодорита и с псалмами ввезли в упомянутый город, а Сергей, тогдашний епископ города, отпраздновал собрание в честь Феодора, Диодора, Феодорита и Нестория, как одного из святых мучеников, тогда он обратился с посланием к Ипатию, бывшему в то время начальником войск на востоке, чтобы он исследовал об этом и донес правительству. И когда было доказано, что это так, Сергей был извержен из епископства, и остался таким до смерти, о чем знают все клирики святой антиохийской церкви; а с другой стороны Дионисий, благочестивейший епископ церкви селевкийской, и Ермисиген, почтеннейший пресвитер достоуважаемой церкви царствующего города, равно как и Ираклий, почтеннейший пресвитер святейшей церкви антиохийской, знают, что Сергей до смерти остался вне святой Церкви, по причине осуждения, произнесенного над ним тогда за это. Итак, прилично вашему святому собору, когда он узнал все, с одной стороны подивиться терпению благочестивейшего государя, а с другой поспешить положить скорый конец спорному делу, чтобы чрез продолжительную отсрочку не произошло бóльшего соблазна для неопытных, и не остались навсегда еретики, приписывающие нечестие тех глав святейшей Церкви».

Святой собор сказал: „пусть будут прочтены бумаги, о которых упомянул славнейший квестор“.

И Диодор, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, взявши прочитал:

(Послание Вигилия).

„Вигилий епископ Рустику и Севастиану».

„Долго мы, по апостольской умеренности, медлили налагать на вас, Рустик и Севастиан, возмездие, согласное с правилами и наших предшественников; но мы видим, что в огрубении вашего сердца (о чем мы говорим с крайним прискорбием) исполнились слова учителя языков, который говорит: или не ведаешь, «яко благодать Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираешь себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия» (Рим. 2, 4–5). Сколько можем, укажем из весьма многих ваших бесчинств хотя немногие. Когда мы шли сюда в

царствующий город, ты, Рустик, без нашего ведома, нечто читал, чего совсем не следовало читать человеку твоего положения, и, говорят, дозволял себе очень многое, что могло бы повредить и моей славе и душе, если бы я не запрещал тебе (чего да не будет). И когда диакон Павел сказал нам нечто о тебе, в твоём присутствии, как следовало и по причине свойства, которым ты был соединен с нами по родному (брату), которого мы возлюбили, и потому, что мы произвели тебя в левитское служение; то мы часто и наедине с отеческою любовью увещевали тебя воздерживаться от того, что о тебе говорили, если ты с какой-либо стороны признавал это за собою, дабы чрез нас не постиг тебя канонический суд, потому что мы никак не допустили бы оставить дело Божие не разрешенным. А ты, по духу зложелательства, не только не хотел послушать нашего увещания, но, как написано: «не обличай злых, да не возненавидят тебе: обличай премудра, и возлюбят тя» (Притч. 9, 8), и опять: «не восхоте разумети, еже ублажити, беззаконие помысли на ложи своем» (Псал. 35, 4–5), злоба твоя дошла до того, что презревши наше увещание, ты ринулся в ненависть и сыскал случай по делу о главах, то есть, о речах Феодора Мопсуестского и о его личности, также о послании, которое, говорят, написано Ивой к Маре Персу, равно как о речах Феодорита против правой веры и соборного послания блаженной памяти Кирилла к Несторию вместе с двенадцатью главами, которое и святой собор ефесский первый принял, и блаженный халкидонский собор для опровержения безрассудств Нестория, как читаем, поместил в определении веры, которое, как известно, испрошено между прочим и по твоему настоянию, так что ты вопиял нашим детям диаконам Сапату и Павлу, а также Сургенцию, первенствующему из нотариев, говоря, что не только имя и сочинения Феодора Мопсуестского должны быть осуждены нами, но и самая земля, где он положен, и что ты принял бы сочувственно, если бы кто-нибудь, вырыв кости его, выбросил из гроба, и сожег вместе с тою землею. И когда было необходимо, чтобы дело, произведенное в нашем суде, при твоём сочувствии преимущественно пред прочими как священного, так и следующего чина, кончилось приговором, что,

как известно, и исполнено; то никому не безызвестно, что ты делал с этим самым решением, – как ты еще во дворце настаивал, чтобы оно тотчас было передано брату нашему Мине, к которому мы писали, так что, когда сын наш Сургенций, первенствующий из нотариев, просил самый лист нашего решения, чтобы по обычаю хранить его у себя сообразно с своею должностю, ты в продолжение многих дней никак не хотел дать ему, пока не разослал списки с него весьма многим священникам и мирянам, а также славному мужу Тирану, начальнику войск, и другим мирянам в африканской области, чего в нашей церкви никогда не было сделано диаконом, и притом разослал эти списки без нашего ведома. Сам ты сознаешься, что в святую субботу, в которую мы произнесли самое решение, как мы выше сказали, по твоему настоянию, ты явился в церкви в собрание, и приобщался и исполнял свое служение. И в тот же день, возвращаясь из церкви, ты говорил соепископу нашему Юлиану, как он утверждает, что не могло быть решения лучшего, чем то, которое сделано, и увещевал молиться Богу, чтобы не уничтожилось то, что сделано. Таким же образом поступил ты и в следующее воскресенье пасхи; и давно пребывая при одном и том же намерении, тем не менее увещевал других охотно следовать нашему решению. Потом, когда мы отказали апокриеиариям антиохийской церкви, просившим нас дать списки этого решения, но сказали упомянутым апокрисиариям, что гораздо справедливее, чтобы они просили списков у брата нашего Мины, к которому, по видимому, оно нами было представлено, ты, рассказывая, что господин Лев так раздавал списки с своего послания разного рода людям, публично упрашивал, чтобы и мы поступили подобным же образом, уверяя, что ты опасался, что если бы вселенная не получила списков нашего решения, выданных из нашей канцелярии, то оно впоследствии как-нибудь было бы скрыто. Далее, нашедши случайно отправлявшегося в Сицилию, и желая послать нашим детям диакону Пелагию и другим наше решение и похвалы ему, где, как известно, вместе с тобою подписались и наши дети, диакон и первенствующий из нотариев, ты из предосторожности, чтобы оно не могло быть

кем-либо найдено, без нашего же ведома, послал список с него, сделанный на пергаменте и в четыре раза кратчайший, написанный мельчайшими буквами. – После того, как был снова отправлен нами в Сицилию Винкентий, иподиакон второго участка, ты подобным же образом писал чрез него сыну нашему диакону Пелагию; но так как упомянутый иподиакон плыл на корабле так успешно, что, как донес нам, перегнал того, который нес с собою написанное на пергаменте, то диакон Пелагий получил то, что ты писал на пергаменте, уже тогда, когда он был там. Итак, между тем как решение было произнесено больше всего по твоему настоянию, и ты так жарко писал в похвалу этого решения в течение долгого времени, и делал так, чтобы мы никогда не подумали, что ты можешь уклониться от этой прямоты, вдруг из народной молвы мы узнаем, что ты по какому-то легкомыслию изменился, и находишься в тайных сношениях с врагами Церкви, которые восставали против свитка нашего решения и отлучены нами от общения в силу самого решения. Сын наш диакон Павел, желавший отправиться в Италию, после того как и до него дошло, что ты, доселе находившись в общении с нами, тайно старался произвести церковный соблазн и здесь и в африканской области, где прежде, защищая и похваляя наше решение, ты раздавал списки его, начал настаивать и говорить тебе, что если оно было правое, то ты должен был продолжать: и ты, будучи побежден, не мог скрыть этого. Тогда упомянутый диакон начал нам представлять, чтобы или ты дал обещание, в присутствии нашем и клириков, исправиться в том, что ты сделал незаконно, или мы приняли прошение, которое он и держал в руках, на тебя, на твое непостоянство и происшедший отсюда обман. Ты добровольно согласился на то, чтобы тебе дать клятву, прикоснувшись к евангелию, и чтобы слова твои были записаны нотарием и хранились в нашей канцелярии, слова, в которых ты между прочим обещал никогда не выходить из полного послушаний нам. Но после того, как стало известно, что пришел Севастиан, еще худший тебя, только для того, чтобы произвести соблазн, как показало начало его путешествия в Константинополь и доказал еще худший исход, ты тотчас

забыл о своей клятве, и вы тайно от нас сделали между собою договор, вопреки постановлениям правил, и оба ринулись в открытый соблазн. Но, чтобы другие знали твои, Севастиан, худые дела, не все, сколько их есть, но сколько их мы можем рассказать, и чтобы видели, что ты подвергся каноническому приговору справедливо, хотя и очень поздно, обратимся к началу твоего посвящения. В отсутствии наших детей диаконов Анатолия и Стефана, ты просил нас назначить тебя на место отсутствующих диаконов, на время, для отправления служения. Мы дозволили тебе это на время, по твоему упованию, из уважения к тому, что ты, как известно, прежде посвящения дал добровольно обязательство, скрепленное и свидетелями, и телесно прикоснувшись к евангелию, дал клятву в том, что верно и без всякого обмана будешь исполнять все, что бы ни было возложено нами на тебя ради пользы церковной, а служение и должность диакона будешь исправлять без всякого порока, без всякой гордости, без всякого небрежения, со всяким смирением и со всевозможным старанием и рачением, пока возвратятся упомянутые диаконы, или насколько времени нам будет угодно оставить тебя служить в чине левитском, присовокупляя в том же обязательстве, что если ты не исполнишь чего-нибудь из всего того, что обещал с клятвой, телесно прикоснувшись к евангелию, то будешь отлучен от святого общения; так что, если ты в течение года со дня своего бесчиния не хотел преклонить выю к покаянию, ты сам себе изрек анафему, написавши собственною рукою. Итак, тогда ты был сделан диаконом на время, под тем условием, которого сам ты желал и которое обещал. Позднее же ты всячески умолял, чтобы мы послали тебя в далматскую отчину. Мы охотно согласились на это, будучи обеспечены тем, что ты дал такое обязательство. Когда ты пришел в город Солон для управления отчиною, то, как дошло до нас впоследствии по донесению многих, замешался в незаконные и воспрещенные апостольским престолом посвящения, и не только не хотел запретить тех, кого приобщил к священным чинам Гонорий, тогдашний епископ вышесказанного города, вопреки обычаю римской или своей церкви, и постановлениям апостольского

престола, но не захотел и нам ни письменно донести об этом деле, ни намекнуть хотя бы словом, помни свою совесть, когда ты встретил нас в Фессалонике, а по духу корысти согласился иметь общение с ними, будто с законными и правильно поставленными, и по продажности общения оказался их соучастником. Из Фессалоники ты снова был послан для управления отчиною в область Далмацию, из которой мы часто внушали тебе не уходить прежде, чем ты, по своему обещанию, соберешь подати как с далмацкой отчины, так и с превальской. Но ты, не обращая внимания ни на что, поспешил отправиться в Константинополь только для того, чтобы произвести соблазн, как доказал последующий исход. Однако же, перечитывая свиток нашего постановления об упомянутых главах, который мы прислали для передачи предстоятелю сего города Мине, ты хвалил его публично, в виду диаконов и иподиаконов, и вообще всех клириков, говоря клирикам, как мы выше сказали, что наше решение повелено свыше и произнесено для всех. О речах же Феодора Мопсуестского ты уверял, что нашел их в городе Риме в некоторых книгах и утверждал, что они наполнены всякою скверною и богохульствами. Говоря это, в нашем послушании, ты исполнял служение диаконства и в церкви публично и в Плакидии¹⁸⁴. В прошедшем году, когда пришел день рождества по плоти Христа Бога Господа и Спасителя нашего, мы позвали тебя, так как только что дошло до нашего сведения то, что ты сделал в Далмации, как мы упоминали выше, и, как следовало, сказали тебе: если ты совершал службу с теми, которые приобщены к священным чинам вопреки постановлений апостольского престола или был участником в общении с ними, как говорят, то, если Бог благоволит возвратить нас к нашей церкви, нам необходимо исследовать это, и узнавши истину яснее, наказать по правилам. Ты же, уstraшенный виновностью своей совести, так как поступал против постановлений апостольских, искал себе случая отделиться, но скрывал это. Ибо когда мы послали тебя, вместе с епископом Иоанном и первенствующим из нотариев Сургенцием и консулярием нашим Сатурнином, с известным поручением к брату нашему Мине, предстоятелю сего города, ты, возвратившись в Плакидию,

отправлял по обычаю служение диакона вместе с Густиком: и когда сын наш милостивейший государь принц предложил чрез референдерия, чтобы в другой день мы явились в церковь, ты и Густик с другими диаконами и клириками, убеждали нас дать ему обещание. По подобному же, вероятно, побуждению вы оба были у меня за столом для подкрепления сил. Но как Иуда после того, как принял кусок (Иоан. 13, 30), задумал о предании Господа, так и вы отделились в часы ночи для возбуждения соблазна в Церкви. На другой день мы поручили сказать вам, чтобы вы или проходили должность диакона, исполняя ее по обычаю, или сознали себя отлученными от общения. А ты, Севастиан, сказал братьям нашим епископам Иоанну и Юлиану, бывшим в числе посланных нами, как они рассказали, следующее: „я следую решению, которое произнес папа, если однако оно наказывает тех, которые делают вопреки решению“. В подобном же смысле ты сказал им, как они рассказывают, когда говорил, что туда пришли монахи Лампридий и Феликс, которые не хотели принять нашего решения, и что вы объявили им; „не можем видеть вас, потому что у вас обстоятельства одни, а у нас другие“. А впоследствии ваше непотребство дошло до того, что вы надменно дерзнули, вопреки канонам, дать общение отлученным от общения, т. е. тем, которые были упомянуты, и другим, которые за то, что написали против нашего решения, были отлучены нами от общения, как явствовало уже из свитка того же самого решения: каковым решением, как мы упоминали выше, и вы сами были довольны, и соглашались и сообщались, что подтвердила католическая Церковь. Отсюда ясно, что вы осуждаетесь справедливо, по правилам канонов. Ибо каноны определяют: „если кто, будучи отлучен от общения, дерзнет вступить в общение прежде выслушания (оправдания), тот сам на себя произнес осуждение“. Также: «угодно было всему собору, чтобы тот, кто будет отлучен от общения за свое небрежение, будет ли он епископ, или какой-либо клирик, и во время своего отлучения дерзнет вступить в общение прежде выслушания (оправдания), считался произнесшим сам на себя приговор осуждения»¹⁸⁵. Кроме того, вопреки всякому обычаю или канонам, вы, по

проклятой гордости, присвоили себе то, чего не слыхано и на что не отваживались никогда люди вашего чина без приказа своего первосвященника, – власть проповедничества, нападки и порицание первого ефесского собора и блаженной памяти Кирилла; также защищаете, по подобному же неразумию, богохульства, высказанные против Господа нашего Иисуса, и коварно пишете по всем областям, будто мы допустили нечто такое, что оказывается противным определению святого халкидонского собора, согласного с верою трех предшествовавших ему соборов, то есть никейского, константинопольского и первого ефесского. Таким образом души всех, которые не знали вашей злобы, но, получая письма от римских диаконов, по простоте верили вам, действие вашего обмана довело до такого преступления, что в некоторых местах была пролита человеческая кровь (непристойно сказать) в церкви. Вы захотели гордым духом попрасть всякий церковный закон, а также оскорбляли повиновение священным правилам, ложно разглашая про нас нечестивое и непристойное по всем областям. Недавно вы приложили к своим худым делам еще худшие прежних. Подавши записку к сыну нашему христолюбивейшему государю принцу, вы дерзнули утверждать, что предшественник наш господин Лев заявлял и подтверждал сочувствие к известным речам Феодора Мопсуестского, которые он написал против православной веры. Да не будет того, чтобы кто-нибудь из христиан поверил, будто святость его, такого первосвященника, приняла что-либо такое, что оказалось бы написанным кем-нибудь против православной веры, так как известно, что он во всех своих посланиях осудил равным приговором и Нестория и Евтихия, или мудрствующих подобно им. В упомянутой записке, вопреки даже божественному Писанию, вы пытались взвести нечестивые клеветы не только на многих первосвященников, но и (непристойно сказать) на самого государя, для того, чтобы еще более обольстить диавольским лукавством неведущий христианский народ. Итак, по святительскому терпению, мы отлагали отлучать (вас), воздерживаясь от этого в продолжении долгого времени, в надежде, что, быть может, вы раскаетесь и воздержитесь от

незаконного. Но так как вы не хотели послушать нашего увещания, сделанного раз и два, чрез братьев наших епископов, т. е. Иоанна марсикского и Юлиана цингульского, или чрез сына нашего и диакона Сапата, также чрез славного мужа патриция Цефегга, и благочестивого мужа также сына нашего Сенатора, и других наших детей, и по гнусной гордости, по которой вы все делаете, не пожелали возвратиться ни к церкви, ни к нам: то нам необходимо наказать вас по канонам, чтобы не оказаться нам подлежащими упрекам божественного Писания. Ибо написано: «аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси» (Псал. 49, 18). И сам Господь и Спаситель наш говорит: «аще око твое десное соблажняет тя, изми е, и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную» (Матф. 5, 29). Такое понимание, по здравому смыслу, должно быть еще более приложимо к служениям церковным, или, ближайшим образом, к неправо правящим и производящим в церквах соблазны, как и в другом месте (Господь) учит нас, говоря: «нужда есть приити соблазном: обаче горе человеку тому, им же соблазн приходит» (Матф. 18, 7); в подобном же смысле возвещает и блаженный Павел: «о, дабы отсечены были развращающие вас» (Гал. 5, 12); и опять священное Писание извещает нас, говоря: «изжени от сонмища губителя, и изыдет с ним прение» (Притч. 22, 10–11). Итак, после стольких уже увещаний, нам следует наказать вас, Рустик и Севастиан, по правилам, властью блаженного Петра, вместо которого Господь благоволил (избрать) нас на служение Себе, дабы не нарушился весь церковный порядок, если бы еще долее стали мы откладывать. Посему, со стенанием, но со властью блаженного Петра, нам должно сказать: за описанные выше бесчинства, мы определяем вам быть чуждыми диаконского достоинства, и снимая с вас вышеупомянутое достоинство, отрешаем вас от всякого отправления левитской должности, так что вы не имеете более никакого права отваживаться делать что-нибудь во имя левитского звания или степени, или пиша, под именем диаконов, снова возмущать Церковь Божию: потому что, на основании апостольского

полномочия и отеческих правил, вопреки которым вы многое сделали по своему гордому и нечестивому духу, мы вас, давно достойных осуждения, лишаем власти, которая теперь у вас есть. И чтобы все знали, что мы сделали это справедливо, по месту, на которое Бог благоволил нас поставить, и властью блаженного апостола Петра, мы приводим постановления канонов, которые читал и одобрил святой халкидонский собор. „Архидиакон Аетий прочитал: если который пресвитер или диакон, презрев своего епископа, отделится от церкви, и начнет делать свои собрания, и поставит жертвенник, и призываемый епископом не покорится, и не захочет повиноваться ему, и не послушает, быв призываем однажды и дважды: таковой да будет извержен совершенно, и отнюдь не может быть допущен до служения, ни опять получить свою честь. Если же будет упорен, возмущая церковь и восставая (против нее), то да будет он укрощаем внешнею властью, как мятежник¹⁸⁶. Все почтеннейшие епископы воскликнули: это канон правый, это канон святых отцов“¹⁸⁷. И постановляем, что если вы еще при нашей жизни, как мы желаем, снова признаете мать Церковь, со смирением и кротостию принеся покаяние, согласно с канонами, то сообразно с этим дано будет нами прощение. Если же (чего мы не желаем) вы, по обычной гордости, замедлите возвратиться к матери Церкви с покаянием, установленными правилами, то пусть соблюдается в отношении к вам решение соборов, правила которых мы привели, чтобы и после нашей смерти никто не дерзал – произносим это по власти блаженного Петра, место которого, хотя недостойно, занимаем, исполняя правила канонов, – восстанавливать в церковной степени Иоанна, Геронтия, Северина, Импортуну, Иоанна и тех участников вашего заговора и скопа, кои, Бог дал, стали известны, которых мы в свое время сделали добрыми воинами церкви, в которой мы, по воле Божией, заседаем: впрочем, чтобы и они и другие не были в неизвестности, пусть знают, что настоящим приговором они отрешены от должности иподиаконов и нотариюв или защитников, и не имеют более совершенно никакой степени в нашей церкви; разве, быть может, и они приклонят выю под каноническое покаяние, как мы выше

сказали, еще при нашей жизни на сем свете. Еще налагаем законный приговор, о котором говорится выше, на Феликса монаха афрского, который, говорят, настоятельствовал в гиллитском монастыре, и, как известно, своим легкомыслием и непостоянством рассеял по разным местам общество того монастыря, и есть зачинщик вашего коварства, и вместе на всех тех, которые, клирики ли и монахи, или миряне, после настоящих запрещений, осквернились бы в каком-либо вашем сообществе, или изъявили бы к нему или к вам сочувствие и расположение. Пусть этими средствами сохранится канонический порядок, и никто не дерзает более возмущать мир Церкви, который любит Господь. Да будет вам известно, что настоящий приговор мы послали к вам с братьями и соепископами нашими Иоанном марсикским, Закхеем силлакским, Юлианом цингульским, также с детьми нашими диаконами Сапатом и Петром, и с сыном нашим Сургенцием, первенствующим из нотариев и рабом Божиим иподиаконом первого участка, и с Викентием, иподиаконом второго участка нашей церкви, которою мы управляем“.

Потом прочтено было из другой хартии:

„Возлюбленнейшему брату Валентиниану, епископу томийскому в области Скифии, Вигилий.

„Читая писание твоего братства, мы с удовольствием убедились в присутствии в вас пастырской заботливости; почему справедливо могут быть приложены к тебе следующие пророческие слова: «спасу овцы моя, ...и восставлю им пастыря единого, и упасет я, раба моего Давида» (Иезек. 34, 22–23). Посему твоя любовь должна следовать и следующим словам Господа нашего: «стража дах ты дому Израилеву, да слышити слово от уст Моих, и воспретиши им от Мене» (Иезек. 3, 17), и собравши тех, которые, как ты доносишь, соблазняются разными слухами, непрестанно увещевать, чтобы они не были обольщены теми, которые, скрывая нечестивейший дух под покровом православного, стараются уловить своим коварством сердца неопытных христиан, и, подражая в злобе обычаю отца своего диавола, желают возмутить вверенную тебе церковь разными лживыми сочинениями, и к которым хорошо

прилагается апостольское изречение, говорящее: «молю вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научистесь, и уклонитесь от них»: и ниже: «иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых» (Рим. 16, 17–18). А ваше послушание известно во всяком месте. Дай Бог, чтобы верные души их, будучи часто убеждаемы увещанием вашего братства, не были увлечены никаким коварным вещанием от правого пути, который есть Христос, как Он говорит: «Аз есмь путь и истина и живот» (Иоан. 14, 6); но если, чего не должно быть, будучи возмущены противниками, они, быть может, боятся чего-нибудь сделанного вопреки вере (чего Бог отвращается), то пусть с кротостию, прилично христианам, следуют словам пророка, говорящего: «вопроси отца твоего и возвестит тебе» (Втор. 32, 7), и другого пророка: «устне иереовы сохраняют разум, и закона взыщут от уст его» (Малах. 2, 7). И так как сын наш, славный и знаменитый муж Визиниан, а вместе с ним и те, которые наблюдают в Константинополе по делам церкви твоего братства, как известно, равным образом сказали, что враги Божии выдумали и то, будто в нашем решении (чего да не будет) осуждены личности епископов Ивы и Феодорита; то пусть прочитают, что мы определили в послании к брату нашему Мине, епископу города Константинополя, о деле, которое здесь поднято, и тогда убедятся, что, при помощи Божией, нами не допущено, или даже не было в намерении ничего, что оказалось бы противным вере и учению достоуважаемых четырех соборов, на которых состоялись определения об одной и той же вере, то есть, никейского, константинопольского, ефесского первого и халкидонского, или что относилось бы к оскорблению одного из тех, которые подписались под вышеписанным определением халкидонской веры, или что открылось бы несогласным с постановлениями наших предметников и предшественников (чего да не будет), но что мы во всем противостояли противникам предстоятелей апостольского престола и блаженной памяти папы Льва и вышеупомянутых соборов. Думаем, не безызвестно вашему братству, что враги христианской веры, с низким и жалким ухищрением, всегда

усиливались доказать что четыре евангелиста противоречат один другому (чего да не будет); а святые отцы опровергали их с небесною мудростию посредством книг о согласии евангелий. Вот и ныне также противники святого халкидонского собора (в числе коих мы находим также Рустика и Севастиана, виновников этого соблазна, которых, по их заслугам, мы давно отлучили от священного общения, над которыми, если они не раскаются, – да будет известно вашему братству, – мы намерены произнести канонический приговор), под предлогом лживого защищения, стараются представить, что этот собор говорил вопреки трем вышеупомянутым соборам (чего да не будет). К ним, питающим такие замыслы, прямо относятся слова пророка, говорящего: «истинно все бысть трость лживая книжником» (Иерем. 8, 8). Они опровергали слово Господа нашего, и нет в них никакой мудрости. «Научиша язык свой глаголати лжу, неправдоваша и не восхотеша обратитися» (Иерем. 9, 5). Если они не покаются, постигнет их приговор псалмопевца, который говорит: «еже разрушити врага и местника» (Псал. 8, 3). Думаем, что для православных сынов Церкви будет слишком достаточно того, что мы написали тогда к брату и соепископу нашему Мине, т. е. о богохульствах Феодора Мопсуестского и его личности, или о послании, которое, говорят, написано Ивой к Маре Персу, и о сочинениях Феодорита, которые написаны против православной веры и двенадцати глав святого Кирилла: потому что в означенном выше постановлении моем можно хорошо узнать, что в самом определении веры, которое произнесли святые святители халкидонского собора, согласно предшествовавшему ему трем другим святым соборам, они ничего не изменили, но похваляя все, что сделано прежними, утвердили своим святым определением навсегда. Впрочем, если и после этого кто-нибудь захочет сомневаться (чего не думаем), просим его, пусть поспешит придти к нам с позволения твоего братства, чтобы из прямого объяснения ему убедиться, что нами соблюдено ненарушимо все, что сделано и написано об одной и той же вере во времена наших предшественников и вышеупомянутых четырех соборов. Таким образом, прекратится для

благочестивейших душ соблазн, как и должно быть, и мир, угодный Богу, будет ненарушимо продолжаться в Его Церкви. Мы считаем нужным попросить ваше братство и о том, чтобы оно более не принимало писем от упомянутых прежде Рустика и Севастиана, или от тех, которые окажутся участниками их гнусной дерзости, а также и о том, чтобы ты увещевал всех, принадлежащих к твоему управлению, чтобы они или не читали ничего, доставленного от вышеупомянутых (лиц), или же не доверялись легковерно их лжи. Бог да сохранит невредимым тебя, возлюбленный брат. – Дано в 15 день апрельских календ, в 23 год¹⁸⁸ царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 9 год после консульства славнейшего мужа Василия, чрез Иоанна пресвитера и апокрисиария, а он отправил это (послание) чрез человека своего Максентия“.

Потом прочтено было из другой хартии:

„Возлюбленнейшему брату Аврелиану, епископу арелатскому, Вигилий.

„Мы получили послание вашего братства накануне июльских ид, которое доставил Анастасий; и воссылаем благодарение милосердному Богу за то, что, как мы прочитали, ваша озабоченность в деле веры, или в отношении молвы о моем лице, согласна с священными заповедями, так что к твоей любви достойно и прилично приложить следующие слова Божии: «избрах дом отца твоего от всех домов Израилевых мне служить, еже восходити ко олтарю моему, и кадити кадилом, и носить ефуд» (1Цар. 2, 28). Нам необходимо облегчить заботливость вашей любви кратким собеседованием, сколько мы можем по свойству времени. Будьте совершенно уверены в том, что мы не допустили ничего, что оказалось бы противно постановлениям наших предшественников (чего да не будет), или святой вере четырех соборов, то есть никейского, константинопольского, ефесского первого и халкидонского, которая есть одна и та же, или что относилось бы к оскорблению лиц, которые подписались под определением той же святой веры, или что открылось бы несогласным с определениями святых предшественников наших Целестина, Ксиста, Льва и других предшествовавших и следовавших (за

ними), но оказываем одно почтение ко всем вышесказанным соборам и одно доверие к вере без всяких сомнений. Мы отрицаем тех, которые не следуют в правоте веры всем вышеупомянутым четырем соборам, но один из них или все извращают в вере, или стараются извратить, оклеветать, или отвергнуть. Мы признали достойным анафемы и проклятия и постановили осудить то, что открывается сказанного устно или написанного в оскорбление той же святой веры. Подобное же наказание налагаем и на тех, которые, по проклятой надменности, назвали нечестивою веру блаженного Кирилла, которого одобрил и похвалил святой памяти Лев, наш предшественник, в посланиях к вашим предшественникам и другим, и на которого, как известно, ссылался достоуважаемый святой халкидонский собор, и (веру) других отцов, которых приняли и которым следовали предстоятели апостольского престола. Итак, твое братство, которое, как известно, чрез нас есть викарий апостольского престола, да известит всех епископов, чтобы они отнюдь не смущались никакими ложными сочинениями, или лживыми словами или известиями, но лучше, как должно, следовали бы словам первого из апостолов, который говорит: «супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1Петр. 5, 8), и тому, что говорит такой же апостол, учитель языков: «молю же вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, ему же вы научитесь, и уклонитесь от них» (Рим. 16, 17), и веровали бы о Господе тому, что мы, как сказали выше, искренно содержали, сохраним, почитали, почитаем и защищаем веру, преданную апостолами и изъясненную вышеупомянутыми четырьмя святыми соборами, проповеданную и ненарушимо сохраненную нашими предшественниками и вышеупомянутыми отцами, а поступающих вопреки ей осуждаем апостольскою властью. Но чрез сына нашего Анастасия мы по необходимости указываем, сколько можем кратко, на то, что было сделано; а когда сын наш, всемилостивый государь император, при помощи Бога (Который держит его сердце), повелит нам возвратиться, как обещал, то, если Бог благословит, мы назначим человека, который бы сообщил вам более подробные сведения. Доселе

мы не сделали этого потому, что препятствовала суровость зимы, и стесненное положение Италии, о котором вам не безызвестно, пока, при помощи Господа, не придет с помощью светлейший принц, как того желает. Мы надеемся, что ваше братство позаботится и об этом деле, как написано: «брат от брата помогаем, яко град тверд и высок» (Притч. 18, 19), и как писание Деяний апостольских свидетельствует о верующих в Господа, что «народу веровавшему бе сердце и душа едина» (Деян. 4, 32), и не преминет попросить славного сына нашего короля Хильдеберта, который, как мы знаем, по усердию к христианству, оказывает полное почтение к апостольскому престолу, предстоятелем которого Бог благоволил быть нам, о том, чтобы, при таком крайнем положении дел, он исполнил по христианскому обету (долг) попечения о Церкви, в чем мы и уверены; а так как, говорят, готфы с своим королем вошли в город Рим, то (ваше братство) удостоит написать, чтобы он не вмешивался в суды нашей церкви, как узаконения чуждые (ему), и не делал или не допускал чего-нибудь, чем могла бы возмутиться католическая Церковь. Ибо католическому королю, каков он и есть, достойно и прилично всею силою защищать веру и церковь, в которой Бог благоволил ему креститься; так как написано: «прославляющая Мя прославлю» (1Цар. 2, 30). Постарайся же, любезнейший брат, твердо пребывая в чистоте святой веры, охранять с надлежащею заботливостью, при помощи Божией, мир церковный, который, и вверен тебе от Бога чрез дар священства, и поручается нами по власти, заменяющей апостольское достоинство, и угодными Богу делами показать себя викарием нашего престола. Бог да сохранит тебя, любезнейший брат. – Дано в 3 день майских календ, в 24 год царствования государя нашего Юстиниана, постоянного августа, в восьмой¹⁸⁹ год после консульства славнейшего мужа Василия, чрез человека, которого отправил Анастасий“.

Потом прочтено было из другой хартии следующее:

„Нам прочтено производившееся у защитника города Антиохии дело, в котором были внесены свидетельства воинов, показывающих, скажем короче, что прежде, чем почтеннейший

Сергий пришел в город Кир, некоторые, а именно, пресвитер и защитник Андроник и диакон Георгий, взявши изображение Феодорита, который всюду обвиняется за заблуждение в вере, поставили его в колесницу и ввезли в город Кир, поя псалмы и показывая, что они из его секты. А потом Сергий, принявши (в управление) город, праздновал собрание в честь самого Феодорита, Диодора и Феодора, также какого-то Нестория, которого он называл мучеником, между тем как в области нет никакого мученичества, подходящего к сему названию. Понятно, мы были удивлены, во-первых, тем, ужели твоему превосходству были неизвестны такие поступки, учиненные в городе; потом, если ты узнал о том, что сделано, ужели не произвел безотлагательно исследования дела, особенно когда, говорят, Сергий живет (там) и находится вместе с почтеннейшим Павлом. Но немного спустя, еще прочтено нам производившееся у защитника города Кира дело, в котором приведены речи почтеннейших защитников почтеннейшего Сергия, и которое содержит показания многих, что никогда не было ни объявлено, ни совершено никакого собрания во имя какого-то Нестория. А кроме этого дела, мы выслушали просьбы как самого Сергия, так и прочих епископов евфратской области, которые везде отказываются от имени Нестория, и объявляют, что они удаляются его секты, а согласуются с четырьмя святыми соборами. Итак повелеваем вашему превосходству не оставить ничего без подробнейшего и тщательного исследования, но без промедления вызвать епископа города Кира, там живущего, как мы слышали, а также вызвать к себе из третьего отряда стабилизан тех солдат, которые оказываются представившими свидетельства в деле, производившемся в Антиохии, равно как Андроника и Георгия, которые оговариваются в том, что было сказано об изображении, и внимательно исследовать каждый из вопросов, именно: было ли учинено то, что говорится об изображении, и певшие псалом, о чем упоминается в деле, производившемся в Антиохии, совершали ли процессию в честь изображения; знал ли почтеннейший Сергий певших это в честь изображения, и допустил ли клириков (до служения), и имел ли общение с ними

в божественных таинствах, как об этом помещено впоследствии в деле, произведенном в Антиохии; приказывал ли он обнародовать или позволял ли праздновать собрание в честь Феодорита, Феодора и Диодора, и было ли сделано то же самое во имя Нестория. И пусть твое превосходство постарается испытать все средства, чтобы не могло укрыться никакое самое мелкое обстоятельство. А чтобы твое превосходство страшилось не нашего только негодования, но и гнева Божия, мы не затрудняемся наложить на него клятву во имя Господа и Спасителя Христа Бога нашего, от Которого зависит то, чтобы ты откуда бы то ни было открыл самую истину. И если бы оказалось, что воины сказали совершенную ложь, и сказали несправедливо и об изображении и о собрании, не только то, что относится к Несторию, но и то, что касается Феодорита, Феодора и Диодора, тогда они должны быть немедленно исключены из храбрейшего отряда, в котором они числятся воинами, и тела их истязаны всякими муками. Если же они в своих показаниях сказали правду про изображение ли, или про собрание в честь Нестория или трех других, тогда о всем донести нам, чтобы мы могли знать тех, которые погрешили против истинной и непорочной веры, которую и мы почитаем. А чтобы твоему превосходству не было неизвестно ничто из того, что прочтено нам, мы повелели переслать к тебе самое дело, которое было произведено в Кире и представлено нам, также копию с дела, которое произведено в Антиохии, с тем, чтобы по совершении всего, что мы повелели, снова было возвращено нам самое дело, которое произведено в Кире. По этому делу мы назначили благовернейшего Фому, ходатая по делам и подпомощника. Читал. — Дано в 7 день августовских ид¹⁹⁰, в Константинополе, в консульство славнейшего мужа Рустика».

Святой собор сказал: „и ныне ясно обнаружилось угодное Богу попечение благочестивейшего и миролюбивейшего императора, который всегда делал и делает все, что сохраняет святую Церковь и православные догматы, который послал и только что прочитанную грамоту, показывающую притом, как ясно всякому, что святая Церковь Божия от начала чужда нечестия тех глав. Христолюбивейший император получит за

это награду от Христа великого Бога, Который обыкновенно умножает ее. А мы, воссылая ежедневные молитвы за его светлость, произнесем, при помощи Божией, соборное решение о трех главах в другой день“.

СОБРАНИЕ ВОСЬМОЕ

В 27 год царствования государя Юстиниана, постоянного августа, в 12 год после консульства славнейшего мужа Василия, в 4 день июньских нон, индиктиона I, заседали в судебной палате почтенные епископы сего царствующего города¹⁹¹:

Евтихий, святейший патриарх царствующего Константинополя, нового Рима,

Аполлинарий, святейший архиепископ великого города Александрии,

Домнин¹⁹², святейший патриарх великого города Феополя,

Стефан, благочестивейший епископ рафийский,

Георгий, благочестивейший епископ тивериадский, и прочие, как выше в первом собрании.

Диодор¹⁹³, архидиакон и первенствующий из почтеннейших нотариев, сказал: „святой собор ваш знает, что несколько дней тому назад в различных собраниях у вас сделано было нечто относительно Феодора Мопсуестского, и того, что написал нечестиво Феодорит, и нечестивого послания, которое, говорят, написано Ивой к Маре персу, и что в последнем Деянии святой собор ваш обещал положить окончательный и соборный приговор о том, о чем идет исследование. Посему, так как для этого самого вы и собрались, то представляем, что будет угодно“. Святой собор сказал: „пусть будет объявлено то, что у нас сделано относительно предложенных вопросов“. И после чтения, Каллоним, почтеннейший диакон и нотариус, взявши, прочитал приговор:

Если, по притче, о которой говорится в евангелии (Матф. 25), когда великий Бог и Спаситель наш Иисус Христос раздает таланты каждому по его силам и в удобное время требует прибыли от них, осуждается тот, кто сохранил без убыли один вверенный ему талант, за то, что не трудился и не умножил того, что ему было вверено; то сколь большему и строжайшему осуждению подлежит тот, кто не только пренебрег собою, но и другим подал повод к соблазну и заблуждению, хотя всем верным известно, что когда возбуждается рассуждение о вере,

осуждается не только нечестивый, но и тот, кто мог остановить нечестие, но пренебрег развращением других. Итак и мы, которым вверено управление Церковию Господа, страшась проклятия, угрожающего тем, которые делают дело Господне с небрежением, спешим сохранить доброе семя веры чистым от плевел нечестия, которые всеваются врагом. Посему, так как мы видели, что последователи Нестория старались навязать свое нечестие Церкви Божией чрез нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуеста, чрез его нечестивые сочинения, и кроме этого посредством того, что написал нечестиво Феодорит, и посредством злостного послания, которое, говорят, написано Ивой к Маре персу, то и восстали мы для исправления того, что колебалось, и, по воле Божией и по повелению благочестивейшего императора, собрались в сей царствующий город.

И так как благочестивейшему Вигилию, находившемуся в сем царствующем городе, случилось участвовать во всем, что производилось относительно этих трех глав, и как не письменно, так и на письме часто осуждать их, а впоследствии он письменно согласился прибыть на собор и вместе с ними рассуждать об этих трех главах, чтобы всеми нами сообща было представлено определение, согласное с правою верою: то благочестивейший император, согласно с тем, что было решено между нами, просил как его, так и нас собраться вместе, потому что пастырям прилично подвергать общую веру общим исследованиям. Посему по необходимости мы просили его благоговеинство исполнить свои письменные обещания; ибо было бы несправедливо, чтобы из за трех глав возрастал соблазн и продолжалось замешательство в Церкви Божией. И в пользу этого мы привели ему на память великие примеры апостолов и предания отцов. Ибо хотя благодать Святого Духа с избытком наполняла каждого из апостолов, так что они не имели нужды в чужом совете относительно того, что должно было делать; однако же они не хотели постановить определения о том, что было предметом спора, – должно ли обрезать язычников, прежде чем, собравшись вместе, подтвердили каждый свои слова свидетельствами божественного Писания.

Отсюда приговор об этом они произнесли сообща, пиша к язычникам: «изволися Святому Духу и нам, ничтоже множае возложить вам тяготы, разве нуждных сих: огребатися от идоложертвенных и крове и удуленины и блуда» (Деян. 15, 28–29).

И святые о отцы, которые по временам собирались на святых четырех соборах, пользуясь древними примерами, сообща устроили относительно возникавших ересей и вопросов, положивши за верное, что в общих прениях, когда предлагается то, что должно быть рассмотрено с той и другой стороны, свет истины прогоняет тьму лжи.

Ибо иначе и не может обнаружиться истина в общих прениях о вере, когда каждый нуждается в вспоможении ближнего, как, говорит Соломон в Притчах: «брат от брата помогаем, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основанное царство» (Притч. 18, 19); и опять в Екклесиасте говорит: «блази два паче единого, имже есть мзда блага в трудех их» (Еккл. 4, 9); и сам Господь говорит: «амин глаголю вам: яко аще два от вас совещаеа на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, Иже на небесех. Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Матф. 18, 19–20). Когда же он, будучи часто побуждаем и всеми нами и сверх того славнейшими судьями, посланными к нему от благочестивейшего императора, обещал произнести приговор о тех трех главах сам по себе; то, услышав такого рода ответ, и сохраняя в сердце увещания апостола, что «кийждо нас о себе слово даст Богу» (Рим. 14, 12); а с другой стороны опасаясь осуждения, угрожающего тем, которые «соблазнят и единого от малых» (Матф. 18, 6), и тем более такого христоролюбивейшего императора и народы и целые церкви, и (помня), что сказано Богом Павлу: «не бойся, но глаголи, и да не умолкнеши зане Аз есмь с тобою, и никтоже приложить озлобити тя» (Деян. 18, 9–10), – мы собрались и прежде всего кратко исповедали, что содержим ту веру, которую Господь наш Иисус Христос истинный Бог предал святым Своим апостолам и чрез них святым церквам, и которую бывшие после них святые отцы и учителя Церкви предали вверенным им

народам. Мы исповедали, что сохраним, сохраняем и проповедуем святым церквам то исповедание веры, которое изложили пространнее триста восемнадцать святых отцов, собиравшихся в Никее, которое предали святой образец или символ, также – изложение ста пятидесяти (отцов), собиравшихся в Константинополе, которые следовали тому же самому исповеданию веры и распространили его, и – согласие относительно той же веры двух сот святых отцов, собиравшихся в Ефесе в первый раз, и – то, что было определено шестьюстами тридцатью (отцами), собиравшимися в Халкидоне, об одной и той же вере, которой и сами они следовали и которую проповедовали. А относительно тех, которые смотря по времени были осуждены или анафематствованы кафолическою Церковью и вышеупомянутыми четырьмя соборами, мы исповедали, что признаем их осужденными и анафематствованными. Исповедавши это таким образом, мы сделали начало исследования о трех главах и предложили прежде о Феодоре Мопсуестском. И когда произнесены были пред всеми богохульства, заключающиеся в (его) книгах, мы подивились Божью долготерпению в этом отношении, что не был тотчас же популен божественным огнем язык и ум, который изрыгнул это. И мы никогда не позволили бы продолжать чтение вышеупомянутых богохульств, страшась гнева Божия за одно напоминание о них (так как каждое богохульство превосходило предыдущее величиною нечестия и до основания возмущало ум слушателя), если бы мы не видели, что те, которые хвалятся такими богохульствами, нуждаются в посрамлении, которое должно быть нанесено им объявлением оных. И во время чтения и после его, все мы, будучи воспламенены негодованием на изложенные хулы против Бога, произносили восклицания и анафематствования против Феодора, как бы он был в живых и присутствовал, и говорили: будь милостив, Господи; и демоны не дерзали говорить так против Тебя.

О несносный язык тот! О развращение человека! О та дерзкая рука, посягнувшая на своего Творца! Хвалясь, что знает писание, несчастный тот не помнит, что говорит пророк Осия:

«горе им, яко отскочиша от Мене: боязливи суть, яко нечестоваша ко Мне... возглаголаша на Мя лжу... и на Мя помыслиша злая... падут князи их мечем ради ненаказание языка своего... в недре их, яко земля непроходима... понеже преступиша завет Мой, и на закон Мой нечестоваша» (Ос. 7:13–16, 8:1). Этому заслуженно подвергается нечестивый Феодор. Ибо, отвергая пророчества, которые говорят о Христе, он, сколько мог, силился унижить великую тайну домостроительства нашего спасения, и всеми мерами стараясь представить божественные изречения баснями, предложенными язычникам только для посмеяния, презрел как другие пророческие предсказания, сделанные против нечестивых, так и то, что сказал божественный Аввакум о тех, которые учат ложно: «горе напаяющему подруга своего развращением мутным, и упоявающему, яко да взирает к пещерам их» (Авв. 2, 15), т. е. помраченным и совершенно чуждым света учениям их.

И что нужды говорить много? Желаящие могут взять в руки книги нечестивого Феодора, или те нечестивые главы из его нечестивых книг, которые помещены в деяниях, у нас бывших, и познакомиться с крайним недоразумением и теми непотребствами, которые он сказал. Ибо мы опасаемся продолжать далее и снова повторять в памяти те непотребства. Прочтено было нами и нечто написанное святыми отцами против него и превосходящего все ереси неразумия его, и кроме того истории и императорские законы, обнародовавшие в начале о его нечестии. И так как после всего этого защитники его нечестия, хвалящиеся хулами, произнесенными против своего Создателя, говорили, что не должно анафематствовать его после смерти: то хотя мы и знаем церковное предание о нечестивых, что еретики и после смерти анафематствуются, однако сочли необходимым исследовать и об этом, и в деяниях рассказывается, как различные еретики были анафематствованы и после смерти, и посредством многого у нас доказано, что те, которые говорят это, нисколько не заботятся ни о судьбах Божиих, ни о вещаниях апостольских, ни о преданиях отеческих. Мы охотно спросили бы их только, что скажут они о Господе, который говорит о Себе Самом: «веруй в

онь, не будет осужден: а неверуяй, уже осужден есть, яко не верова во имя едиnorodного Сына Божия» (Иоан. 3, 18), и об апостоле, который восклицает: «аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом вам, анафема да будет. Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю, аще кто вам благовестить паче, еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1, 8–9)? Если Господь говорит, что «уже осужден есть», и апостол анафематствует ангелов, если бы они стали учить кроме того, что мы проповедали, то каким образом те, которые дерзают на все, отваживаются говорить, что это сказано только о живых? Или они не знают, а лучше, зная, притворяются незнающими, что осуждение анафемы есть не иное что, как отлучение от Бога? Хотя бы нечестивый и не получил его от кого-либо посредством слова, однако он произносит на себя анафему самым делом, отделяя самого себя чрез свое нечестие от истинной жизни. А что скажут они об апостоле, который в другом месте говорит: «еретика человека по первом и втором наказании отрицайся, ведый, яко развратися таковой, и согрешает, и есть самоосужден» (Тит. 3, 10–11)? Согласно с этим говорит святой памяти Кирилл в книгах, которые он написал против Феодора, так: „должно отвергать тех, которые повинны в столь дурных поступках, в живых ли они находятся, или нет. Ибо необходимо удалиться от того, что вредит: и нужно не на лицо обращать внимание, но иметь в виду то, что угодно Богу“¹⁹⁴. И опять тот же святой памяти Кирилл, в послании к Иоанну епископу антиохийскому, и собравшемуся там собору, о Феодоре, как анафематствованном вместе с Несторием, говорит так: „потому-то, вследствие изъясненных обстоятельств и нужно было учредить светлое празднество, когда изгнали мы от себя злоучение несториено и все другие голоса, говорившие сколько-нибудь сходно с его заблуждениями. Празднество это совершено нами в посрамление всех тех, кто думает или когда-нибудь думал одинаково с Несторием. Тут и мы и ваша святость решительно объявили, что анафематствуем тех, по учению которых, два сына и два христа; потому что, как я сказал, и мы и вы проповедуем единого Христа, Сына и Господа, едиnorodного (который) «обретется якоже человек», по слову

премудрого Павла» (1Кор. 8, 6; 1Тим. 2, 5; Фил. 2, 7)¹⁹⁵. И в послании к Александру, Мартиниану, Иоанну, Парегорию и Максиму, пресвитерам и отцам из монахов, и к тем, которые подвизались вместе с ними в пустынножительстве, так говорит: „сам святой собор, разумею собор, по воле Божией собравшийся в Ефесе, произнесши правильный и точный суд над лжеучением Нестория, вместе с ним, под условием одинакового наказания, осудил и нововведения других, которые, после или прежде него, одинаково с ним мысля, дерзнули учить или писать. Да так и следовало: когда один кто-нибудь раз осужден за невежественные нововведения, то осуждение должно относиться не к одному, но ко всякой, так сказать, ереси или хуле, которую составили нововводители против благочестивых догматов Церкви, воздавая честь двум сынам, разделяя нераздельное, и давая повод обвинять небо и землю в человекослужении; потому что вместе с нами и святой сонм небесных духов покланяется единому Господу Иисусу Христу“¹⁹⁶. Также прочтены были различные послания благочестивой памяти Августина, который блистал между африканскими епископами, показывающие, что должно анафематствовать еретиков и после смерти. Такое предание церковное сохранили и прочие почтеннейшие африканские епископы. Также святая римская церковь анафематствовала некоторых еретиков и после смерти, хотя во время своей жизни они не были осуждены за веру. О том и другом свидетельствуют бывшие у нас деяния. Но так как ученики Феодора и его нечестия явным образом противясь истине, стараются привести некоторые слова святой памяти Кирилла и Прокла, будто бы написанные в пользу Феодора, то уместно приложить к упомянутым (людям) слова пророка, который говорит: «яко правы путие, Господни, и праведнии пойдут в них: а нечестивии изнемогут в них» (Ос. 14, 10). Извлекая худо то, что хорошо и уместно написано этими святыми отцами, они приводят их слова, чтобы оправдать извинения во грехах. Ибо ясно, что отцы не освобождают Феодора от анафемы, но из снисхождения к защитникам Нестория и его нечестия употребляют некоторые такие слова, чтобы, отвлекая их от заблуждения сего рода,

привести к совершенству и пленить в послушание не только ученика нечестия, Нестория, но и учителя его Феодора. Итак, и в самых словах снисхождения отцы показывают свое тщание о том, что должно анафематствовать Феодора, как доказано в происходивших у нас деяниях посредством весьма многого из того, что написали святой памяти Кирилл и Прокл к осуждению Феодора и его нечестия. Такое снисхождение можно находить и в божественном Писании: так, апостол Павел вначале проповеди, обрезывая Тимофея ради тех, которые были из евреев, очевидно, делал это для того, чтобы чрез это снисхождение и уступку привести их к совершенству. Отсюда впоследствии, запрещая обрезание, писал к Галатам так: «се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезается, Христос вам ничтоже пользует» (Гал. 5, 2). Мы нашли также, что защитниками Феодора сделано и то, что обыкновенно делают еретики. Ибо они, урезывая нечто из того, что написали святые отцы, а нечто сами от себя ложно составляя и вымышляя, старались посредством послания святой памяти Кирилла, как бы на основании свидетельства отцов, освободить упомянутого выше нечестивого Феодора от анафемы. И в этом самом истина открылась, когда то, что было урезано, прочтено было в связи с предыдущим и последующим, а ложь подлога была совершенно обличена чрез снесение с тем, что было на самом деле. Во всем этом, те, которые говорят такое пустословие, – как написано, «уповают на суетная, и глаголют тщетная, яко зачинают труд, и раждают беззаконие» (Ис. 59, 4). Когда таким образом было исследовано о Феодоре и его нечестии, мы заблагорассудили, для удовлетворения читающих, прочесть и поместить в деяниях, у нас происходивших, немного и из того, что написано нечестиво Феодоритом против православной веры и двенадцати глав святого Кирилла, и против первого ефесского собора, также нечто написанное им в защиту нечестивых Феодора и Нестория, чтобы все знали, что они извергаются и анафематствуются справедливо. Когда, в-третьих, предложено было на рассмотрение послание, которое, говорят, написал Ива к Маре персу, мы усмотрели необходимым прочесть и его. И тотчас из самого чтения стало ясно нечестие, в нем

закрывающееся. После произведенного доселе исследования следовало бы произвести осуждение и анафематствование вышеупомянутых трех глав. Но так как защитники нечестивого Феодора и Нестория старались иным способом защитить их личности и нечестие, и говорили, что то нечестивое послание, которое хвалит и защищает Феодора и Нестория и их нечестие, принято было святым халкидонским собором: то мы сочли необходимым всячески показать, что святой собор свободен от нечестия, которое содержится в послании, потому что те, кто так говорит, делают это не из уважения к святому собору, а для того, чтобы его именем подкрепить свое нечестие. И в деяниях было показано, что и в прежние времена Ива был осужден за то же самое нечестие, которое содержится и в послании, сначала при святой памяти Прокле, епископе константинопольском, а потом при благочестивой памяти Феодосии, и при Флавиане, поставленном в епископа после Прокла, которые и самое исследование дела поручили Фотию, епископу тирскому, и Евстафию, епископу беритскому. Впоследствии тот же Ива, будучи обвинен, был извергнут из епископства. При таком положении дела, каким образом некоторые отваживаются говорить, что это нечестивое послание было принято святым халкидонским собором, и что ему во всем следовал святой халкидонский собор? Но чтобы не оставалось никакого повода тем, которые взводят такие клеветы на святой халкидонский собор, мы признали нужным прочитать то, что происходило на святых соборах ефесском первом и халкидонском по поводу посланий святой памяти Кирилла и благочестивой памяти папы древнего Рима Льва. И когда из этого мы узнали, что не иначе должно принимать то, что пишется кем-либо, как если оно будет найдено предварительно согласным с православною верою святых отцов, то подали голос, чтобы было прочтено определение о вере, изложенное святым халкидонским собором, дабы то, что содержится в послании, снести с тем, что содержится в определении. Когда это было сделано, то оказалось, что послание во всем противно тому, что содержится в определении. Ибо определение согласно с тем, что было постановлено об одной и той же вере как тремя стами

восемнадцатью отцами, так и сто пятидесятью, и теми, которые собирались в Ефесе в первый раз; а нечестивое послание содержит то, что богохульствовали еретики Феодор и Несторий, и защищает их и признает своими учителями, а святых отцов называет еретиками. Мы извещаем всех и о том, что мы не позволили себе оставить без внимания и защитительных речей одного или двух отцов, которыми пользуются последователи Феодора и Нестория; но прочитавши пред всеми и те и все другие защитительные речи, и рассмотрев то, что в них содержится, мы нашли, что они (отцы) соглашались принять вышеупомянутого Иву не иначе, как предварительно потребовав, чтобы он анафематствовал Нестория и его нечестивое учение, которое защищается в послании. И это сделали как другие благочестивые епископы вышеупомянутого святого собора, так и те два, защитительными речами которых стараются воспользоваться некоторые. То же они наблюдали и в отношении Феодорита, и потребовали, чтобы он анафематствовал то, за что обвинялся. Итак, если они соглашались принять Иву не иначе, как если бы он осудил нечестие, содержащееся в послании, и подписался под определением, которое было дано святым собором о вере, то каким образом усиливаются говорить, что нечестивое послание было принято тем же самым святым собором? «Кое бо причастие, – сказать поистине, – правде к беззаконию? Или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром? Или кая часть верну с неверным? Или кое сложение Церкви Божией со идолами» (2Кор. 6, 14–16)?

Итак, повторивши все, что было у нас сделано, снова исповедуем, что принимаем четыре святыя собора, то есть, никейский, константинопольский, ефесский первый и халкидонский, и что они определили об одной и той же вере, то мы проповедали и проповедуем. А тех, которые не принимают сего, считаем чуждыми католической Церкви. Осуждаем и анафематствуем, вместе со всеми другими еретиками, которые были осуждены и анафематствованы вышеупомянутыми святыми четырьмя соборами и святою католическою и апостольскою Церковию, и Феодора, который был епископом

Мопсуестии, и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво написал Феодорит против правой веры и против двенадцати глав святого Кирилла и против первого ефесского собора, и что написано им в защиту Феодора и Нестория. Кроме этого, анафематствуем и нечестивое послание, которое, говорят, написал Ива к Маре персу, отвергающее, что Бог Слово, воплотившись от святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, и порицающее святой памяти Кирилла, учившего православно, как еретика и как писавшего подобно Аполлинарию, и обвиняющее первый ефесский собор в том, будто им низложен Несторий без суда и следствия, называющее двенадцать глав святого Кирилла нечестивыми и противными православной вере, и защищающее Феодора и Нестория и их нечестивые учения и сочинения. Итак, анафематствуем вышеупомянутые три главы, то есть, нечестивого Феодора Мопсуестского с его непотребными сочинениями, и то, что нечестиво написал Феодорит, и нечестивое послание, которое приписывается Иве, и их защитников, и тех, которые писали или пишут в защиту их, или дерзают называть их православными, или вообще защищали или стараются защищать их нечестие именем святых отцов или святого халкидонского собора.

Устроив это таким образом со всею точностию, будем содержать в памяти обетования о святой Церкви, и Того, кто сказал, что «врата адова», т. е. смертоносные уста еретиков, «не одолеют ей» (Матф. 16, 18); будем помнить также и то, что предсказано о ней чрез Осию, который говорит: «и обручу ты себе в веру, и увеси Господа» (Ос. 2, 20). А необузданные языки еретиков и их нечестивейшие сочинения, и самих еретиков, которые пребыли в своем нечестии до смерти, сопричислим к отцу лжи диаволу и скажем им: «се вси вы огонь раждизаете, и укрепляете пламень: ходите светом огня вашего, и пламенем, егоже разжегосте» (Ис. 50, 11). Сами же мы, имея заповедь назидать народ «здравым учением» (Тит. 2, 1) и «глаголать в сердце Иерусалиму» (Ис. 40, 2), т. е. Церкви Божией, спешим сеять достойно в правде (Ос. 2, 23), собирая плод жизни и возжигая себе самим свет знания из божественного Писания и учения святых отцов. Мы почли необходимым изложить кратко

по пунктам и проповедание истины и осуждение еретиков и их нечестия¹⁹⁷.

1. Если кто не исповедует одно естество или существо Отца и Сына и Святого Духа, и одну силу и власть, Троицу единосущную, одно Божество, покланяемое в трех ипостасях или лицах, тот да будет анафема. Ибо един Бог и Отец, из Которого все, и един Господь Иисус Христос, чрез Которого все, и един Дух Святой, в Котором все.

2. Если кто не исповедует два рождения Бога Слова, одно прежде веков от Отца, безвременно и бестелесно, а другое в последние дни, когда Он сошел с небес, и воплотился от святой преславной Богородицы и Приснодевы Марии, и родился от нее: тот да будет анафема.

3. Если кто говорит, что иной есть Бог Слово, творивший чудеса, и иной Христос, пострадавший, или говорит, что Бог Слово был со Христом, родившимся от жены, или был в нем, как одно в другом, а не (говорит, что) один и тот же есть Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, воплотившийся, и Его же самого суть чудеса, и страдания, которые Он претерпел добровольно плотию: тот да будет анафема.

4. Если кто говорит, что соединение Бога Слова с человеком совершилось по благодати, или по воздействию, или по равночестию, или по достоинству, или власти, или перенесению, или соотношению, или силе; или благоволению, как будто бы Богу Слово был угоден человек потому, что Он благо и добро изволил о нем, как говорит безумный Феодор; или по соименности, по которой несториане, называя Бога Слово Иисусом и Христом, и отдельно человека именуя Христом и сыном, и явно говоря, что два лица, притворно говорят, что и одно лице и один Христос, по одному наименованию, и чести, и достоинству, и поклонению; а не исповедует, что соединение Бога Слова с плотью, одушевленной словесной и разумной душой, совершилось по сочетанию или по ипостаси, как учили святые отцы, и что поэтому в Нем одна ипостась, которая есть Господь Иисус Христос, один из святой Троицы: тот да будет анафема. Ибо, при многообразном понимании соединения, последователи нечестия Аполлинария и Евтихия,

придерживаясь исчезновения того, что совокупилось, предпочитают соединение по слиянию, а единомышленники Феодора и Нестория, услаждаясь разделением, вводят соединение соотносительное. Святая Церковь Божия, отвергая нечестие той и другой ереси, исповедует соединение Бога Слова с плотию по сочетанию, то есть, по ипостаси. Ибо соединение по сочетанию в тайне (воплощения) Христа не только сохраняет неслиянным то, что совокупилось, но не принимает и разделения.

5. Если кто понимает единую ипостась Господа нашего Иисуса Христа так, будто она принимает на себя обозначение многих ипостасей, и чрез это старается ввести в тайну (воплощения) Христа две ипостаси или два лица, и из двух вводимых им лиц говорит об одном лице по достоинству и чести и поклонению, как писали безумные Феодор и Несторий, и клеветали на святой халкидонский собор, будто он употреблял выражение „едина ипостась“ в этом нечестивом смысле; а не исповедует, что Слово Божие соединилось с плотию ипостасно, и потому едина ипостась или одно лице Его, и что так именно и святой халкидонский собор исповедует единую ипостась Господа нашего Иисуса Христа: тот да будет анафема. Ибо святая Троица не приняла прибавления лица или ипостаси от того, что воплотился один из святой Троицы – Бог Слово.

6. Если кто называет святую преславную Приснодеву Марию Богородицею в несобственном, а не в истинном смысле, или по перенесению, как будто родился простой человек, но не Бог Слово воплотился и родился от нее, и рождение человека, по его словам, переносится на Бога Слово, как соприбывавшего рождавшемуся человеку, и клеветает на святой халкидонский собор, будто он называл Деву Богородицею по этому нечестивому, выдуманному Феодором, разумению; или если кто называет ее человекородицею, или христородицею, как будто бы Христос не был Богом; а не исповедует, что она есть Богородица действительно и поистине, потому что Бог Слово, рожденный от Отца прежде веков, в последние дни воплотился от нее, и что так именно и святой

халкидонский собор благочестиво исповедал ее Богородицею: тот да будет анафема.

7. Если кто не исповедует, что в двух естествах, в Божестве и человечестве, познается один Господь наш Иисус Христос, дабы чрез это означить различие естеств, из которых неслиянно совершилось неизреченное соединение, так что ни Слово не претворилось в естество плоти, ни плоть не превратилась в естество Слова (ибо то и другое остается тем, что есть по естеству, и после того, как совершилось соединение по ипостаси), но принимает это выражение в тайне (воплощения) Христа, с разделением на части; или исповедуя число естеств в одном и том же Господе нашем Иисусе Христе Боге Слове воплотившемся, не в представлении только принимает различие этих (естеств), из которых Он и состоит, (различие) не уничтожившееся чрез соединение, (ибо из обоих един, и чрез единого оба), но употребляет это число так, как будто естества разделены и каждое имеет свою ипостась: тот да будет анафема.

8. Если кто, исповедуя, что из двух естеств, божества и человечества, совершилось соединение, или говоря, что воплотилось одно естество Бога Слова, понимает это не так, как учили святые отцы, что из божественного и человеческого естества, чрез ипостасное соединение, совершился единый Христос; но на основании таких выражений старается ввести одно естество или существо Божества и плоти Христа: тот да будет анафема. Ибо, признавая, что единокровное Слово соединилось (с плотию) ипостасно, мы не говорим, что совершилось какое-либо слияние естеств между собою; напротив мыслим, что Слово соединилось с плотию так, что то и другое (естество) остается тем, что оно есть. Посему и един есть Христос, Бог и человек, Он же самый единосущный Отцу по божеству, и единосущный нам по человечеству: ибо Церковь Божия отвергает и анафематствует равно и разделяющих на части или рассекающих, и сливающих тайну божественного домостроительства Христа.

9. Если кто говорит, что должно поклоняться Христу в двух естествах, от чего вводятся два поклонения, особое Богу Слову

и особое человеку, или если кто посредством уничтожения плоти, или посредством слияния божества и человечества, или (иным) странным образом вводя одно естество или существо того, что соединилось, так поклоняется Христу; а не поклоняется одним поклонением Богу Слову воплотившемуся вместе с Его собственной плотию, как приняла от начала Церковь Божия: тот да будет анафема.

10. Если кто не исповедует, что распятый плотию Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог и Господь славы, и один из святой Троицы: тот да будет анафема.

11. Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и Оригена, с нечестивыми их сочинениями, и всех прочих еретиков, которые были осуждены и анафематствованы святою кафеолическою и апостольскою Церковью и святыми четырьмя помянутыми соборами, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно вышесказанным еретикам, и пребыли в своем нечестии до смерти: тот да будет анафема.

12. Если кто защищает нечестивого Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог Слово, и иной Христос, который был обуреваем страстями душевными и вожделениями плотскими, и отдалялся от более дурного мало но малу, и таким образом, преуспевая в делах, улучшился, и путем жизни стал непорочен, который крестился как простой человек во имя Отца и Сына и Святого Духа и чрез крещение получил благодать Святого Духа, и удостоился усыновления, и, по подобию царского изображения, принимает поклонение в лице Бога Слова, и после воскресения сделался неизменяемым в помышлениях и совершенно безгрешным, – и еще говорившего, что соединение Бога Слова со Христом совершилось такое же, о каком говорить апостол относительно мужа и жены: «будета два в плоть едину» (Ефес. 5, 31), – и сверх других бесчисленных богохульств, дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул, на учеников и сказал: «приимите Дух Свят» (Иоан. 20, 22), то не дал им Святого Духа, а дунул только образно, – говорившего также, что и исповедание Фомы по осязании рук и ребр Господа после воскресения: «Господь мой

и Бог мой» (Иоан. 20, 28), сказано Фомой не о Христе, но что пораженный необычностью воскресения Фома прославил Бога, возбудившего Христа, – и, что еще хуже, в своем будто бы толковании на Деяния апостольские сопоставлявшего Христа с Платоном, Манихеем, Епикуром и Маркионом, и говорившего, что как каждый из них, изобретши собственное учение, дал ученикам своим названия платоников, манихеев, епикурейцев и маркионитов, подобным же образом, когда Христос изобрел учение, от Него стали называться христиане, – итак, если кто защищает вышесказанного нечестивого Феодора и нечестивые его сочинения, в которых он излил как вышесказанные, так и другие неисчислимые богохульства против великого Бога и Спасителя Иисуса Христа, а не анафематствует его, и нечестивые его сочинения, и всех, которые поддерживают или защищают его и говорят, что он изложил православно, и которые писали в защиту его и мудрствовали одинаково с ним, или пишут в защиту его или нечестивых сочинений, и тех, которые мудрствуют или когда-нибудь мудрствовали подобно ему, и до смерти остались в таком нечестии: тот да будет анафема.

13. Если кто защищает нечестивые сочинения Феодорита, которые он написал против истинной веры и против первого ефесского святого собора и святого Кирилла и двенадцати его глав, и все, что написал он в защиту нечестивых Феодора и Нестория и в защиту других, которые мудрствовали одинаково с вышесказанными Феодоритом и Несторием, защищая их и их нечестие, и по причине этого называя нечестивыми учителей Церкви, которые исповедуют ипостасное соединение Бога Слова (с плотию), а не анафематствует упомянутые нечестивые сочинения и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно им, и всех, которые писали против правой веры и святого Кирилла и двенадцати его глав, и умерли в таком нечестии: тот да будет анафема.

14. Если кто защищает послание, которое, говорят, написал Ива к Маре персу еретiku, которое отвергает, что Бог Слово, воплотившись от святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, а говорит, что от нее родился человек,

которого называем храмом, так что иной есть Бог Слово и иной человек, и клеветает на святого Кирилла, проповедавшего правую веру христианскую, будто он еретик и писал подобно нечестивому Аполлинарию, и обвиняет первый ефесский святой собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория, и двенадцать глав святого Кирилла называет (то же нечестивое послание) нечестивыми и противными правой вере, и защищает Феодора и Нестория и нечестивые их учения и сочинения, – итак, если кто защищает упомянутое нечестивое послание, а не анафематствует его и защитников его, и тех, которые говорят, что оно правое, или часть его, и тех, которые писали или пишут в защиту его или нечестия, в нем содержащегося, и дерзают защищать его или заключающееся в нем нечестие именем святых отцов или святого халкидонского собора, и в этом пребывают до смерти: тот да будет анафема.

Итак, когда мы таким образом право исповедали то, что предано нам божественным писанием и учением святых отцов, и определено об одной и той же вере вышесказанными четырьмя святыми соборами, и когда сделано нами осуждение против еретиков и их нечестия, также против тех, которые защищали или защищают вышесказанные три нечестивые главы, и остались или остаются в своем заблуждении; то если кто решится вопреки тому, что мы благочестиво изложили, или передавать, или учить, или писать, такой, если будет епископ или клирик, да будет лишен епископства или клира, как делающий чуждое священникам и церковному состоянию, а если монах или мирянин, да будет анафематствован.

Евтихий, милостию Божию епископ Константинополя, нового Рима, определил то, что выше изложено, и, исповедуя так, как содержат все вышеписанные пункты и догматы, и принимая четыре святыя собора, т. е. никейский, константинопольский, ефесский первый и халкидонский, и то, что определено ими об одной и той же вере, и пребывая во всем этом, как написано выше, осуждаю и анафематствую, сверх других еретиков и нечестивых их сочинений, нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуестским, вместе с нечестивыми его сочинениями, и все, что нечестиво написал

Феодорит, как сказано выше, и нечестивое послание, приписываемое Иве, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно им, и подписал.

Подобным образом и прочие епископы подписали:

Аполлинарий, милостию Божиею епископ александрийский.

Домнин¹⁹⁸, милостию Божиею епископ города Феополя¹⁹⁹.

Стефан, милостию Божиею епископ города Рафеотаны²⁰⁰, занимающий место Евстохия, святейшего патриарха города Иерусалима, вместе с благочестивейшими епископами Георгием и Дамианом.

Георгий, милостию Божиею епископ Тивериады, занимающий место Евстохия, святейшего патриарха города иерусалима, вместе с благочестивейшими епископами Стефаном и Дамианом.

Дамиан, милостию Божиею епископ города Созитаны²⁰¹, занимающий место Евстохия, святейшего патриарха города Иерусалима, вместе с благочестивейшими епископами Стефаном и Георгием.

Бенигн, милостию Божиею епископ города Гераклеоны²⁰², в первой Македонии, занимающий место Илии, святейшего архиепископа города Фессалоники, как за него, так и за себя.

Феодор, милостию Божиею епископ Кесарии в первой Каппадокии.

Андрей, благодатию Христовою епископ Ефеса.

Секстилиан, милостию Божиею епископ кафеолической церкви тунийской, занимающий место Примоза, архиепископа карфагенского, и всего собора области проконсульской, как за него или за них, так за себя самого.

Меgefий, благодатию Божиею епископ святой Божией кафеолической церкви города Гераклеи фракийской.

Анастасий, милостию Божиею епископ города Тавиан²⁰³, занимающий место Дорофее, благочестивейшего епископа митрополии анкирской.

Иоанн, милостию Божиею епископ илийский²⁰⁴ занимающий место Еврепия, епископа митрополии кизической.

Евсевий, милостию Божиею епископ митрополии тирской.

Иоанн, смиренный епископ митрополии никомидийской.

Стефан, милостию Божиею епископ митрополии никейской.
Константин, милостию Божиею епископ святой Божией церкви митрополии халкидонской.

Петр, милостию Божиею епископ митрополии Тарса.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Кукузен²⁰⁵, занимающий место Палладия, благочестивейшего епископа митрополии.

Иоанн, милостию Божиею епископ Кесарии палестинской.

Помпейян, милостию Божиею епископ святой кафолической церкви города Викторины, в области византийской²⁰⁶.

Амазоний, благодатию Христовою епископ митрополии едесской.

Александр, милостию Божиею епископ митрополии гангрской²⁰⁷.

Фома, милостию Божиею епископ митрополии апамийской²⁰⁸.

Евфрант, милостию Божиею епископ митрополии тианской.

Феодор, милостию Божиею епископ митрополии иерапольской²⁰⁹ при Евфрате.

Босфорий, терпением Божиим епископ митрополии неокесарийской.

Иоанн, милостию Божиею епископ митрополии бострской.

Филипп, милостию Божиею епископ митрополии мирской, в области Лидии.

Феодор, милостию Божиею епископ митрополии севкийской. в Исаврии.

Юлиан, милостию Божиею епископ митрополии сардийской, в области Лидии.

Феодор, милостию Божиею епископ Гортины, которая ссть митрополия в области критской.

Евстафий, милостию Божиею епископ митрополии Дамаска.

Феодосий, милостию Божиею епископ митрополии родосской.

Феодор, милостию Божиею епископ митрополии антиохийской, в области Писидии.

Евлогий, милостию Божиею епископ митрополии пергской, в области Памфилии.

Кириак, милостию Божиею епископ митрополии амидской²¹⁰.

Севериан, милостию Божиею епископ святой церкви города Афродисиады, в области Кари.

Север, милостию Божиею епископ митрополии синнадской, в области Фригии здоровой.

Петр, милостию Божиею епископ митрополии сидской²¹¹, в области Памфилии.

Авраам, милостию Божиею епископ митрополии Сергиополя.

Асигний, милостию Божиею епископ траянопольский, занимающий место Иоанна, благочестивейшего епископа митрополии лаодикийской, в области Фригии спокойной.

Иоанн, благодатию Христовою епископ митрополии адрианопольской, в области возвышенной²¹².

Иоанн, милостию Божиею епископ митрополии маронитской, в области Родии²¹³.

Феодосий, милостию Божиею епископ митрополии юстинианопольской, в области второй Каппадокии.

Стефан, милостию Божиею епископ митрополии лаодикийской, в области феодорианской²¹⁴.

Авксанон²¹⁵, милостию Божиею епископ митрополии иерапольской²¹⁶

Евстафий, милостию Божиею епископ митрополии максимианопольской.

Павел, милостию Божиею епископ митрополии эмской, в области Родопии.

Дометий, милостию Божиею епископ города Хакида.

Эоерий, милостию Божиею епископ митрополии аназарвской или юстинианопольской.

Валериан, милостию Божиею епископ святой кафедральной церкви города Оввы, в области проконсульской²¹⁷.

Дионисий, милостию Божиею епископ города Селевкии²¹⁸.

Феодор, милостию Божиею епископ митрополии дризипарской.

Север, милостию Божиею епископ города Помпейополя, в области Пафлогонии.

Георгий, милостию Божиею епископ города новой Юстинианы кипсельской²¹⁹.

Кресконий, милостию Божиею епископ святой кафолической церкви куикулской, в области Нумидии.

Роман, милостию Божиею епископ гавальский.

Григорий, милостию Божиею епископ города Юстинианополя, в области великой Армении.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Ниссы.

Василий, милостию Божиею епископ новой Юстинианы камулианской²²⁰.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Юстинианополя²²¹ или Варкузы.

Сергий, милостию Божиею епископ новой Юстинианы²²², второй из египетских.

Христофор, милостию Божиею епископ святой церкви Аркадиополя, в области Азийской.

Стефан, милостию Божиею епископ клисматский.

Феодосий, милостию Божиею епископ города Вивла.

Леонтий, милостию Божиею епископ Арки, в Армении.

Иоанн, милостию Божиею епископ миринский, в области Азии.

Александр, епископ Амфиполя, в первой Армении.

Фома, благодатию Христовою епископ святой церкви города Верисса.

Феодор, милостию Божиею епископ Леонтополя²²³.

Эмилиан, милостию Божиею епископ города Антипирга.

Аристомем, милостию Божиею епископ города Филомела²²⁴.

Фалелей, милостию Божиею епископ адрианопольский, в области Писидии.

Феоктисть, милостию Божиею епископ города Ериффра²²⁵, в области Азии.

Диогениан, милостию Божиею епископ города Созополя, в области Писидии.

Васс, милостию Божиею епископ фамиатский.

Анатолий, милостию Божиею епископ города Кимы²²⁶, в области Азийской.

Конон, смиренный епископ города Магэда, в области Памфилии.

Диоген, милостию Божиею епископ города Кратии.

Феоктист, смиреннейший епископ города Прузы.

Георгий, милостию Божиею епископ Птолемаиды.

Илия, милостию Божиею епископ Диоклитианополя.

Феона, милостию Божиею епископ города Кусса²²⁷.

Феодор, милостию Божиею епископ города Лймира, в области Ликий.

Зосим, милостию Божиею епископ города Антандра.

Асинкритий, милостию Божиею епископ города Арада.

Стефан, милостию Божиею епископ вотрионский.

Филипп, смиренный епископ города Фелла.

Мина, милостию Божиею епископ мириангелский.

Киприан, милостию Божиею епископ города Корики²²⁸.

Реститут, милостию Божиею епископ святой кафедральной церкви города Милеона, в области Нумидии²²⁹.

Фома, милостию Божиею епископ города Константины, в области Осройской.

Феодор, милостию Божиею епископ святой церкви еленопольской.

Северх, милостию Божиею епископ тавский.

Феоктист, милостию Божиею епископ города Галикарнасса, в области Кари.

Фома, милостию Божиею епископ киркесийский.

Сотир, милостию Божиею епископ святой церкви авлонской.

Геннадий, милостию Божиею епископ города Зенополя, в области Памфилии.

Козма, смиренный епископ города Маллее²³⁰.

Дионисий, милостию Божиею епископ города Мегары.

Каллиник, милостию Господа Христа епископ города Опунта.

Пасхазий, милостию Христовою епископ святой церкви города Эгия.

Еразм, милостию Божиею епископ города Кивира.

Сергий, милостию Божиею епископ гимирский.

Иоанн, милостию Божиею епископ Неокесарии евфратской.

Фалелей, милостию Божиею епископ исиндский, в области Памфилии

Кресконий, милостию Божиею епископ святой кафолической церкви муниципии Затары, в области Нумидии.

Анатолий, смиренный епископ города Севастии.

Нонн, милостию Божиею епископ давронский²³¹.

Стефан, милостию Божиею епископ валанейский.

Виктор, милостию Божиею епископ кафолической церкви муниципии Синны, в области проконсульской.

Константин, милостию Божиею епископ мидайский.

Макарий, милостию Божиею епископ города Примнезии, в области Фригии здоровой.

Мегал, милостию Божиею епископ города Мир, в области Фригии здоровой.

Генефлий, милостию Божиею епископ дорилейский.

Кресцитур, милостию Божиею епископ святой кафолической церкви города Боссы. в области проконсульской.

Никита, милостию Божиею епископ города Епифании, в области второй Киликии.

Александр, милостию Божиею епископ города Дионисия.

Пелагий, милостию Божиею епископ города Азана.

Иерон, милостию Божиею епископ города Анастасиополя, в области Фригии спокойной.

Главк, милостию Божиею епископ города Алиона, в области Фригии спокойной.

Прокопий, милостию Божиею епископ святой церкви города Антеона фивского²³².

Петр, милостию Божиею епископ города Домициополя²³³, в области Исаврии.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Колона²³⁴ или Феодориады.

Фроним, милостию Божиею епископ Синаита²³⁵, в области Фригии спокойной.

Ураний, милостию Божиею епископ города Тралла²³⁶, в области Лидии.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Кесарии²³⁷ в области Лидии.

Македоний, милостию Божиею епископ новой Юстинианы, в области Вифинии.

Екдикий, милостию Божиею епископ острова Тсна.

Евлогий, милостию Божиею епископ города Давона²³⁸.

Феодор, милостию Божиею епископ города Корада²³⁹.

Елпидифор, милостию Божиею епископ святой церкви Анастасиополя, в области Кари.

Кирион, милостию Божиею епископ святой церкви дадимской.

Феодор, милостию Божиею епископ города Лаодикии.

Сила, милостию Божиею епископ Тивериополя, в области (Фригии) спокойной.

Мегас²⁴⁰, милостию Божиею епископ города Мира²⁴¹, занимающий место Диогена, благочестивейшего епископа города Августополя.

Феодор, милостию Божиею епископ города Ингилона²⁴².

Юлиан, милостию Божиею епископ города Зевгмата.

Доримен, милостию Божиею епископ города Адраона, в области Аравии.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Лера.

Феодорк, милостию Божиею епископ города Коман, в области второй Армении.

Руфин, милостию Божиею епископ митрополии Савесты²⁴³.

Конон, милостию Божиею епископ города Семнии²⁴⁴.

Кириак, епископ святой церкви города Касатан²⁴⁵.

Сисинний, милостию Божиею епископ святой церкви города Прэнета.

Ютиан, милостию Божиею епископ города Вагнона²⁴⁶.

Анастасий, милостию Божиею епископ города Рахлии в области Тирскон.

Феодор милостию Божиею епископ святой церкви Порфма, в области Греции.

Павел, милостию Божиею епископ святой церкви города Стрсктория, в стране пентапольской, в области Фригии здоровой.

Стефан, милостию Божиею епископ славной митрополии амасийской.

Павел, милостию Божиею епископ города Адраза²⁴⁷.

Евандр, смиренный епископ святой Божией церкви города Гнида.

Мина, грешный и смиренный епископ островов Карпафийских²⁴⁸.

Елевсиний, милостию Божиею епископ митрополии Траянополя, в области Родопии.

Савватий, милостию Божиею епископ аркадиопольский.

Стефан, милостию Божиею епископ митрополии Юстинианы новой или Дораза.

Стефан, милостию Божиею епископ херсонский.

Киприан, милостию Божиею епископ города Адриануфероны.

Иоанн, милостию Божиею епископ города Апамии, в области Писидии.

Леонтий, милостию Божиею епископ города Амадесса.

Феодор, благодатию Христовою епископ митрополии визской²⁴⁹.

Павел, милостию Божиею епископ города Анхиала.

Конон, милостию Божиею епископ города Адриана.

ОТРЫВКИ (ИЗ ДЕЯНИЙ) ПЯТОГО СОБОРА, НАЙДЕННЫЕ НА ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ, И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ. ОТНОСЯЩИЕСЯ К ТОМУ ЖЕ СОБОРУ.

Шестой собор, Деяние 4, в послании папы Агафона к императору Константину.

„Сие самое также и святой собор, который был собран в Константинополе при августейшей памяти императоре Юстиниане, возвещает в седьмом пункте определений: „Если кто не исповедует, что в двух естествах, в Божестве и человечестве, познается один Господь наш Иисус Христос, дабы чрез это означить различие естеств, из которых неслиянно совершилось неизреченное соединение, так что ни Слово не претворилось в естество плоти, ни плоть не претворилась в естество Слова ибо то и другое остается тем, что есть по естеству, и после того, как совершилось соединение по ипостаси), но принимает это выражение в тайне (воплощения) Христа, с разделением на части: или, исповедуя число естеств

в одном и том же Господе нашем Иисусе Христе Боге Слове воплотившемся, не в представлении только принимает различие этих (естеств), из которых Он и состоит, (различие) не уничтожившееся чрез соединение (ибо из обоих един, и чрез единого оба), но употребляет это число в том (смысле), как будто естества разделены и каждое имеет свою ипостась: тогда будет анафема²⁵⁰.

В пятом заседании собора флорентийского приводится часть послания Евтихия константинопольского к папе Вигилию, которую сам Вигилий, отвечая Евтихию, включил в свое письмо. Послание это было читано в первом собрании пятого собора.

„Потому, стараясь сохранить единение с апостольскою кафедрою, мы делаем известным вашему блаженству, что мы всегда хранили и храним веру, от начала преданную великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым Его апостолам, и ими проповеданную во всем мире, и изъясненную святыми отцами, и особенно теми, которые собирались на четырех святых соборах, которым мы во всем и всецело следуем и которых приемлем; а именно: (приемлем) триста восемнадцать богоносных отцов, которые собирались в Никее, и изложили святой символ или учение веры, и анафематствовали Ария и тех, которые мудрствовали или мудрствуют одинаково с ним. Приемлем и сто пятьдесят святых отцов, собиравшихся в Константинополе, которые изъяснили то же святое учение, и раскрыли (учение) о божестве Святого Духа и осудили ересь Македония духоборца и нечестивого Аполлинария вместе с теми, которые мудрствовали или мудрствуют одинаково с ними. Приемлем также и двести святых отцов, собиравшихся на первом ефесском соборе, которые во всем следовали тому же святому символу или учению, и осудили нечестивого Нестория и его нечестивое учение и тех, которые одинаково с ним когда-либо мудрствовали и мудрствуют. Кроме того, приемлем и шесть сот тридцать отцов, собиравшихся в Халкидоне, которые и сами всецело соглашались с тремя вышеупомянутыми соборами и следовали вышеупомянутому символу или учению, изложенному триста восемнадцатью святыми отцами, и

изъясненному сто пятидесятью святыми отцами, и анафематствовали дерзавших провозглашать или излагать или передавать святым Божиим церквам иной символ, кроме вышеупомянутого²⁵¹.

Евагрий схоластик в церковной истории, кн. 4, гл. 38, приводит из определения пятого собора следующее:

„По притче, сказанной в евангелии великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом“.

И потом: „Осуждаем и анафематствуем, вместе со всеми другими еретиками, которые были осуждены и анафематствованы вышеупомянутыми святыми четырьмя соборами и святою кафолическою и апостольскою церковию, и Феодора, который был епископом Мопсуеста, и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво написал Феодорит против православной веры и против двенадцати глав святого Кирилла и против первого ефесского собора, и что написано им в защиту Феодора и Нестория. Кроме этого, анафематствуем и нечестивое послание, которое, говорят, написал Ива к Маре персу“²⁵².

И потом Евагрий прибавляет, что те же отцы изложили четырнадцать пунктов о правой и неукоризненной вере. За тем приводит из донесения собора императору Юстиниану об осуждении Оригена следующее:

„Христианнейший император, имеющий душу причастницу древнего благородства»!

И потом: „Итак мы избежали, избежали этого (учения). Ибо мы не признали голоса чужих, но крепко связав его, как вора и разбойника, узами анафемы, изгнали его вон из священной ограды (Церкви)».

И спустя немного: „Силу же сделанного нами ты легко уразумеешь из чтения о сем».

Кроме того, он приводит пятую главу еретического учения оригенистов, которая вместе с прочими равно осуждена (собором):

„Феодор Аскида каппадокиянин сказал: если ныне апостолы и мученики чудодействуют и пребывают в такой почести; то если в восстановлении они не будут равны Христу, какое будет

для них восстановление»? Со тщанием были выставлены на вид теми, которые собирали эти вещи, и многие другие богохульства Дидима, Евагрия и Феодора.

Георгий Кедрин в сокращении истории, под 25 годом царствования Юстиниана.

„Кроме всех других еретиков, осужденных и анафематствованных вышеупомянутыми святыми четырьмя соборами, мы осуждаем и анафематствуем и Феодора, который был епископом Мопсуестии, и его нечестивые сочинения, а также и то, что худо написал Феодорит против правой веры и против двенадцати глав святого Кирилла и против первого ефесского святого собора, и все, что написано им в защиту Феодора и Нестория. Кроме этого, анафематствуем и нечестивое послание, которое, говорят, написал Ива к Маре Персу, отвергающее, что Бог Слово, воплотившись от святой Девы и Богородицы Марии, сделался человеком, и порицающее божественного Кирилла, как еретика, и обвиняющее первый ефесский собор в том, будто им низложен Несторий без суда и следствия, отвергающее двенадцать глав блаженного Кирилла, и защищающее Нестория и Феодора и их богопротивные сочинения и учения. Посему, справедливо сопричисляя к отцу лжи – диаволу необузданные языки этих и всех еретиков, и их нечестивые сочинения, и самих еретиков, до конца остающихся в своих ложных мнениях и злобе, скажем: «ходите светом огня вашего и пламенем, егоже разжегосте» (Ис. 50, 11)²⁵³.

Еммануил Каллека в своей книге о Святом Духе гл. 22 (по латин. изд. кн. 2, гл. 11):

„Если кто защищает нечестивые сочинения Феодорита, написанные против правой веры и Кирилла и двенадцати его глав, и мудрствования одинаково с вышесказанными Феодоритом и Несторием, защищая их и их нечестие, а не анафематствует упомянутые нечестивые сочинения и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно им, и всех, которые писали против правой веры и святого Кирилла и двенадцати его глав, и умерли в таком нечестии: да будет авафема»²⁵⁴.

Он же в 30 главе своей книги (по латин. изд. кн. 2, гл. 24):

„Следуем во всем святым (отцам) и учителям святой Церкви Божией: Афанасию, Иларию, Григорию богослову, Григорию нисскому, Амвросию, Августину, Феофилу, Кириллу, Иоанну константинопольскому, Льву, Проклу, и все, написанное ими о правой вере и в осуждение еретиков, принимаем».

Он же в 32 главе (по латин. изд. кн. 2, гл. 28):

„Если кто защищает Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог Слово, и иной Христос, и, сверх других бесчисленных богохульств своих, дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул на учеников и сказал: «приимите Дух Свят» (Иоан. 20, 22), то не дал им Духа Святого, а дунул только образно: итак тем, которые когда-либо мудрствовали тоже и подобно им, и до смерти остались в том же нечестии, анафема“²⁵⁵.

Кирилл к Акакию, епископу Мелитины.

„Почтеннейший и благочестивейший диакон и архимандрит Максим пришел ко мне, и я увидел такого человека, какого надлежало видеть желавшему этого в течении долгого времени. Увидел я ревность его, и правоту, и побуждение к благочестию, которое он имел во Христе. Он так печалится и очень беспокоится духом, что хочет подъять всякий труд, до тех пор, пока с корнем истребит зловерие Нестория от пределов востока. Он прочитал мне послание твоей святости, писанное к благочестивейшему епископу антиохийскому Иоанну, исполненное многого упования и вместе любви к Богу. Написал и я такие же послания к нему. Но, как видно, худшее побеждает. Ибо, думая, будто ненавидят принадлежащее Несторию, они вводят это опять другим образом, т. е. удивляясь тому, что принадлежит Феодору, и что содержит в себе без сомнения равную и даже гораздо более худшую болезнь нечестия. Ибо не Феодор был учеником Нестория, но последний был учеником первого: они как говорят одними устами, так и один яд лжеучения изрыгают из своего сердца. Посему восточные писали ко мне, что не нужно обвинять принадлежащее Феодору, дабы не обвинить, как они говорят, сказанного блаженным Афанасием, и Феофилом, и Василием, и Григорием; ибо что говорит Феодор, то же и они. Но я писавших это не поддержал,

а с дерзновением сказал, что Феодор имел хульный язык и перо, послушное ему; а они были учителя всецелого православия, и прославились в нем. Восточных убедили так, что в церквах были крики от народа: „да умножается вера Феодора! так веруем, как Феодор»!, хотя в него некогда бросали камнями в его церкви, когда он осмелился проговорить нечто кратко. Но как хочет учитель, так думает и стадо. Я же не переставал порицать того, что́ они написали, и не перестану. А так как нужно было, чтобы и у них были письменные опровержения, то я, рассмотревши книги Феодора и Диодора, написанные ими не о воплощении Единородного, но более против воплощения, выставил некоторые из глав, и, как мог, опровергнул их, показывая всюду, что учение их исполнено мерзости²⁵⁶. Когда же упомянутый почтеннейший диакон и архимандрит Максим убедил меня истолковать символ веры, изложенный святыми (отцами), собиравшимися в Никее, то я к этому и обратился; ибо он утверждает, что некоторые хитро притворяются, что они и произносят его и следуют ему, однако ж не имеют еще правых мыслей, даже правильно и твердо сказанное больше наклоняют к тому, что́ им кажется. А чтобы это не сокрылось от твоей святости, я послал книгу и том. Прочитавши же, да удостоит (твоя святость) сотворить за меня обычные молитвы.

Кирилл к Проклу, епископу константинопольскому, о Феодоре Мопсуестском, просившем его, чтобы он не позволял анафематствовать его, так как это было бы причиной возмущения.

Некогда трудом и великими усилиями твоей святости и святого собора, собиравшегося в Ефесе, церкви Божии повсюду отвергли суесловие Нестория. Весьма печалются от этого некоторые из восточных, не только мирян, но и поставленных на священнослужение. Ибо как долговременные болезни бывают более трудны для уврачевания, или, может быть, даже совершенно отрицают оное: так и душа, болящая гнилью превратных мнений и учений, имеет болезнь неизлечимую. Однако ж, по благодати Божией, они случайно ли, или истинно, и говорят и проповедуют об одном Христе, и анафематствовали

нечестивые многоглаголения Нестория; и между тем там большое спокойствие, и ежедневно утверждаются в вере даже те, которые некогда сомневались. Теперь же, как написал ко мне господин мой святейший епископ антиохийский Иоанн, у них поднялось начало другой бури, и весьма большой существует страх, чтобы некоторые нетвердые как-нибудь не возвратились к прежнему. Ибо говорят, что некоторые пришли в тот великий город, потом явились к благочестивейшим и христолубивейшим императорам, и просили, чтобы высочайшим их постановлением были анафематствованы книги Феодора Мопсуестского и сам помянутый муж; – что имя его славно на востоке, и весьма удивляются его сочинениям; и все, как говорят, печалются о том, что муж знаменитый и умерший в общении церковей анафематствуется. А ныне ни для кого из право-мудрствующих нет сомнения в том, что в его сочинениях мы нашли нечто, неприлично сказанное и исполненное чрезмерной хулы. Пусть же знает твоя святость, что когда предложено было на святом соборе изложение, составленное им, как говорили предложившие, не содержащее в себе ничего здравого, святой собор отвергнул его, как исполненное превратных мыслей и как бы источающее нечестие несторианское; осудив же тех, которые так мудрствуют, он благоразумно не упомянул об этом муже, и по благоразумию не подвергнул анафеме его самого по имени, для того, чтобы некоторые, относящиеся с уважением к этому мужу, не отделились от церковей. Благоразумие в этом есть прекрасное и мудрое дело. Ибо если бы он был еще в живых, и благоприятствовал хулам Нестория, или хотел бы подавать голос за то, что сам написал, то он и в собственном лице подвергся он анафеме. А так как он отошел к Богу, то достаточно как я думаю, чтобы нелепо написанное им было отвергаемо теми, которые имеют правые мысли, когда они встречаются с его книгами, и дальше уходить, если иногда возникают случаи к возмущениям. И когда хулы Нестория другим образом были анафематствованы и отвергнуты, то вместе с ними было отвергнуто и принадлежащее ему (Феодору), имеющее с ними весьма большое согласие. И если

на востоке сделали это без сомнения, и никакого возмущения от этого нельзя было ожидать, то я говорил, что нет никакого препятствия теперь требовать от них, чтобы они сделали это и письменно. Если же, как пишет Иоанн, они изберут лучше быть сожженными, чем сделать что-нибудь такое, то зачем мы раздуваем успокоившееся пламя и неблагоприятно возбуждаем прекратившиеся возмущения, чтобы когда-нибудь последнее не сделалось как-либо хуже первого? И это я говорю, сильно порицая то, что написал упомянутый Феодор, но опасаясь имеющих быть от кого-нибудь по причине этого дела возмущений, чтобы некоторые как-нибудь не начали под этим предлогом оплакивать то, что принадлежит Несторию, по примеру того, что негде сказано греческим поэтом: что по поводу Патрокла каждая оплакивала свои бедствия²⁵⁷. Итак, если это угодно твоей святости, то удостой объявить, чтобы это постановлено было и общею грамотою. Ибо возможно, чтобы и для тех, которые просили этого, объяснилось благоразумие этого дела, и чтобы они убедились избрать лучше спокойствие, чем представлять повод к соблазну для церквей. Посылаю также список с того, что написано было ко мне господином моим святейшим епископом Иоанном. Когда твоя святость прочитает это, то несомненно будет иметь взгляд на это дело²⁵⁸.

Послание папы Вигилия об утверждении пятого вселенского собора.

Возлюбленному брату Евтихию Вигилий.

Никто не находится в неведении о тех соблазнах, которые враг рода человеческого возбудил во всем мире; так что каждого, имеющего дурное намерение, старающегося каким ни есть образом выполнить его желание – ниспровергнуть Церковь Божию, распространенную по всему миру, он заставил образовывать разности как словом, так и писанием, не только от своего имени, но и от нашего и от имени других; так что нас самих вместе с братьями и соепископами нашими, пребывающих в царствующем городе, и с равным почтением защищающих четыре собора, и искренно пребывающих в одной и той же вере сих четырех соборов, старался отделить от них ухищрениями столь лукавой хитрости; так что мы, Которые были

и пребываем единомысленными (с ними) в одной вере, презревши братскую любовь, уклонились в несогласие. Но так как Христос Бог наш, который есть истинный свет, которого тьма не обнимает, удаливши всякое смешение наших мыслей, призвал к миру вселенную и Церковь, так что то, что должно быть определено нами, при откровении Господа и исследовании истины, спасительно исполнено: то посему да ведает все ваше братство, что мы во всем принимаем четыре собора, то есть никейский, константинопольский, первый ефесский и халкидонский, вместе с теми же братьями нашими, и с боголюбивою мыслию почитаем их и единодушно сохраняем. А тех, которые не следуют этим святым соборам во всем, что определено ими о святой вере, считаем чуждыми собранию святой и кафолической Церкви. Посему, желая, чтобы ваше братство знало о том, что нами сделано, возвещаем ему сею грамотою. Так как ни для кого не тайна, какое было движение из-за трех глав, то есть, о Феодоре, бывшем епископе Мопсуестском, и его сочинениях, а также о сочинениях Феодорита, и о послании, которое, говорят, написано Ивою к Маре Персу, и как различно об этих (трех) главах было говорено и писано: посему, если во всяком деле правило мудрости требует, чтобы исследуемое было пересмотрено, и не должно служить к стыду когда опущенное в начале, а потом желанием истины найденное, объявляется публично, то сколь более в церковных рассуждениях прилично соблюдать это! Особенно, когда известно, что отцы наши, и преимущественно блаженнейший Августин, просиявший в божественных писаниях, учитель римского красноречия, пересматривали собственные сочинения, исправляли сказанное ими, и прибавляли опущенное и найденное впоследствии. Подобным образом и мы, побуждаемые такими примерами, в рассуждении трех упомянутых глав никогда не переставали исследовать, что более истинно о сказанных трех главах может быть найдено в писаниях наших отцов. Отсюда стало ясно, как чистая истина, что в так называемых речах Феодора Мопсуестского, которые повсюду порицаются, содержится противное правой вере и учению святых отцов; почему сами святые отцы, писавшие

против него, оставили свои Писания для научения святой Церкви. Ибо между прочими его богохульствами мы находим, что он явно сказал, что иной есть Бог Слово и иной Христос, удручаемый страстями души и пожеланиями плоти, и что, мало помалу, восходя от худшего, он дошел до лучшего преспеянием дел, сделался безупречным по жизни, и, как простой человек, крещен был во имя Отца, Сына и Святого Духа, чрез крещение получил благодать Святого Духа, и удостоился усыновления; и по подобию царского изображения, ради лица Бога Слова почитается Христос; и после воскресения он сделался неизменяемым в мыслях и совершенно безгрешным. Кроме того, он сказал, что соединение Бога Слова со Христом совершилось такое, о каком сказал апостол в отношении к мужу и жене: «будета два в плоть едину» (1Кор. 6, 16), и что после воскресения, когда Господь дунул на учеников и сказал: «приимите Дух Свят» (Иоан. 20, 22), не дал им Духа Святого. Подобным образом он дерзнул также сказать, что исповедание, которое Фома высказал, осязавши руки и ребра Господа, после воскресения, говоря: «Господь мой и Бог мой» (Иоан. 20, 28), он относил не ко Христу (ибо Феодор говорит, что Христос не есть Бог), но что Фома, изумленный чудом воскресения, прославил Бога и сказал эти слова. А что еще хуже, в объяснении, которое тот же Феодор написал на Деяния апостольские, он уподобил Христа Платону, и Манихею, и Епикуру, и Маркиону, говоря, что как каждый из них от своего учения, изобретенного им, назвал своих учеников платониками, и манихееми, и епикурейцами, и маркионитами, таким же образом и Христос, изобретши учение, назвал от него христиан. Итак по причине этого пусть вся католическая Церковь знает, что мы справедливо и неукоризненно пришли к тому, что заключается в сем нашем постановлении. Посему осуждаем и анафематствуем, вместе со всеми другими еретиками, которые осуждены и анафематствованы (как известно) вышесказанными четырьмя святыми соборами и католическою Церковию, и Феодора, бывшего епископа Мопсуестского, и нечестивые его сочинения, равно как и то, что написано Феодоритом против правой веры, и против двенадцати глав святого Кирилла, и против первого

ефесского собора, и то, что написано им в защиту Феодора и Нестория. Кроме того анафематствуем и осуждаем послание к Маре Персу еретику, которое, говорят, написано Ивою и которое отвергает, что Христос Слово, воплотившись от святой Богородицы и Приснодевы Марии, сделался человеком, а говорит, что от нее родился простой человек, которого называем храмом, так что из этого дается понять, что иной есть Бог Слово, и иной Христос; а на святого Кирилла, учителя и проповедника правой веры, оно клеветает, как на еретика и писавшего подобно Аполлинарию; и упрекает первый ефесский собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория; это же послание называет двенадцать глав святого Кирилла нечестивыми и противными правой вере; а защищает Феодора и Нестория и нечестивые их учения и сочинения. Итак вышесказанные нечестивые три главы мы анафематствуем и осуждаем, то есть, нечестивого Феодора Мопсуестского вместе с нечестивыми его сочинениями, и все, что нечестиво написал Феодорит, и послание, которое написано, говорят, Ивою, и в котором содержатся сказанные выше нечестивые хулы. И всякого, кто верит, что вышесказанные три главы в какое-нибудь время должны быть приняты или защищаемы, или кто будет стараться когда-нибудь уничтожить настоящее осуждение, подвергаем подобной анафеме. А в отношении всех тех, которые, сохраняя правую веру, проповеданную вышесказанными соборами, осудили или также осуждают упомянутые три главы, определяем, что они братья или соиереи. Что же сделано было или мною, или другими в защиту вышесказанных трех глав, то мы упраздняем определением настоящей нашей грамоты. Да будет далеко от Церкви кафолической то, чтобы кто-нибудь сказал, что все вышеприведенные богохульства, или мудрствующие подобно им и следующие им, были приняты вышесказанными четырьмя соборами, или одним из них. Ибо совершенно известно, что упомянутыми святыми отцами, и особенно святым собором халкидонским никто, о ком было какое-нибудь подозрение, не был принят, если не отверг вышеприведенные богохульства, или подобные им, или ересь, в которой был заподозрен, или

если не отрекся и не осудил богохульства, в которых он подозревался.

(Подпись) Бог да сохранит тебя здоровым, почтеннейший брат! Дано за шесть дней до декабрьских ид, в двадцать седьмой год царствования государя нашего Юстиниана, постоянного августа, в двенадцатый год после консульства славнейшего мужа Василия²⁵⁹.

Конец книги, или святого собора, собранного в Константинополе. Христе Боже, слава Тебе! Аминь²⁶⁰.

*Послание папы. Пелагия II к Илии аквилейскому и другим отщепенцам епископам Истрии, которые не соглашались с осуждением трех глав*²⁶¹.

Возлюбленнейшим братьям, Илии и всем епископам, поставленным в областях Истрии, – епископ Пелагий.

Любовь, мать добродетелей, которая заботится о приобретениях для своего Икупителя, которая никогда «не ищет своих си» (1Кор. 13, 5), побудила меня некогда препроводить к вам, братия, по вашему душевному желанию, послание, исполненное нежности, чтобы присоединить к себе члены Христовы, давно отделившиеся. В этом послании не столько увещаниями, сколько мольбами, я, как мог, от души старался убедить, дабы ваша любовь, кого найдет способными разумно рассуждать, направляла к тому, чтобы в деле о трех главах с одной стороны они узнали все, что приведено в известность, а с другой все, что казалось, может быть, темным, было им открыто путем мирного Рассуждения. Потом я получил письмо вашей любви, которое не оснований разумных искало, а предписывало решения вашего суда. Вижу, что вы самоуверенны в своей мудрости и, признаюсь, удивляюсь этому с соболезованием, тем более, что я в своих посланиях, думаю, показал пример смирения, представил образец любви. Когда же я узнал, что слова моего увещания не имели у вас никакого успеха, я принужден, плача и стенья, вопиять с пророком: «врачевахом Вавилона, и не исцеле» (Иер. 51, 9). Я возжег, насколько мог, огонь любви и хотел попалить плевелы разделения, но нашел, что исполнилась мысль пророка о восстающих на грехи, который говорит: «оскуде мех от огня,

...лукавства их не истаяша» (Иер. 6, 29). В ваших отписках не заметно никакого пламени любви, не отзываются они никакой мягкостью, даже после примера, не слышится ничего, что клонило бы к примирению. Рассудите, прошу вас, каким умственным хладом оцепенело ваше братское расположение вследствие такого продолжительного разделения (о чем я и говорить иначе не имею силы, как прерывая стенания), и это расположение не возгревается вновь даже от понуждения. Итак, что же мне делать тут? остается плакать о вас; так как «лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1Петр. 5, 8); а я знаю, что вы стоите вне овчей ограды. Я смотрю на вас не как на ветви, лишенные плодов, а вижу, что вы совсем оторваны от корня. Я вижу, что вы трудитесь в поте лица, но мне не безызвестно, что вы трудитесь вне виноградника. Вот с нарушением границы все опустошается, земля обращается в пустыню и мир рушит, так сказать, буря потопа, и вы ищете убежища. Скажу с Иеремиею: «кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез» (Иер. 9, 1); и опять «да изведут очи ваши слезы, и вежди ваши да излиют воду» (Иер. 9, 18); скажу с ним и еще: «восплачу и не утешуся». Так, не находя в вашем сердце мирного согласия, проливаю я слезы с огорчением, потому что чем может успокоиться мой дух, когда нельзя исцелить раны, нанесенной невидимым врагом? Вот во всех частях мира святая вселенская Церковь сияет лучами своего единства, и однако же еще терпит мрак вашего разделения. Повсюду она в вере пребывает; но радоваться ей о своем спасении мешает рана, которую она претерпевает от вашего отщепенства. Не весела здоровая голова с больными плечами; и грудь не чувствует себя здоровою, когда ощущает боль внутри себя, потому что поражается весь телесный состав, когда даже малейшая его часть болит. Все же, что сочувствует чужой боли, по гармонии любви привлекает боль и на себя, как свидетельствует Павел: «аще страждет един уд, с ним страждут вси уди» (1Кор. 12, 26). Итак, нас трогает ваша болезнь, нас уязвляет ваше разделение. И потому тем более мы должны подоспеть с скорым утешением к вашим немощам, чем необходимее признаем их, по своей любви, как бы своими. Если бы мы, может быть, захотели быть

равнодушными, нас устрасил бы глас укоризны свыше, который, укоряя нерадивых пастырей, говорит: «и сокрушенного не обяжете и заблуждающего не обратите и погибшего не взыскаете» (Иез. 34, 4). Если мы захотим быть равнодушными, то заслужим укоризну в безразличном состоянии, как говорит Господь чрез пророка: «или ритины (смолы) несть в Галааде, или врача несть тамо? Чесо ради несть исцелена рана дщере людей моих?» (Иез. 8, 22). Что, если не любовь, разумеется здесь под смолой, которая служит к возбуждению огня, которая служит цементом мрамору для украшения дома? любовь, которою сердца пламенеют, которая несогласные умы людей соединяет миром, чтобы украсить святую Церковь украшением единства? Что означается словом *Галаад*, которое переводится „множество свидетельства“, как не высота бесчисленной массы мыслей в Священном Писании? Что означается словом *врач*, если не всякий проповедник? Что чрез *неисцеленную рану дщери* показывается, как не явная неправда народа пред очами Божиими? Итак, оказывается, что в Галааде нет смолы, если за доказанную истину, при стольких свидетельствах Священного Писания, от вас не видать горячей любви к тому, кто должен присоединить вас к святой Церкви; и как бы при отсутствии врача ваша рана не заживает, потому что по прекращении увещания, вина такого разделения у вас не закрывается никаким покровом мира. Но уже время вам коснуться самых ран ваших предприятий и приложить к ним при помощи Божией лекарства миротворящей истины.

По поводу того, что сделано во времена блаженной памяти государя Юстиниана, вы, братия, подозреваете, что святой халкидонский собор был нарушен. Но да не будет этого ни в деле, ни в мысли христианина! На этом самом соборе утверждены и никейский и константинопольский и первый ефесский соборы: и всякий, кто старается извратить его с какой-нибудь стороны, без сомнения стремится уничтожить в конец и то, что на нем утверждено. К этому подозрению вы в своем письме присоединяете свидетельства из посланий и энклик святого предшественника нашего Льва, чтобы доказать, что вышеупомянутый святой халкидонский собор должно сохранять

неприкосновенным. Впрочем, вы, любезнейшие братия, эти свидетельства выбрали из немногих посланий смешанным и беспорядочным образом, так чтобы, когда вставленное другое послание подходит к другим словам первого, показалось, что ваши свидетельства взяты из многих посланий. И мы сильно удивляемся, зачем вы из столь не немногих, как мы сказали, посланий немного заимствовали, когда известно бесчисленное удостоверение как наших предшественников, так и согласие в энцикликах многих отцов, как свет, миру проливаемый, о ненарушимом почитании святого халкидонского собора. Но так как порядок речи всегда имеет такую связь, что предшествующее служит основанием для последующего, а последующее зависит от предшествующего: то мы лучше раскроем смысл того, что вами представлено, если покажем, что имеют в виду, или отчего зависят те или другие слова.

И так, ваша любовь представляет первое свидетельство святого предшественника нашего Льва, которое заключает ее в его последнем послании²⁶², он говорит: „о предметах, определенных, как было угодно Богу, в Никее и Халкидоне, мы не осмеливаемся заводить никакого Рассуждения, как будто бы то, что постановила толикая власть помощью Духа Святого, было сомнительно и нетвердо. К этому вы из того же послания прибавляете другое свидетельство, которое находите немного повыше и в котором говорится: „ибо, как вы свято и истинно сказали, совершенство не допускает приращения, а полнота дополнения». С приведенными двумя свидетельствами, взятыми из энциклик, вы сопоставляете в своем письме слова вышесказанного предшественника нашего Льва также к Льву императору, где он говорит: „стремиться колебать законные богодухновенные постановления свойственно не человеку миролюбивому, а строптивому, как говорит апостол: «не словопретися, ни на куюже потребу, на разорение слышащих» (2Тим. 2, 14). Потому что, если бы было свободно спорить по человеческим убеждениям, никогда не могло бы быть недостатка в таких людях, которые осмеливались бы отступать от истины“. И его же слова к тому же: „не дерзай против торжества десницы всемогущего Бога воздвигать подавленные

старые распри новыми способами». К этому свидетельству немного после вы прибавили: „пусть не трогают ничего из того, что хорошо сделано“. Последнее же свидетельство, заключающееся в первом его послании, из которого уже много взято свидетельств, вы представляете такого рода: „разыскивать, кто уже приведено в известность, опять браться за то, что совершено, и испровергать, что определено, что иное значит, как не неблагодарность за полученное и не направление злых пожеланий смертоносной страсти к вкушению от запрещенного древа“? Вот какие слова блаженного Льва к государю Льву вы представили, возлюбленнейшие братия; они, конечно, предлагаются относительно охранения неповрежденной веры, а не относительно частных дел халкидонских епископов. А что он говорит о ненарушимом хранении единой веры, нужно сообразить то, что он наперед сказал в том же самом послании; там он говорит к тому же государю: „сверх богобоязненно-предусмотрительной заботы о временных вещах, твердо совершайте служение божественным и вечным установлениям, чтобы кафолическая вера, которая одна животворит род человеческий, одна освящает его, пребывала в одном исповедании; а разногласия, которые рождаются из разнообразия земных мнений отражались бы от твердости того камня, на котором устрояется град Божий. Таким образом, дражайшие братия, если бы вы не видели того, что во всех частях света вера укрепляется в едином и твердом положении, вы справедливо говорили бы, что нечто из святого халкидонского собора нарушено. Но после того, как теперь все дело идет только о личностях и вы ничего не спрашиваете о святой вере халкидонского собора, вы как бы намеренно отклоняете от себя авторитет отцов; потому что, как тот же блаженный Лев показывает, не должно вновь браться за то, что совершено; а с каким намерением он сказал это, он тут же прибавляет: „почитайте главной заботой жить для мира вселенской Церкви и сохранения кафолической веры“. И как только он воспретил нарушать определенное, тотчас же присоединил увещание к охранению кафолической веры, и объяснил, что он это сказал не о частных предметах, но только

об исповедании веры; а теперь в вашем вопросе то же самое, что разбирает и сам предшественник наш, блаженный Лев, когда он утверждает то, что постановлено в Халкидоне касательно веры.

Еще в нашем письме полагается свидетельство и пример из энкиклик, что многие епископы вместе высказывают: „ни ноты, ни единой черты мы не можем изменить или переиначить из того, что определено в Халкидоне». К этому вы еще приложили и другое свидетельство будто бы из того же послания, каковое свидетельство без сомнения принадлежит Анатолию, епископу константинопольскому; в нем говорится: „о святом же халкидонском соборе говорю, что расследовать о нем или превращать что-нибудь из того, что на нем покончено, есть дело людей, подрывающих таким образом церкви и вселенский мир Христа“. Касательно чего он воспрещает превращать и ниспровергать, он сам прибавляет, потому что говорит: „как древле преданы нам апостольские и отеческие догматы, на нем укреплены и утверждены“. Если же ниспровергать апостольские и отеческие догматы есть дело людей коварствующих, то те, которые принимают те же самые апостольские и отеческие догматы неповрежденными, без сомнения ясно, не суть коварствующие. Вот и мы держим чистую веру того же собора для того, чтобы даже до смерти сохранять определение веры там постановленное...

После этих примеров вы представили свидетельство того же предшественника нашего Льва к епископу Василию, в котором он говорит: „умоляю любовь твою, ни в чем не ослабевайте духом касательно определения халкидонского собора; и не допускайте, чтобы что-нибудь нарушилось новизной из того, что составлено по божественному внушению»; и еще: „чтобы это увещание дошло до сведения всех братий и епископов, пусть ваше братское попечение ясно познает, что (о чем нужно часто говорить) вся христианская вера нарушается, если нарушается что-нибудь из того, что постановлено в Халкидоне». Но утверждает ли он это о частных предметах некоторых лиц, или об определении святой веры, он сам исследует, что говорит выше: „эти письма я отправил потому,

что думал убедить вашу любовь, чтобы вы противостояли преступным дерзновениям с святою твердостью, да наша общая вера не окажется в чем-нибудь или погибшей, или остывшей». Таким образом он предпослал увещание к хранению веры и обозначил, с какой стороны он желал охранения собора.

И еще вы в свое письмо включаете свидетельство из послания того же блаженного Льва, в котором он говорит Василию: «благочестно и ревностно нам нужно заботиться, если только допускается здесь рассуждение, чтобы ничего не отменялось и властью из того, что божественно определено». И ниже: „потому что все полно определенное не должно быть вновь вызываемо на какой-нибудь спор, чтобы мы и сами в глазах осужденных не казались сомневающимися в том, что, как объявлено, согласуется с авторитетом пророков, Евангелия и апостолов“. Что же понимает он выше под божественно определенным и ниже под полно определенным, пусть понимает ваша братская любовь из того же самого или из других его посланий: в них он никогда не упоминает о частных предметах, а только о том, что относится к вере. Поэтому он заботливо выражается и показывает, что полно определено, в тех словах, где говорит: „чтобы мы и сами не показались сомневающимися в том, что, как объявлено всеми, согласуется с пророческим, евангельским и апостольским авторитетом». Размыслите, прошу вас, любезнейшие братия, согласуются ли сочинения Феодора с пророческим, евангельским и апостольским авторитетом, когда в них отрицается с непристойным дерзновением Господь наш Икупитель. Рассудите, оказываются ли его сочинения согласными с пророческим, евангельским и апостольским авторитетом, в которых защищается враг. Церкви Несторий и обвиняется защитник Церкви Кирилл. Подумайте, согласны ли с пророческим, евангельским и апостольским авторитетом эти сочинения Феодора, которые, издав прежде против истинной веры, после своего обращения сам он осуждает. Наконец, вы еще предлагаете свидетельство также часто упоминаемого Льва к пресвитеру Аэтию, в котором он говорит: „да не дозволяется

возбуждать раздор об установившихся предметах, а иначе кто снова рассуждает о них, оказывается святотатцем“. К каким предметам применяет он эти слова, он сам объясняет в послании к тому же Аэтию: «я никогда не могу мыслить различно от апостольских мыслей, ни отступать от своих; и что откровению Святого Духа я исповедал и что привел в известность, по объявлении мне наперед исповедания всего собора, того я не изменяю нимало; и пусть легче будет меня исторгнуть из сего мира каким ни на есть муками, чем изменить мне в исповедании того, в чем я вообще уверен“. Если же все дело, о котором не должно снова рассуждать, состоит в исповедании единой веры, тот рассуждающий снова будет святотатцем, кто будет не согласен с его исповеданием; потому что тот же блаженный Лев охраняет на соборе с величайшим рвением единое исповедание веры, что он доказывает бесчисленными посланиями, из которых мы кое-что краткое приведем, чтобы ваша братская любовь, узнавши их вернее, поняли, как много мы еще умалчиваем. Сюда относится то, что он говорит в своем послании к Маркиану августу: „пусть ваша милость узнала бы, что я послал брату своему, епископу Юлиану, собственно такое поручение, чтобы он моим именем доверчиво представил вашей власти все, что он подтвердил, как касающееся до охранения веры“²⁶³. Сюда же относится, что он писал к Пульхерии августу: „как благочестивейший император пожелал, чтобы я ко всем епископам, которые были на халкидонском соборе, написал письма, которыми бы утвердил все, что там определено о правиле веры, я охотно исполнил“²⁶⁴. Сюда же относится то, что он писал к епископу Юлиану: «как всемилостивейший император сочел необходимым, я охотно исполнил, – написать ко всем братьям, которые были на халкидонском соборе, для того, чтобы показать, что мне по сердцу то, что святыми братьями нашими о правиле веры утвержденное. Сюда же относится и то, что он писал в другой раз к Пульхерии августу: „насколько должно ваше достоинство доверять моему брату, вашему почитателю, епископу Юлиану, судите сообразно с суждением апостольского престола, потому что я уполномочил его вместо себя по

предмету веры, которой вспомоществует ваше благочестие, чтобы он постоянно представлял меня пред вашим благочестием, касательно того, что вам должно охранять²⁶⁵...

Еще говорится в вашем письме, что вы от апостольского престола научены и от делохранилища святой церкви, в которой по воле Божией мы предстоятельствуем, утверждены в том, что вы не должны соглашаться с тем, что произведено при блаженной памяти государе Юстиниане, и в помощь вашему извинению вы еще прибавляете, что сначала и апостольский престол чрез папу Вигилия, и все начальники латинских провинций твердо противостали осуждению *трех глав*. В этих словах мы замечаем, что та же самая вещь, которая должна бы вас вызвать на согласие, отвлекает вас от него. Ведь латиняне и незнакомые с греческим языком поздно узнали свою ошибку потому, что не знали языка; и им тем скорее должно верить, что их твердость не оставляла спора дотоле, пока они не дознали истину; а если бы они согласились опрометчиво, прежде чем дознали бы истину, то ваша братская любовь справедливо смотрела бы на них с презрением; но они согласились после долгого труда и после того, как долгое время препирались, даже до обид. Пусть же ваша братская любовь отсюда рассудит, что не по чему-нибудь другому они не оставляли вдруг столько трудов, а только для дознания истины. Какое божественное произволение, мы думаем, братия, было в том обстоятельстве, что всемогущий Бог допустил Савлу долго быть гонителем своей веры и сделал его потом проповедником ее, если не то, чтобы показать всем, кому чрез него будет проповедано, что преистинно есть Евангелие Божие, потому что и такая жестокость преклонившись проповедовала? чтобы, когда слушатели его, припоминая все, что им сделано против верующих, понимали, что он неожиданно обратился к вере не без очевидного основания? Потому он и сам, когда выражал Господу, что его проповедь должна быть легко принимаема неверными, говорит: «Господи, сами видят, яко аз беж всаждая в темницу и бия на сонмищах верующие в тя» (Деян. 22, 19). И когда он узнал, что галаты, оставивши правила Евангелия, уклонились в иудейское заблуждение, уведомил их о прежней

своей жестокости против Евангелия и отторг их умы от предательского намерения, говоря: «слышасте мое житие иногда в жидовстве, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю: и преспевах в жидовстве паче многих сверстник моих в роде моем, излиха ревнитель сый отеческих моих преданий. Егда же благоволи Бог, избравый мя от чрева матери моея и призвавый благодатию своею, явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех, абие не приложихся плоти и крови» (Гал. 1, 13). Вот любезнейшие братия, Павел, великий учитель, из того, что он долго противился истине, извлекает пособие для утверждения сердец слушающих в проповеди этой истины, доказывая на деле, что веру, которой он прежде с таким тщанием противился, впоследствии он принял не без самой основательной уверенности.

Итак, вашей любви должно размыслить, что согласие наших предшественников в этом предмете тем больше не было маловажным, чем больше прежде было положено тяжелых трудов в спорах. Но кроме того, пусть ваша братская любовь приведет на память поступок Петра, который превосходит и Павла. Он долго противился тому, чтобы Церковь принимала народы к вере без обрезания, долго удалялся от общения с обращенными, по свидетельству Павла, который говорит: «егда же прииде (Петр) во Антиохию, в лице ему противустах, яко зазорен бе. Прежде бо даже не приити неким от Иакова, с языки ядыше: егда же приидоша, опряташеса и отлучашеса, бояся сущих от обрезания». И немного после: «егда видех, яко неправо ходят ко истине благовествования, рекох Петру пред всеми: аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жительствовати» (Галат. 2, 11–14)? Он же, после этого принявши мысль Павла, когда замечал, что некоторые из приходящих к Церкви язычников отягощали бременем сохранения обрезания, говорит: «искушаете Бога, хотяще возложить иго на выи учеником, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохом понести» (Деян. 15, 10). Неужели же, почтеннейшие братия, так нужно было отвечать на эти слова Петру, князю апостолов, и учить противоречиво себе: „то, что ты говоришь, мы не можем слушать, потому что прежде ты иное

проповедовал“? Таким образом, если по делу о *трех главах* иное было сказано, когда истина разыскивалась, и иное, когда она была найдена, то почему изменение мнения ставится в вину этому престолу, который в лице его основателя смиренно почитается всею Церковью? Не изменение мнения, а непостоянство виновно. Итак, что касается до познания правильности, пусть пребывает неизменным намерение; что же за беда, если оставляющий свое незнание изменит слова? О самом виновнике всего Боге, по свидетельству Писания, мы узнаем, что Он, не изменяя намерения, часто изменяет мысль; потому что для Него не было непредвиденным то, что Он сам говорит о том, кого Он сам повелел помазать на царство: «раскаяхся, яко помазах Саула на царство» во Израили (1 Царст. 15, 11). Но что Он так сделает, он предвидел еще тогда, когда предпочел его и как бы одобрил; и к раскаянию Он пришел не так, как бы неожиданно; а однако показывает раскаяние, потому что, не изменивши намерения, переменяет слова, которые некогда сказал о нем.

В тех же свидетельствах, которые вы привели из посланий нашего предшественника Льва, вы говорите: учение вашего досточтимого престола, чрез блаженного Льва и его преемников, откуда мы немного привели на память, состоит в том, что никоим образом люди не должны осуждать умершего. И однако вы не представили никакого свидетельства, чтобы подтвердить эту мысль. А те свидетельства, которые вами присоединены, воспрещают только снова разбирать веру, а не осуждать умерших неверных. Да мы и не помним, чтобы блаженный Лев, предшественник наш, в каком-нибудь месте сказал это. Кто же не знает, что проповедание того же Льва и блаженного Августина ни в чем не противоречит? Последний в письме к военачальнику Бонифацию говорит: „хотя, в случае справедливости того, что ими поставляемо было в укор Цецилиану, и если бы это когда-нибудь могло быть доказано нам, мы анафематствовали бы его уже по смерти; однако же мы не должны из за какого-нибудь человека поставлять Церковь Христову, которая образуется не сварливыми мнениями, но утверждается божественными свидетельствами“²⁶⁶. Вот дивный

проповедник возбраняет и разделение Церкви ради человека, и, если бы дознался о нарушении чего-нибудь, так он не отрицается и после смерти анафематствовать того самого Цецилиана, которого он открыто защищал; стало быть, всем живым советуется, чтобы вина касательно веры и по смерти не отпускалась. Если же так должно поступать, то, можно смело сказать, мы без сомнения делаем то, что запрещаем. Первый ефесский святой собор осудил Феодора умершего. Когда был представлен на этом соборе его учениками изложенный им символ, он был осужден там святыми отцами вместе с автором²⁶⁷. Сами же святые отцы, заседавшие на том соборе, уже взяты ко Господу, после того как осудили Феодора; и если мы говорим, что не должно осуждать умерших, мы без сомнения обвиняем мертвых и начинаем делать то, что стараемся запрещать. Но зачем мы говорим долго и то, что тебе известно? Мы можем привести слова из книг того же Феодора²⁶⁸. И если Феодор, по своему ничтожному сомнению, обвинил по смерти Иисуса, Господа и Бога нашего, Который жив и по смерти, как мы веруем, то наша вера не допускает, чтобы вы долее защищали того, кто с такими богохульствами явился врагов нашего Исккупителя. Он сам в третьей книге против Аполлинария говорит:

„Итак, каким образом ты, которому особенно и более всех приличествует управление умами, утверждаешь, что рожденный от Девы есть Бог и от Бога – единосущен Отцу, разве, быть, может, ты повелеваешь нам сотворение его приписывать Духу Святому? Но кто же Бог от Бога и единосущен Отцу? О чудо! тот же, кто рожден от Девы и кто, по божественному Писанию, был зачат и воплотился во чреве матери наитием Святого Духа? Может быть, (Бог) присутствовал в нем; потому что как только Он зачат, то начал быть и храмом Божиим; тем не менее мы не должны думать, что от Девы родился Бог“. И немного после: „однако же на основании твоих слов не следует даже провозглашать, что рожденный от Девы действительно Бог и от Бога – единосущен Отцу“. И немного после: „итак, если говорят, что он родился с плотию, а рожденное есть Бог от Бога и Бог единосущный Отцу, то необходимо тоже сказать и о плоти. Если

же нет, то конечно (рожденный) есть плоть; поскольку он ни Бог от Бога, ни единосущен Отцу, но от семени Давидова и единосущен тому, чье есть семя; и Бог от Бога и единосущный Отцу не то, что родилось от Девы“. И немного после: „не Бог Слово родился от Марии; родился же от Марии тот, кто – от семени Давидова. Не Бог Слово родился от жены“²⁶⁹.

И опять: „выражение: «возведен бысть Духом» (Матф. 4, 1) явно означает то, что он был руководим Духом; Им был укрепляем для мужественного перенесения предположенного; Им был направляем к должному; Им был научаем тому, что следовало; Им был укрепляем мыслию, так что способным стал на столь трудное состязание. И блаженный Павел говорит: «елицы Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии» (Римл. 8, 14)“. Его же слова ниже: „итак пусть скажут нам считающиеся умнейшими всех: если у Господа Христа, сущего по плоти, вместо ума было божество, как они говорят, то почему Христос нуждался при этом в содействии Святого Духа? Ибо божество Единородного не имело нужды в Духе ни для оправдания, ни для победы над диаволом, не имело нужды в Духе ни для совершения чудес, не имело нужды в Духе ни для наставления в том, что следовало совершить, не нуждалось в Духе ни для того, чтобы он мог явиться непорочным“²⁷⁰.

И немного после: „Иисус говорит как бы так: я, которого вы видите, ничего не могу делать силою своего естества, так как я – человек; а делаю потому, что «Отец во Мне пребывай, Той творит дела» (Иоан. 14, 10). Ибо так как и «Аз во Отце и Отец во Мне» (Иоан. 14, 11), а также Бог Слово Единородный Божий во мне пребывает: то ясно, что и Отец вместе с Ним во мне пребывает и творит дела. И несколько не должно казаться удивительным такое мнение о Христе, когда Он сам ясно говорит о прочих людях: «аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Иоан. 14, 23)“. И еще: „он знал отчетливо, каким образом следует пользоваться чудесами, чтобы возвестить народам благочестие, понести слабости труждающихся и таким образом привести свое намерение в исполнение; поэтому он и оправдался и явился непорочным

частью чрез удаление от худшего и стремление к лучшему, частью чрез постепенное усовершенствование²⁷¹.

И немного после из толкования того же Феодора на Иоанна: „Господь говорит Фоме: «принеси перст твой семо, и виждь руце мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра моя: и не буди неверен, но верен» (Иоан. 20, 27). поскольку, говорит Господь, ты не веришь и думаешь, что для уверования достаточно тебе одного осязания (ибо не скрылось от меня, что ты говорил это): то прикоснись рукою и осяжи, и научись верить, а не не верить. Уверовав таким образом, Фома говорит: «Господь мой и Бог мой», не его самого называя Господом и Богом (ибо уверенность в воскресении не давала повода заключить, что и воскресший есть Бог), но он как бы прославляет Бога за сделанное чудо“. Из толкования того же Феодора на Деяния апостольские, из первой книги: „но он (Петр) сказал, что они (иудеи), раскаявшись в крестном преступлении и познав Спасителя и Господа и виновника всех благ Иисуса Христа, ради которых он и пришел и восприят был божественным естеством, должны уверовать в него и сделаться его учениками, прежде всего приступив к крещению, которое он сам и предал, как такое, которое служит прообразом упования на будущее, и должно быть совершаемо во имя Отца и Сына и Святого Духа. Ибо выражение: «да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа» (Деян. 2, 38) не то значит, чтобы (все они) призывали в крещении Иисуса Христа, оставив призывание во имя Отца и Сына и Святого Духа; но какого свойства выражение: «крестились в Моисее во облаце и в мори», употребленное для того, чтобы показать, что, быв отделены от египтян облаком и морем и освободившись от раболепствования им, они должны внимательно исполнять закон Моисеев, такого же свойства и выражение: «да крестится кийждо во имя Иисуса Христа», употребленное для того, чтобы показать, что принявшие его, как Спасителя и виновника всех благ и учителя истины, могут именоваться именем его, то есть, как виновника благ и учителя истины. У всех людей, следующих какой-либо секте, есть обычай называться именем основателя секты; таковы названия платоников, эпикурейцев, манихеев, маркионитов и тому

подобных. Также точно и апостолы присудили нам называться христианами»²⁷².

Того же Феодора в книгах о воплощении: „Господь негодовал и сражался против болезней более душевных, и, при содействии божества к его совершенству, охотнее побеждал страсти. Поэтому он и сам борется преимущественно с ними“²⁷³.

Его же в книге против синусиастов или аполлинаристов: „но если, говорится, была распята плоть, то каким образом и солнце скрыло свои лучи, и тьма покрыла всю землю, и земля потряслась, и камни распались, и мертвые воскресли (Матф. 27, 45–53)? Да ведь рассказывают же о тьме, бывшей в Египте во времена Моисее и продолжавшейся не три часа, но три дня (Исх. 10, 22–23). А что сказать о прочих чудесах, совершенных чрез Моисея и Иисуса Навина, остановившего солнце (Нав. 10, 12–13), и о том, как солнце, во время Езекии, вопреки закону природы, возвратилось вспять (4Цар. 20, 9–11), и как останки Елисее воскресили мертвого“ (4Цар. 13, 21)?«²⁷⁴.

Его же из восьмой книги о воплощении: „очевидно, что следует быть соединению; ибо, быв соединены во едино, (два) естества чрез соединение произвели одно лице. И как говорится о муже и жене, что их не двое, но одна плоть (Быт. 2, 24; Матф. 19, 5), так на основании соединения скажем и мы, что не два лица, но одно, а естества различны»²⁷⁵.

И немного после: „итак, каким образом человек и Бог чрез соединение может быть едино? Кто животворить и кто животворится; кто спасает и кто спасается; кто прежде веков и кто явился от Марии?»

Его же из толкования символа трех сот восемнадцати отцов: „но называя Христом по плоти и воспринятым образом раба также и Того, кто воспринял этот образ, Бога, который выше всего, он однако же прибавил: „это по причине соединения естеств», – и этим, кажется, указывает на различие их. Итак, того, кто по плоти происходит от иудеев, никто не может назвать сущим над всем по плоти от иудеев Богом“²⁷⁶.

Также из объяснения послания к Евреям: «проповеда Иоанн Иисуса, иже от Назарета, яко помаза его Бог Духом Святым и силою» (Деян. 10, 37–38). А кто помазан Духом, тот всеконечно

воспринял нечто от него. Кто настолько безумен, чтобы утверждать что божеское естество восприняло нечто от Духа“? И еще: „ибо известно, что и сам он называл себя сыном Божиим не по рождению от Бога, но потому что был близок Богу; поэтому сынами Божиими называются между прочим и те люди, которые за свои подвиги стали близки Богу“²⁷⁷.

Вот что немногое мы выбрали из бесчисленного, чтобы показать как бы чрез маленькую скважинку, какая внутри скрывается громадная пропасть. Вот, оказывается, какие книги написал Феодор, коих более десяти тысяч. Посудите, прошу вас, не тем ли более жесточайшие мучения он заслужил, чем больше написал. Но те его слова, которые приведены, может быть, сомнительны, – ему ли они принадлежат. Если угодно, приведем Писания отцов; таким образом, что книги, которые у вас и которые мы привели свидетелями его вероломства, суть его книги, мы подтвердим посторонними свидетелями. Так епископы Армении, в прошении, поданном ими против Феодора, Проклу, епископу константинопольскому, говорят: „был некто зловредный человек, или, лучше, имеющий дьявольский вид человека, называющийся ложным именем Феодора. Он имел вид и имя епископа, скрывался в уединенном и незнатном местечке, в небогатом городе второй Киликии Мопсуестии. Последователь преимущественно Павла самосатского, он в книге о воплощении Господа нашего Иисуса Христа подражает Фотину и прочим ересиархам, во всем своем рассуждении употребляет самые слова их, и даже худшие. Посредством ухищрений, смелости и дьявольского заблуждения он хотел всех людей погубить своим языком, подобным змеиному, и ядом, который находится под языком аспида. Между тем он все-таки держался в своем логовище, боясь могущества тех, которые от великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа получили власть «наступати на змию и скорпию и на всю силу вражью» (Лук. 10, 19): я говорю о святых апостолах и следовавших за ними преемниках, мучениках, исповедниках, епископах и прочих святых. Улучивши, не знаю, каким образом, время, он начал пресмыкаться; и вне своих пределов в непринадлежащем ему приходе снискавши доверие, как ученый

говорун, проповедуя в одной из церквей Антиохии сирийской, он сказал: „человек Иисус. Ибо «что есть человек, яко помниши его» (Псал. 8, 5)? А что это сказано об Иисусе, апостол прибавил: «малым чим умаленного от ангел видим, – говорит, – Иисуса» (Евр. 2, 9). Итак, что же? Человек Иисус подобен всем людям, не имеет никакого различия от людей, того же рода, кроме того, что дано ему по благодати²⁷⁸. – Против этого Прокл, епископ константинопольский, писал: „убежим от бурных и грязных потоков лжи, от сект, нападающих на Бога: я говорю о неистовстве Ария, разделяющем неделимую Троицу, дерзости Евномия, объемлющей знанием непостижимое естество, о бесновании Македония, отделяющем от Божества нераздельно исходящего Духа, и о том новом и недавнем богохульстве, которое гораздо больше превосходит богохульство иудеев. Ибо те отвергают Того, который есть Сын, отнимая ветвь у корня; а эти на место Того, который есть, вводят другого, понося чистое естество²⁷⁹. Еще об его заблуждении Иоанн, предстоятель антиохийской церкви, также говорит: „упорствуя долгое время, Феодор внушил многим и Несторию, что Христос, Сын Бога живого, который родился от святой Девы Марии, не есть от Отца рожденный Бог Слово, единосущный родившему, но человек, вместо своей воли получающий содействие от Бога Слова“. Еще о его заблуждении Кирилл в послании к пресвитеру Лампону говорит: „когда я пребывал в Елии, некоторый муж из знатных в воинской службе во дворце принес мне запечатанное многострочное и важное письмо, которое, как говорит, получил от православных антиохийцев. Подписи на нем были весьма многих клириков, и монахов, и мирян. Обвиняли восточных епископов, будто они умолчали о имени Нестория, и притворяются, что отвращаются его, а перешли к книгам Феодора, которые написаны им о воплощении, и в которых заключены хуления, гораздо худшие несториевых. Ибо он был отцом зломыслия Нестория, и, изрекши его зло, сделался нечестивым²⁸⁰. Опять о заблуждении его тот же Кирилл, епископ александрийский, в послании к Акакию, епископу Мелитины, говорит: „не должно было утаиться от твоей святости, или она, может быть, и узнала, что все восточные

благочестивейшие епископы собрались в Антиохии, потому что господин мой святейший епископ Прокл прислал им книгу, исполненную добрых мыслей и правых догматов. Ибо в ней шла немалая и длинная речь о домостроительстве Господа нашего Иисуса Христа. Он присовокупил также некоторые главы, собранные из книг Феодора, которые заключают в себе понимание, согласное с зловерием Нестория, и убеждал также анафематствовать оныя²⁸¹.

Еще об его заблуждении предстоятель едесской церкви в послании к блаженному Кириллу говорит: некоторые уже всеми способами отвергают соединение по существу. Ибо какая-то скрытая болезнь застарела на востоке, подобно неизлечимой болезни истощающая тело Церкви, и весьма многим неизвестная, а у тех, которые как будто ревностны к учености и гордятся ею, тайно уважаемая. Ибо один епископ киликийской области, Феодор, муж умеющий говорить правдоподобно и могущий убеждать, иное говорил на трибунале церкви для угождения народу, а иные козни на погибель излагал в сочинениях; он в начале некоторых своих свитков угрожал анафемою читателю, чтобы не объявлять другим этих сочинений. Сперва он изложил, что святая Дева не есть истинно Богородица, так как Бог Слово не принимает будто рождения подобно нам“. И немного после: ибо говорит, что не по сущности или по существу человек соединен с Богом Словом, но некоторою доброю волею, так как божественное естество не принимает будто иного способа соединения по причине неограниченности. Он сказал, что и Господа нашего Иисуса Христа не должно почитать, как Господа, но по отношению к Богу он должен почитаться, как некоторый образ, – яснее же сказать, согласно с ними, – как некоторое подобие по отношению к сидящему (в ком-нибудь) демону. Он и плоть Господа провозгласил совершенно бесполезною, разоряя следующее слово Господа: «плоть не пользует ничтоже» (Иоан. 6, 63). Он говорит, что и апостол не признал Христа за Бога (Матф. 16, 16), но что на вере, которая в человеке, создана Церковь²⁸².

Еще о заблуждении его Исихий, пресвитер иерусалимский, писатель церковной истории, говорит: „таким образом, когда у них и другие подражали Фотину, особенно подражал ему некто Феодор, лукавый на слово и проворный на язык, и однако сам нетвердый волею, который носился, склоняясь туда и сюда. Ибо с первого возраста быв причислен к антиохийскому клиру и обещавши вести хорошую жизнь, возвратился к мирским страстям, и опять стал предаваться удовольствиям. Достойный подражания во всем добром и блаженный муж Иоанн, епископ константинопольский, написал послание, которое и доселе читается в свитках, и возмог привести его от худшего к лучшему, к покаянию. И он снова начал вести добрую жизнь, снова начал быть в клире, и оставив Антиохию, переселился в Тарс, оттуда перешел в Мопсуестию, и в ней поставлен был епископом, когда еще Бог не хотел, чтобы проповедь его нечестия сделалась известною. Взяв первые элементы своего учения из иудейского суесловия, он написал сочинение о пророчестве псалмов, отвергающее все предсказания о Господе. А быв обвинен и находясь в опасности, он сказал противное себе, что будто бы он написал не по желанию, а по просьбам всех, и, обещав, уничтожить самое сочинение, тайно держался пути иудейского нечестия». И немного после: „он, совершенный глупец, написал, что Христос Иисус, Спаситель и Господь рода нашего, Которого Павел называет сиянием славы Отчей и образом ипостаси Его, Который носит все словом силы Своей, совершил очищение грехов наших, и воссел одесную величия Отчего (Евр. 1, 3), о Котором в послании к колоссянам написал: «Тем создана быша всяческая, яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая... всяческая Тем и о Нем создашася» (Кол. 1, 16–17), – что Он не воплотившееся Слово, как мы научены евангельскими словами, но человек, чрез возвышение жизни и совершенство страданий соединенный с Богом Словом. И это он дерзнул написать в тайных речах»²⁸³.

Против заблуждений того же Феодора благочестивой памяти Феодосий и Валентиниан, в изданном ими законе, говорят: „воздавая должное от нас почтение благочестивейшему учению, мы почли нужным подвергнуть должному осуждению тех,

которые осмелились нечестиво писать против Бога, и назвать их достойными именами. Посему справедливо заградить их уста срамом их грехов, и в таком названии пребывать им в вечность, дабы они и при жизни не освободились, и по смерти оставались презренными и осужденными. Итак, повторяем, учение нечестивых и заразительных Диодора, Феодора и Нестория показалось нам омерзительным; подобным же образом и все, которые следуют их заблуждению и соглашаются с их нечестием, справедливо заслуживают то же название, и облакаются срамом. Дабы, называясь христианами, не украшались этим именем те, которые стоят далеко от учения христиан и чужды правой и непорочной веры“. И немного после: „если кто пренебрежет настоящим нашим постановлением, и будет согласен с Феодором и Несторием, подражая их союзникам, у того в наказание все имущество будет конфисковано“. Еще против его заблуждений благочестивой памяти Феодосий и Валентиниан, в изданном ими законе, говорят: „пусть никто не имеет, и не читает, и не списывает, и не издает Нестория, то есть, книги его, или несомненно вредных сочинений, самого ли Нестория, или другого, и особенно сочинений Нестория или Феодора против одних христиан; но каждый, имеющий такие книги, пусть публично вынесет их и в виду всех предаст огню“²⁸⁴.

Если же ваша братская любовь, может быть, еще и доселе сомневается после стольких приведенных против него мнений отцов, пусть читает книги Феодорита, в которых он, стараясь защитить его против Кирилла, предстоятеля города Александрии, вернее обвиняет его, говоря: „Кирилл обвиняет толкование восьмого псалма и часто повторяет следующие слова божественного Феодора: „итак, рассмотрим, кто есть человек, о котором изумляется и удивляется, что Единородный удостоил помнить о нем и посещать его. Но что это сказано не о всяком человеке, доказано выше; а что и не об одном каком-нибудь, и это сказано“²⁸⁵. Таким образом, при стольких свидетелях, кто усомнится, что все эти богохульства принадлежат ему? И узнавши такие его богохульства, кто будет отвергать, что он осужден справедливо?

Итак, рассудивши сперва об осуждении главы Феодора, теперь мы переходим к исследованию сказанного в послании Ивы, и если благоразумно взглянуть на весь порядок его, то можно судить, сколько оно противно святому халкидонскому собору. Именно, в деяниях этого собора и посланиях Льва Кирилл превозносится похвалами, а в том послании Ивы Кирилл порицается, как впадающий в учение Аполлинария; так в нем написано: „Кирилл, желая опровергнуть книги Нестория, погрешил и оказался впадшим в учение Аполлинария». В деяниях Несторий оказывается справедливо осужденным, как противник нашего Искупителя, а в послании о нем говорится, как о неправедно осужденном; в нем именно говорится так: „прежде нежели святейший и боголюбивейший архиепископ Иоанн прибыл на собор, Нестория без суда и следствия низложили с епископства“. В деяниях собора Кирилл оказывается исповедавшим в одном лице Бога и Господа нашего два естества; а по словам послания, он проповедовал одно естество и, бывши исправлен в таком мнении, будто бы едва образумился. В деяниях собора говорится, что Несторий был предан анафеме после смерти; а по словам послания, ему запрещено только после низложения возвращаться в свое общество, и то по одной ненависти граждан; там написано так: „Несторий же, так как был ненавидим городом и вельможами, в нем находившимися, не мог возвратиться туда²⁸⁶. В деяниях и определениях собора говорится о едином Сыне Иисусе Христе, а по учению Феодора и Нестория о Боге умалчивается. В деяниях собора о Феодоре никогда не говорится, как об учителе истины; а по словам послания тот, которого богохульства мы приводили выше, провозглашается учителем истины, – и конечно, если он сказал правду, то ложно все, что собор постановил об истине. Итак всякий, кто старается доказать, что послание, приписываемое Иве, принадлежит собору, о чем ином старается, как не о разрушении Деяний этого собора? А если они друг другу противоречат, то без сомнения не имеют никакого авторитета; так как все то, что уничтожается в противоречии, не может назидать других: если они друг другу противоречат, то они не имеют никакой твердости по свидетельству Господа,

который говорит: «царство, раздельшееся на ся, не стоит» (Мф. 12:25). Но да не будет этого, да не будет в отношении к достопочитаемому собору, чтобы он мыслил противно себе, или чтобы он предпочитал предыдущее, несогласное с последующим или бы соединял вместе последующее противное предыдущему. Святая вера, которая там принята единодушно, принята единомысленно и единогласно исповедана. Таким образом во всех частях мира установлена форма нашего исповедания, потому что в словах молящихся она не заключает в себе никакой разности.

Но, отвергая авторитет этого послания, зачем мы говорим, что только святой халкидонский собор нарушен? Конечно, если сочесть оное правым, то обратится в ничто вся вера и поклонение и святого ефесского собора. Это послание гласит, что на нем Кирилл ослепил очи мудрых с помощью мзды. Что же может быть верного касательно истины там, где самая истина объявляется проданною священниками? Но кто согласится так говорить, или терпеливо слушать? Итак, пусть отвергается только одно лживое послание, дабы тот и другой святой собор не подвергся обвинению в такой лживости. Мы поддерживаем основание вашей веры, дабы после того, как первый святой ефесский собор уличается как бы в продажности, и халкидонский не был отмечен обвинением в разности (чего да не будет); чтобы уяснить как этот последний согласен в своих словах, необходимо, чтобы ваша братская любовь узнала это сполна, как есть. Мы все знаем, что на соборе никогда не излагаются каноны иначе, как только по совершении определений веры и по окончании соборных Деяний, так что, соблюдая порядок, собор наперед наставлял сердца к вере, а потом устраивал и церковные обычаи и действия посредством правил канонов. Поэтому рассмотрите с бдительным старанием, какое в шестом его Деянии исповедание святой веры устанавливается, и затем в седьмом полагается правило канонов уже касательно наставления верных. В остальных же деяниях уже нет ничего о деле веры, а только разбираются частные дела. И так как ваши ответные письма выражают сомнение, что это так, то мы и позаботились доказать это из приведенных

многих сочинений. Впрочем мы уверены, что никогда невозможно сомневаться в этом предмете, ибо эта совокупность (свидетельств) так внушительна, что возбраняет веровать иначе.

Во-первых, порядок дела показывает, что, когда в шестом Деянии указывается определенное правило веры (как сказано), в следующем Деянии излагается форма канонов. Во-вторых, в конце шестого деяния предпоставляется уже и норма канонов, когда там государь говорит почтеннейшим епископам: „некоторые пункты, касающиеся чести вашей почтенности, мы предоставляем вам, почитая приличным, чтобы они были (лучше) канонически определены вами на соборе“ и проч.²⁸⁷ Таким образом этим предпоставлением шестого деяния показывается, что законные постановления канонов содержатся только в седьмом. Ибо что оставалось сделать после утверждения исповедания веры, как не то, чтобы святой собор, постановив правила, осудил непозволительные действия некоторых верующих, хотя, всматриваясь внимательно, мы найдем, что правила канонов положены не в седьмом, как думают, Деянии, а приобщены к тексту шестого. Ибо, когда в этих священнейших постановлениях не обозначается ни день, ни царствование, и не описываются лица, которые заседали, то без сомнения этим показывается, что не начинаясь обыкновенным вступлением, они присовокуплены к предыдущему Деянию. А что в шестом Деянии решается дело веры, это ясно из самой подписи общей всех епископов; потому что те, которые после подписали мнение, засвидетельствовали, что все, что надлежало сделать относительно веры, покончено. Поэтому после по частным предметам они рассуждают только на словах, и то, что они высказали в определениях, они не утвердили никакой подписью. Таким образом эти достопочтеннейшие епископы исследовали в шестом Деянии все, что надлежало сделать относительно веры; так что, как написано там, воскликнули: „просим, отпусти нас, благочестивый император“! А что не ради веры они были удержаны, а ради частных дел, это доказывается государевым ответом, о котором там говорится: „священнейший и

благочестивейший государь наш Маркиан август сказал святому собору: „вы долго трудились, перенося усталость; подождите еще три или четыре дня и в присутствии знатнейших сановников наших дайте ход всему, чего хотите, в надежде получить надлежащую помощь“²⁸⁸. Таким образом они были удержаны для решения частных и желаемых ими дел, и очевидно, что они оставались по окончании шестого деяния не по делу веры.

Но зачем мы об этом ведем речь так продолжительно, когда мы опираемся на авторитет предшественника нашего, блаженного Льва? Ибо он, как мы показали выше многими свидетельствами из его посланий, оставляя многочисленные деяния по частным делам, основывает авторитет собора только на определении веры. Сюда относится то, что он писал к Максиму, предстоятелю антиохийского престола, рассеивая от нас все облака подозрений о состоявшемся соборе, и говоря: „если, действительно, теми братьями, которых я посылал вместо себя на святой собор, как объявляют, сделано что-нибудь сверх того, что относится к делу веры, то это конечно не будет иметь никакой твердости; потому что они были отправлены апостольским престолом только для того, чтобы по опровержению ересей были защитниками кафолической веры. Ибо все то, что сверх частных дел представляется на рассмотрение епископов в соборных собраниях, может иметь некоторое основание для обсуждения“²⁸⁹. Но некоторые обыкновенно говорят, что он высказал это для предупреждения Анатолия, епископа константинопольского; пусть же рассмотрят деяния собора и слова послания, которые мы теперь привели, и перестанут подозревать здесь неправду. Именно, когда вышесказанный константинопольский епископ старался утвердить нечто за собою, то, как известно, Лев противопоставил ему тут легатов апостольского престола с высшим полномочием. Это читается и в деяниях собора и подтверждается посланиями того же собора к вышесказанному предшественнику нашему. Мы знаем также, что тот же часто упоминаемый предшественник наш как мы сказали выше, написал к Максиму: „если действительно, теми братьями, которых я посылал вместо себя на святой собор, как

объявляют, сделано что-нибудь сверх того, что относится к делу веры, то это, конечно, не будет иметь никакой твердости: потому что они были отправлены апостольским престолом только для того, чтобы, по опровержении ересей, были защитниками кафолической веры“. Следовательно, если, говоря о деле Анатолия, он осуждает то, что сделано на соборе его наместниками, то, конечно, он порицает их за то, что возражали? Но кто с этим согласится, даже и неразумный, когда известно, что по этому делу блаженный Лев на вопрос Анатолия писал о своих наместниках с большою похвалою за то, что они возражали. Мы не приводим слов этого послания, чтобы не растянуть еще неумереннее это сочинение. Если же и прибавляется: „ибо все то, что сверх частных дел представляется на рассмотрение епископов в соборных собраниях, может иметь некоторое основание для обсуждения“, то этим очевидно дается нам дозволение вновь пересматривать то, что там было совершено сверх дел веры, относительно лиц. Ибо специальный предмет соборных заседаний есть вера. Следовательно все, что совершается сверх веры, как оказывается по учению Льва, ничто не препятствует вновь подвергать обсуждению. А что и утех епископов, которые заседали в Халкидоне, собор почитается только до определения веры, это ясно доказывается тем, что многие древнейшие греческие кодексы содержат в себе собор только в шести деяниях, с присоединением канонов, так что вовсе не имеют прочего, что было возбуждаемо частным образом. Поэтому и энциклики свидетельствуют, что это так. Так Алипий, епископ Кесарии каппадокийской, в послании к Льву августу говорит: „итак, находясь в таком положении, я заявляю вашему благочестию, что хотя я не читал того, что в частности было исследовано и определено святыми епископами, собиравшимися в городе Халкидоне, потому что бывший тогда на соборе блаженной памяти епископ Фалассий не доставил сюда ничего более из того, что там совершено, а только прочел доставленное им определение, изложенное этим святым собором“²⁹⁰. Таким образом из свидетельства епископа Алипия мы удостоверяемся, что кроме дела веры Фалассий ничего не

считал столь же важным из Деяний собора; а он был там и по частным делам епископов, кроме дела веры. Итак, если в шестом Деянии заключается исповедание веры и тут же утверждается правило канонов, если блаженный Лев против тех дел, которые там были возбуждаемы частным образом, если того, что совершено было сверх веры, не считает важным и тот, кто совершал – Фалассий; то зачем нас упрекают в том, что мы отвергаем еретическое послание (Ивы), мы, которых в этом случае подкрепляет авторитет всех наших предшественников? И хотя бы Ива отвечал, что он чужд этого послания, хотя бы трудно или и вовсе нельзя было доказать, что оно было одобрено; однако же всякий может смело осудить его, хотя бы епископы, заседавшие на том соборе, и одобрили его своими подписями; потому что, после того как, по словам блаженного Льва, допускается право пересмотра и обсуждения, хотя бы и могла быть какая власть у тех, которые присутствовали, в частных делах она упраздняется.

Затем, по обсуждении второй главы, остается третья. Мы должны ограничить наше обсуждение, тем более, что не думаем, чтобы вы расходились с нами в этом случае. Мы осуждаем не все сочинения Феодорита, а только те, которые, как известно, он некогда написал против двенадцати глав Кирилла, только те, которые он написал против правой веры; впрочем, известно, что и сам он осудил их, потому что на святом халкидонском соборе он оказывается исповедавшим истину. А каким образом после заблуждения он право мыслил, – показывает и то, что он прежде писал, и то, что он сделал на халкидонском соборе. Так в письме к Несторию он говорит: „с тем, что несправедливо и противозаконно совершено было против твоей святости, я не позволю себе согласиться и тогда, если бы кто-нибудь отсек мне обе руки“²⁹¹. Также в письме к Эмерию, епископу Никомидии, говорит: „на осуждение достопочтенного и святейшего епископа Нестория, которое, говорят, сделано, мы не должны давать согласия“. В письме к Александру, епископу иерапольскому, также говорит: „я и прежде говорил твоей святости, что если учение господина моего достопочтенного и святейшего епископа Нестория будет

осуждено, я не буду иметь общения с теми, которые это сделают“. В письме же к Александру, предстоятелю Сирии палестинской, говорит: „думаю, что больше всего удовлетворен господин мой святейший и достопочтенный епископ Иоанн тем, что я никоим образом не склоняюсь дать свое согласие на осуждение господина моего святейшего и достопочтенного епископа Нестория, которое было постановлено в Тарсе и в Ефесе“. Однако же потом, допущенный святым халкидонским собором в спор с противниками, он открыто произнес на Нестория анафему, и, осудивши его как еретика, показал себя православным. А прежде он мыслил противно святой Церкви и писал против двенадцати глав блаженного Кирилла так: „святую Деву мы называем Богородицею не потому, что она родила Бога по естеству, но человека, соединенного с Богом, который образовал его“. И немного после: „если произошло природное соединение образа Бога и образа раба, то Законодатель всего находится в необходимости следовать законам“. И еще: „употребляя слово приобщение, мы боготворим Сына, как единого, боготворим и воспринявшего и воспринятое в нем; но помним разность естеств и не избегаем называть его богоносным человеком, как и называется он у многих из святых отцов“. И спустя несколько говорит: «разумейте посланника и святителя исповедания нашего, Иисуса Христа, верна суща сотворшему его, якоже и Моисей во всем дому его» (Евр. 3, 1–2)».

Никто из правомыслящих не скажет, что творение есть несотворенное, несозданное и совечное Отцу Божие Слово, и прибавлю, истинное, но – что это тот, кто произошел от семени Давида, и, непричастный никакому греху, соделался святителем нашим и жертвой, принеся за нас самого себя, и нося уже в себе Слово Божие, сущее от Бога, соединенное и неразрывно связанное с ним²⁹². И опять, чтобы показать, что он как бы доростал до божества, в том же сочинении прибавляет: „ангел говорит Деве: «Дух Святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя: темже и раждаемое свято, наречется Сын Божий» (Лук. 1, 35). Рассудите еще здесь, как все говорится по человечески. «Будет велий», говорит, – не сказал: есть велий; «и Сын

Вышнего наречется», – не сказал: нарицается; «и даст ему Господь Бог престол Давида отца его», – не сказал: имеет, а даст Ему Господь; и «воцарится», – не сказал царствует; а над кем? над «домом Иаковлим», – не сказал: над ангелами и архангелами“. Еще в той же второй книге говорит: «Иисус же исполнь Духа Свята возвратися от Иордана» (Лук. 4, 1); и опять: «и возвратися Иисус в силе духовней в Галилею» (Лук. 4, 14). Не думай, чтобы Слово Божие имело нужду в содействии или помощи Духа Святого, но различными дарами Святого Духа пользовался видимый храм Его“. И после еще: „Иисус Христос, говорится, «вчера, и днесь, той же и во веки». Каким же образом, мудрейшие, мы должны понимать, как это Он вчера и днесь и во веки, и временно и вечно, и во времени и выше времени; потому что, если Он вечен, то не временем, а если Он во времени, то выше времени“. И опять, как бы утверждая в Господе Боге нашем Иисусе Христе единство божества и человечества, говорит: „мы различаем естества Бога Слова: чистое естество исповедуем и лице без сомнения совершенное, потому что нельзя утверждать существо без лица; а равно и совершенное человеческое естество с его лицом исповедуем. Когда же рассуждаем о соединении, тогда по справедливости именуем только одно лице“. – Кто не видит, любезнейшие братия, что это полно всякого нечестия? Однако ж известно, что после он в этом исправился и согласился на светом халкидонском соборе анафематствовать Нестория. Кто не видит, как безрассудно с надменностью защищать сочинения Феодорита, которые, как известно, он сам после правого исповедания осудил? Если же мы личность его принимаем, а те дурные сочинения, которые прежде таились, отвергаем, то этим ничуть не отступаем от Деяний святого собора; потому что мы, отвергая только его еретические сочинения, и доселе вместе с собором преследуем Нестория, и вместе с собором чтим Феодорита, право исповедавшего. Другие же сочинения мы не только принимаем, но и пользуемся ими против противников. Когда Феодор хотел изъяснить Песнь песней и трудился больше не для изъяснения, а для сумасбродства, то признался, что этой книгой он хотел угодить царице эфиопской. Феодорит,

обличая его в этом, хотя скрыл имя Феодора, по обнаружил его безумство. Так, составляя объяснение той же самой книги, он говорит: „слышу я, что многие, отвергая Песнь песней, и не веря, что эта книга богодухновенная, по неразумию составляют на живую нитку бабьи сказки, и предполагают, что мудрый Соломон написал эту книгу о себе и дочери фараоновой“. Как же мы не принимаем никаких сочинений Феодорита, если находим в нем защитника истины против Феодора? Вот что мы отвечаем на ваше письмо.

Теперь же мы находим весьма благовременным кратко ответить на те слова ваши, которые мы слышали без письма от ваших посланных. Они сказали, что Феодор был восхвален в послании Иоанном, епископом антиохийским, с чрезвычайным одобрением; мы этому никоим образом не верим. Если впрочем и существует что-нибудь подобное, то мы готовы верить, что это относится больше к вере первого ефесского собора, более к книгам Кирилла, Исихия, чем к другим посланиям, которые и до сих пор еще не могли придти в известность. Впрочем, мы должны ближе подойти к делу, снисходя еще поговорить что-нибудь. Итак, пусть мы согласимся с тем, в чем уверяют ваши посланные. Вы знаете, возлюбленнейшие братия, что предметы, подлежащие сомнению, нужно толковать всегда в лучшую сторону. Что же за важность, если он похвален одним Отцом, когда его заблуждение доселе было еще скрыто и сомнительно? а после того как вероломство сделалось известным, он так изранен мнениями почти всех великих отцов, как лютый зверь частыми стрелами. Разве мы не знаем, что иногда и злых людей хвалят добрые, и однако те не спасаются за этими похвалами? Кто хуже Оригена между ересиархами и кого можно найти достопочтеннее Евсевия между историографами? А кто из нас не знает, какими похвалами превозносит Евсевий Оригена в своих книгах? Но так как святая Церковь судит, смотря более благосклонно на сердца своих верных, чем строго относясь к словам, и так как она может руководствоваться касательно еретиков собственным разумением более, чем свидетельством Евсевия, то она и не обвинила Евсевия за похвалу Оригену. Разве и Григорий, епископ нисский, изъясняя Песнь песней, не

превозносил Оригена великими похвалами? Разве и Иероним, пресвитер нашей церкви и единственный переводчик с еврейского языка, не относится к Оригену с такою привязанностью, что почти кажется его учеником? Но так как следует брать в расчет больше дело, чем слова, то и им не повредило их расположение, и того не оправдало в собственной вине чужое доброе свидетельство.

После этого я принужден, любезнейшие братия, с соболезнованием сказать вместе с Павлом: «свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму» (Римл. 10, 2); и как я вижу желание любви его к единству святой Церкви, то тем тяжелее вздыхаю о вашем несогласии. Размыслите, прошу вас, – каким жаром святого единства пылал он, когда говорил филиппийцам: «аще кое утешение о Христе, или аще кая утеха любви, аще кое общение Духа, аще кое милосердие и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единомудренни» (Фил. 2, 1–2). Таким образом он, намереваясь говорить о единомудрии, предпослал столько и таких исследований, и в исследовании, а не в исполнении, показал, какова была бы заслуга этой добродетели. А напротив, какое зло – несогласие, он показывает, говоря коринфянам: «возвестися ми о вас, братие моя, посланным от Хлоиса, яко рвения в вас суть. Глаголю же се, яко кийждо вас глаголет: аз убо есмь Павлов, аз же Аполлосов, аз же Кифин, аз же Христов» (1Кор. 1, 11–12). С каким намерением он говорит это, мы узнаем, если размыслим о словах следующего за тем упрека: «еда разделися Христос? еда Павел распяты по вас или во имя Павлово креститесь» (1Кор. 1, 13)? Итак, рассудите, братия мои, и так как хотя до сих пор долготерпит Бог, мы все-таки колеблемся в неизвестности о конце нашей жизни, то взвесьте с тщательным старанием, как это ваше братство не боится из-за Феодора производить такое раздирательство в святой Церкви, когда Павел боялся даже и представить такое раздирательство из-за себя. Почему бы не привести на память слова блаженного Августина о сохранении единства? Он, говоря о едином крещении, объявил мученика Киприана, который писал о повторяемости крещения, правым, потому что хотя бы

тот в чем-нибудь немного и ошибался, однако никогда не прерывал общения со всею Церковью. Итак, очевидно, что так нужно пребывать в хранении святости; а иначе, возлюбленнейшие братия, если вы отделяетесь от единства Церкви, то вы потеряли всякую заслугу добродетели, хотя бы даже вы и были правы, потому что написано: «мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа» (Евр. 12, 14).

Много мы сказали, потому что и отвечали на многое. И хотя бы можно было привести бесчисленные свидетельства из отцов, мы привели очень немного: мы желали, чтобы наше послание ограничилось в подробностях коротким повествованием, дабы не произвести скуку в читателе. Только одно, о чем мы уже выше сказали, нам не наскучит повторять еще чаще: при помощи Божией мы храним веру святого халкидонского собора во всем неповрежденною, и его определения, так же, как и первого ефесского, константинопольского и никейского соборов, мы и доселе неприкосновенными соблюдаем и даже до смерти сохраним. Поэтому ваша любовь да не избегает общения с верными православными братиями, чтобы не обратить во свидетельство против себя, если пренебрежете выслушать настоящее увещание нашего голоса. А мы после слов прибегаем к Господу, и сколько можем, со слезами молим Его, чтобы Он все, что мы говорим вам для восстановления согласия, рукою внутреннего внушения в ваших умах привел в исполнение.

Бл. Григорий в послании к Иоанну, епископу константинопольскому, о пятом соборе говорит следующее²⁹³:

Так как «сердцем веруется в правду, усты же исповедуется во спасение» (Рим. 10, 10), то я исповедую, что как четыре книги святого Евангелия, так и четыре собора я принимаю и почитаю, именно, никейский, на котором отвергается нечестивое учение Ария, константинопольский, на котором ниспровергается заблуждение Евномия и Македония, ефесский первый, на котором осуждается нечестие Нестория, халкидонский же, на котором отвергается заблуждение Евтихия и Диоскора, содержа

со всем благоговением, охраняю с полнейшим одобрением; потому что на них, как на четверугольном камне, возвышается здание святой веры и стоит образец жизни и действий каждого. Кто не держится их твердости, тот, хотя бы и камнем казался, однако ж лежит вне здания. Равно и пятый собор почитаю, на котором послание, приписываемое Иве, полное заблуждений, осуждается, и Феодор, разделяющий лице Ходатая Бога и человека на два существа, объявляется впавшим в вероломство нечестия, а также сочинения Феодорита, в которых упрекается вера блаженного Кирилла, отвергаются как произведения безрассудной дерзости. Всех же лиц, которых вышесказанные достопочитаемые соборы отвращаются, отвращаюсь и я, а которых почитают, уважаю и я. Так как они состоялись по всеобщему согласию, то всякий, кто думает разрешать то, что они связывают, или связывать, что они разрешают, только себе делает вред, а не им. Итак, кто мыслит иначе, да будет анафема; а кто хранит веру вышесказанных соборов, да будет ему мир от Бога Отца о Христе Иисусе, Сыне Его.

Его же послание к ирландским епископам по делу о трех главах²⁹⁴.

Я получил ваше письмо с величайшею благодарностью; но моя радость была бы гораздо полнее, если бы мне пришлось порадоваться о вашем обращении. Первые же строки вашего письма известили меня, что вы претерпеваете тяжкое гонение. Но если это гонение переносится нерассудительно, то несколько не служит для спасения. Ибо никому не должно ожидать воздаяния наград за вину. Вы должны знать, как и блаженный Киприан говорит, что мучеником делает не наказание, а причина его. Если же это так, то весьма несообразно с вашей стороны рассчитывать, как вы говорите, на славу вследствие гонения, чрез которое наверное нам не достигнуть вечных наград. Итак, неповрежденность веры да приведет, наконец, вашу любовь к матери, которая вас породила, к Церкви, никакое стремление умов да не разобщает вас от единения согласия, никакое возобновленное мнение да не сбивает вас от правого пути. На соборе, на котором дело шло о трех главах, — ясно до

очевидности – ничего не было нарушено в деле веры или каким-нибудь образом изменено; во как вы знаете, там шло дело только о некоторых лицах; из них одно, которого сочинения очевидно уклонялись от правоты католической веры, справедливо осуждено. А что вы пишете, что в это время между всеми провинциями больше терпела несчастья Италия, так этого вы не должны ставить ей в укоризну, потому что написано: «егоже любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет» (Евр. 12, 6). И если это было так, как вы говорите, то значит с того времени ее больше возлюбил Бог и всячески одобрил, с которого она удостоилась терпеть биение своего Господа. А что это не так было, как вы стараетесь утверждать к ее обиде, приложите свое внимание. После того как приснопамятный Вигилий сделался папою в царствующем городе, он обнародовал мнение против Феодоры, тогдашней августы, против акефалов. Тогда Рим был покорен и пленен врагами. Следует ли, что акефалы были правы и осуждены несправедливо, если это случилось после их осуждения? Да не будет. Это непристойно говорить или как-нибудь признавать никому из вас, да и другим, которые научены тайнам католической веры. Узнавши наконец это, отстаньте уж и от этого рассуждения. А для того, чтобы касательно трех глав можно было вам, отложивши сомнение, исполнить свои души обильным удовлетворением, я нашел полезным послать вам книгу, которую по этому предмету написал святой памяти предшественник мой папа Пелагий. И если вы эту книгу, оставивши труд защиты своей вольности, захотите с чистым и бодрственным сердцем прочитывать, то я надеюсь, что вы во всем последуете ему и возвратитесь к нашему единению. А если, впрочем, после прочтения этой книги вы захотите упорствовать в своих намерениях, то без сомнения вы покажет с этим, что вы не разуму отдаете предпочтение, а упрямству. Поэтому по состраданию еще раз увещаю вашу любовь: чтобы целостность нашей веры по делу о трех главах пребыла, при помощи Божией, не нарушенною, для этого вы, отложивши кичение ума, тем скорее возвращайтесь к матери вашей

Церкви, которая ждет и приглашает своих сынов, что она, как вы знаете, ожидает вас ежедневно²⁹⁵.

**СЛОВО благочестивейшего императора
Юстиниана, посланное к Мине, святейшему и
блаженнейшему архиепископу
благополучного города и патриарху, против
нечестивого Оригена и непотребных его
мнений²⁹⁶.**

У нас всегда была и есть забота, – правую и неукоризненную веру христианскую и благостояние святейшей Божией кафолической и апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятениям. Это мы поставили первую из всех заботу; и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обретем милосердие пред Его благостию. Если враг рода человеческого и выискивает беспрестанно различные случаи, в которых старается вредить душам человеческим, но человеколюбие Божие, сокрушая его лукавство и обличая сопротивных, не допускает стаду своему потерпеть вред или рассеяться. Это мы говорим потому, что до нас дошло, будто бы некоторые, не имеющие страха Божия в сердце и не знающие отличия правых догматов, по которому спасается всякий познающий истину, оставивши божественное Писание и святых отцов, которых кафолическая Божия Церковь имеет учителями и чрез которых всякая ересь повсюду изгнана, а православная вера возвещена, защищают Оригена и его учение, сродное с заблуждениями язычников, ариан и манихеев, чрез которые он впал в яму. Как такие люди могут причисляться к христианам, защищая человека, который старался передать то, что мыслили язычники, манихеи, ариане и другие еретики, который прежде всего дерзнул высказывать богохульство на святую и единосущную Троицу, будто Отец больше Сына, Сын больше Святого Духа, а Святой Дух больше других духов? Он прибавил к своему нечестию еще следующее, говоря, что ни

Сын не может видеть Отца, ни Святой Дух – Сына, и что Сын и Святой Дух суть твари, и – что мы по отношению к Сыну, то же Сын по отношению к Отцу. К своим богохульствам он присоединил еще вот что, в первой главе своего сочинения „О началах“ (Περὶ ἀρχῶν), где он буквально говорит так: „в умопостигаемом начале Бог по Своей воле предоставил такое число мысленных существ, каким он мог удовольствоваться; ибо, надобно сказать, сила Божия ограничена, ибо под предлогом похвалы не надобно устранять ее ограничение; потому что если бы сила Божия была бесконечна, то необходимо она не понимала бы и самой себя: ибо бесконечное по природе не может быть понятно. Итак, Он сотворил столько, сколько мог обнимать, иметь под рукой и содержать под своим промыслом; а также и материю Он приготовил в таком количестве, в каком Он мог ее устроить и украсить». Какую еще хулу на Бога, более этой, мог произнести Ориген, который в Святой Троице измыслил степени, и чрез это хочет ввести многобожие и чудовищно утверждает, что самая сила Божия ограничена? Его баснословию принадлежит и то, полное всякого нечестия, мнение, что все роды и виды совечны Богу; и что разумные существа, которые согрешили и вследствие этого лишились своего прежнего состояния, по мере своих грехов, для наказания ввергаются в тела; а очистившись, опять возводятся в прежнее состояние, совершенно освободившись от зла и от тел; и опять во второй, в третий и больше раз они в наказание ввергаются в различные тела. Он предполагает, что существовали и существуют различные миры, одни прошедшие, другие имеющие быть. И кто столько неразумен, что слыша это, не устрашится умом по причине величайшего нечестия? Кто не возмущается безумного Оригена, который придумал и письменно изложил такие хулы на Бога? Эти хулы мы излишним считаем удостоивать опровержений, как запрещенные всеми христианами и имеющие явные доказательства нечестия. Поэтому, если все еретики за извращение того или другого догмата извержены из святейшей Церкви и преданы анафеме с своими учениями, то кто же из христиан потерпит, чтобы защищали Оригена и его дурные сочинения, – который насаждал

столько богохульств и почти всем еретикам доставил столько материала к гибели и богохульству, и потому уже давно святыми отцами предан анафеме вместе с его преступным учением? Хотя кто и согласится, что богоборец Ориген нечто и из правого учения внес в свои дурные сочинения (что встречается и у других еретиков), то это принадлежит не ему, а святой Божией Церкви; да и это самое он злонамеренно устроил на обман простаков. Воспитанный в языческих баснословиях и желая распространить их, он прикинулся, будто изъясняет божественное Писание, чтобы таким образом, злонамеренно смешивая непотребное свое учение с памятниками божественного Писания, вводить свое языческое и манихейское заблуждение и арианское неистовство, и иметь возможность приманивать тех, которые не в точности выразумели божественное Писание. Что иное изложил Ориген, как не учение Платона, который распространял языческое безумие? Или от кого другого заимствовался Арий и приготовил свой собственный яд? Не он ли на гибель души своей измыслил в святой и единосущной Троице степени? Чем отличается от Манихея он, который говорит, что души человеческие в наказание за грехи посланы в тела? что будто бы они были прежде умами и святыми силами, потом получили насыщение богосозерцанием, и обратились к худому, и потому охладели (ὑποψυχίσας) в любви к Богу, а отсюда названы душами, т. е. *холодными* (ψυχᾶς), и в наказание облечены в тела. И этого одного было достаточно для совершенного его осуждения, потому что это языческое нечестие. Из того, что сказал Бог: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию» (Быт. 1, 26), по его пустым речам открывается, будто только тело без души было сотворено по образу и подобию Божию, а душа всецело предсуществовала и по сотворении тела вставлена в него или влита, как в сосуд. И, конечно, необходимо будет говорить, что и сам Бог, творец человека, есть тело, потому что Он создал тело по своему образу и подобию. Каким же образом тело может быть образом бестелесного? Поэтому да не будет того, чтобы христиане соглашались с этим. Если же, по богохульному учению Оригена, души

предсуществовали и в наказание за свои грехи сосланы в тела, чтобы они исправившись образумились, то им больше уже не должно было грешить. Ибо, если тело дано душе в наказание за грехи, чтобы она своим странствованием научилась почитать Бога, то каким же образом тело пособляет и помогает ей грешить, чего не бывает у людей, подвергнутых наказанию? Ибо оковы, темницы, кандалы и, кратко сказать, все подобное, удерживает подвергнутых наказанию от нечестия и греха. И узы налагаются на согрешившего не как пособие ему ко греху и не для того, чтобы он грешил еще больше, но для того, чтобы он, мучимый узами, перестал грешить. Итак очевидно, что души посланы в тела не для исправления от прежних грехов, как они болтают, но что Бог одновременно создал и тело и душу, то есть полного человека. Поэтому мы ожидаем себе воздаяния за то, что сделано нами с телом, доброе ли, или худое. Это передает нам и божественный апостол Павел, говоря, что «всем явится нам подобает пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла» (2Кор. 5, 10). Итак должно внимать словам апостола: он не сказал, что судимый должен получить (воздаяние) за то, что он сделал прежде тела. Если же человек наказывается Судиею земли или удостоивается подобающей почести только за сделанное им с телом, а о грехах, сделанных прежде этого, совсем не упоминается, то очевидно, что души не существуют прежде тел; потому что если бы они существовали прежде, то апостол сказал бы: как с телом, так и прежде тела. А что души человеческие разумны и рассудительны, это признается всеми; этого, мы думаем, не будут отрицать и защитники Оригена. Пусть же скажут держащиеся мыслей Оригена: в каком состоянии были и что делали их души, прежде нежели вошли в тела, если, как они говорят, они существовали прежде тел? ибо если души предсуществовали, то они должны знать: где они были и как очутились здесь. Если же они не могут сказать этого, так как тут нет истины, то очевидно, что они рассказывают басни. Быть может, они скажут, что души получают способность различать и знать то, что они делают, уже после того, как входят в тела. Если же они скажут это, то, по их пустословию, выходит,

что тело почтеннее души, так как дарит ей возможность быть разумною и рассудительною. Но сказать это было бы полным безумием и нелепостью. Почему же, если, как они говорят, душа предсуществовала, она имеет нужду в учении и образовании, вошедши в тело, понемногу подвигается и достигает лучшего и совершеннейшего? Ибо если бы она предсуществовала и знала полезное, то не имела бы надобности ни в каком учении и, как вращающаяся в знании, не исправлялась бы занятиями²⁹⁷; и если она знала преткновение, то она не училась бы, как знавшая прежде; если же она учится, как незнающая, то не знала прежде; если же она не знала прежде, то и не существовала прежде. Но очевидно, что она прежде не существовала; ибо виновник нашего существования есть единый Бог, который как создал нас из небытия, так и, создав, спасает нас собственною благодатию, когда мы оказываемся достойными этого и способными. Ибо Бог, сказавший: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию» (Быт. 1, 26), вместе создал то и другое, то есть, образовал тело и сотворил разумную и рассудительную душу. Так Бог вместе и образовал тело и сотворил душу, создав таким образом полного человека; ибо ни тело без души, ни душа без тела не составляют человека. Если душа предсуществовала, как ложно учит Ориген, то для чего святейший пророк Захария сказал: «созидай дух человека в нем» (Зах. 12, 1)? потому что, если душа предсуществовала, то надлежало сказать: вливающий как в сосуд или посылающий в него дух человека; ныне же, говоря: "созидай", (пророк) показывает, что как тело, так и душу, прежде несуществовавшую, Бог сотворил собственною своею силою и благодатию. А что человек, как сказано, сотворен по образу и по подобию Божию и удостоился божественного вдуновения, это показывает, что душа сотворена не только разумною и рассудительною, но и бессмертною, для того, чтобы она господствовала над всеми находящимися на земле тварями. То же означает и сказанное о душе Григорием Богословом, что она от Бога и божественна и приобщилась высшего благобытия: не так, как говорят некоторые мечтатели, что будто душа имеет божественную сущность, но так, что она

сотворена вдуновением Бога и получила от Него дар быть разумною и рассудительною и бессмертною, и не умирать вместе с телом, подобно бессловесным животным, а быть по благодати участницею высшего благобытия, то есть, бессмертия. Свидетельствует им и святой Иоанн, патриарх константинопольский, в одиннадцатом слове о творении, где он говорит так: "и вдуноу, – говорит, – в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу» (Быт. 2, 7). Здесь некоторые неразумные, увлекаясь собственными соображениями, ни о чем не мысля богоприлично, не обращая внимания и на приспособительность выражений (Писания), дерзают говорить, что душа произошла из существа Божия. О неистовство! о безумие»²⁹⁸! Так говорит этот отец о предложенном. А посмотри, что сказал Бог о всех прочих находящихся на земле тварях: "да будет" и: «да изведет земля», и: "бысть"; о человеке же говорит: «сотворим человека», и не только: "сотворим", но и: «по образу Нашему и по подобию», и: «персть возьмем от земли», собственными руками образовал человека «и вдуноу в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу» (Быт. 1:3, 24–26, 2:7). Итак отсюда можно видеть, что Бог сделал человека почтеннее всех прочих находящихся на земле тварей; ибо все прочее Он создал словом: «рече и быша», а человека, как сказано, создал собственными руками, по божественному Писанию; и притом все сотворенное Им на земле Он подчинил человеку, сотворенному в шестой день, чтобы он сам, находясь под властью Создателя, господствовал над всеми, уже созданными и приготовленными для него, земными тварями. Этому научает нас и святой Григорий Богослов, в слове на неделю новую, говоря: „посему к дням причисляется нечто первое, второе, третье и так далее до дня седьмого, упокоевающего от дел, и сими днями разделяется все сотворенное, приводимое в устройство по неизреченным законам, а не мгновенно производимое всемогущим Словом, для которого помыслить или изречь значит уже совершить дело. Если же последним явился в мир человек, почтенный Божиим рукотворением и образом, то сие нимало неудивительно: ибо для него, как для царя, надлежало приготовить царскую

обитель, и потом уже ввести в нее царя в сопровождении всех тварей"²⁹⁹. Итак, если, по учению Григория Богослова, последним явился человек, и притом почтенный Божиим рукотворением и образом, и все было приготовлено ему Богом, и для него, как для царя, наперед готова была царская обитель, и таким образом он введен Богом уже окруженный всеми, то как же говорят безумствующие подобно Оригену, что будто бы за грехи посылаются в тела души, существовавшие прежде и долженствующие понести наказание за прежние согрешения? Напротив святой Григорий говорит, что человек явился в мир последним и удостоен от Бога чести царствовать над всем находящимся на земле: что конечно служит доказательством не наказания, а напротив промысления и благодеяния. Согласно с Григорием Богословом учит нас и святой Иоанн, патриарх константинопольский, в одиннадцатом слове о творении, где он так говорит: „но, может быть, скажет кто: для чего же, если душа выше тела, низшее создается прежде, а потом уже высшее и важнейшее? Не видишь ли, возлюбленный, что и с (прочим) созданием было тоже самое? Небо и земля, солнце и луна, и все прочие (неодушевленные вещи), а также и животные неразумные сотворены прежде, а после всех их и человек, которому надлежало властвовать над всеми этими тварями. Подобным образом и при сотворении самого человека, прежде является тело, а потом уже и превосходнейшее существо, душа. Как бессловесные, имевшие быть полезными на службу человеку, создаются прежде человека, чтобы тот, кому надлежало пользоваться ими, имел уже готовую услугу: так и тело создается прежде души, чтобы когда, по неизреченной мудрости Божией, создана будет душа, можно ей будет показать свою деятельность движением тела“³⁰⁰. И этого довольно, чтобы показать слушателям, что мы говорим то же самое, что и святые отцы, совершенно отвергающие предсуществование душ. Но кроме того Священное Писание говорит об Адаме и Еве: «и благослови их Бог, глаголя: раститея и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею» (Быт. 1, 28). Каким же образом, если души существовали прежде тел, стало бы по божественному повелению плодиться и

размножаться то, что, по их баснословию, существовало прежде? и как бы Бог мог благословить души, впадшие уже в грехи, на то, чтобы они плодились и размножались? ибо души согрешившие достойны скорее проклятия, чем благословения. Также, если души существовали прежде и, по баснословию Оригена, находились на другой степени, то почему Бог создал только Адама? Неужели только душа Адама была тогда грешна и потому одно тело создал Бог? Ибо если до этого времени были и другие души, то надобно было создать и другие тела, имевшие воспринять эти души. И каким образом душа, по их словам, согрешившая и для наказания посланная в тело, поставлена Господом в раю сладости? Ибо если бы она послана была в тело для наказания, то была бы поставлена не в раю сладости, а в месте мучения. Но Бог так возлюбил человека, созданного Им после всех творений, что и по преступлении им данной ему от Бога заповеди и по изгнании его за это из рая, когда род человеческий стал плодиться, а грехи стали умножаться, потому что помышление людей охотнее склонялось к худшему, Бог, по благодати Своей, не презрел собственного создания, но исправлял его различными образами, о которых сообщает Священное Писание. А так как при труднейших болезнях мы имеем нужду и в большем врачевании, то Само единокровное Слово Божие, единый, то есть, одно из Лиц Святой Троицы, по человеколюбию своему, соделалось человеком, пребывая Богом, не изменивши своего божественного существа в человеческое, и не превративши человеческого своего существа в божественное: Он есть один и тот же в обоих естествах, неслиянно и нераздельно познаваемый. Ибо, пребывая тем, чем был, Он стал тем, чем не был; принявши в своем теле смерть, которой мы подлежали вследствие осуждения за преступление, Он освободил нас от вечной смерти, «начаток умершим бысть, перворожден воста от мертвых» (1Кор. 15, 20; Кол. 1, 18), «воскреси и спосади нас на небесных» (Ефес 2, 6), как учит нас апостольское предание. Ибо хотя человеческое естество в начале и было лишено рая за преслушание, но однако же, как говорится, единокровный Сын Божий «за премногую любовь свою, еюже возлюбил нас» (Еф. 2,

4), соединивши наше естество с Собою нераздельно по ипостаси, в утробе святой славной Богородицы и Приснодевы Марии, удостоил нас большей благодати, даровавши нам царство небесное. Об этом свидетельствует и святой Иоанн, патриарх константинопольский, в слове на вознесение, где он говорит так: „мы, оказавшиеся недостойными земли, ныне возведены на небо; будучи недостойны иметь и низшую власть, мы достигли царства высшего, взошли выше небес, получили царский престол. И естество, от которого херувимы охраняли рай, ныне само восседает выше херувимов“. Итак доказано, что души не существовали прежде на небесах, и потом, согрешивши, не были посланы в тела для наказания, как безумствует Ориген, а напротив, все естество человека, то есть. тело и душа будучи создано на земле, по безмерной благодати Божией, удостоено небесного царствия, так что люди, сохраняющие и исполняющие заповедь Божию, удостоиваются на небесах общения с ангелами, которым мы обязаны подражать на земле исповеданием Бога. Ибо Бог, восхотевший, по неизреченному своему человеколюбию, чтобы как на небесах прославляют Его святые силы, так и на земле прославляли Его люди, создал человека, другого земного ангела, чтобы все было полно славы Божией: и посему Господь, наставляя, как (люди) должны молиться, говорит: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое: да приидет царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» (Матф. 6, 9–10).

Согласно с тем, что мы сказали, учит и святой Григорий Богослов в слове на святую пасху, где он говорит так: „восхотев и сие показать, художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство то и другое, то есть, невидимое и видимая природа, созидает, говорю, человека; и из сотворенного уже вещества взяв тело, а от Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно под именем души и образа Божия), творит как бы некоторый второй мир, в малом великий; поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой, царя над тем, что́ на земле, подчиненного горнему царству“³⁰¹. Итак внимли: этот отец,

говоря, что Бог создал человека из того и другого, присовокупил, что тело Бог взял из сотворенного уже вещества; а о душе он не сказал ни того, что она существовала прежде, ни того, что она родилась из прежде бывшего существа, но (сказал), что Бог от Самого Себя вложил жизнь, в чем разум видит душу разумную и образ Божий. А слова этого отца, что Бог сделал человека царем на земле, подчиненным горнему царству, ниспровергают то мнение, будто бы души посланы в тела для наказания; потому что царствовать на земле и находиться под царством одного Бога есть не наказание, а великий дар Божий.

При этом необходимым почитаем сказать утверждающим предсуществование, что если бы действительно души существовали прежде тел, то они знали бы и помнили бы то, что они делали и прежде вступления своего в тела, как и по смерти знают и сознают то, что они сделали в телах. Докажем же из самых слов Евангелия, что душа по отшествии из сей жизни знает то, что сделано ею. Так Господь наш и Спаситель Христос в евангелии от Луки, в притче о Лазаре и богатом, говорит следующее: «человек некий бе богат и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц падающих от трапезы богатого: но и пси приходяще облизаху гной его. Бысть же умрети нищему и несену быти ангелы на лоно Авраамле: умре же и богатый, и погребоша его. И во аде возвед очи свои сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря на лоне его: и той возглаш, рече: отче Аврааме, помилуй мя, и послѣ Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой: яко стражду во пламени сем. Рече же Авраам: чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страдаеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть великая утвердися, яко да хотящии преити отсюду к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят. Рече же: молю тя убо, отче, да послѣши его в дом отца моего: имам бо пять братьѣ: яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения» (Лук. 16, 19–28). Итак, да посрамятся

защитники Оригена и от слов Святого Евангелия. Ибо если бы души существовали прежде тел, то они знали бы и сделанное ими прежде тел, так же, как и по отшествии из сей жизни они помнят сделанное ими при посредстве тела. Этому мы научаемся из слов святого Евангелия.

А что святые отцы, последующие богодухновенному Писанию, осудили это учение вместе с Оригеном, так баснословившим, то это мы уже ясно показали из слов самих святых отцов; ничуть не меньше мы докажем это и последующими свидетельствами святых отцов. И во-первых, в подтверждение этих наших слов приведем свидетельство святого Петра, бывшего епископа александрийского и мученика.

Святого Петра, епископа и мученика великого города Александрии, из первого слова о том, что душа не предсуществовала и, согрешивши, не была послана за это в тело. „Мы вздумали предложить нечто о первом, созданном из земли, перстном человеке, с целью доказать, что он создан один и тот же в то же самое время, хотя в частности иногда говорится о внутреннем и внешнем человеке. Ибо хотя, по спасительному учению, сотворивший внутреннее сотворил и внешнее, однако в один раз и в одно время, то есть, в тот же день, когда Бог сказал: «сотворим человека по образу и по подобию Нашему» (Быт 1, 26), так что отсюда очевидно, что (человек) произошел не от соединения как бы чего-то другого предсуществовавшего и пришедшего из другого места. Потому что, если было соединение, то для чего было и описывать то, что уже было сотворено?» И немного после: „таким образом не допускается, что души согрешили на небе прежде тел, так как они вовсе и не существовали прежде тел. Это учение принадлежит еллинской философии, которая есть иностранка и чужая для желающих благочестно жить о Христе“.

Его же из тайноводственного учения, которое он составил для Церкви, готовясь принять венец мученичества: „Посему умоляю, бодрствуйте; потому что опять подвергнетесь гонению. Вы знаете, сколько опасностей от безумно преданных идолам перенес воспитавший меня отец мой и епископ Феона, которого я наследовал престол, и о если бы – образ жизни; – также

великий Дионисий, скрывавшийся из одного места в другое, когда его преследовал Савеллий. А что скажу о блаженных епископах Ираклии и Димитрии? какие испытания вытерпели они от безумного Оригена, посеявшего в Церкви и свои расколы, донныне возбуждающие в ней возмущения?“ Итак, кто из здравомыслящих может противиться тому, что сказал против Оригена святой мученик и епископ александрийский Петр? Он, принявши добрый подвиг за Христа, не только обличил Оригена и его нечестивое учение, но и свидетельствует, что бывшие прежде его святые отцы претерпели много испытаний от его безумия.

И святой Афанасий, также бывший епископ александрийский, в слове о жизни блаженного Антония сказал следующее: „как же осмеливаетесь вы посмеяться над нами, которые говорим, что Христос явился человеком, когда сами, сводя душу с неба, утверждаете, что она блуждает, и с небесного свода ниспадает в тело?“³⁰². Слышащие должны обратить внимание на то, что святой Афанасий ясно противоречит тем, которые говорят, что прежде существовал ум и из него произошла душа, которая согрешила и ниспала с свода небесного в тело.

Того же святого Афанасия из второго слова против ариан: „вся видимая тварь создана в шесть дней: и в первый создан свет, который Бог назвал днем; во второй создана твердь; в третий Бог, собирая во едино воды, явил сушу, и произвел на ней различные плоды; в четвертый сотворил солнце и луну и весь звездный сонм; в пятый создал животных в море и в воздухе; в шестой сотворил четвероногих, живущих на земле, и наконец человека, состоящего из разумной души и тела. «Невидимая Его от создания мира твореньми помышляема видима суть» (Рим. 1, 20). И свет не то, что ночь; солнце не то, что луна; бессловесные животные не то, что разумный человек; ангелы не то, что престолы, и престолы не то, что власти. Напротив того, хотя все они – твари, однако же, каждая по роду созданная вещь в собственной сущности своей, какую сотворена, такую есть и пребывает“³⁰³. Вот и святой Афанасий передает, что после всех тварей Бог создал человека,

состоящего из тела и души разумной и словесной. Ибо не сказал, что после всего создано тело, дабы в него вошла предсуществовавшая душа, но сказал, что после всех тварей создан человек, состоящий из словесной души и тела, показывая этим, что Бог вместе сотворил то и другое, то есть, тело и душу.

А так как между прочими богохульствами Оригена находится и такое, что душа Господа предсуществовала и Бог Слово соединился с нею прежде воплощения от Девы: то, ниспровергая такое пустословие, тот же святой Афанасий в послании к Епиктету говорит следующее: „по справедливости да осудят сами себя все думающие, что плоть от Марии была прежде Марии, и что Слово прежде нее имело какую-либо человеческую душу, и до пришествия своего было всегда с ней“³⁰⁴. Итак, если, по словам святого Афанасия, душа Господа нашего Иисуса Христа, во всем уподобившегося нам, кроме греха, не существовала до его пришествия во плоти, то какое безумие говорить, что другие человеческие души существовали прежде тел!

Послушаем сверх того и святого Василия, который в беседе на слова: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу» (Иоан. 1, 1), так говорит: „смотри, чтобы не ввела тебя в обман подобоименность слова. Ибо как быть в начале человеческому слову, когда человек получил начало бытия уже поздно? Прежде человека – звери, прежде человека – скоты, все пресмыкающиеся, все живущее на суше и в воде, птицы небесные, звезды, солнце, луна, растения, семена, земля, море, небо“³⁰⁵. Вот св. отец ясно убеждает нас не увлекаться баснями Оригена о предсуществовании душ; ибо он не учит нас, что в начале существовало слово человеческое, то есть, душа, но открыто взывает, что бытие человека есть последнее из всех творений Божиих. Итак, если все твари явились прежде человека, то каким образом души предсуществовали? Ибо св. отец сказал, что все сотворено не прежде тела, но прежде человека, который состоит из души и тела. А отсюда видно, что вместе сотворено и то и другое.

Также и святой Григорий нисский, в трактате о человеке, говорит: „не вне, может быть, пределов предлагаемого нам труда, исследование того, что в церквях составляет предмет недоумения о душе и теле. Одним из живших прежде нас, а именно занимавшимся учением о началах, рассудилось утверждать, что души, подобно какому-то обществу, по особым постановлениям существуют сами по себе; и там есть для них образцы порока и добродетели; и душа, пребывающая в добре, остается не испытавшею соединения с телом; но, если она уклонится от общения с добром, и возымеет поползновение к здешней жизни, в таком случае бывает соединена с телом. Другие же, держась описанного Моисеем порядка в устройении человека, говорят, что душа по времени вторая после тела. поскольку Бог, сперва «взем персть от земли» (Быт. 2, 7), создал человека, а потом уже одушевил его вдуновением; то на сем основании доказывают, что плоть предпочтительнее души, вошедшей в предварительно созданную плоть“. И немного далее: „защитники первого учения, которые утверждают, что души, до жизни во плоти, имеют другой образ жизни, по моему мнению, держатся еще языческих баснословных учений о переселении души из одного тела в другое. Ибо, если кто в точности исследует, то по всей необходимости найдет, что учение их клонится к тому, что, как говорят, сказывал о себе один из их мудрецов, а именно: „был я мужем, потом облекся в тело жены, летал с птицами, был растением, жил с животными водяными“. И, по моему суждению, не далеко отступил от истины утверждающий о себе подобное. Ибо подобное учение, что одна душа входила в столько тел, подлинно достойно, или крика каких-либо лягушек и галок, или бессловесия рыб, или бесчувственности растений. Причиною же такой нелепости та мысль, что души предсуществуют. Ибо начало подобного учения, открывая рассуждению путь к ближайшему и непосредственно за тем представляющемуся, последовательно доводит до таких бредней. Если душа каким-либо пороком отвлечется от высшего образа жизни, однажды вкусив (как говорят) телесной жизни, делается человеком; жизнь же во плоти, в сравнении с вечною и бестелесною, без сомнения

признается более страстною: то душе в такой жизни, в которой больше поводов ко греху, совершенно необходимо сделаться более порочною, и более расположенною к страстям, нежели сколько было прежде. Страстность же человеческой души есть уподобление бессловесному. Душа, усвоившая себе это, переходит в естество скотское, и однажды вступив на путь порока, даже и в состоянии бессловесия никогда не прекращает дальнейшего поступления во зло. Ибо остановка во зле есть уже начало стремления к добродетели, а у бессловесных добродетели нет. Посему душа необходимо всегда будет изменяться в худшее, непрестанно переходя в состояние более и более бесчестное, и изыскивая всегда положение худшее того, в каком она находится. Но как ниже разумного чувственное, так ниспадение из чувственного делается бесчувственностью. До сего доходя, их рассуждение, хотя вращается вне истины, однако же и нелепость из нелепости выводит с некоторою последовательностью. Но выводимое из сего баснословное учение слагается уже у них из понятий бессвязных. Ибо строгая последовательность указывает на растление души. Душа, уже однажды поползнувшаяся в жизни высшей, не сможет остановиться ни на какой мере порока, но по склонности к страстям, из словесного состояния перейдет в бессловесное; а из сего дойдет до бесчувственности растений; к бесчувственному же некоторым образом близко неодушевленное; а за этим следует не имеющее бытия. И таким образом по строгой последовательности душа сделается у них вовсе не существующею. Поэтому опять по необходимости невозможно уже для нее будет возвращение к лучшему. Между тем они из растения возводят душу в человека; а сим показывают, что жизнь растений предпочтительнее жизни бестелесной. Ибо доказано, что поступление души в худшее, как и естественно, низведет ее ниже. Бесчувственного же естества ниже неодушевленное, в которое последовательно низводит душу начало их учения. А как неужгодно им это; пусть, или навсегда заключат душу в бесчувственности, или, если хотят возвести ее отсюда в человеческую жизнь, докажут (как сказано), что древесная жизнь предпочтительнее прежнего

состояния, потому что в нем совершилось ниспадение в порок, а в первой совершается возвращение к добродетели. Посему каким-то не имеющим ни начала, ни конца оказывается учение, по которому души прежде жизни во плоти живут сами по себе, и за пороки соединяются с телами³⁰⁶. Итак, учение этого отца очевидно: оно отвергает учение о существовании душ прежде тел.

Послушаем и святого Феофила, епископа александрийского, который в слове, написанном к некоторым монахам, державшимся мыслей Оригена, говорит так: „итак анафематствует Оригена и других еретиков, подобно нам, и епископ святой церкви римской Анастасий, который за давние свои подвиги сделан знаменитым вождем славного народа, а за ним следует и весь собор блаженных епископов запада, принявший определение александрийской церкви против этого нечестивца”.

Его же из послания к праведникам, жившим в Ските, по поводу недовольных осуждением Оригенова учения: „некоторые дерзнули сказать, что Ориген есть учитель Церкви. Следует ли быть к ним снисходительными? Если Ориген есть учитель Церкви, то хорошо рассуждают и ариане, и евномиане, и еллины: одни богохульно учат о Сыне и Духе, а другие, нечестуя подобно им, смеются и над воскресением мертвых“. Итак, из сказанного ясно, что кто следует святым отцам, тот не блуждает, а также, что единомышленники Оригена следуют языческому заблуждению и арианскому безумию.

Также и святой Кирилл, епископ александрийский, в послании к монахам, жившим в Фуге, против не признающих воскресения тел, говорит следующее: „итак говорят, что некоторые из вас отвергают воскресение тел человеческих, а это есть часть нашего исповедания, которое мы произносим, приступая к спасительному крещению. Ибо, произнося исповедание веры, мы присовокупляем, что мы веруем и в воскресение плоти. Если же мы отвергаем это и не веруем, что Христос восстал из мертвых, дабы и нас сооставить с Собою, то мы имеем веру шаткую, и, оставивши царский путь, идем путем кривым. А такое нечестие есть плод сумасбродства

Оригена, которого и отцы наши осудили и анафематствовали, как извратившего истину; ибо он не мыслил как христианин, но последуя бредням языческим, впал в заблуждение. Здесь и начало его недугов. Ибо он говорит, что души существовали прежде тел и от дел святых они увлеклись в злые похоти и удалились от Бога, а за это Он осудил их и отелесил, и они находятся во плоти, как в темнице».

Его же из послания к монахам, жившим в Фуе: „Церковь, последуя богодухновенному Писанию, не признает, что душа существовала прежде тел и согрешила прежде их. Ибо как могла грешить та, которая не существовала? А мы утверждаем, что Творец всего создал тело из земли и одушевил его разумною душою. Таково происхождение человека». И немного далее: „что душа человека не осуждена и не послана в этот мир, как говорят, за прежде соделанные грехи, уверяет премудрый Павел, который пишет: «всем бо явится нам подобает пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла» (2Кор. 5, 10). Почему он говорит, что откроется только то, что сделано с телом, и ничуть не упоминает о том, что сделано до тела, если бы он знал, что душа существовала прежде и согрешила прежде? Если же мы подлежим суду только за сделанное нами в теле, то очевидно, что мы не имеем греха, который бы был сделан нами до тела; ибо душа человека совершенно не существовала прежде его. Далее в этом вполне убеждает нас и сила Писания закома. Если, как говорит заблудшийся Ориген, душа приняла тело вместо наказания, как возмездие за прежде соделанные грехи, то по какой причине закон грозил грешникам смертью? Ибо скорее должно было бы умирать праведным, чтобы освободиться им от уз наказание, а жить – преступникам, чтобы терпеть наказание, не освобождаясь от уз“.

Из соборного послания, составленного епископами Египта и Александрии, против учения Оригена: «итак этот Ориген, о котором говорится, сделался как бы мерзостью запустения среди истинной Церкви; будучи рукоположен в пресвитера законною и единою истинною рукою, он имел только одно голое достоинство пресвитера, подобно тому, как тать и предатель

Иуда имел достоинство апостола. Ибо, когда он стал говорить богохульные беседы, то бывший в то время епископом, преданный истине, блаженный Ираклий, как земледelec и виноградарь поля Церкви, исторг его, как несомненно худой плевел, из среды хорошего хлеба“. И несколько далее: «итак, ниспадши с неба на землю, подобно молнии, и дыша, подобно отцу своему диаволу, великим и сильным гневом против истины, он отплыл в страну, называемую Палестиною, и остановился в митрополии Цесарии; затем, совершенно разоблачивши лице свое от всякого покрывала и подобно рыбе, которую некоторые называют каракатицею, изрыгая темный и черный яд жизни, что доставляло ему удовольствие, он изложил там учение свое письменно, при чем подобно шинкарю еврею под личиною добра примешал к горькому и Сладкое. Ибо что говорит этот злохудожник и безумец? Была, говорит, душа прежде тела и предсуществовала на небе. Там, говорит, она согрешила и заключена под стражу, то есть, послана в тело, для очищения, говорит, и заглаждения сделанных ею на небе грехов. Впрочем, здесь нечестивейший Ориген говорит чистые басни и хочет вести войну против истины“. И несколько далее: «если бы душа предсуществовала на небесах и там согрешила прежде, как сказал безумный и богоборный Ориген, то святейшему пророку нужно было сказать не так: «и созидая дух человека в нем» (Зах. 12, 1), но скорее так: погружающий или, пожалуй, посылающий дух человека в него. Ныне же, говоря не это, но: «созидая в нем», он обличает этого лютейшего волка, снаружи облеченного в овечью кожу для губельного обмана. Ибо он, как будто бы низринутый с неба и хорошо знающий тамошние установления, говорит, что душа не только существовала прежде, но и согрешила прежде“.

Итак, и божественным Писанием и словами святых отцов доказано, что бредни еретиков о предсуществовании душ не согласны ни с истинною верою христианскою, ни с здравым разумом.

Между прочим безумие Оригена видно и из того, что он говорит, будто и небо, и солнце, и луна, и звезды, и воды, находящиеся над небесами, одушевлены и суть какие-то

разумные силы. А это ясно опровергает святой Василий в третьей беседе на шестоднев; он так говорит против учения Оригена: „но нам о разделенных водах нужно сказать одно слово тем из сущих от Церкви, которые, под видом применения и возвышенных размышлений, прибегли к иносказаниям, утверждая, что под водами, в переносном смысле, разумеются духовные и бесплотные силы, и что вверху, над твердью, силы совершенные, а внизу, в местах надземных, наполненных грубейшим веществом, удержались силы лукавые³⁰⁷. Посему-то, рассуждают они, и воды, «яже превыше небес» (Псал. 148, 4), хвалят Бога, то есть, добрые силы, по чистоте владычественного в них, достойны воздавать Творцу подобающую хвалу. А воды, которые ниже небес, суть духи лукавые, с естественной своей высоты ниспавшие во глубину повреждения; и они-то как беспокойные и мятежные, волнуемые бурями страстей, именуются морем, по удобоизменяемости и непостоянству движений воли. Отринув подобные сим учения, как толкование снов и басни старых женщин, мы под водою будем разуметь воду, и разделение, произведенное твердью, будем принимать сообразно с изложенною выше причиною. Хотя к славословию общего всех Владыки приобщаются иногда и воды, «яже превыше небес»; однако же на сем основании не признаем их разумною природою. Ибо "небеса" неодушевлены, когда «поведают славу Божию, и твердь» – не животное, одаренное чувством, когда «возвещает творение руку Его» (Псал. 18, 2)³⁰⁸. Слушатели должны обратить внимание на то, что этот отец, говоря: „нам нужно сказать одно слово сущим от Церкви“, имел в виду Оригена, лишившегося благодати Божией и изринутого из святой Церкви Божией, и его единомышленников; ибо он не сказал: „нам нужно сказать сущим в Церкви“, но: „сущим от Церкви“; словом «нам» он обозначил принадлежащих к Церкви, а словами „сущим от Церкви“ – отпадших от нее.

Одна и единственная забота была у нечестивого Оригена – поддержать еллинское заблуждение и в души слабых посеять плевелы. Поэтому мы присовокупим и то достойное смеха учение какое он высказал относительно воскресения людей из

мертвых. Он говорил, что тела людей при воскресении восстанут шарообразными. О безумие и невежество этого умопомешанного истолкователя эллинских учений! Слепотствуя умом и стараясь к вере христианской примешать басни, он хотел осмеять самую надежду христиан и спасение, то есть, обещанное нам воскресение, не почитая даже и воскресения Господня. Ибо Господь, «восстав от мертвых и начаток умершим быв» (1Кор. 15, 20), явился ученикам и показал им язвы на руках и ногах и рану в боку; Он вкушал также пищу по воскресении не потому, что нуждался в пище, но для того, чтобы этим способом уверить в природе воскресшего тела. А еще, когда Господь вознесся, то ангел сказал ученикам: «сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом увидите Его идуща на небо» (Деян. 1, 11). Если бы, как безумно учит Ориген, тело Господа было шарообразно, то каким образом Он показал бы язвы на руках и ногах и рану в боку? Как стал бы Он вкушать пищу, и как могли бы узнать Его ученики? Также каким образом можно было бы узнать тела святых, восставшие из гробов по воскресении Господа и явившиеся во святом граде, если бы они явились не в том виде, какой имели при жизни? Итак, не утвердившись на камне веры, но извергая такие и гораздо худшие этих хулы, нечестивый Ориген, как и должно было случиться, отрекся от Христа во время мученичества, и воздал поклонение вводимому им еллинскому многобожию. И это случилось по воле промысла Божия, с тою целью, чтобы в Церкви не почли его за мученика и чрез это не было причинено вреда стаду Христову. Ибо, если и теперь некоторые, зная о его падении, держатся его учения, то как же не стали бы защищать его учение, если бы он сделался мучеником и Отцом, не поклонившись идолам и скончавшись мученически? Никакой ревнитель истины не отпадает от Бога и не бывает оставлен Им, как говорит божественное Писание: «воззрите на древние роды и видите, кто верова Господеви и постыдися» (Сир. 2, 10), или кто надеялся на Господа и Господь презрел его? А нечестивый Ориген не только для самого себя изложил свои богохульства, но и многих других увлек в свое заблуждение чрез свои сочинения, так что к нему совершенно

идут следующие слова святого апостола Павла: «неких же человек греси предъявлени суть, предваряюще на суд: неким же и последствуют» (1Тим. 5, 24). Ибо его заблуждение, преемственно переходя из одних слабых душ в другие, производит то, что грехи, сделанные первоначально им самим, повторяются и после него.

Приверженцам Оригена как будто недостаточно было нечестивого учения его о предсуществовании душ и богохульств о святой Троице: руководствуясь превратно понятыми словами его, они к заблуждению своему присоединили и то мнение, будто мучения всех нечестивых людей и даже демонов не вечны, и будто нечестивые и демоны возвратятся в первобытное свое состояние. Говоря так, они дают людям повод быть нерадивыми относительно исполнения заповедей Божиих, отвлекают их от тесного и узкого пути и заставляют их блуждать по пути широкому и пространному. Они идут совершенно наперекор словам великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который в святом Евангелии учит, что как нечестивые «идут в муку вечную», так и «праведники в живот вечный» (Матф. 25, 46); и опять находящимся одесную Он говорит: «приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира», а находящимся ошуюю говорит: «идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его» (Матф. 25:34, 41). Итак, когда Господь в святом Евангелии ясно возвестил, что и мучения и царствие вечны, то очевидно, что последователи Оригена ставят басни его выше слов Господа; а отсюда и открывается их безумие. Ибо, если кто-либо, увлекаясь его пустословием, допускает, что мучение имеет конец, то он по необходимости должен допустить, что имеет конец и обещанная праведным вечная жизнь; потому что вечность одинаково обещана и тому и другой. А если и мучение и блаженство имеют конец, то для чего и вочеловечение Господа нашего Иисуса Христа? Для чего распятие, и смерть, и гроб, и воскресение Господа? Какая выгода тем, которые подвигом добрым подвизались и подверглись мучению за Христа, если и демоны и нечестивые чрез восстановление достигнут того же состояния,

как и святые? Но да обратится это на головы тех, которые баснословят это; ибо слова Христа пребывают непоколебимыми и в душах верующих и в самой истине дел.

Оправдывающие нечестивое учение Оригена, избегая направленных против них сильных доводов и желая прикрыть свое заблуждение, выхватывают отрывочно некоторые изречения из святых отцов и, перетолковывая их по собственному разумению, приноравливают к своему недугу. Так делают они и с божественными Писаниями. Но мы из самих святых отцов покажем, что тщетны и эти их приемы. Так святой Григорий Богослов в апологетическом слове своем говорит следующее: «но нам, когда мы в опасности утратить спасение души блаженной и бессмертной, которая будет вечно или наказываема за порочность, или прославляема за добродетель, – какой предлежит подвиг и какие нужны сведения»³⁰⁹. И в другом месте: „какое ложное извинение, какая хитропридуманная вероятность, какая клевета на истину обманет судилища и превратит суд правый, где у всякого кладется на весы все – и дело, и слово, и мысль, где взвешивается худое с добрым, чтобы тому, что перевесит, и иметь верх, и с тем, чего больше, соображаться приговору, после которого нельзя ни перенести дела в другое судилище, не найти высшего судии, ни оправдаться новыми делами, ни взять елее для угасших светильников у мудрых дев, или у продающих (Матф. 25, 10–11), – после которого не помогает раскаяние богатого, заботящегося об исправлении родных, и не дается срока к перемене жизни? Напротив того суд сей будет единственный, окончательный, страшный, а еще более праведный, нежели страшный, или, лучше сказать, потому и страшный, что он праведен. Тогда поставятся престолы, Ветхий деньми сядет, раскроются книги, потечет река огненная (Дан. 7, 9–10), предстанут пред взоры свет и тьма уготованная: «и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота», который ныне сокровен во Христе, напоследок же с Ним явится (Кол. 3, 3–4), «а сотворшии злая в воскрешение суда» (Иоан 5, 29), которым осудило уже не уверовавших судящее их слово. И первые наследуют неизреченный свет и созерцание святой и

царственной Троицы, которая будет тогда озарять яснее и чище, и всецело соединятся со всецелым умом (в чем едином и поставляю царство небесное); а уделом вторых, кроме прочего, будет мучение, или, вернее сказать, прежде всего и прочего – отвержение от Бога и стыд совести, которому не будет конца³¹⁰.

Василия, епископа Кесарии каппадокийской, из его книги правил: „Вопрос. Если один «биен будет много», а другой "мало" (Лук. 12, 47–48); то почему же иные говорят, что нет конца мучению? Ответ. Что в некоторых местах богодухновенного Писания сказано, по-видимому, обоудно и прикровенно, то уясняется сказанным открыто в других местах. И Господь то решительно говорит, что «идут сии в муку вечную» (Мф. 25, 46), то отсылает иных «во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его» (Мф. 25:41), а в другом месте именует «геенну огненную», и присовокупляет: «идеже червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9, 47–48), и еще древле о некоторых предрек чрез пророка, что «червь их не скончается, и огонь их не угаснет» (Ис. 66, 24): потому, если при таком числе подобных свидетельств, находящихся во многих местах богодухновенного Писания, многие еще, как бы забыв о всех подобных изречениях и определениях Господних, обещают себе конец мучению, чтобы свободнее отваживаться на грех; то сие, конечно, есть одна из козней диавольских. Ибо, если будет когда-нибудь конец вечному мучению, то и вечная жизнь, без сомнения, должна иметь конец. А если не смеем думать сего о жизни, то какое основание – полагать конец вечному мучению? И мучению и жизни равно придается одно слово: вечный. Сказано: «идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный» (Мф. 25, 46)³¹¹. Его же из увещательного слова ко крещению: „за временное наслаждение греха бессмертно мучусь, за удовольствие плоти предан теперь огню“³¹².

Святого Иоанна, епископа константинопольского, из первого послания его к монаху Феодору: „непрестанно размышляй об этом и о реке огненной: ибо «река огненная течаше пред ним» (Дан. 7, 10). Преданный этому огню не может рассчитывать на окончание мучения. А непристойные удовольствия сей жизни ничем не отличаются от теней и сновидений. Ибо ощущение

удовольствия оканчивается прежде, чем грех dokonчен, а мучения за грехи не будут иметь конца“. Его же из толкования на первое послание к Коринфянам: „поэтому нам надлежит сделать не малое исследование, но о вещах очень необходимых. Все люди доискиваются, будет ли конец огню геенскому. Что конца ему не будет, это показал Христос, сказавши: «огнь их не угаснет и червь их не умрет» (Мк. 9, 46); а Павел, показывая, что огнь геенский нескончаем, говорит, что грешники «муку примут, гибель вечную» (2Сол. 1, 9)“.

Итак, если и божественное Писание и святые отцы ясно научают нас, что не будет конца мукам нечестивцев и обожаемых ими демонов, то о каком восстановлении мечтают единомышленники Оригена, когда мучения бесконечны? Ибо святая Церковь Христова как праведным возвещает вечную нескончаемую жизнь, так и нечестивым возвещает нескончаемое мучение. В этом все дело. И мы нашли нужным из многого сказанного в божественном Писании и у святых отцов привести только немного, для обличения нечестия оригенистов.

Желая удалить всякий соблазн из святейшей Церкви, так чтобы в ней не оставалось никакого порока, и последую божественному Писанию и писаниям святых отцов, отвергшим как самого Оригена, так и его зловерное и нечестивое учение и праведно подвергших его и его учение анафеме, мы посылаем к твоему блаженству это наше послание, которым убедительно просим тебя собрать всех находящихся в сем царствующем городе святейших епископов и боголюбивейших игуменов здешних честных монастырей, и устроить так, чтобы все решительно анафематствовали упоминаемого выше нечестивого и богоборного Оригена, прозванного адамантовым, бывшего пресвитером святейшей церкви александрийской, и его зловерное и нечестивое учение и все приведенные ниже главы; а также просим тебя копии этого, что будет сделано твоим блаженством по этому поводу, послать ко всем святейшим епископам и игуменам честных монастырей, с тем, чтобы и они собственной подписью анафематствовали Оригена и зловерное его учение, со всеми, какие обнаружатся,

еретиками. Наконец, просим тебя не иначе хиротонисать епископов и определять игуменов монастырей, как если они наперед, вместе со всеми прочими еретиками, обыкновенно анафематствуемыми в изданных книжках, то есть, с Савеллием, Арием, Аполлинарием, Несторием, Евтихием, Диоскором, Тимофеем Элуром, Петром Монгом, Анфимом трапезунтским, Феодосием александрийским, Петром бывшим прежде антиохийским, Петром апамийским, и Севиром, бывшим некогда антиохийским, анафематствуют также и вышеупомянутого Оригена, страждущего еллинским и арианским безумием, и его зловерное и нечестивое учение. Надобно всем объявить, чтобы решительно никто не дерзал защищать этого еретика и его изложения, но чтобы каждый от всей души и от всей мысли ненавидел их, отвращался от них и анафематствовал их, как чуждые христианскому преданию и причиняющие великий вред душам простых людей.

То же самое мы написали не только к твоей святости, но также и к святейшему и блаженнейшему папе древнего Рима и патриарху Вигилию и ко всем прочим святейшим епископам и патриархам, то есть, александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому, чтобы и они позаботились об этом деле и об окончании этих смут. Желая, чтобы все христиане знали, что написанное Оригеном совершенно чуждо истинной вере христианской, мы рассудили небольшую часть из многих и безмерных богохульств его привести здесь буквально. В них излагается так:

О том, что Сын меньше Отца, а Дух меньше Сына: из третьей главы первой книги: о началах.

„Бог и Отец, содержащий все, проникает в каждое из существ, сообщая каждому бытие от своего; у Него есть низшее: так после Отца Сын, достигающий только разумные существа, есть второй по Отцу. Еще меньше Дух Святой, воздействующий на одних только святых. Так что поэтому могущество Отца больше, чем могущество Сына и Святого Духа, а могущество Сына больше, чем могущество Святого Духа, и опять могущество Святого Духа гораздо значительнее, чем могущество всех прочих святых существ». ³¹³

О том, что могущество Бога Отца ограничено: из девятой главы второй книги.

„Надобно сказать, что и Божие могущество ограничено, и эта ограниченность не должна быть скрываемая под предлогом прославления Бога“. И немного далее: «ибо Он сотворил столько, сколько мог объять руками, держать в Своей власти и управлять Своим промыслом; равно как Он столько создал вещества, сколько мог его украсить». ³¹⁴

Его же, из четвертой книги.

Никто да не оскорбится словом, если мы поставляем границы и Божью могуществу. Ибо содержать безпредельное невозможно по самой природе. Но если имеет границы то, что содержит сам Бог, то необходимо должен быть предел, до которого простирается имеющее границы“.

О том, что Сын есть творение и создан: из той же четвертой книги.

„Сей Сын, рожденный по воле Отца, «сый образ Бога невидимого, сияние славы Его, и образ ипостаси Его, перворожден всея твари, творение, премудрость». Ибо сама премудрость говорит: «Господь созда Мя в начало путей своих в дела Своя» (Кол. 1, 15; Евр. 1, 3; 2Кор. 5, 17; Притч. 8, 22)». ³¹⁵

О том, что Отец содержит Сына вместе с прочими тварями, и Отец по всему больше Сына и невидим для Него: из той же четвертой книги „о началах“.

„Если Отец содержит все, а в числе всего заключается и Сын, то очевидно, что Он содержит и Сына. Если кто-нибудь другой спросит: действительно ли все равно – познавать Бога из Него самого и познавать Его из Единородного, то окажется, что во всех отношениях истинно сказанное: «пославый Мя Отец болий Мене есть» (Иоан. 10:29, 14:28). Почему и в деле познания Отец более и яснее и совершеннее познается из Самого Себя, чем из Сына“. ³¹⁶

Из второй главы той же первой книги.

„Итак, мы, созданные по образу, имеем в Сыне первообраз, как бы истину всех находящихся в нас добрых образов. А Сын по отношению к Отцу, который есть истина, то же, что мы по отношению к Нему Самому“.

Его же, из тринадцатой главы той же книги.

„Итак, я думаю, о Спасителе хорошо бы сказать, что Он есть образ благодати Божией, но не само благо: конечно и Сын благ, но не просто благ. Как образ Бога невидимого, Он поэтому Бог, но не тот Бог, о Котором говорит Сам Христос: «да знают Тебе единого истинного Бога» (Иоан. 17, 3); также точно Он образ благодати, но не как Отец, неизменно благодатный».³¹⁷

О том, что, называя Сына и Святого Духа творением, он причислил их к другим тварям, и посему назвал их существами служебными: из четвертой главы первой книги „О началах».

„Итак, что все сущее, кроме Отца и Бога всяческих, сотворено, в этом убеждаемся из того же самого умозаключения“. И спустя немного: „еврей сказал, что два шестокрылатые серафима у Исаии, вопиющие друг ко другу и глаголющие: «свят, свят, свят Господь Саваоф» (Ис. 6, 3), суть Единородный Божий и Святой Дух. Мы же думаем, что и в песни Аввакума, в словах: «посреде двою животну познан будеши» (Авв. 3, 2) говорится о Христе и Святом Духе“.

Из шестой главы второй книги „О началах», где Господа называет простым человеком.

„Посему и человек стал Христовым, достигнув этого своими добродетелями, как свидетельствует пророк, говоря: «возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза Тя, Боже, Бог Твой елеем радости паче причастник Твоих» (Пс. 44, 8), Надлежало же, чтобы тот, который ни в каком случае неотделим от Единородного, сопребывал с Единородным и прославился с ним»³¹⁸.

О том, что твари совечны Богу: из второй главы первой книги „О началах».

„Как же не нелепо то, чтобы Бог, не имевший какого-либо из своих свойств, стал потом иметь оное? И так как не было времени, когда бы Он не был Вседержителем, то следовательно всегда существовало и то, чрез что Он есть Вседержитель; и всегда было нечто подчиненное Ему, имеющее Его Владыкою»³¹⁹.

Из той же главы.

„Все роды и виды существовали всегда; кто-нибудь иначе может сказать о единичном по числу. Однако же в обоих случаях ясно, что Бог не начинал творить, как будто некогда был праздным“.

О предсуществовании душ: из шестой главы первой книги „О началах“.

„По собственной вине тех, которые не внимают себе неусыпно, бывают падения то быстрее, то медленнее, и притом на более или менее продолжительное время, так что Божественный суд по этой причине соразмеряет с более добрыми или более дурными побуждениями каждого и достойное воздаяние. Одни получают в будущем устройстве мира ангельское достоинство, или начальственную силу, или власть над некоторыми, или престол над подданными, или господство над рабами. Другие же, которые не совсем пали, будут иметь заступление и помощь, как мы сказали. И таким образом преимущественно из находящихся под началами, властями, престолами и господствами, быть может, некогда на место их самих поставится род человеческий в одном мире“³²⁰.

Из той же главы: о том, что если демоны изменятся к лучшему, то они некогда дополняют человечество.

„Думаю также, что человечество может некогда дополниться из подчиненных злым началам и властям и миродержителям в каждом мире, или из разумных (существ) какого-либо мира, которые скорее воспримут благоденствие и пожелают измениться“³²¹.

О ниспадении высших существ в тело.

„Таким образом, если мир в высшей степени разнообразен и содержит в себе такие разнообразные существа, одаренные разумом, то что другое должно назвать причиной этого разнообразия, как не различие падения существ, неодинаковым образом отпадших от единства? И душа некогда избрала водяную жизнь“³²².

Из второй (восьмой) главы первой книги о началах.

„Душа, отпадающая от добра, и получающая склонность к злу и долго в нем пребывающая, если не обращается, впадает в неразумие и вследствие зла нисходит на степень животности“.

И немного далее: „она избрала то, что свойственно неразумным и, так сказать, водяную жизнь, и может быть, в возмездие за бóльшую степень падения во зло, облеклась в водяное тело подобного же неразумного животного“³²³.

Из той же (II, 3) главы: о том, что будет совершенное отложение тел.

„Когда покоренное Христу покорится наконец и Богу (1Кор. 15), тогда все отложат тела; и я думаю, что тогда они превратятся в ничтожество; природа тел вторично может быть восстановлена, если разумные существа опять ниспадут“.³²⁴

Из шестой главы третьей книги: о том же.

„О Боге сказано, что Он будет всяческая во всех; но как мы не можем оставить совершенно зла, так и Бог не бывает всяческая во всех, — ни в том, что неразумно, чтобы Богу не быть в зле, и в неразумных животных, ни в том, что бездушно, чтобы не быть Богу и в этом, когда Он будет всяческая, а таким образом и ни в том, что телесно, потому что тела по своей природе бездушны“.³²⁵

Из восьмой главы второй книги о началах.

„Из отпадения и охлаждения (ψύξις) от жизни, свойственной духу, явилась ныне существующая душа (ψυχή) которая может возвратиться к тому, чем она была в начале. Это, я думаю, выражается в словах пророка: «обратися, душе моя, в покой твой» (Псал. 114, 6–7), дабы она всецело стала умом. Таким образом, ум стал душою, а душа исправившаяся становится умом“.³²⁶

Из той же главы: о том же.

„Как Спаситель пришел для того, чтобы спасти погибшее (Лук. 19, 10), и это погибшее, будучи спасенным, уже не есть погибшее: так и душа, которую Он пришел спасти, как нечто погибшее, хотя не есть еще душа спасенная, однако же не есть и погибшая. Еще надобно заметить: как погибшее было некогда не погибшим, и будет время, когда оно не будет погибшим: так и душа некогда не была душою и некогда не будет душою“.³²⁷

Из четвертой книги.

„Необходимо (признать), что телесной природы не существовало прежде, но что она существует по временам

(через промежутки времени), по причине некоторых падений разумных существ, имеющих нужду в телах; по совершенном же исправлении, тела опять уничтожатся. И так должно быть это всегда“.³²⁸

Из седьмой главы первой книги: о том, что солнце, луна и звезды одушевлены.

„Что душа солнца древнее, чем облечение ее в тело, – это можно заключить и из сравнения человека с солнцем; но я думаю, что это также можно доказать и из Священного Писания»³²⁹.

Из той же главы.

„Лучше «разрешиться, и со Христом быть, много паче лучше» (Фил. 1, 23). Я думаю, что и солнце сказало бы: лучше разрешиться и со Христом быть, ибо это гораздо лучше. Впрочем, Павел (говорит): «а еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради» (Фил. 1, 24). И солнце (сказало бы): не пребывать в этом небесном теле гораздо более необходимо ради откровения сынов Божиих. То же должно сказать о луне и прочих светилах»³³⁰.

Из четвертой книги: о том, что и за демонов Христос должен распяться и притом много раз в будущие века.

„Если кто предложит вопрос о страдании, то вопрос этот может показаться дерзким, если он относится к небесным областям. Однако же, если в небесных есть духовная нечистота, то можем ли мы бояться и здесь признать Распятого для разрушения того, что Он разрушил страданием. Таким образом, допуская и здесь сходство, мы не боимся допустить оно и в прочем [и там] даже до века“³³¹.

Из той же книги.

„Кто, имея здравый ум, станет утверждать, что были первый, второй и третий день, также вечер и утро – без солнца и звезд“³³²?

Когда все это так и когда для всех очевидны богохульства Оригена, то прилично произнести на него анафематствование так:

1) Кто говорит или думает, что души человеческие предсуществовали, что они были прежде умами и святыми

силами, наслаждались полнотою божественного созерцания, а затем обратились к худшему и чрез это охладели (ἄψυχους) в любви к Богу, отчего и называются душами (ψυχὰς) и в наказание посланы в тела, тот да будет анафема.

2) Кто говорит или думает, что душа Господа прежде существовала и соединилась с Богом Словом прежде воплощения и рождения Его от Девы, – да будет анафема.

3) Кто говорит или думает, что сначала во чреве святой Девы образовалось тело Господа нашего Иисуса Христа и затем с ним соединились Бог Слово и душа, существовавшая уже прежде, – да будет анафема.

4) Кто говорит или думает, что Слово Божие уподоблялось всем небесным чинам, было для херувимов херувимом, для серафимов серафимом, и уподоблялось всем вообще высшим силам, – да будет анафема.

5) Кто говорит или думает, что тела человеческие в воскресении восстанут шарообразными, а не исповедует, что мы восстанем в правильном виде, – да будет анафема.

6) Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно-вещественные силы, – да будет анафема.

7) Кто говорит или думает, что Господь Христос распнется в будущем веке за демонов, как и за людей, – да будет анафема.

8) Кто говорит или думает, что могущество Бога ограничено, или что Он создал столько, сколько мог обнять, – да будет анафема.

9) Кто говорит или думает, что наказание демонов и нечестивых людей временно и что после некоторого времени оно будет иметь конец, или что будет после восстановление демонов и нечестивых людей, – да будет анафема.

10) Анафема и Оригену, прозванному адамантовым, изложившему это, вместе с его нечестивым, непотребным и преступным учением, и всякому, кто держится этих мыслей, или защищает их, или каким-нибудь образом когда-либо осмелится повторять их.

Грамота Императора Юстиниана к святому собору об Оригене и его единомышленниках³³³.

Заботою нашею было и есть охранять мир святой Божией и апостольской Церкви, как требует справедливость, и осуждать то, что в каком-нибудь отношении является противным православной вере.

Посему, когда мы дознали, что в Иерусалиме есть некоторые монахи, которые учат и следуют нечестивым заблуждениям Пифогора, Платона и Оригена адамантового, то заблагорассудили приложить попечение и исследование о них, чтобы они наконец не погубили многих своею еллинскою и манихейскою лестию. Ибо они говорят (упомянем о немногом из многого), что умные силы были без всякого числа и имени, так как и все разумные существа составляют одно по тождеству природы и деятельности и по силе у Бога Слова, происходящей от единения и познания; ибо они, получив одинаковое украшение божественной любви и созерцания, вследствие изменения своего к худшему облеклись в более грубые или в более тонкие тела, и получили имена, и таким образом произошли небесные и служебные силы; что даже солнце, луна и звезды, принадлежа к тому же единству разумных существ, вследствие обращения к худшему, стали тем, что суть теперь; что те разумные существа, в которых охладилась (ἀποψυχέντα) большая божественная степень любви, названы душами (ψυχᾶς), и заключены в более грубые тела, каковы наши; что существа, достигшие предела крайней степени зла, облеклись в холодные (ψυχροῖς) и темные тела, сделались и стали называться демонами, и что из ангельского состояния бывает переход в душевное состояние, из душевного в демонское и человеческое; что из всего единства разумных только один ум остался непоколебимым и неизменным в божественной любви и созерцании, который стал Христом царем, Богом и человеком. (Они утверждают также), что будет совершенное уничтожение тел, что сначала Господь оставит свое тело, а потом и все другие (существа); и что снова все возвратятся в единство и станут умами, как это было в предсуществовании; отсюда ясно, что в то же самое единство будет восстановлен сам диавол и прочие демоны, а также нечестивые и безбожные люди вместе с божественными, богоносными мужами и небесными силами; что

они будут иметь такое же единение с Богом, какое имеет Христос, и какое они имели в предсуществовании, что посему Христос нисколько не отличается от других разумных существ ни по существу, ни по ведению, ни по силе, ни по действию. Пифогор начало всех вещей называл единицею (μονά_ζ); с другой стороны Пифогор и Платон признавали какое-то собрание бестелесных душ и говорили, что когда они впадают в какой-нибудь грех, то посылаются в наказание в тела. Оттого Платон называл тело узами (δέμας) и гробом (σῆμα), потому что душа в нем как бы связана и погребена. Затем он также о будущем суде и воздаянии душам говорил: душа того, который с философиєю предаётся педерастии и беззаконной жизни, будет терпеть наказание в продолжение трех тысячелетних периодов, и таким образом окрылившись, в трехтысячный год освободится и отойдет от тела; прочие по окончании сей жизни одни сойдут в подземное судилище для того, чтобы подвергнуться суду и вместе дать отчет, а иные вознесутся в некоторое небесное место и после суда достойным образом будут оценены, смотря по тому, как жили. Легко понять нелепость этого учения. Ибо кто сообщил ему об этих периодах и тысячах лет, и о том, что, по прошествии тысячелетий, всякая душа отойдет в свое собственное место? А вывод из всего этого неприлично было бы высказать и самому развращенному (человеку), не только такому философу; ибо он тех, которые до конца вели жизнь, исполненную чистоты, соединил с беззаконниками и педерастами и признал, что как те, так и другие будут наслаждаться одинаковыми благами. Итак Пифогор, Платон, Плотин и их последователи, как я сказал, единодушно признавая души бессмертными, говорили, что они существуют прежде тел и что есть отдельный мир душ, что падшие из них посылаются в тела, и притом так, что души ленивых в ослов, души грабителей в волков, души хитрецов в лисиц, души сластолюбцев в коней. Церковь же, наученная божественными Писаниями, утверждает, что душа сотворена вместе с телом, а не так, что одна прежде, а другое после, как казалось сумасбродству Оригена. Посему мы просим вашу святость, чтобы вы, собравшись во едино, ради этих нечестивых и

зловредных, а больше нелепых учений, тщательно прочитали предложенное изложение, осудили бы каждую главу его и наконец анафематствовали, вместе с нечестивым Оригеном, всех, которые думают или будут думать подобно ему.

Исповедание веры, императора Юстиниана против трех глав.

Во имя Бога Отца, и Единородного Его Сына Иисуса Христа Господа нашего, и Святого Духа, император, цезарь христолюбивый, Юстиниан, алеманский, готфский, франкский, герхманский, антикский, аланский, вандальский, африканский, благочестивый, благополучный, славный, победитель, торжествующий, всегда достопочтенный, август, всему собранию кафолической и апостольской Церкви.

Зная, что ничто так негодно человеколюбцу Богу, как то, чтобы все христиане одно и то же мудрствовали о правой и неповрежденной вере, и чтобы не было в святой Церкви Божией разделений, мы сочли необходимым, отняв всякий повод, как у соблазняемых, так и у соблазняющих, сделать известным чрез настоящий эдикт исповедание правой веры, проповедуемой в святой Божией Церкви, дабы те, которые исповедуют правую веру, твердо хранили ее, а те, которые любят спорить против нее, узнав истину, постарались соединиться с святою Божиею Церковью. Итак исповедуем, что мы веруем в Отца, Сына и Святого Духа, Троицу единосущную, прославляя единое божество или естество, и существо, и силу, и власть в трех Ипостасях или Лицах, в Которых мы крестились, в Которых мы уверовали и Которых исповедуем, свойства их разделяя, божество же соединяя. Ибо мы почитаем Единицу в Троице и Троицу в Единице, имеющую чудесное разделение и единение: единицу по существу или божеству, Троицу же по свойствам или по ипостасям или лицам; ибо Она разделяется, так сказать, нераздельно и соединяется раздельно: ибо божество едино в трех, и три, в которых божество, – едино; или, говоря точнее, если рассматривать божество их, каждого порознь, по одному, разделяя умом нераздельное, то и три есть (един) Бог, так как Они умопредставляются вместе имеющими одну и ту же силу и естество. Посему должно исповедовать и единого Бога и

проповедовать три Ипостаси или три Лица, и каждое с своими свойствами. И исповедуя единство, мы не делаем слияния подобно Савеллию, который говорит, что Троица есть одно лице, имеющее три имени, что тот же Отец есть и Сын и Дух Святой; разделяя же свойства, мы от существа Бога Отца не отчуждаем Сына и Духа Святого и не рассекаем, подобно безумному Арию, божество на три различные существа. Итак, един Бог Отец, из Которого все, и един Сын Единородный, чрез Которого все, и един Дух Святой, в Котором все.

Исповедуем, что Сам Единородный Сын Божий, Бог Слово, прежде веков и времени от Отца рожденный, несотворенный напоследок дней, ради нас и нашего спасения, сшел с небес и воплотился от Духа Святого и святой преславной Богородицы и Приснодевы Марии, и родился от Нее, Который есть Господь Иисус Христос, един от Святыя Троицы, единосущный Богу Отцу по Божеству и единосущный нам по человечеству, подверженный страданию по плоти и бесстрастный по Божеству; ибо не другой кто, кроме Бога Слова, претерпел страдание и смерть, но Само бесстрастное и вечное Слово Божие, воспринявшее рождение плоти человеческой, совершило все сие. Посему мы не признаем иного Бога Слова совершавшего чудеса и иного Христа страдавшего; но исповедуем единого и того же Господа нашего Иисуса Христа, Слово Божие, воплотившееся и вочеловечившееся, и как Его чудеса, так и страдания, которые Он добровольно претерпел по плоти. Ибо не человек какой-либо предал себя за нас, но сам Бог Слово предал за нас Свое собственное тело, чтобы не в человека были наши вера и надежда, но чтобы мы в Самого Бога Слово имели веру нашу. И посему, исповедуя Его Богом, мы не отрицаем, что Он есть и человек, и называя Его человеком, не отрицаем, что Он есть и Бог. Если бы Он был только Богом, то каким образом Он пострадал? каким образом распялся и умер? Ибо все это несвойственно Богу. Если же Он только человек, то каким образом одержал победу чрез страдание? как спас? каким образом оживотворил? Ибо это выше человеческой природы. В настоящем же случае один и тот же страдает и спасает и одерживает победу чрез страдание,

один и тот же Бог и вместе человек, и таким образом оба составляют одно как бы единичное. Посему, называя Христа, состоящего из двух естеств, т. е. божества и человечества, единым, мы не вводим слияния в единение. И признавая в двух естествах, т. е. в божестве и человечестве, единого Господа нашего Иисуса Христа, Слово Божие, воплотившееся и вочеловечившееся, не вносим в единую Его ипостась какого-либо разделения на части, или рассечения. Но обозначаем, что различие естеств, из которых Он состоит, не уничтожилось через единение, потому что в Нем есть то и другое естество. Ибо, когда исповедуется сочетание, то и части остаются в целом и в частях познается целое: потому что и божеское естество не изменилось в человеческое, и человеческое естество не превратилось в божеское, а более разумеется, что оба естества, сохраняя пределы и свойства своей собственной природы, стали единством по ипостаси. Единство же по ипостаси показывает, что Бог Слово, т. е. одна ипостась из трех ипостасей божества, соединилось не с человеком, прежде ипостасно существовавшим, но во чреве святой Девы образовало для Себя из нее в своей собственной ипостаси тело, одушевленное разумною и мыслящею душою, что и составляет человеческую природу. Сему-то ипостасному соединению Бога Слова с плотию научая нас, божественный апостол говорит: «иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим» (Фил. 2, 6–7). Словами: «во образе Божии сый», он показывает, что ипостась Слова пребывает в божественном существе, а словами: «зрак раба приим», указывает, что с существом человеческим, а не с ипостасью или личностью соединился Бог Слово. Ибо не сказал, что Он принял зрак в определенном образе существующего раба, чтобы не показать, что Слово соединилось с человеком, прежде ипостасно существовавшим, как нечестиво богохульствовали Феодор и Несторий, называя единение относительным. Мы же, следуя божественному Писанию и святым отцам, исповедуем, что Бог Слово сделался плотию, а это означает, что Он принял в ипостасное единение с Собою человеческую природу. Посему и едины есть Господь

наш Иисус Христос, имеющий в Себе полноту божественного естества и полноту естества человеческого. И Он есть Единородный и Слово, как рожденный от Бога Отца, Он же и перворожденный во многих братиях, потому что сделался человеком; ибо Сын Божий сделался сыном человеческим, и, оставаясь тем, чем был, не изменил и того, чем сделался. Потому мы исповедуем и два рождения одного и того же единородного Слова Божия: рождение прежде веков от Отца бестелесное, и рождение напоследок дней Его же, воплотившегося и вочеловечившегося от святой преславной Богородицы и Приснодевы Марии. Ибо Он непостижимым образом воссиял от Отца и несказанно произошел от Матери; и будучи истинным Богом, сделался воистину человеком. Почему мы исповедуем святую, преславную и приснодеву Марию воистину Богородицею: не потому, чтобы от нее Бог Слово получил начало, но потому, что напоследок дней, сущий прежде веков Единородный Бог Слово, воплотившись из Нее, непреложно вочеловечился, и будучи невидим сам в Себе, стал видимым в нашем естестве, и будучи бесстрастным. Богом, не возгнушался страданий человеческих, и будучи бессмертным, подчинился законам смерти. О Нем, рожденном в Вифлееме от семени Давидова по плоти, уподобившемся человекам и распятом за нас человеков при понтийском Пилате, святые апостолы проповедали, что Он есть Бог, Он человек, Он сын человеческий, Он с небес, Он от земли, Он бесстрастен, Он подвержен страданию. Ибо Слово, родившееся свыше от Отца неизреченно, несказанно, непостижимо, вечно, родилось долу во времени от Девы Марии, чтобы те, которые прежде рождались долу, снова родились свыше, т. е. от Бога. Таким образом Он имеет на земле только Мать, а мы имеем на небесах только Отца. Ибо, получив смертного отца человека Адама, Он дал людям своего Отца бессмертного, по сказанному: «даде им область чадом Божиим быти» (Иоан. 1, 12). Посему Сын Божий вкушает смерть по плоти ради плотского своего отца, чтобы дети человека сделались участниками Его жизни, чрез своего Отца по духу – Бога. Таким образом Он есть Сын Божий по естеству, а мы – по благодати. С другой стороны,

Он стал сыном Адама по домостроительству и ради нас, а мы сыны Адама по естеству. Ибо Бог есть Его отец по естеству, а наш по благодати; и Отец стал по домостроительству Богом для Него, как для человека, а для нас есть по естеству Владыка и Бог. И Слово, Которое есть Сын Бога Отца, для того, соединившись с плотию, стало плотию, чтобы люди, соединившись с духом, стали единым духом. Итак, Сам истинный Сын Божий облекся во всех нас, чтобы мы все облеклись в единого Бога. Также и после воплощения Он есть один из Святой Троицы, Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, сложенный из двух естеств. Сложенным³³⁴ же исповедуем Христа, следуя учению святых отцов. Ибо в таинстве Христа единство в сложении исключает слияние и разделение, и сохраняет свойства обоих естеств тем, что и с плотию являет одну ипостась или лице Бога Слова, Который есть совершенный по Божеству и совершенный по человечеству, познаваемый не в двух ипостасях или лицах, но в божеском и человеческом естестве, как единый в обоих, совершенный Бог и совершенный человек, один и тот же Господь наш Иисус Христос, один из святой Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу. Ибо Святая Троица не получила прибавления четвертого лица вследствие воплощения одного (лица) из Святой Троицы – Бога Слова. Это благое предание, полученное нами от святых отцов, мы храним, в нем живем и благоденствуем, и это исповедание Отца, и Христа Сына Бога живого, и Святого Духа да будет спутником нашим при отшествии из сей жизни.

Исповедуя это таким образом, и, кроме других учений святого отца нашего Кирилла о правой вере, принимая также сказанное им: «одно естество Бога Слова воплотившееся», мы исповедуем, что из божеского и человеческого естества составилась один Христос, а не одно естество, как усиливаются говорить некоторые, неправильно понимающие это выражение. И сам святой отец без сомнения во всех случаях, где говорил, что „одно естество Слова воплотившееся“, употреблял при этом слово „естество“ (φύσις) вместо слова „ипостась“ (ὑπόστασις): и в тех самых книгах, где употреблял это выражение, он далее

большею частию прибавлял слова: то Сын, то Слово, или Единородный; а эти слова означают не естество, но ипостась или лице. Итак, ипостась Слова, воплотившись, произвела не одно естество, а одного Христа сложенного – Бога и человека. Но, исповедуя Христа Богом и человеком, нечестиво говорить, что в Нем одно естество или существо; ибо невозможно, чтобы Господь наш Иисус Христос имел одно и то же естество или существо и прежде веков и во времени, или чтобы Он был бесстрастен и подвержен страданию, что мы справедливо исповедуем относительно единой Его ипостаси или лица. Из самых слов того же святого Кирилла мы покажем ясное учение его о вышеупомянутом выражении. Так в первом послании к Сукцессу, сказав, что „одно естество Слова воплощенное“, он тотчас же присоединил: „итак, насколько доступно для разумения и для того только, чтобы видеть очами души, каким образом вочеловечился Единородный, мы говорим, что в Нем соединились два естества, один же есть Сын и Христос, и Господь, и Слово Бога Отца, воплотившееся и вочеловечившееся“. Этими словами св. отец, желая показать образ вочеловечения и сохранить единение нераздельным и неслияннм, и показал число сошедшихся естеств, и проповедал единого Христа, а не одно естество божества и плоти. И во втором послании к тому же Сукцессу, научая подобному же, пишет так: „если, говоря, что одно естество Слова, мы умолчим и не прибавим „воплощенное“, как бы устраняя таким образом домостроительство, то, может быть, некоторые, и с достаточным основанием, спросят: где же совершенство (полнота) человеческой природы, или каким образом сохраняется наше существо? А так как словом „воплощенное“ означает и совершенство по человечеству и указывается на наше существо, то эти люди, опирающиеся на тростниковую палочку, должны замолчать. Ибо того, кто устраняет домостроительство и отрицает воплощение, по справедливости следует обвинить в том, что он отнимает у Сына совершенство по человечеству. Если же, как я сказал, в самом слове „воплотился“ заключается очевидно и несомненно исповедание того, что Он сделался человеком, то ничто не

мешает понять, каким образом Христос, будучи единым и единичным Сыном, есть один и тот же Бог и человек, как совершенный по божеству, так совершенный и по человечеству. Совершенно справедливо и весьма умно твое совершенство излагает смысл учения о спасительном страдании, утверждая, что не Сам Единородный Сын Божий, поколику Он мыслится и есть Бог, пострадал в Своем собственном естестве, подвергшись тому, что свойственно телу, а что напротив пострадало бренное естество. Ибо в едином и истинном Сыне необходимо должно состояться и то другое: и то, что Он пострадал по божеству, и то, что он пострадал по человечеству; ибо пострадала Его плоть“. И в тринадцатой главе толкований тот же святой Кирилл, одинаково опровергая тех, которые вводят двух сынов, и тех, которые говорят, что одно естество божества и плоти у Христа, пишет так: „не должно разделять единого Господа нашего Иисуса Христа на человека в отдельности и на Бога в отдельности; но говорим, что Господь наш Иисус Христос есть один и тот же, признавая и различие естеств и сохраняя их неслитными одно с другим“. Если таким образом святой Кирилл учит нас, что один есть Господь наш Иисус Христос, и что Он страдал не по божескому естеству, но только по естеству бренному, и если он признает и различие естеств и то, что сии естества сохраняются неслиянно одно с другим в единой ипостаси: то, очевидно, св. отец учит, что Он познается в божеском и человеческом естестве, и что в Нем два естества, из которых Он сложился. И пусть никто не безумствует, считая право мудрствующими тех, которые говорят, что естество или существо плоти и божество Христа одно, и что оно божественно и бренно, подвержено страданию и бесстрастно.

Так как и другим способом некоторые стараются доказать, что естество божества и человечества Христа одно, представляя в пример человека и говоря, что как человек, состоящий из разнородных естеств души и тела, называется одною природою, так и говоря о Христе, состоящем из двух естеств божества и человечества, мы должны называть природу Его одною: то мы им скажем, что человек, правда, состоит из

различных естеств, т. е. из души и тела, но называется одною природою потому, что вообще всем ипостасям или лицам одного и того же вида дается общий предикат. И хотя каждое лице или ипостась в отдельности, как напр. Петр и Павел, различаются друг от друга по свойствам, но по природе однако ж они не различаются, потому что оба они люди. И с другой стороны, ни душа без тела, ни тело без души не составляет человека: но из несущего в сущее он создан из тела и души. И всякое творение, хотя состоит из разнородных свойств, однако же о нем говорится, что оно имеет одну ту природу, по которой создано Богом. О Христе же нельзя говорить таким образом, ибо Он означает не одно естество или существо вообще, принадлежащее многим ипостасям или лицам, как человек. Ибо, если бы это было так, то нашлось бы много христов, которым следовало бы приписать одну общую природу; но и говорить так нечестиво. Христос не был изначально создан из божества и человечества, как человек из души и тела, так чтобы это было природою Христа; но будучи Богом прежде веков, будучи одного естества или существа с Отцом и будучи Творцом всяческих, Слово в последующие дни ипостасно соединило с Собою естество человеческое, сделалось человеком, не переставая быть³³⁵ Богом.

Итак Христос есть единая ипостась или лице, и имеет в Себе полноту как божественного и несозданного естества, так и полноту человеческого и сотворенного естества. Каким же образом о Том, в Котором познаются два естества, несозданное и созданное, возможно сказать, что в Нем одно естество или существо? Ибо хотя Христос есть единая ипостась или лице, но Он единосущен Богу Отцу и единосущен нам – не по одному и тому же естеству или существу. И если бы Христос быть одного естества или существа, то Он был бы или бесплотным и единосущным только Богу и Духу Святому, потому что в Божестве одноестество или существо, или простым человеком и единосущным нам одним, потому что естество человеческое одно, или же, изменив то и другое естество, образовал бы иное, несходное с теми, которые в Нем соединились. И таким образом, по мнению их (т. е. еретиков), Христос не остался

Богом и не сделался человеком, и посему не есть единосущен ни Отцу, ни нам. Но такое умствование исполнено всякого нечестия. Говоря это, мы не опускаем из виду, что и некоторые из святых отцов пользовались примером человека для объяснения таинства Христа; но они делали это для того, чтобы показать, что как из тела и души составляется один человек, а не два человека, так и Христос, состоящий из Божества и человечества, есть один, и не разделяется на два христа, или на два сына. Сии же (т. е. еретики) пользуются примером человека для того, чтобы ввести одно естество или существо божества и человечества Христа: что́, как мы показали, чуждо благочестия. Но будучи обличены в том, что, вопреки правому учению отцов, воображают себе одно естество или существо божества и плоти, они обращаются к другому и говорят, что не должно говорить о числе естеств во Христе, так как числом вносится разделение. Итак пусть они знают, что в том случае, когда говорится о различных лицах или ипостасях, числом производится деление самых предметов на части, как напр. в двух или более человеках: когда же речь идет о единичных предметах, тогда деление совершается только словом и мыслию, а деления самых предметов не бывает, как напр. в одной человеческой ипостаси, состоящей из тела и души. Ибо и здесь мыслятся два естества – естество души и естество тела, и однако же человек не разделяется на два, и мы знаем, что человек один и ипостась его одна. Таким образом и в таинстве соединения естеств во Христе, хотя соединившиеся (естества) мыслятся различными, но через это на самом деле не производится деление на части обоих естеств, из которых состоит Господь наш Иисус Христос, а только, видя различие и желая указать на него, мы употребляем число, и при этом единый Христос не разделяется на два христа, или на два сына. Свидетельство тому, что́ мы сказали, представляет святой Григорий Богослов, который в первой книге к Клидонию говорит так: „если кто вводит двух сынов – одного от Бога и Отца, а другого от Матери, а не одного и того же: тогда лишится он сыновства, обещанного право верующим. Ибо хотя два естества – Бог и человек (как в человеке душа и тело), но не два сына, не

два Бога (как и здесь не два человека, хотя Павел (2Кор. 4, 16), наименовал человеком и внешнее и внутреннее в человеке). Кратко сказать: в Спасителе есть иное и иное: потому что не тождественны невидимое с видимым и довременное с тем, что под временем: но не имеет в Нем места иной и иной. Сего да не будет“³³⁶.

Сими словами святой Григорий ясно научает, что тот, кто относительно таинства Христа говорит о числе лиц, осуждается как нечестивец, а тот, кто употребляет число в приложении к естествам, из которых состоит Христос, исповедует право; потому что, обозначая различие соединившихся естеств, он отнюдь не делает разделения их на части. Ибо, как иное естество души и иное тела, и однако же по соединении их является один человек, а не два, так и во Христе, хотя мыслятся два естества, одно божеское, другое человеческое, но этим не вводится два христа, или два сына. Посему те, которые отказываются говорить о числе естеств во Христе именно таким образом, показывают, что они „отрицают различие естеств и вводят слияние в домостроительство. Если же они исповедуют различие, то всеконечно необходимо им, для обозначения его, говорить о числе естеств, неслиянно соединившихся в единую ипостась; ибо где соблюдается различие, там во всяком случае имеет место и число. Пользуясь, для подтверждения сказанного нами, свидетельством святых отцов, мы покажем, как они говорят, что ум наш относительно таинства Христа принимает различие естеств божеского и человеческого, из которых состоит Он, и принимает при этом число, но не делает разделения естеств самым делом, по частям, на две ипостаси или на два лица.

Святой Кирилл в толковании на Левит говорит так: „усматривай здесь опять ясно все таинство Спасителя нашего и очищение чрез святое крещение; ибо повелевает взять двух птиц живых и чистых (Лев. 14), чтобы ты через крылатых уразумел небесного человека и вместе Бога, разделяемого на два естества, сообразно с свойствами каждого из них; ибо Слово, которое от Бога Отца, воссияло во плоти, которая от Жены, но не должно быть разделяемо, потому что из обоих

один есть Христос“. И опять тот же святой Кирилл во втором послании к Сукцессу пишет так: „но они не знают, что то, что обыкновенно разделяется только в представлении на самом деле вовсе не разделяется на части, которые бы существовали совершенно особенно, отдельно одна от другой“. И святой Василий в четвертой книге против Евномия, изъясняя слова: «Господь созда Мя, прежде же всех холмов рождает Мя» (Притч. 8:22, 25), пишет так: „посему к Богу Сыну надобно относить слово *родил*; а слово *созда* к принявшему на Себя зрак раба. Впрочем, во всех сих выражениях разумеем не двоих, не Бога особо и человека особо (ибо один был), а только по понятию отделяем естество каждого“³³⁷. Также и святой Григорий Богослов во втором слове о Сыне, научая нас, каким образом должно в понятиях различать естества в Господе нашем Иисусе Христе, пишет так: „когда естества различаются в понятиях, тогда разделяются и имена. Послушай, как говорит Павел: «да Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы» (Ефес. 1, 17). Бог Христа, а славы Отец; хотя то и другое одно, но не по естеству, а по совокупности оных“³³⁸. И святой Григорий нисский в четвертой книге против Евномия, научая нас тому же, пишет так: „и чтобы кто-нибудь не отнес крестных страданий к естеству не поврежденном“, другими словами Писания яснее исправляется такое заблуждение, именно когда оно называет одного и того же посредником между Богом и людьми, человеком и Богом, чтобы, говоря двоякое об одном и том же, дать должное понятие о том и другом двойстве, именно о бесстрастии по Божеству и о домостроительстве страдания по человечеству. Таким образом, когда разделяет в умопредставлении то, что соединилось по человеколюбию, то разделяет сие и словом; когда говорит о непостижимом и превосходящем всякий ум, то употребляет возвышеннейшие имена, называет его Богом над всем, великим Богом, силою Божию, премудростию, и тому подобное; когда же изображает словами испытание страданий, по необходимости понесенное ради нашей слабости, то означает то и другое свойство по нашему – называя Его человеком, не соединяя с тем, что выражается этим звуком, мысли о другом естестве, но

представляя дело так, что о том и другом сохраняется благочестивый образ мыслей“.

Когда таким образом это доказано учением святых отцов, да престанут те, которые сделали число естеств во Христе поводом к своему заблуждению и, отрицая различие, означаемое чрез это число, стараются ввести слияние. Ибо как же отрицать необходимость числа, которым пользовались отцы для обозначения различия естеств, соединившихся в одной ипостаси, а не для разделения на части? Итак, показав со всех сторон, как нечестиво говорить, что естество или существо Божества и плоти Христа одно, скажем и то, что нельзя сказать, будто во Христе одно естество, подобно тому, как говорится, что во Христе одна ипостась божества и человечества; потому что естество и ипостась не одно и то же. Ибо все святые отцы единогласно научают нас, что иное есть естество или существо и образ, и иное ипостась, и что естество или существо и образ обозначают общее, а ипостась или лице – особенное. Но если некоторые скажут, что как говорится, об одной сложенной ипостаси Христа, так же точно должно говорить и об одном сложенном естестве, то мы покажем, что и это чуждо благочестия. Ибо, говоря, что в Божестве одно естества или существо, мы прославляем в Нем три ипостаси, признавая в каждой ипостаси одно естество или существо, и благочестиво говорим, что из трех ипостасей одна ипостась Слова соединилась с плотью. Никто никогда в католической Церкви не дерзал говорить, что в святой Троице как три ипостаси, так три и естества, так что можно было бы сказать также, что одно естество из трех естеств соединилось с плотью. Один Арий дерзнул сказать, что в святой Троице три естества, и был осужден как богохульник. Посему мы православно исповедуем соединение двух естеств и одну ипостась; потому что Сын Божий, будучи по ипостаси иным от Отца и будучи одного естества с Отцом, в своей собственной ипостаси образовал себе плоть, одушевленную словесною и разумною душою, а это показывает, что Бог. Слово соединился с человеческим естеством, а не с ипостасью или лицом чьим-нибудь. Итак Бог Слово и по воплощении должен быть признаваем одною

ипостасью в двух естествах, – в божеском, в котором был, по сказанному: «иже во образе Божии сый», и в человеческом, по словам: «в подобии человечестем быв» (Фил. 2, 6–7). Посему, тот благочестивее, кто говорит, что в Боге Слово одна ипостась сложенная, чем тот, который говорит, что в Нем одно естество сложенное. Так как, когда говорится о естестве в самом себе, отрешенно, без присоединения к нему какого-либо особенного лица, то оно представляется чем-то неопределенным и безличным, а неопределенное ни с чем не может соединиться. Если же кто-нибудь и после этих доказательств, заботясь об одном словопрении, будет противоречить, говоря, что, по данному определению естества, и человеческое естество Христа должно иметь собственную ипостась или собственное лицо, то такой, очевидно, говорит, будто Слово соединилось с прежде существовавшим человеком, и соединение было соотносительное; ибо невозможно быть соединению двух ипостасей или лиц по ипостаси. Посему, кто говорит так, стараясь упразднить возможное для Бога словами мудрости человеческой, тот не знает великой тайны благочестия, которая сердцем веруется в правду, устами же исповедуется во спасение. Ибо и о человеческом естестве Христа никогда не говорится отрешенно, но – что оно не имело собственной ипостаси или лица, а в ипостаси Слова получило начало бытия. Вследствие сего мы исповедуем, что само Слово Божие, не изменяясь, стало человеком, а не вошло в какого-либо человека, что рождение этого воплощенного Слова было от Девы, и что потому святая преславная приснодева Мария есть Богородица. Посему мы говорим, что и прежде воплощения Бога Слова и после Его воплощения три суть ипостаси – Отца, Сына и Святого Духа; потому что святая Троица не получила прибавления четвертой ипостаси или лица. Итак, всем этим обличаются те, которые говорят, что прежде соединения было два естества, и что прежде образовался человек и затем соединился с Богом Словом, как безумствовали нечестивые Феодор и Несторий. А те, которые говорят, что не должно исповедовать двух естеств во Христе после соединения, но одно, вводят слияние и призрачность, подобно нечестивым

Аполлинарию и Евтихию. Но так говорили они. Святые же отцы, созерцая в Боге Слово по воплощении то, из чего состоит Христос, и видя, что естества остались несмешанными, весьма справедливо говорили, что во Христе два естества – божеское и человеческое. Ибо как прежде воплощения в Господе не было двух естеств, так и после воплощения два естества не сделались одним, хотя познаются в одной ипостаси.

Все это мы написали по праву, научившие из божественного Писания и из учения отцов, для опровержения тех, которые сливают или рассекают таинство божественного домостроительства, и объясняя здесь, из чего состоит и в чем познается Христос, мы не делаем ни слияния, ни разделения божественного домостроительства. Итак, произнося славословие и сущность соединения, мы исповедуем единого Христа и Сына и Господа, Слово Божие воплотившееся и вочеловечившееся, и поклоняемся Ему с Отцом и Святым Духом. Исповедуя это таким образом пред вселенскою Церковию Божиею, мы желаем, чтобы все христиане знали, что мы имеем как единого Бога и Господа, так и единую веру. Ибо одно есть правило веры – исповедовать и право славить Отца, и Христа Сына Божия, и Святого Духа. Это исповедание мы соблюдаем, в которое мы крестились и которое даровано великим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом святым Своим ученикам и апостолам, а ими проповедано во всем мире. Триста восемнадцать святых отцов, собиравшиеся в Никее против Ария, осудив его с его нечестием, предали святой Церкви Божией то же исповедание или символ и учение веры; и после них сто пятьдесят святых отцов, собиравшиеся в Константинополе против духоборца Македония и аполлинариста Магна, осудив их с их нечестием, и следуя во всем тому же святому символу, преданному тремястами восемнадцатью святыми отцами, изложили то, что относится к Божеству Святого Духа. Свсрх же сего и святые отцы, собиравшиеся в первый раз в Ефесе против нечестивого Нестория, и святые отцы, собиравшиеся в Халкидоне против нечестивого Евтихия, следуя во всем сказанному святому символу или учению веры, осудили упомянутых выше еретиков

с их нечестием, а вместе с ними и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно им. И кроме того предали анафеме тех, которые приступающим к святому крещению, или обращающимся из какой-либо ереси преподают иное правило веры, или символ и учение, кроме преданного, как мы сказали тремястами восемнадцатью святыми отцами и дополненного сто пятидесятью святыми отцами. Принимая во внимание все это, мы признали нужным предложить также пункты, в которых содержится как краткое исповедание правой веры, так и осуждение еретиков³³⁹:

1) Если кто не исповедует Отца, Сына и Святого Духа, Троицу единосущную, одно божество или естество и существо, одну силу и власть, поклоняемую в трех ипостасях или лицах: тот да будет анафема.

2) Если кто не исповедует прежде веков и времен от Отца рожденного Бога Слово, в последние дни воплотившегося от святой Богородицы и приснодевы Марии, вочеловечившегося и родившегося от Нее, и посему два рождения сего Бога Слова, прежде веков бестелесно от Отца, и в последние дни по плоти: тот да будет анафема.

3) Если кто говорит, что иной есть Бог Слово, творивший чудеса, и иной Христос, пострадавший, или говорит, что Бог Слово был со Христом, родившимся от жены, или был в нем, как один в другом, а не (говорит, что) один и тот же есть Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, воплотившееся и вочеловечившееся, и Его же самого суть чудеса и страдания, которые Он претерпел добровольно плотию: тот да будет анафема.

4) Если кто говорит, что соединение Бога Слова с человеком совершилось ио благодати, или по воздействию, или по равночестию, или по власти, или перенесению, или соотношению, или силе, или по соименности, по которой несториане, называя Бога Слово (Иисусом) и Христом, и отдельно человека именуя Христом, говорят, что один Христос, по одному наименованию; или кто говорит, что соединение совершилось по благоволению, как буквально выражается еретик Феодор, будто Богу Слово был угоден человек, потому,

что Он благо и добро изволил о нем, а не исповедует ипостасное соединение Бога Слова с плотию, одушевленную словесной и разумной душой, и потому единую Его сложенную ипостась: тот да будет анафема.

5) Если кто называет святую преславную Приснодеву Марию Богородицею в переносном или не в собственном смысле, или называет ее человекородицею, или христородицею, как будто бы Христос не был Богом, а не исповедует, что она есть Богородица действительно и поистине, потому что Бог Слово, рожденный от Отца прежде веков, в последние дни воплотился и родился от Нее: тот да будет анафема.

6) Если кто не исповедует, что распятый плотию Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог и Господь славы, и один из святой Троицы: тот да будет анафема.

7) Если кто, говоря „в двух естествах», не исповедует в божестве и человечестве единого Господа нашего Иисуса Христа, Слово Божие, воплотившееся, и употребляет эти слова в таинстве Христа не для обозначения различия естеств, из которых Он состоит, но для разделения на части, как будто естества разделены и каждое имеет свою ипостась, как богохульствовали Феодор и Несторий: тот да будет анафема.

8) Если кто, исповедуя число естеств в одном и том же Господе нашем Иисусе Христе, т. е. в воплотившемся Боге. Слове, не в представлении только принимает различие этих (естеств), из которых Он и состоит, (различие) не уничтожившееся чрез соединение, но употребляет это в смысле разделения на части: тот да будет анафема.

9) Если кто, говоря, что воплотилось одно естество Бога Слова, понимает это не так, что из божеского и человеческого естества совершился единый Христос, единосущный Отцу по Божеству и единосущный нам по человечеству, но так, что из божества и плоти Христа произошло одно естество или существо, согласна с зловерием Аполлинария и Евтихия: тот да будет анафема. Ибо вселенская Церковь отвергает и анафематствует равно к разделяющих на части или

рассекающих, и сливающих тайну божественного домостроительства Христа.

10) Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно им: тот да будет анафема.

11) Если кто защищает Феодора Мопсуестского, говорившего, что иной есть Бог Слово, и иной Христос, который был обуреваем страстями душевными и вожделениями плотскими, и преуспевая в делах, улучшился, и крестился во имя Отца и Сына и Святого Духа, и чрез крещение получил благодать Святого Духа, и удостоился усыновления, и по подобию царского изображения принимает поклонение в лице Бога Слова, и после воскресения сделался неизменным в помышлениях и совершенно безгрешным, – и еще говорившего, что соединение Бога Слова со Христом совершилось такое же, о каком говорит апостол относительно мужа и жены: «будета два в плоть едину» (Ефес. 5, 31), – и сверх других своих бесчисленных богохульств, дерзнувшего сказать, что когда Господь по воскресении дунул на учеников Своих и сказал: «приимите Дух Свят» (Иоан. 20, 22), то не дал им Святого Духа, а дунул только образно, – говорившего также, что и исповедание Фомы по осязании рук и ребер Господа после воскресения: «Господь мой и Бог мой» (Иоан. 20, 28), сказано Фомой не о Христе (ибо Феодор не признает Христа Богом), но что пораженный чудом воскресения, Фома прославил Бога, возбудившего Христа, – и, что всего хуже, в своем будто бы толковании на Деяния апостольские, сопоставлявшего Христа с Платоном, Манихеем, Эпикуром и Маркионом, и говорившего, что как каждый из них, изобретши собственное учение, дал ученикам своим названия платоников, манихеев, эпикурейцев и маркионитов, подобным же образом, когда Христос изобрел учение, от Него стали называться христиане, – итак, если кто защищает этого Феодора, который так богохульствовал, а не анафематствует его и его сочинения, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно ему: тот да будет анафема.

12) Если кто защищает сочинения Феодорита, которые он написал в защиту еретика Нестория, против правой веры и против первого ефесского святого собора и святого Кирилла и двенадцати его глав, а в тех нечестивых сочинениях он говорит, что соединение Бога Слова было только соотносительное с каким-то человеком, о котором он богохульно сказал, что Фома осязал воскресшего, а прославил воскресившего, и по причине этого он называет нечестивыми учителей Церкви, которые исповедуют ипостасное соединение Бога Слова с плотью, и сверх того не признает Богородицею святую и преславную приснодеву Марию, – итак, если кто защищает упомянутые сочинения Феодорита, а не анафематствует их: тот да будет анафема. За такие именно богохульства он извержен был из епископского сана, и после того на святом хатки донском соборе убежден был поступить во всем противно упомянутым своим сочинениям и исповедать правую веру.

13) Если кто защищает нечестивое послание, которое, говорят, написал Ива к Маре Персу еретику, которое отвергает, что Бог Слово соделался человеком, и говорит, что не Бог Слово, воплотившийся от Девы, родился, а родился от нее простой человек, которого называет храмом, так что иной есть Бог Слово и иной человек, – и сверх того обвиняет первый ефесский собор, будто он без суда и следствия осудил Нестория, и называет святого Кирилла еретиком и двенадцать его глав нечестивыми, а Нестория и Феодора с нечестивыми их сочинениями восхваляет и защищает, – итак, если кто защищает упомянутое нечестивое послание, или называет его правым или часть его, а не анафематствует его: тот да будет анафема.

После того, как справедливо предано анафеме такое нечестивое послание, за содержащиеся в нем богохульства, нечестивые последователи Феодора и Нестория еще стараются утверждать, что оно принято святым халкидонским собором. Но, утверждая это, они клеветают на святой халкидонский собор, и домогаются именем его освободить от должного осуждения Феодора и Нестория, и нечестивое послание, которое Ива, много раз обвиняемый за него, не осмелился признать за свое вследствие содержащихся в нем богохульств. Это мы докажем

из различных обстоятельств этого дела. Именно, по делу, производившемуся в Тире при Фотии и Евстафии, когда вышесказанный Ива был обвиняем в оскорблении святого Кирилла, он открыто заявил, что, после соединения восточных с святым Кириллом, он не говорил о нем ничего оскорбительного. А послание, исполненное вышеприведенных богохульств, за которые Ива был обвиняем. и содержащее много оскорбительного против святого Кирилла, как оказывается, составлено после соединения с восточными, из чего видно, что Ива отрекся от него. Поэтому вышеупомянутые Фотий и Евстафий для удовлетворения обвинителей составили письменное определение, чтобы вышесказанный Ива поступал во всем противно посланию, как показывает данное ими по этому делу решение. Но как Ива не выполнил того, что они присудили, то был извержен с епископства за богохульства упомянутого послания, а вместо него хиротонисан Нонн, который и соприсутствовал на святом халкидонском соборе. Таким образом упомянутый Ива, обвиняемый за это в Халкидоне, по прочтении нечестивого послания не осмелился признать его своим, но тотчас же словесно заявил, что он чужд взводимого на него. Поэтому святой собор, так как его не удовлетворяло отрицание Ивы относительно нечестивого послания, убедил его поступать противно посланию, т.е. исповедать порицаемую в нем правую веру, принят первый ефесский святой собор, признать святого Кирилла Отцом и учителем, – а все это в нечестивом послании подвергается оскорблениям, – и анафематствовать Нестория и его нечестивое учение, которое в нечестивом послании защищается и восхваляется. Итак, если и сам Ива, неоднократно обвиняемый за нечестивое послание, не осмелился признать его своим, и если святой халкидонский собор убедил его поступать во всем противно этому посланию, то каким бы образом тот же самый святой собор принял упомянутое послание и подверг себя осуждению за нечестие, которое в нем содержится и от которого он старался освободить Иву? А так как еретики, опуская все содержащиеся в послании богохульства, приводят из него только то, что писатель его

сказал для обольщения простецов, т. е. „два естества, одна сила, одно лице“: то мы докажем, что он и к этим выражениям примешал свое нечестие. Ибо кому бы приписал два естества и одно лице тот, кто отвергает, что Бог Слово воплотился от святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии и родился от Нее? Между тем известно, что каждому естеству он приписал свое лице, так же, как богохульно изложили в своих книгах Феодор и Несторий, которых писатель послания защищает вместе с их нечестием. А они ясно говорят, что существуют два лица – Бога Слова и Христа, которого они называют простым человеком, а по соотносительному соединению и по одному и тому же достоинству и чести, говорят, представляется одно лице. Также и писатель послания, говоря, что у двух естеств одна сила или власть, очевидно, следует в этом упомянутым еретикам, с одной стороны Феодору, как он рассуждает в различных своих нечестиво изложенных сочинениях о воплощении, а с другой Несторию, как он трактует во многих своих сочинениях, а особенно в послании, написанном к иерапольскому еретiku Александру, будто бы у двух естеств одно значение, и одна сила или власть и одно лице, в силу одного достоинства и той же чести; из этого ясно видно, что писатель послания, согласно их зловерию, употребил вместо „лиц“ слово „естеств«. Ибо об одном значении, об одной силе или власти, об одном достоинстве и одной и той же чести говорится не по отношению к различным естествам, а по отношению к различным лицам одного и того же существа, как мы исповедуем в Святой Троице. Потому и святые отцы анафематствовали тех, которые говорят, что Бог Слово соединился по значению, или силе, или власти, или достоинству, или равночестию с Христом, Которого последователи Феодора и Нестория называют простым человеком, по не исповедуют, что соединение Бога Слова с плотию, одушевленную мыслящей и разумной душой, совершилось по ипостаси.

Хотя и этого было бы достаточно, чтобы обличить нечестие тех, которые защищают преступное послание; однако ж вот и в конце послания писатель его обнаруживает свое зловерие,

говоря, что должно веровать в храм и в того, кто обитает в храме чрез что он явно вводит два лица. Но и этому нечестию писатель послания научился у Феодора и Нестория. Кафолическая же Церковь, осуждая такое зловерие, передает исповедовать и веровать не в храм и в того, кто обитает в храме, но в единого Господа нашего Иисуса Христа, Бога Слова воплотившегося и вочеловечившегося. Впрочем, нисколько неудивительно, если писатель этого нечестивого послания употребил слово «естеств»; потому что еретики для того, чтобы обольстить простецов, обыкновенно пользуются теми именно выражениями, которые благочестиво произносятся православными, только их правильный смысл и изъяснение подводят к своему нечестию: между тем одни и те же выражения, когда они хорошо изъясняются и понимаются, заключают в себе благочестие, а когда худо высказываются и объясняются еретиками, содержат нечестие. Итак, первый ефесский собор, на котором главными деятелями были блаженной памяти Целестин и Кирилл, не принял, а осудил Нестория, который, хотя утверждал, что два естества и одно лице, но не исповедал их ипостасного соединения. Мы же, во всем следуя учению святых отцов, в предыдущем рассуждении весьма ясно доказали и соединение двух естеств, из которых состоит Господь наш Иисус Христос, один из Святой Троицы, Бог Слово воплотившийся, а также и то, что различие этих естеств не нарушено чрез соединение. И сказанного нами было бы достаточно чтобы удовлетворить тех, которые не желают препираться. Но так как те, которые уже раз уклонились к нечестию, стараются представить и другие доводы, то нам необходимо показать, что такие извороты их тщетны. Они говорят, что не следует порицать нечестивое послание на том основании, что оно внесено во многие кодексы. Но если кто-нибудь, согласно с их безрассудством, сочтет это достаточной причиной, то следует принять и Нестория и Евтихия, потому что и о них многое внесено в соборные деяния. Впрочем, ни один благоразумный человек не обратит внимания на их речи. Ибо то, что произносится на соборах об еретиках и что составляет часть соборных Деяний, вносится в них не для оправдания, а для

обличения и большего осуждения их и тех, которые мудрствуют подобно им. Хотя те места из нечестивого послания, которые находятся в обращении, как сказано, внесены в некоторые кодексы, однако в подлинных, под которыми подписались святейшие епископы, вовсе не находятся. Притом, исследующим истину должно обратить внимание еще и на то, что на соборах иногда некоторые из собирающихся на них высказывают что-нибудь или по пристрастию, или по противоречию, или по незнанию. Но никто не внимает тому, что скажет кто-нибудь от себя частным образом, а все устремляют внимание только на то, что определяется всеми с общего согласия. А если бы кто-нибудь по обычаю еретиков захотел обращать внимание на противоречия этого рода, то оказалось бы, что всякий собор разрушает сам себя. Итак, по всему этому следовало бы заблуждающимся, если бы они правильно принимали святой собор, не приписывать ему такие богохульства, а следовать учителям католической Церкви и преимущественно святому Афанасию, который был епископом александрийской церкви и предпринимал весьма многие и великие труды ради правой христианской веры против всякой ереси и особенно против нечестивейших ариан. Так как ариане для обольщения людей связывают с своими заблуждениями имя Дионисия, который за много лет до святого Афанасия был епископом Александрии, и говорят, что будто и сам Дионисий мудрствовал подобно им: то Афанасий, великий учитель Церкви, различными способами показал в своих сочинениях, что Дионисий от начала проповедовал правую веру и никоим образом не был участником арианского нечестия. А они, мудрствуя по-еретически, силятся навязать тому собору свое собственное нечестие. Но какое осуждение, какое проклятие угрожает тем, которые грешат на отцов, научает нас божественное Писание. Хам, сын Ноя, увидевши отца своего обнаженным, не прикрыл телесной наготы его, а пошел и сказал о ней своим братьям, и они прикрыли ее одеждой; если же за это сам Хам и те, которые произошли от него, подверглись проклятию, а те, которые прикрыли, заслужили великое благословение, то тем более достойны еще большего и

полнейшего осуждения те, которые усиливаются, посредством нечестия послания и Феодора, навязать этому собору бесчестие, которое нисколько ему не принадлежит. Но чрез это ни нечестивое послание, ни защитники его не избегнут осуждения за свое нечестие равно не избежит его и Феодор, который превзошел нечестием язычников, иудеев и всех еретиков. Ибо нечестивому Феодору недостаточно было, сверх других его богохульств, злонамеренно перетолковать, сообразно с своим заблуждением, символ трех сот восемнадцати святых отцов; но и презревши его, он изложил другой символ, исполненный всякого нечестия, в котором он дерзнул анафематствовать тех, кто иначе мудрствует или передает, так что по его безумию осуждались все святые апостолы и отцы. Но этот нечестивый символ Феодора, представленный и на первый ефесский собор и прочитанный на халкидонском, осужден на том и другом соборе вместе с его составителем и с теми, которые его принимают.

А так как некоторые, защищающие Феодора, когда представляются его нечестивые сочинения, соглашались за содержащееся в них богохульство признавать их нечестивыми, но самого того, кто изрыгнул такое нечестие, отказываются анафематствовать: то мы удивляемся безрассудству их, потому что они поступают противно божественному Писанию, ясно говорящему, что «в равне ненавидима суть Богу и нечестуяй и нечестие его» (Премудр. 14, 9). Действие накажется вместе с тем, кто его сделал. Если же подобно нечестию ненавистен Богу и нечестивый, то, очевидно, такой человек отлучил себя от Бога и справедливо подвергается анафеме; потому что анафема означает не иное что, как отлучение от Бога, как объясняется значение анафемы в ветхом и новом завете. Что Господь называет непребывающих в слове Его истины отлученными от Церкви, об этом в евангелии от Иоанна, обращаясь к иудеям, Он говорит так: «всяк творяй грех раб есть греха. Раб же не пребывает в дому во век; сын пребывает во век» (Иоан. 8, 34–35). А что Господь именует домом то, что божественное Писание называет Церковью Бога живого, об этом свидетельствует апостол в первом послании к Тимофею (гл. 3).

Если же некоторые говорят, что не должно анафематствовать Феодора по смерти, то пусть вещают защищающие такого еретика, что всякий еретик, остающийся в своем заблуждении до конца своей жизни, справедливо и после смерти подвергается всегдашней анафеме. И это совершилось над многими, как древнейшими, так и более близкими к нашему времени еретиками, т. е. Валентином, Василидом, Маркионом, Киринфом, Манихеем, Евномием и Бонозом. Тоже самое совершилось и над Феодором, который и при жизни обвинен, и по смерти анафематствован святыми отцами: и если бы защитники его, как еретики, не захотели верить святым отцам, то пусть поверят хотя нечестивому посланию, которое они защищают. Хотя оно и восхваляет Феодора, однако ясно гласит, что он анафематствован в Церкви святыми отцами и что было произведено подробное расследование о его сочинениях, как исполненных нечестия. Это производили тогда учителя кафолической Церкви, дабы простые люди, читая его нечестивые сочинения, не уклонялись от правой веры. А что нечестивые, хотя бы лично при своей жизни не подвергались анафеме, однако же и после смерти анафематствуются кафолическою Церковью, — это видно из (Деяний) святых соборов. Так никейский собор безыменно анафематствовал тех, которые следуют нечестивому учению Ария; а собиравшийся в Константинополе подобным образом анафематствовал нечестивую ересь Македония; но однако святая Церковь Божия поименно осудила Ария и Македония и после их смерти. Итак как они обличаются многими доводами, что суетно и нечестиво поступают те, которые защищают Феодора и его нечестие, то они прибегают к другому пустому извороту, говоря, что не следует анафематствовать его потому, что он умер в общении с церквами. Но надлежало бы знать им, что в общении с церквами умирают те, которые до конца соблюдают общее учение благочестия, проповедуемое во вселенской Церкви. А Феодор, оставаясь до самой смерти в своем нечестии, отвержен всею Церковью. Поэтому и Мопсуестская церковь в полном своем составе, в которой он, говорят, был епископом, за те богохульства, за которые он святыми отцами был причислен к

язычникам, иудеем и содомитам, изгладила его имя из священных церковных диптихов, как показывают деяния, состоявшиеся о нем в этом городе на соборе епископов той области. Поэтому мы удивляемся последователям Феодора, которые защищают его и его нечестие, как свое собственное, когда та самая церковь, в которой он был епископом, уже давно отвергла его, как еретика. Что защитники Феодора представляют такой изворот к своему же осуждению, можно понять и из страшного приговора, изреченного Иуде. Ибо он, рассчитывая утаиться от Того, Кто знает сокровенное человеков, вместе с апостолами приобщился тайнам; однако это нисколько не послужило ему на пользу, потому что он приобщился с коварством. Но хотя после смерти его считается двенадцать учеников, как говорит евангелист Иоанн: «Фома же, един от обоюнадесяте, глаголемый близнец, не бе ту с ними, егда прииде Иисус» (Иоан. 20, 24); впрочем, это не освобождает Иуду от осуждения и не допускает того, чтобы он был причислен к апостолам. Почему после вознесения Господня апостолы по своему приговору осудили того Иуду даже после его смерти и вместо его приняли другого. А что пустой изворот представляют те, которые говорят, что не должно анафематствовать умерших еретиков, это мы покажем из самых слов Господа. Он нечестивых людей заживо называет мертвыми, говоря: «остави мертвых погребсти своя мертвецы» (Матф. 8, 22); так же как праведных и по кончине их называет живыми, потому что Он сказал об Аврааме, Исааке и Иакове, что Бог не есть Бог мертвых, но живых. Таким образом, если, по словам их, не должно анафематствовать умерших еретиков, то не могут быть предаваемы анафеме и живые еретики, которых Господь называет мертвыми, потому что они отделились от Того, Кто сказал: «Аз есмь... живот» (Иоан. 14, 6); и, стало быть, по их мнению, уже не могут быть анафематствуемы ни живые, ни мертвые еретики; по их мнению, без причины апостольское учение завещает анафематствовать тех, которые передают больше того, что мы приняли, безпричинно святые соборы осудили еретиков, без причины и другие святые отцы и учителя Церкви анафематствовали еретиков. Они винят и пророка

Иеремию, который говорит: «проклят (человек) творяй дело Господне с небрежением» (Иерем. 48, 10), и Давида пророка, который говорит: «прокляти уклоняющиеся от заповедей Твоих» (Псал. 118, 21), и короче сказать – все божественное Писание, налагающее на нечестивых такое осуждение в различных местах. Если же те, которые делают дело Божие с небрежением и грешат против заповедей Божиих, подвергаются такому осуждению, то кольми паче справедливо осужден и анафематствован нечестивый Феодор, который столько богохульствовал против самого великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Чтобы привести в замешательство защищающих Феодора и удержать их от такого нечестия, было бы и этого довольно, сверх упомянутых и заключающихся в других наших книгах доказательств, которые мы представили, показывая, что еретиков следует осуждать и после смерти. Но так как они заносчиво остаются при тех же мыслях, то мы скажем еще кое что и поважнее, именно: некоторые из тех, которые собрались на святом никейском соборе и подписались к изложенному на нем вероопределению или символу, так как они после оказались противомыслящими, одни заживо, а другие по смерти анафематствованы святой памяти Дамасом, папой древнего Рима, и всем сердикским собором, как об этом свидетельствует святой Афанасий. Да и халкидонский святой собор осудил по смерти Домна, бывшего епископа антиохийского, хотя он только дерзнул писать, что должно умолчать о двенадцати главах святого Кирилла.

А так как еретики, защищающие Феодора, выходя из границ в своем намерении и усилении оправдать себя, берутся еще говорить к оболъщению незнающих, что святой памяти Кирилл в некоторой части послания похвалил его: то из многого видно, что их старание (оправдаться) не согласуется с тем, что сказано святым Кириллом в различных его сочинениях против нечестивого Феодора, в которых он, выставляя Феодора более нечестивым, чем все другие еретики, и потом не вынося множества его богохульств, насканных против великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, воскликнул, говоря: «ужасеся

небо о сем, и вострепета попремному, глаголет Господь» (Иер. 2, 12). О, невыносимое злословие! о, язык, говорящий нечестие против Бога, и ум, крайне надмевающийся³⁴⁰. И опять: „положи, человек, дверь и ограждение естам твоим (Псал. 140, 3); перестань воздвигать на высоту рог свой и говорить на Бога неправду (Пс. 74, 6)! Доколе ты будешь ругаться над страждущим Христом? Имей в своем уме написанное божественным Павлом: «согрешающе в братию и бьюще их совесть, немощну суцу, во Христа согрешаете» (1Кор. 8, 12). Скажу еще нечто и из пророческих книг: тобою оправдан Содом (Иезек. 16, 51); ты превзошел разглагольствия язычников против Христа, считавших крест юродством; ты показал, что нет ничего преступного в иудейской гордости»³⁴¹. Таким образом, когда все это сказано святым Кириллом в осуждение Феодора, то хотя бы кто и допустил согласно с их словами, что святой Кирилл нечто высказал за Феодора, все-таки это не освобождает его осуждения. В самом деле, мы находим, что многие из святых отцов хвалили некоторых еретиков, как напр. святые Дамас, Афанасий и Василий Аполлинария и святой Лев Евтихия; и однако после того, как узно было их нечестие, еретики из-за того не избежали осуждения и анафемы, которая впоследствии была изречена против их лица и нечестия. Неистовство же защищающих Феодора таково, что они осмеливаются лгать против Григория Богослова и Иоанна константинопольского, говоря, что они посылали к этому самому Феодору письма, исполненные похвалы. Но это ложно; потому что, когда Григорий, подвизаясь в Константинополе за истину и обративши народ от арианского безумия к кафолической вере, возвратился в свое отечество, то не к Мопсуестскому Феодору написал он письма, которые еретики коварно выставляют, а к Феодору, епископу Тианы, которая есть митрополия второй Каппадокии. А к этой области принадлежат город Назианз, епископом которого был святой памяти Григорий, и местечко Арианз, из которого он происходил. Это ясно показывают и самые письма, потому что в них упоминается об обычаях и собраниях как означенного местечка Арианза, так и других местечек к той же области, о месяце, названном на местном

каппадокийском наречии, о епископе Восфории, поставленном в зависимость от упомянутого Феодора, и бывшем в то время епископом города Колона – той же области, упоминается и о других епископах и хореепископах и о монастырях, которые находились под управлением Феодора и названия которых сохраняются доныне те же самые. Какая же связь между Каппадокией и второй Киликией, тогда ли, теперь ли, когда управление этих областей разделено? И каких епископов мог иметь в своем управлении епископ Мопсуестский, когда он сам был в зависимости от митрополита второй Киликии? А Иоанн константинопольский хотя и писал письмо к Феодору Мопсуестскому, но это письмо исполнено не похвал, а сетований и укоров, за то, что он отпал от благочесгия (Θεοσεβίας). Он подвизался с ним в монашеской жизни в одном и том же монастыре, и убедил его к принятому там образу жизни; об этом дают свидетельство Созомен, Исихий, Сократ и Феодорит, который в пользу Феодора составил много речей и похвальных слов. Если же еретики пользуются свидетельствами Иоанна антиохийского и восточного собора, состоявшегося под его управлением, говорящими за Феодора и его нечестие, то им необходимо принимать и то, что (насколько это их касается) сделали Иоанн и собравшиеся с ним к осуждению святого Кирилла и осуждению правой веры, равно как и то, что они написали, долгое время защищая Нестория и его зловерие. И это открывается из различных их книг и писем, которые они писали к благочестивой памяти Феодосию и к другим различным лицам.

И все это так. А чтобы ничего не выпустить из виду до малейших тонкостей, мы сочли необходимым припомнить еще и то, что написано Августином, святой памяти епископом африканским. Именно, когда после смерти Цецилиана возбуждено было некоторое расследование о том, что он, как говорили, уклонился от церковного предания, и когда вследствие этого некоторые отделились от католической Церкви, то блаженный Августин пишет в Бонифацию, что не следовало некоторым из за этого отделяться от католической Церкви; потому что, если бы было справедливо то, что

вносили на Цецилиана и если бы обнаружилось, что он мыслил что-нибудь противное церковному установлению, то даже и после смерти он предал бы его анафеме. Притом и правило святого африканского собора постановляет, что должно анафематствовать и после смерти тех епископов, которые по завещанию, или без завещания оставляют свое имение в наследство еретику. Сверх же всего этого, кто не знает, что сделано было в наше время против Диоскора в церкви древнего Рима? Он, хотя нисколько не погрешил в вере, однако только из-за одного церковного благочиния после смерти анафематствован святою римскою церковью. Таким образом, если несколько в вере не погрешающие епископы из-за одного только церковного благочиния и из-за денежных дел подвергаются анафеме и после смерти, то кольми паче Феодор, который погрешил против самого Бога. Притом, сколько не должно, как это говорят по несмысленности, анафематствовать после смерти тех, которые померли в своем нечестии, столько же не следовало бы оправдывать после смерти и тех отцов, которые были несправедливо осуждены, что случилось с Иоанном, святой памяти епископом города Константинополя, оправданным после смерти католическою Церковью, и с Флавианом, святой памяти епископом того же города Константинополя, несправедливо осужденным при жизни, а справедливо оправданным после смерти – как святой памяти папою Львом, так и святым халкидонским собором. А отсюда выходит, по их словам, что и еретики сопричисляются к святым отцам, как будто бы они были свободны от Надлежащего им осуждения, а святые отцы, несправедливо осужденные, присоединяются к еретикам, как будто бы не разрешено было сделанное против них несправедливое осуждение. Но преимущественно пред всеми достойно веровать Учителю, Господу и Богу нашему Иисусу Христу, Который говорит о Себе: «так возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир. Веруяй в Онъ, не будет осужден, а не веруяй, уже осужден есть, яко не верова во имя едиnorodного Сына

Божия» (Иоан. 3, 16–18). И Дух Святой говорит чрез пророка Давида, что «не воскреснут нечестивии на суд» (Псал. 1, 5). Как скоро произнесено такое определение Господа против всякого нечестивца, без всякого ограничения между живыми и мертвыми еретиками, то каким образом дерзают противиться такому определению и говорить, что не должно после смерти осуждать тех, которые однажды нечестиво поступили и вследствие этого уже осуждены Господом? И божественный апостол, который имел в себе говорящего Христа, не только против людей, но даже и против ангелов, произнес такое определение, говоря в послании к Галатам: «но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом вам, анафема да будет. Якоже предрекохом, и ныне паки глаголю, аще кто вам благовестит паче еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1, 8–9). Да и кто столько нечестив, что осмелится утверждать, будто нечестивые сочинения Феодора, или часть их, некогда преданы святой церкви Божией? и не тотчас ли подвергался анафеме от святых отцов тот, кто дерзал говорить что-нибудь подобное?

Итак, если кто после такого правого исповедания и осуждения еретиков, при сохранении благочестивого смысла, споря о названиях, или слогах, или выражениях, отделяется от святой Церкви Божией, как будто бы наше благочестие заключалось не в делах, а в одних названиях и выражениях, тот, как радующийся раздорам, отдаст отчет за себя самого и за обманутых и имеющих быть обманутыми от него великому Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу в день суда. Аминь.

*Послание императора Юстиниана к святому собору о Феодоре Мопсуестском и о прочих*³⁴².

Искоренять возникавшие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших священнослужителей и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией было всегдашнею заботою православных и благочестивых императоров, предков наших. Почему и Константин великий, – в то время, когда богохульствовал Арий и утверждал, что Сын не единосущен Богу и Отцу, но есть тварь и сотворен из не сущего, – собрал в Никее триста восемнадцать отцов, и, присутствуя на соборе сам, осудит и анафематствовал

Ария и потщился утвердить правую веру, по которой те божественные отцы исповедуют, что Сын единосущен Богу и Отцу, а не есть тварь и не сотворен из несущего, и это так поется и до сего дня. Феодосий же старший, – в то время, когда Македоний отвергал божество Святого Духа, а Аполлинарий, его ученик, богохульствовал относительно домостроительства воплотившегося Бога Слова и утверждал, что Бог Слово не воспринял человеческого ума, но соединился с плотию, имеющею неразумную душу, собрав в городе Константинополе сто пятьдесят отцов и сам приняв участие на соборе, осудил и поразил анафемой вышеупомянутых еретиков вместе с их нечестивым учением и последователями, и приложил старание о том, чтобы проповедовалась правая вера. А Феодосий младший, – когда нечестивый Несторий утверждал, что иной – Бог Слово и иной – Христос, и вводил нечестивую мысль, что Слово – Сын Бога и Отца по естеству, а Христос – Сын только по благодати, и отвергал, что святая Мария есть Богородица, – собрал первый ефесский собор из двух сот святых отцов, и, отправив председателей, долженствовавших присутствовать на соборе, заставил и самого Нестория присутствовать там, и произвести суд над ним; и когда сделано было тщательное расследование, отцы осудили и анафематствовали Нестория вместе с его последователями. После этого последователи нечестивого Нестория, восстав против святейшего Кирилла, постарались (насколько было это в их власти) отменить определение, произнесенное против Нестория. Но император Феодосий, защищая то, что было справедливо таким образом определено против Нестория и нечестивого его учения, постарался дать законную силу состоявшемуся против него постановлению суда. Сверх того, когда пред императором пустословно взводили на божественного Кирилла и некоторые другие вины, Кирилл написал к императору следующее: „после того как мне, благочестивейший император, было передано, что некоторые сплетники наподобие злых ос нажужжали в уши твои и изрыгали на меня злые речи, пустословя, будто бы я утверждаю, что божественное тело Христово принесено с неба, а не от святой Девы воспринято, а также будто бы я исповедую

двух сынов по мысли Нестория, я счел за должное немного сказать против них так: о, сумасброды, ничего не знающие кроме искусства клеветать! каким образом вы дошли до такой мысли и набрались столько безумия? Вам следовало бы ясно уразуметь, что почти все наше рассуждение о вере исходит из нашего старания доказать, что святая Мария есть Богородица. А если, как они говорят, мы утверждаем, что божественное тело Христа низошло с небес, а не родилось от нее, то как можно было бы называть ее Богородицею? Кого же в самом деле она родила, если не истинно то, что она по плоти родила Еммануила. Итак пусть будут осмеяны те, которые пустословят о мне то или другое. Не ложно говорит святой Исаия, когда так пророчествует: «се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя ему Еммануил, еже есть с нами Бог» (Ис. 7, 14). И без сомнения истинно сказал архангел Гавриил, так говоря Марии: «не бойся Мариам: обрела бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чреве, и родиши Сына, и наречеши имя ему Иисус» (Лук. 1, 30–31). «Той бо спасет люди своя от грех их» (Матф. 1, 21). Когда же мы говорим, что Господь наш Иисус Христос нисшел с небес, то это мы говорим не в том смысле, будто Он принес святую плоть свою с небес, но следуем только святому Павлу, который говорит так: «первый человек от земли, перстен: второй человек, Господь с небесе» (1Кор. 15, 47). Подражаем еще и самому Господу, который говорит: «никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын человеческий» (Иоан. 3, 13). Но что касается до плоти, Он родился, как мы сказали, от святой Девы. А так как Слово Божие, нисходя с неба, Само Себя умалило, «зрак раба приим», и явилось сыном человеческим, хотя тем не менее Оно осталось Тем же, Кем было и прежде, т. е. Богом (потому что Оно неизменяемо и неподвержено никакой перемене по Своей природе): то, когда Оно мыслится уже заодно с своею плотью, говорится, что Оно пришло с небес.

Оно еще именуется и человеком с небес, будучи совершенно по Божеству, а равно совершенно и по человечеству, и мыслится как единое лицо; потому что един есть Господь Иисус Христос, хотя не безызвестно нам различие

естеств, из которых, как мыговорим, совершилось то неизреченное соединение. Итак, исповедуем, что Слово, едиnorodный Сын Божий, есть совершенный Бог и совершенный человек, состоящий из тела и души, одаренной разумом, что Оно по Божеству рождено от Отца прежде веков, и Оно же в последние времена ради нас и ради нашего спасения родилось от Марии Девы по человечеству; Оно единосущно Отцу по Божеству и единосущно нам по человечеству, потому что произошло соединение двух естеств. Отсюда следует, что мы исповедуем единого Христа, единого Сына, единого Господа, и еще исповедуем, что святая Дева во истину соделалась Богородицею, потому что Бог Слово облекся плотию и соделался человеком и в самом зачатии приял в единение с Собою храм, который заимствовал от Нее. Если угодно, возьмем для примера наш собственный состав, по которому мы люди. Именно, мы состоим из души и тела, и усматриваем в себе две природы, одну телесную, другую духовную, а человека, составившегося из соединения той и другой, видим одного; и составление из двух природ не произвело того, чтобы вместо одного человека мы представляли двоих; а мы, как я сказал, мыслим одного человека, составленного из души и тела. Если же мы отвергали бы то, что из двух и различных естеств произошел единый и нераздельный в единстве Христос, тогда противники сказали бы: если из одного естества состоит всецелый Христос, то каким же образом Он мог облечься в естество человеческое, или какую Он мог воспринять свойственную Себе плоть? Что же касается тех, которые говорят, что произошло сорастворение, слияние, или смешение естеств Бога Слова с плотию, то да удостоит твое благочестие открыто заградить им уста“. – После этого, когда умер Кирилл, появился некоторый монах и архимандрит, по имени Евтихий. Он увлек за собой немало народа, поддерживая ересь Нестория и нечестивое его учение и говоря, что плоть Господа нам не единосущна. И опять немало спустя, по действию диавольскому, собирается в Ефесе другой, разбойнический, а никоим образом не святой, собор. Туда послан и Флавиан константинопольский, между тем как верховная власть была

там в руках Диоскора, епископа александрийского. Божественного Флавиана, защищавшего православную веру, умерщвляют; авторитет первого ефесского собора отменяют, за подписью некоторых епископов, вынужденных силою под угрозой смерти, в числе которых находился и Василий, епископ Селевкии. Тогда как здесь во все услышание излагали пагубное учение Нестория, Диоскора и Евтихия и возникли большие волнения, особенно на востоке, умерщвлены были Протерий, великий иерей, и многие другие. При таком положении вещей, по Божью изволению, Маркиан делается императором. Он собрал в Халкидоне собор из шести сот тридцати отцов, в присутствии Диоскора и Евтихия, и сам был вместе с ними на этом соборе; здесь осуждаются Диоскор и Евтихий, и Несторий снова анафематствуется. А Феодорит, Ива и Василий, епископ Селевкии, снова приняты в общение, хотя они и подписались на первом соборе; и таким образом, по отменении и осуждении Деяний разбойнического собора, святые отцы между всеми водворили согласие. После того, как таким образом состоялись четыре собора, получили утверждение и приобрели авторитет в Церкви Божией, последователи Нестория опять стали стараться об утверждении своей ереси посредством сочинений Феодора Мопсуестского, который богохульствовал гораздо хуже Нестория, его ученика. Итак мы, следуя нашим святым отцам и желая соблюдать правую веру без малейшего пятна, увещеваем вас, чтобы вы, исследовав также и его хуления, произнесли свой приговор о нем и его последователях. Ибо сверх иных бесчисленных злоречивых слов, которые нечестиво изрыгнул на Христа Бога нашего он высказал еще, что иной – Бог Слово, иной – Христос, который, будучи обуреваем душевными волнениями и плотскими страстями, будто бы мало-помалу отставал от дурных наклонностей, потом, посредством преуспеяния в (добрых) делах, достиг лучшего состояния и проводил беспорочную жизнь, что он, как чистый человек, будучи крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа и получивши чрез крещение благодать Святого Духа, сделался достойным усыновления; и на подобие царского образа, будучи поклоняем в лице Бога Слова, Христос после воскресения сделался

непоколебим духом и свободен от грехов. Кроме того он провозглашал, что соединение Слова со Христом было такое же, о каком говорит апостол относительно мужа с женой: «будета оба в плоть едину» (1Кор. 6, 16). При этом убеждаю вас, чтобы вы еще рассмотрели, что коварно написали Феодорит и Ива против первого ефесского святого собора, и чтобы вы и о них также произнесли свои приговоры.

Отцы, снова тщательно рассудивши об этом, отвечали: „Халкидонский святой собор, строго обвинивши Феодорита и Иву, принял их в общение не иначе, как с условием, чтобы они наперед осудили свои злые сочинения, Феодора и Нестория. Мы же кроме всех прочих еретиков, осужденных названными четырьмя соборами и исключенных из Церкви, осуждаем еще и отлучаем Феодора, который был епископом Мопсуестии, и его нечестивые книги; еще и то, что Феодорит коварно написал против правой веры, против двенадцати глав святого Кирилла, против первого ефесского этого собора и в защиту Феодора и Нестория. Кроме того, осуждаем еще послание, которое, говорят, Ива написал к Маре Персу и в котором отрицается, что Бог Слово соделался человеком, воплотившись от святой Девы Богородицы Марии, а божественный Кирилл поносится как еретик, и укоряется первый ефесский святой собор, будто бы он по неизвестной причине осудил Нестория; двенадцать же глав святого Кирилла это послание передает оплеванию, а за Нестория и Феодора и их нечестивые сочинения и мысли заступается. Почему, по всей справедливости приписывая отцу лжи диаволу необузданные языки этих еретиков, их нечестивейшие Писания и их самих, до последней крайности упорствующих в своих ложных мнениях и лукавстве, скажем: «ходите светом огня вашего, и пламенем, егоже разжегосте» (Ис. 50, 11)“³⁴³.

Примечания

- ¹ - На поле: все это из Либерата гл. 15.
- ² - Евагр. кн. 3, гл. 33. и Никифор. кн. 16, гл. 29.
- ³ - Либерат. гл. 19. Никиф. кн. 16, гл. 29.
- ⁴ - Собор. констант. под председ. Мины, деян. 1.
- ⁵ - Послан. монахов к папе Ормизде.
- ⁶ - Либерат. гл. 16 и 17.
- ⁷ - Собор констант. под председат. Мины, деян. 1.
- ⁸ - Либерат. гл. 21.
- ⁹ - Либерат. гл. 20.
- ¹⁰ - Пят. собор. констант. собран. 4. и Юстиниан в эдикте об исповед. веры.
- ¹¹ - Либерат. гл. 10. Пят. собор. конст. собр. 1, к послан. Юстин. к собору.
- ¹² - Собор. халкид. деян. 10-е, из собор. беритск.
- ¹³ - Кирилл монах – в жизни св. Саввы. Импер. Юстиниан в послан. к Мине против Оригена. Никиф., кн. 17. гл. 27.
- ¹⁴ - Либерат. гл. 23.
- ¹⁵ - Там же гл. 23 и 24
- ¹⁶ - Пят. собор. конст. собран. 1, в послан. импер. Юстиниана.
- ¹⁷ - Там же, в посланиях папы Вигилия и Евтихия к Вигилию.
- ¹⁸ - Зонара, в Юстин. Фотий о соборах.
- ¹⁹ - Пят. собор. констант. собран. 2 и 3.
- ²⁰ - Лев в посл. 13 и 45.
- ²¹ - Собран. 4 и 5.
- ²² - Собран. 6.
- ²³ - Прав. 13.
- ²⁴ - Никиф. кн. 17, гл. 27.
- ²⁵ - Шест. собор. деян. 18. Евагр. кн. 4, гл. 29. Никиф. кн. 17, гл. 27.
- ²⁶ - В послан. к Нарсесу.

- 27 - Кн. 1, посл. 24; кн. 2, посл. 10 и 36; кн. 3, посл. 37.
- 28 - Послан. к импер. Михаилу.
- 29 - Послан. к Петру антиохийскому.
- 30 - Григор. кн. 3, послан. 2, 3, 4 и 37; и кн. 12, посл. 7.
- 31 - Пелаг. посл. к Нарсесу. Павл. діак. кн. 3, гл. 12.
- 32 - Беда кн. о шести возраст.
- 33 - Пелаг. посл. к Нарсесу.
- 34 - Павл. диак. 4, гл. 4.
- 35 - По другим: в судебной палате (secretario) почтенной епископии сего царствующего города заседали.
- 36 - По другим: Домнь.
- 37 - По другим: Антиохии.
- 38 - На поле: то есть, Созитаны.
- 39 - На поле: то есть, в Македонии, в другом месте— в Пафлагонии.
- 40 - По другим: тунетскій.
- 41 - По другим: кикурский.
- 42 - По другим: тиназскій.
- 43 - По другим: исталійскій.
- 44 - По другим: капатіанской.
- 45 - По другим: Домитій.
- 46 - По другим: исаврійской.
- 47 - По другим: кипеалонскій.
- 48 - По другим: газалонскій.
- 49 - По другим: мизійскій.
- 50 - На поле: то есть, новой Юстинианы второй.
- 51 - По другим: милевитский.
- 52 - По другим: магидский.
- 53 - На поле: то есть, кусситскій.
- 54 - На поле: то есть, еленопольскій.
- 55 - По другим: давронскій.
- 56 - По другим: Мидалы.
- 57 - По другим: мирскій.

- 58 - На поле: то есть, Антиноя, из Антена.
- 59 - На поле: то есть, колонсий.
- 60 - На поле: то есть, кесаренский.
- 61 - По другим: давский.
- 62 - По другим: касатский.
- 63 - По другим: карпатский.
- 64 - На поле: разумеется Златоуст.
- 65 - Все напечатанное доселе имеется в подлиннике на одном латинском языке. Ред.
- 66 - Это послание находится в подлиннике на греческом и латинском языках. Ред.
- 67 - Это замечание находится в подлиннике только на греческом языке. Ред.
- 68 - В греческом тексте вместо выписки из послания вставлено замечание по латыни: „в этом месте вставлено предыдущее послание Евтихия, подпись же здесь несколькими словами полнее, чем в латинском издании“. В латинском – на поле: „прочее, как в послании Евтихия к Вигилию, за исключением подписи, которая выражена здесь иными словами“.
- 69 - Здесь в греческом тексте вставлено слово ὑπογραφή – подпись. Ред.
- 70 - Это послание имеется в подлиннике на греческом и латинском языках. Ред.
- 71 - Это замечание находится в подлиннике только на греческом языке. Ред.
- 72 - По другому чтению: считаем делом разумным и богоугодным собраться у его святости и просить вместе с нами рассудить о тех же трех главах и вместе с нами постановить согласное с правою верою решение.
- 73 - Этот отдел находится в подлиннике только на латинском языке. В конце его на поле замечание: „оканчивается заседание первое, начинается второе“. Ред.
- 74 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующаго города.

75 - По другим: вместе со всеми епископами, имена которых встречаются в первом заседании.

76 - По другим: Феодор.

77 - По другим: македонский.

78 - По другим: кумский.

79 - По другим: Зафаренны.

80 - Все второе собрание находится в подлиннике только на латинском языке. Ред.

81 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.

82 - По другим: Домн.

83 - По другим: Антиохии.

84 - Все третье собрание имеется только на латинском языке. Ред.

85 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.

86 - Слич. выше т., изд. 3, стр. 327–329. В подлиннике деяний III всел. собора имеются два текста этого символа – греческий и латинский; а здесь только один латинский и притом другого перевода. Ред.

87 - Все четвертое собрание находится в подлиннике только на латинском языке. Ред.

88 - „Надобно читать: в III день ид, ибо архидиакон Диодор несколько ниже говорит, что богохульства Феодора были прочитаны в предшествовавший день, который был IV ид, как это показано в начале предшествовавшего собрания“. Примеч. Лаббе.

89 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.

90 - Слич. выше стр. 47.

91 - Слич. выше стр. 51.

92 - Слич. выше стр. 51.

93 - Слич. выше стр. 53.

94 - Слич. выше стр. 53.

- ⁹⁵ - Это послание помещено в подлиннике на греческом и латинском языках, а все прочия на одном латинском. Ред.
- ⁹⁶ - Феодор Мопсуестский.
- ⁹⁷ - Послание к Феодору падшему.
- ⁹⁸ - Слич. выше стр. 69.
- ⁹⁹ - Слич. выше стр. 69–70.
- ¹⁰⁰ - По другим: Иринею.
- ¹⁰¹ - По другим: Диодор.
- ¹⁰² - Григор. Назианз. письм. 123 к Феодору тиан.: Твор. ч. 6, стр. 222. Москва. 1818.
- ¹⁰³ - Письм. 122 к нему же: Твор. ч. 6, стр. 221.
- ¹⁰⁴ - Письм. 73 к нему же: Твор. ч. 6, стр. 180. 183.
- ¹⁰⁵ - Письм. 220 к нему же: Твор. ч. 6, стр. 319.
- ¹⁰⁶ - Письм. 124 к нему же: Твор. ч. 6, стр. 223–224.
- ¹⁰⁷ - Письм. 139 к нему же: Твор. ч. 6, стр. 241. 242.
- ¹⁰⁸ - По другим: Пассенским, Паспасинским (слич. выше стр. 155).
- ¹⁰⁹ - По другим: Евфратою.
- ¹¹⁰ - Слич. выше стр. 81.
- ¹¹¹ - Письм, 50.
- ¹¹² - По другому чтение: „Весьма приятно мне, что между воинскими занятиями ты не оставляешь также иметь попечение и о религии“.
- ¹¹³ - Письм. 5.
- ¹¹⁴ - Кн. 7. гл. 3.
- ¹¹⁵ - Кн. 3. гл. 35.
- ¹¹⁶ - гл. 39.
- ¹¹⁷ - Письм. 50.
- ¹¹⁸ - Гомер. Илиад. 19.
- ¹¹⁹ - Слич. выше стр. 61.
- ¹²⁰ - Слич. выше стр. 63.
- ¹²¹ - Слич. выше стр. 70–71.
- ¹²² - Твор. св. Васил. вел. в рус. перев. част. 7. посл. 236: стр. 197. Москва. 1848.

- 123 - Кн. 5. гл. последн.
- 124 - Послание императора Юстиниана.
- 125 - В 550 г. по Р. Х.
- 126 - Другое послание Юстиниана.
- 127 - Юстинианополя.
- 128 - По другим: в двадцать четвертый.
- 129 - По другим: иеропольского.
- 130 - По другим: Олимпия.
- 131 - По другим: иеропольский.
- 132 - По другим: Павел.
- 133 - По другим: вернее.
- 134 - По другим: вернее.
- 135 - По другим: Павел.
- 136 - По другим: пятьдесят.
- 137 - Второй Киликии.
- 138 - Слич. Деян. вс. соб. том. 2. стр. 129.
- 139 - Слич. там же, стр. 136.
- 140 - Слич. там же, стр. 148, 149.
- 141 - Слич. там же, стр. 177.
- 142 - См. Деян. Всел. Соб. том I, стр. 830–831. Изд. 2-ое, стр. 330.
- 143 - На поле: разумет полипов и хамелеонов.
- 144 - Это послание, кажется, не принадлежит Феодориту, а скорее оно составлено еретиками, и особенно тем обличается оно в подложности, что Иоанн антиохийский умер прежде бл. Кирилла: ибо существует послание Кирилла к Домну, преемнику Иоанна, читанное на соборе халкидонском (деян. 14). Этот Домн поставлен был на место, вышесказанного Иоанна, уже по смерти его, как говорится в следующем деянии. Примеч. Лабе.
- 145 - Разуместся рассказ в диалоге Лукиана, под заглавием „Тиранн“.
- 146 - Т. е. учившие что пострадал Бог.
- 147 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.

- 148 - По другим: Домн.
149 - По другим: Феодор.
150 - Слич. том. 4, стр. 224 – 229.
151 - Слич. выше стр. 95.
152 - Слич. выше, стр. 96.
153 - Находится в 3-м отделении халкидонского собора, гл. 31; по русск. переводу том. 4, стр. 528–531. Изд. 2-е, стр. 234.
154 - Слич. том. 4, стр. 229. Изд. 2-е, стр. 102.
155 - Слич. том. 4, стр. 244. Изд. 2-е стр. 108.
156 - Слич. том. 4, стр. 243–244. Изд. 2-е, стр. 108.
157 - Слич. том. 4, стр. 245. Изд. 2-е, стр. 109.
158 - Слич. том. 1. стр. 507–508. Изд. 2-е, стр. 203. Изд. 3, стр. 144.
159 - Слич. том 1. стр 328–334. Изд. 2-е, стр. 134–136 и том. 3, Стр. 112–117. Изд. 2-е, стр. 51–52.
160 - Слич. том. 1. стр. 508–510. Изд. 2-е, стр. 203–204 и том. 3, стр. 117–118. Изд. 2-е, стр. 53–54.
161 - Слич. том. 1. стр. 543–544. Изд. 2-е, стр. 217.
162 - Слич. том. 1. стр. 335–343. Изд. 2-е, стр. 136–139.
163 - Слич. том. 1, стр. 544–545. Изд. 2-е, стр. 217–218.
164 - Слич. том. 1. стр. 554–555. Изд. 2-е, стр. 221.
165 - Слич. том. 1. стр. 379–393. Изд. 2-е, стр. 153–159. Изд. 3, стр. 166–172.
166 - Слич. том. 1. стр. 555. Изд. 2-е, стр. 221.
167 - Т. е. в Константинополе.
168 - У Нестория в его догматических беседах.
169 - Слич. том. 1, стр. 437–455. Изд. 2-е, стр. 175–178. Изд. 3-е, стр. 197–9.
170 - Слич. том. 3, стр. 509– 510. Изд. 2-е, стр. 228–229. Изд. 3-е, стр. 214–215.
171 - Т е. из символа.
172 - Слич. том. 3. стр. 516–531. Изд. 2-е, стр. 231–242. Изд. 3-е, стр. 217–223.
173 - Слич. том. 3. стр. 544–545. Изд. 2-е, стр. 243–244.

- 174 - Слич. том. 4. стр. 7–8. Изд. 2-е, стр. 6.
- 175 - Слич. том. 4. стр. 10–12. Изд. 2-е, стр. 7–8.
- 176 - Слич. том. 4. стр. 47. Изд. 2-е, стр. 24.
- 177 - Слич. том. 4. стр. 103–110. Изд. 2-е, стр. 49–52.
- 178 - Слич. выше, стр. 135.
- 179 - Слич. выше, стр. 135.
- 180 - Слич. там же.
- 181 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.
- 182 - По другим: Домн.
- 183 - По другим: Феодор.
- 184 - Разумеют базилику, названную по имени августы Галлы Плакидии. Прим. Лаббе.
- 185 - У Вальсамона 32-е правило еобора карфагенского и в собрании правил Дионисия малого 29-е; впрочем, у них содержание правила составляет первая часть, т. е. „если кто, будучи отлучен“ и пр. А у Грациана (11 q. 3 с.) вторая часть: „угодно было всему собору“ и пр. считается 9 правилом собора африканского. Прим. Лаббе.
- 186 - Антиох. собора прав. 5, читанное на халкидонском соборе.
- 187 - См. том 4, стр. 67. Изд. 2-е, стр. 33. Изд. 3, стр. 30.
- 188 - По другим: в 24 год.
- 189 - По другим: в девятый.
- 190 - В 520 г. по Р. Х.
- 191 - По другим: в судебной палате почтенной епископии сего царствующего города.
- 192 - По другим: Домн.
- 193 - По другим: Феодор.
- 194 - См. выше, стр. 95.
- 195 - Слич. том. 2, стр. 452, изд. 2, стр. 190.
- 196 - Слич. том. 2, изд. 2, стр. 178–179.
- 197 - Деяния, напечатанные здесь в переводе на стран. 79–211, имеются в подлиннике на одном только латинском языке.

Ред.

198 - По другим: Домн.

199 - По другим: Антиохии. Начиная с 1-го анафематства и до сего места (стр. 211–216), подлинник имеется на греческом и латинском языках; а отселе до конца подписей на одном латинском. Ред.

200 - По другим: Рафии.

201 - По другим: Созусы.

202 - По другим: Гераклеи пелагонийской.

203 - По другим: Тавии.

204 - По другим: илиенский.

205 - По другим: Кукузы.

206 - По другим: бизской.

207 - По другим: в Сирии.

208 - По другим: в Сирии.

209 - По другим: сардикийской.

210 - По другим: Амиды.

211 - По другим: Сиды.

212 - По другим: близ горы Гемуса во Фракии.

213 - По другим: Родопии.

214 - По другим: Феодориады.

215 - По другим: Авксиан.

216 - По другим: во Фригии.

217 - По другим: африканской.

218 - По другим: первой.

219 - По другим: Кипселона.

220 - По другим: Юстинианополя – некогда Камулианы.

221 - По другим: Юстинополя

222 - По другим: Кинона.

223 - По другим: египетского.

224 - По другим: Филомелия.

225 - По другим: Ерифрона.

226 - По другим: Кины.

- 227 - По другим: Киссона.
228 - По другим: Корики.
229 - По другим: Африканской.
230 - По другим: Малла.
231 - По другим: давзанский.
232 - По другим: Антиноя фиваидского.
233 - По другим: Дометиополя.
234 - По другим: Колонии.
235 - По другим: Синайя.
236 - По другим: Траллия.
237 - По другим: Керасунта.
238 - По другим: Данава.
239 - По другим: Гаргарона, или Кардеона.
240 - По другим: Мегал.
241 - По другим: во Фригии здоровой.
242 - По другим: Пигелона.
243 - По другим: Севастии армянской.
244 - По другим: Семнеона.
245 - По другим: Куранат.
246 - По другим: Баттона.
247 - По другим: Адрасса.
248 - По другим: Карпатских.
249 - По другим: бизиенской.
250 - Слич. выше, анаф. 7, стр. 213. Греческий текст в обоих местах один и тот же, а латинский имеет разницы. Ред.
251 - Слич. выше, стр. 22–23: Латинский текст в обоих местах один и тот же, а греческий имеет неважные разницы словах в трех или четырех. Ред.
252 - Слич. выше, стр. 210. Латинский текст в обоих местах один и тот же, а греческий имеется только здесь. Ред.
253 - Слич. выше, стр. 211. Там латинский подлинник имеет разницы против приведенного здесь отрывка на греческом и латинском языках. Ред.

²⁵⁴ - Слич. выше, анаф. 13, стр. 216. Разницы есть и в греческих и в латинских текстах. Ред.

²⁵⁵ - Слич. выше. анаф. 12, стр. 216. Оба текста здесь сокращены. Ред.

²⁵⁶ - Слич. выше, стр. 101. Латинский текст в обоих местах один и тот же, а греческий имеется только здесь, равно как и дальнейшие слова сего послания на обоих языках, находятся только здесь же. Ред.

²⁵⁷ - Илиад. песн. 19, ст. 302.

²⁵⁸ - Слич. выше, стр. 103. Латинский текст в обоих местах сходен; но здесь оба текста имеют два дополнения. Ред.

²⁵⁹ - В 553 году по Р. Х.

²⁶⁰ - Эта приписка сделана на одном греческом языке; а самое послание п. Вигилия – на обоих языках. Ред.

²⁶¹ - Об этом послании упоминает Григорий в кн. II Посл. 36 к епископам Ирландии, называя его книгой. Что оно приписано папе Пелагию этим Григорием, когда он был диаконом, свидетельствует Павел Варнефрид, в кн. 3 De gestis Longobardorum, гл. 10, ин. 20. Прим. Лаббе. – В подлиннике оно имеется на одном латинском языке. Ред.

²⁶² - Послан. 78 к императ. Льву.

²⁶³ - Послание 59.

²⁶⁴ - Послание 60.

²⁶⁵ - Послание 58.

²⁶⁶ - Послан. 10 и 5. Слич. выше, стр. 96.

²⁶⁷ - См. выше, собран. 6.

²⁶⁸ - В подлиннике на поле отмечено: „поврежденное место».

²⁶⁹ - Слич. выше, стр. 36.

²⁷⁰ - Слич. выше, стр. 38.

²⁷¹ - Слич. выше, стр. 39–40.

²⁷² - Слич. выше, стр. 37.

²⁷³ - Слич. выше, стр. 46.

²⁷⁴ - Слич. выше, стр. 47.

- ²⁷⁵ - Слич. выше, стр. 47–48.
- ²⁷⁶ - Слич. выше, стр. 48.
- ²⁷⁷ - Слич. выше, стр. 48–49.
- ²⁷⁸ - Слич. выше, стр. 75.
- ²⁷⁹ - Слич. выше, стр. 77–78.
- ²⁸⁰ - Слич. выше, стр. 78.
- ²⁸¹ - Слич. выше, стр. 79.
- ²⁸² - Слич. выше стр. 81–82.
- ²⁸³ - Слич. выше, стр. 82–83.
- ²⁸⁴ - Слич. выше, стр. 83–84.
- ²⁸⁵ - Слич. выше, стр. 87.
- ²⁸⁶ - Слич. выше, стр. 134–135.
- ²⁸⁷ - Слич. Деян. всел. соб. том. 4, стр. 467. Изд. 2-е, стр. 74. Изд. 3-е, стр. 69.
- ²⁸⁸ - Слич. том. 4, стр. 170. Изд. 2-е. стр. 75. Изд. 3-е, стр. 70.
- ²⁸⁹ - Mansi, 9, 449 с. Слич. том 4. стр. 450, 451. Изд. 2-е, стр. 200. Изд. 3, стр. 188.
- ²⁹⁰ - Слич. том 4, стр. 620, 621. Изд. 2-е, стр. 277. Изд. 3-е, стр. 257.
- ²⁹¹ - Слич. выше, стр. 131.
- ²⁹² - Слич. Деян. вс. соб. том. 2, стр. 129 Изд. 2-е, стр. 75.
- ²⁹³ - Кн. 7. посл. 24. – Этот отрывок из сочинений папы Григория I великого (590–604 гг.), равно как и следующее далее послание его, имеются в подлиннике на одном латинском языке. Ред.
- ²⁹⁴ - Кн. 2, посл. 36.
- ²⁹⁵ - Так же и в другом месте бл. Григорий упоминает о пятом соборе и о трех главах, как напр. кн. 3, посл. 2, 3, 4, 37, кн. 5, посл. 64, и кн. 7, посл. 53. Прим. Лаббе.
- ²⁹⁶ - Об этом послании (так называет его сам Юстиниан в конце) упоминает Либерат (гл. 23), который свидетельствует, что оно составлено по настоянию Пелагия, диакона римской церкви и апокрисиария, а потом одобрено папою Вигилием Прим.

Лаббе – В подлиннике оно имеется на греческом и латинском языках См. Mansi, 9, 488 sq. Migne, 86, 1, 945 sq. Ред.

²⁹⁷ - ταῖς ἐπιμελείαις.

²⁹⁸ - Св. Иоанна Златоуста Бесед. на кн. Бытия, по русск. перев. Спб 1851. часть 1, стр. 202–203 Твор. IV, 1 (СПБ. 1898), стр. 103.

²⁹⁹ - Слово 44, по русск. перев. Москва. 1844. часть 4, стр. 144. Изд. 3-е (М. 1889) ч. 4, стр. 116.

³⁰⁰ - Св. Иоан. Злат. Бесед. на кн. XIII-я Бытия, по русск. пер. Спб. 1851. часть 1, стр. 205–206. Твор. IV, I, стр. 104–105.

³⁰¹ - Слов. 45, по русск. перев. М. 1844. часть 4, стр. 158. Изд. 3-е (М. 1889), ч. IV, 128

³⁰² - Жит. пр. Антония, гл. 74 по русск. пер. М. 1853. ч. 3, стр. 268. Твор. ч. 3 (Тр. Срг. л. 1903), стр. 236.

³⁰³ - На ариан слово 2-е, гл. 19 по русск. пер. М. 1852. ч. 2, стр. 285. Твор., ч. 2 (Тр. – С. л. 1902), стр. 287.

³⁰⁴ - Посл. к Епиктету по русск. пер. М, 1852, ч. 3, стр. 338. Твор. ч. 3, стр. 298.

³⁰⁵ - Беседа 16, по русс. перев. М. 1846. ч. 4, стр. 269, изд. 4 (Св. Тр. Серг. М. 1911), стр. 230–231.

³⁰⁶ - Творения св. Григория нисск. по рус. пер. Москва. 1861, ч. 1, стр. 192–196.

³⁰⁷ - Иероним, в письме 16, приписывает сие мнение Оригену.

³⁰⁸ - Твор. Василия Великого по русск. переводу, Москва. 1845 г. часть 1, стр. 57 и 58. Изд. 4 (Серг. Л. 1900), стр. 52–53.

³⁰⁹ - Твор. Григория Богослова по русск. перев. Москва. 1843 г. ч. 1, стр. 33. Изд. 3 (М. 1889), стр. 26.

³¹⁰ - Твор. Григ. Бог. сл. 15, по русск. перев. Москва. 1843 г. ч. 2, стр. 55 – 56. изд. 3 (М. 1889), стр. 46–47.

³¹¹ - Твор. Василия вел. Пр. кр. Вопр. 267 по русск. перев. Москва. 1846 г. ч. 4, стр. 241. изд. 4 (Св.-Тр. Серг. М. 1901) стр. 290–291.

³¹² - Там же, Москва. 1847 г. ч. 5, стр. 245–246. Изд. 4, ч. IV, стр. 207.

313 - Творения Оригена, уч. александрийского в русском переводе. Изд. Каз. Д. Акад. Вып. I. О началах (Каз. 1899), стр. 46.

314 - Там же, стр. 150–151.

315 - Там же, стр. 270.

316 - Там же, стр. 380.

317 - Там же, стр. 40.

318 - Там же, стр. 131.

319 - Там же, стр. 35.

320 - Там же, стр. 67.

321 - Там же, стр. 71.

322 - Кн. 2, гл. I. там же, стр. 88.

323 - Там же стр. 86.

324 - Там же, стр. 101.

325 - Там же, стр. 293.

326 - Там же, стр. 147.

327 - Там же, стр. 144.

328 - Там же, стр. 382.

329 - Там же, стр. 78.

330 - Там же, стр. 79–80.

331 - Там же, стр. 366.

332 - Там же стр. 341.

333 - Из Георгия Кедрина, под 25 годом императора Юстиниана.

334 - σύνθετον.

335 - μὴ ἐκστάς τοῦ εἶναι.

336 - Твор. Григория Богослова по русск. пер. Моск. 1844. част. 4, стр. 197–198. Изд. 3 (М. 1889), стр. 160.

337 - Творен. Василия вел. по русск. перев. част. 3, Москва 1846. стр. 174. Изд. 4 (Св.-Тр. Серг. Л. 1900), стр. 146.

338 - Творен. Григория Богосл. по русск. перев. част. 3, Москва 1844. стр. 86. Изд. 3 (М. 1889), стр. 70.

339 - Слич. выше, стр. 211–216.

340 - См. выше, стр. 67.

³⁴¹ - См. выше, стр. 70.

³⁴² - Слич. выше, стр. 16 сл.

³⁴³ - Три последних сочинения Юстиниана (грамота, исповедание и послание) имеются в подлиннике на греческом и латинском языках. Ред.

¹ - *Текст распознан и отредактирован редакцией интернет-портала «Азбука веры».